СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Невские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2020

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2020 — 4(61)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА
Все дороги ведут в Россию
(К 200-летию со дня рождения А. А. Фета и 150-летию со дня рождения И. А Бунина) 3
К ЮБИЛЕЯМ А. А. ФЕТА И И. А. БУНИНА: У ИСТОКОВ И В ЗАВЕРШЕНИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ
Ольга и Наталья Артемовы. По земле «Вечерних огней» 26
Алла Новикова-Строганова. Христианский мир И. А. Бунина
(Очерк жизни и творчества — к 150-летию писателя) 34
Дмитрий Минаев. Бунин и Пушкин (К 150-летию со дня рождения И. А. Бунина) 51
К 15-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
Яков Шафран. Пятнадцать лет литературным зорям на Оке (слово ответственного секретаря) 57
Ответственность таланта: Актуальное интервью с Владимиром Вольфовичем Жириновским
(беседу ведет Людмила Авдеева) 66
Людмила Воробьева. К юбилею журнала «Приокские зори» — взгляд из Белоруссии 70
Нас поздравляют 72
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Валерий Богушев. Сентиментальное путешествие 77
Сергей Антонов. Мама мыла раму 83
Сергей Криворотов. Беляши. Сельский триллер 90
Яков Шафран. Чудо, которого не было 96
Михаил Смирнов. Черемуховые рассветы 103
Ефим Гаммер. «Орбита» Косыгина 107
Валентин Огнев. Из истории поселка «Зависть» 119
Вячеслав Лямкин. Авдонька 122
Николай Макаров. О медицине... и не только 134
Александр Петренко. «Хозяйка Звонки» 140
Алексей Яшин. Из цикла новелл «Болдинское межсезонье» 146
Галина Солонова. Когда цветет ольха 169
Петр Любестовский. Горький мед отцветающий липы 177
Галина Мамыко. Ослепительная любовь 183
Владимир Герасимов. Все светлой памяти достойны... 187
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Елизавета Баранова (Весина). Одна из тайн 193
Людмила Межиньш. За семью закатами 197
Валерий Савостьянов. Волшебная просьба 199
Любовь Юркова. Холмов золоченая медь 207

Петр Межиньш. «Куда летишь, мой огонек»..... 210
Владимир Сапожников. Двум мастерам-затейникам от эстрады..... 213
Татьяна Житкова. «Не спрашивай меня»..... 216
Олег Пантюхин. «В середине августа зеленого»..... 219
Виктор Евдокимов. «Спустилась ночь и ветер гонит тучи»..... 220
Анатолий Арестов. Сергею Есенину..... 224
Елена Воробьева. Старая тетрадь..... 226
Александр Лебедев. Стихи о Москве..... 229
Аркадий Польшин. Купец (поэма)..... 233
Андрей Линник. Надежда малая..... 238
Алена Марковская. Планета..... 240
Ирина Апарченко. Осенне-зимняя тематика..... 242
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Мария Серова. Любовь, поклонение природе, внимание без конца..... 244
Елена Оленич. Об авторстве двух скульптур из западноевропейской коллекции
Тульского музея изобразительных искусств..... 251
Лидия Довыденко. О поэме Владимира Подлузского «Стародубская пророчица»..... 254
Виктор Милешко. Отзыв на повесть Людмилы Поповой «Ленин возвращается»..... 258
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ..... 260

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:
Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «Русскоязычная Америка NY"
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBqr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РОССИЮ...
К 200-летию со дня рождения А. А. Фета
и 150-летию со дня рождения И. А. Бунина

Безусловным «украшением» года нынешнего являются две яркие и уже довольно «массивные» юбилейные даты, в общем-то совсем недалеко друг от друга в календаре отстоящие и посвященные выдающимся мастерам русского слова: тончайшему лирику Афанасию Афанасьевичу Фету (Шеншину) и великолепному поэту и изысканному прозаику, первому русскому лауреату Нобелевской премии по литературе*, Ивану Алексеевичу Бунину. Поставь рядом их портреты и, казалось бы, не найти в мире двух, более непохожих, людей. Однако же внешнее различие с избытком компенсируется, в данном случае, творческим «союзничеством», если угодно, ибо на ниве изящной словесности Иван Бунин вполне естественно является прямым продолжателем поэтических традиций русской классической поэзии XIX века и его «учителями» безусловно являются Фет, Майков, Полонский, Алексей Жемчужников, а критики и коллеги в свое время не раз отмечали присутствие в ранних стихах Бунина «школы Фета». Школа школой, но ведь ее влияние никогда не может быть чисто механическим, формальным, оно всегда чем-то обусловлено и оттого логично и органично.

И Афанасий Фет (Шеншин) и Иван Бунин — дети благословенной средней России, мало того, детство и отрочество обоих прошло на Орловщине, таким чудесным образом ставшей родной землей для целой плеяды прекрасных русских писателей. Именно малая родина исподволь, ненавязчиво, но в итоге фундаментально повлияла на формирование личностей будущих литераторов, именно и прежде прочего она дала им возможность почувствовать себя русскими людьми и навсегда остаться таковыми, узнать и полюбить искренне родную природу, научившись видеть прекрасное в казалось бы самом простом и обыденном, и до последнего часа остаться верными родной земле и родной речи, русскому слову. В итоге Афанасий Фет создал неповторимый свой стиль совершенно нестандартных лирических форм, став признанным мастером оригинальной метафоры, служившей зачастую средством для философских выводов автора, а выдающийся, с неповторимым почерком, прозаик, нобелеат Иван Бунин сохранил и развил классический стиль русской поэзии, придав поэтике невероятную точность и весьма изысканный лаконизм. Не зря писал в свое время Максимилиан Волошин, что Бунин находится «в стороне от общего движения в области русского стиха», вместе с тем признавая, что «с точки зрения живописи поэтические картины Бунина достигли «конечных точек совершенства». «...Я все-таки... прежде всего поэт. Поэт! А уж потом только прозаик» — так говорил о себе Иван Бунин.

Щедро одарив обоих поэтов творчески, Господь наградил их и позитивным отношением к жизни, и у Фета и у Бунина в чисто человеческом плане изначально при-

* ...И второму российскому, первым из которых стал Генрих Сенкевич за роман «Камо грядеши?» (Quo vadis? — в оригинале); Сенкевич, как житель Царства Польского, являлся подданным Российской империи.— Прим. ред.

сутствовал очевидно «жизненный стержень», врожденная стойкость характера. Не зря же говорили о молодом Бунине, что в нем было много «силы жизни, жажды жизни», но ведь сие вполне справедливо и в отношении молодого Фета, иначе последний едва ли справился бы с отлучением от фамилии, дворянства, наследства, существенно осложнившими его существование и причинившими столько душевных страданий. Да ведь и трагическую, нелепую и ужасную, гибель своей возлюбленной, Марии Лазич, надо было как-то пережить, несмотря на то, что перспектива их дальнейших отношений, в связи с неопределенным материальным положением обер-офицера кирасирского полка, выглядела весьма сомнительно.

Но если драматические моменты в жизни А. А. Фета были обстоятельствами его личной жизни, то истинной трагедией для И. А. Бунина, как и для миллионов сограждан, стало крушение Российской империи и потеря Родины в результате вынужденной эмиграции. Мы, как бы не старались, не сможем никогда уже оценить действительный масштаб произошедшей катастрофы и жуть семнадцатого года, когда февральский и октябрьский перевороты, и последовавшая за ними кровопролитная и ожесточенная до крайности гражданская война, те самые «окаянные дни», привели к уничтожению государства Российского, когда трагедия державы и личные человеческие трагедии слились воедино, чтобы продлиться на долгие десятилетия. И жизнь, и творчество И. А. Бунина, покинувшего родную землю, оказались навсегда разделены этой черной чертой на «до» и «после». И в этом смысле его старший собрат по перу оказался несравненно более счастлив.

На поприще же поэтическом и Фет, и Бунин до известной степени стояли особняком от своих собратьев по перу. В свое время ругать стихи Фета и писать на них пародии было признаком хорошего тона, особенно в среде так называемых революционных демократов, не упускавших возможности к тому же «заклеймить» помещика-крепостника и верноподданного монархиста. Впрочем, и друзей поэта, того же Тургенева, эти качества Фета тоже порядком раздражали. Что касается более поздних оценок, то советское литературоведение безапелляционно причислила поэта к представителям «чистого искусства», объявив вдобавок последователем французских «парнасцев» и предтечей декадентов. А о том, как последние оценивали поэзию Бунина, я уже упоминал. Но ведь и сам Иван Алексеевич открыто не жаловал тех же символистов, довольно снисходительно отзываясь об их творчестве. В соответствующих официальных кругах СССР Бунина безусловно считали «белогвардейцем», но все-таки признали его литературный талант и достижения.

Так или иначе А. А. Фет и И. А. Бунин в хорошем смысле «одного поля ягоды», их поэтическое творчество уникально, органично сочетаемо, и являет собой наглядную связь и преемственность поколений в русской литературе, а также дает возможность говорить о неразрывности ее творческих традиций, их сохранении и дальнейшем развитии.

«...И много мне чувства и песен, и слез, и мечтаний дано»

«К сему иностранец Афанасий Фет руку приложил» (1). Такую подпись почти сорок лет должен был ставить под документами Афанасий Шеншин, впоследствии, скорее всего в связи с ошибкой наборщика «Отечественных записок», где поэт стал публиковать свои стихотворения и где, в 1842 г., впервые появилась полностью его фамилия, вообще ставший Фетом. Однако же поэт принял эту «поправку» и отныне фамилия немецкого мещанина как бы превратилась в псевдоним русского поэта. Все эти метаморфозы и породили некую «загадку» рождения Афанасия Афанасьевича, на мой взгляд, однозначно разрешающуюся в письмах его матери, Шарлотты Фет, урожденной Брекнер, к своему брату, где прямо указывается на то, что Афанасий все-таки был сыном асессора Фета, а русский помещик Афанасий Неофитович Шеншин

был его приемным отцом. Афанасий Неофитович приехал в Гессен-Дармшадт поправлять здоровье, в начале 1820 г. и остановился как раз в доме супругов Фетов. Очевидно Шарлотта всерьез тяготилась узами брака, несмотря на то, что уже родила первого ребенка — дочь Каролину и была беременна во второй раз. В результате вспыхнувшего между хозяйкой и гостем романа, Афанасий Неофитович увез Шарлотту от мужа в Россию, где вскоре в поместье Новоселки Орловской губернии она и родила мальчика, который был крещен именем отца и определен в православие, будучи записан, возможно, за взятку, сыном неженатого помещика Шеншина. Официальный брак между родителями был оформлен только в 1822 г.

Тем не менее почти через полтора десятка лет, очевидно по чьему-то доносу, губернские духовные власти обнаружили несоответствие в оформлении документов и родители были вынуждены срочнейшим образом хлопотать перед дармштадскими родственниками Елизаветы Петровны (так в крещении стала именоваться Шарлотта) о признании юного Афанасия сыном асессора Фета, к тому времени уже умершего, иначе юноша оказался бы незаконнорожденным. Так русский столбовой дворянин стал иностранным мещанином. В своих прекрасно написанных воспоминаниях «Ранние годы моей жизни» поэт говорит об этом очень сдержанно, дескать, в одном из писем отца, полученных им уже во время учебы в пансионате города Верро (ныне эстонский г. Виру близ Тарту), отец без обиняков и пояснений поставил сына перед фактом — ты теперь не Шеншин, а Фет, так необходимо и все. Думаю, что на самом деле для юного Афанасия с этим письмом мир если не рухнул, то основательно пошатнулся. Современному человеку, возможно, очень трудно понять всю драматичность произошедшего, но в сословном обществе, где принадлежность к своему кругу была изначальным условием положения человека и в обществе и в жизни, подобные перипетии даром едва ли проходили. Итак, будущий поэт потерял дворянство, потерял права наследования, а значит и материальное подспорье будущего существования. Отныне, по большому счету, юному Афанасию Фету приходилось надеяться только на себя.

Наверное, очень трепетное, если угодно, отношение А. А. Фета к сословности и придворным званиям, вызывающее порой язвительное отношение как откровенных недоброжелателей, так и близких друзей и коллег, во многом явилось следствием произошедшего с ним в отрочестве. Тем не менее нельзя сказать, что молодые годы его были наполнены лишениями и существенными тяготами и препонами. Читая воспоминания Фета, невольно проникаешься откровенной симпатией к нему, нравится он прежде всего по-человечески. Ну, в самом деле, вполне успешный, хоть по его же признанию не всегда усердный, студент Московского университета, выпустивший в двадцать лет первый сборник стихотворений, очень добросовестный, в дальнейшем дельный и честный офицер, а после отставки отличный хозяин, преуспевающий помещик и, вместе с тем, тонкий и весьма ранимый лирик, душой ощущавший не просто красоту природы, но сумевший посредством этой красоты, и вызванных ею ассоциаций, создать произведения философской лирики высочайшего уровня. А его «верноподданность», служившая объектом насмешек современников, и отсутствие в лирике гражданских мотивов, причисляемое советским литературоведением к существенным недостаткам творчества, на мой взгляд, настолько естественны для человека его времени и воспитания, что не могут быть предметом глубоких и принципиальных споров. Что можно найти плохого в том, что сначала вернув себе дворянство и фамилию, человек, хоть и на склоне лет, получает достаточно высокий придворный титул камергера, дающий право бывать при дворе, и откровенно этому радуется. Ну, а А. С. Пушкин, пожалованный в камер-юнкеры двора, разве не был этим несказанно доволен? Но в отношении А. А. Фета язвительный Владимир Соловьев, с отцом которого, впоследствии знаменитым историком, Афанасий Афанасьевич познакомился еще в студенчестве, не удержался от довольно обидной и злой эпиграммы:

Жил-был поэт,
Нам всем знаком.
Под старость лет
Стал дураком.

Это был, увы, не первый выпад в сторону поэта. Его не раз, по тому же поводу, критиковали друзья, тот же Я. П. Полонский или И. С. Тургенев, упрекавший Афанасия Афанасьевича, что таким образом «...соскользнешь в Каткова... В Булгарина упадешь!» (1). Очевидно дворянское, а тем паче разночинное, фрондирование почиталось в те годы правилом хорошего тона. В связи с этим, для меня все-таки остается загадкой, отчего уже будучи владельцем имения Воробьевка в Курской губернии, помещик Фет завел ослика, которого запрягал в дрожки, для объезда земель и угодий, и назвал этого ослика Некрасов. Советская литературная критика «любила» ссорить поэтов, разводя их «чуть ли не по разные стороны вымышленных баррикад, делая их иногда классовыми врагами». А ведь именно Николаю Алексеевичу принадлежит утверждение «что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу ее ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет. Из этого не следует, чтобы мы равняли Фета с Пушкиным, но мы положительно утверждаем, что г. Фет, в доступной ему области поэзии, такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области». Так написал Некрасов в «Современнике», в 1856 г., о сборнике стихов Фета (1).

Все-таки, для большинства, первостепенное значение имела не надуманная «реакционность» Фета, а его лирический талант. А то, что поэт, офицер и помещик, и продолжительное время мировой судья, начало своим публикациям имел в одиозном для «прогрессивной общественности» журнале «Московитянин», издававшемся М. П. Погодиным, не может быть ни положительной, ни отрицательной характеристикой, просто Афанасий Афанасьевич, распрощавшись с пансионатом в г. Верро, перед поступлением в университет, находился в частном пансионате известного историка и панслависта, весьма близкого к славянофилам, имя коего служило для революционных демократов символом чуть ли не мракобесия. Кстати, диапазон знакомств и дружеских отношений А. А. Фета в, так сказать, профессиональном кругу был широк и разнообразен. Очень теплая и доверительная дружба с Ф. И. Тютчевым, бывшего для младшего годами Фета предметом откровенного восхищения, весьма откровенное общение с Л. Н. Толстым и Н. А. Некрасовым, и уже упоминавшаяся дружба с Я. П. Полонским и И. С. Тургеневым, не говоря уже об Аполлоне Григорьеве, в чьем доме прошли все студенческие годы Афанасия Афанасьевича. Думается, что его смолоду отличала коммуникабельность и до известной степени терпеливое, если угодно, отношение к людям, хоть некоторым и казался он порой жестким, довольно замкнутым и весьма нетерпимым, с годами в особенности. Но такие впечатления очень часто бывают весьма поверхностными и обманчивыми.

«Он теперь сделался агроном-хозяином до отчаянности — отпустил бороду до чресл — с какими-то волосяными вихрами за и под ушами,— о литературе и слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом»,— сообщал Тургенев в письме Полонскому в 1861 г. (1) Несмотря на дружескую иронию по одной этой тираде можно понять, что поэтическое дарование Фета общепризнано, а его стихи по достоинству оценены как читателями, так и в профессиональной среде. Первая книга поэта «Лирический пантеон», вышедшая еще в 1840 г. под редакцией А. А. Григорьева, хоть и была во многом «подражательной», изобилуя весьма распространенными в то время литературными «среднеромантическим» штампами, все-таки помогла молодому человеку заявить о себе, тем более, что «поэтическое развитие Фета шло стремительно». Нет, не зря Н. В. Гоголь по достоинству оценил ранние стихи его, выразившись

сдержанно, но вполне определенно, сказав М. П. Погодину о «несомненном даровании» автора (1). В последующие выходу первого сборника годы поэт создал уже совершенно самостоятельные произведения, обретая свой стиль и почерк, «позволившие уже с полным правом подписывать их полным свои именем — Афанасий Фет» (1). Хрестоматийными стали, например, строки: «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало...». Однако же мало кто, наверное, помнит финал этого стихотворения.

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь,— но песня только зреет.

По сути уже в этих строках, написанных в 1843 г., довольно конкретно определена, несмотря на откровенное признание автора о продолжающемся поиске себя в поэзии, творческая концепция Фета, формула которой «природа — любовь — красота» (1). Лев Озеров дал прекрасное определение его лирике — «психологическая», «основанная на правде чувств». И для поэта «путеводной звездой... станет точность наблюдений, реалистичность воспроизведения духовного мира человека, живущего среди природы и изменяющегося вместе с ней» (1). Вместе с тем несомненным успехом пользовались антологические стихи Фета, где он отдавал предпочтение не «реставрации древности, а утверждению некоего эстетического идеала». Например, его стихотворение «Диана» (1847 г.) восторженно приняли Тургенев, Некрасов, Боткин, Дружинин, Достоевский. «Об этом стихотворении говорилось, что оно «сделало бы честь перу самого Гете». Антологические стихи стали для Фета ступенью в совершенствовании поэтического мастерства и изобразительной манеры, в которой он стремился «передать движение, процесс, переходы состояний, трепет жизни, вибрацию чувств» (1). «Весь бархат мой с живым его миганьем», о чем это? О бабочке, всего лишь, а насколько волшебно! «Так плещет на багряном маке крылом лазурным мотылек», что имеется в виду? Оказывается огонь в камине. А «от весел к берегу кудрявый след бежал»?! А «светло — а холодно» — милейшее и очень точное противопоставление света и тепла, точнее отсутствия оного. Это уже совершенно самобытные лирические находки высочайшего уровня. И не стоит, право, огульно называть Фета последователем французских «парнасцев», «уставших» от гражданской лирики Байрона и Гюго, и обратившихся в красоте ради красоты и к искусству для искусства. Афанасия Афанасьевича всегда интересовало взаиморазвитие природы и человека, их, если угодно, единство и борьба. И вполне логично, что с годами лирика поэта обрела и философский характер. «Это... лирика, открыто и смело примыкающая к тому, что делал в русской поэзии Тютчев» (1).

Осмелюсь заявить, что дружба Тютчева и Фета уникальна, но вполне естественна и объяснима. Кстати, оба поэта родились в один день, 5 декабря, но с разницей в 17 лет. Фет был очарован поэзией Тютчева и в 1862 г. послал ему письмо с просьбой прислать портрет.

Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и с поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

Давно мечты твоей полет
Меня увлек волшебной силой,
Давно в груди моей живет
Твое чело, твой облик милый.

Тютчев конечно же откликнулся на просьбу младшему собрата по перу и ответил также стихами.

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

А в следующем послании Федор Иванович словно «устанавливает кровное родство двух русских лириков».

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой —
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...
Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

«Такой характеристики Тютчева удостоился один Фет» (1). Но ведь эти строки можно с полным правом отнести и к творчеству Тютчева. Впоследствии поэтов и сближали, и противопоставляли, но сочетание двух этих имен стало привычным, и абсолютно не зря. И абсолютно справедливы слова Александра Блока: «Все торжество гения, не вмещенное Тютчевым, вместил Фет». Не претендуя на тютчевскую масштабность, Фет прикасался к вечным темам, относящимся к человеческому бытию, к постоянному и разнообразному общению и разговору человека с природой. Конечно, творческие воплощения у поэтов различны. Тютчев создает цельное полотно, а Фет «великое множество этюдов», продолжая исследовать тему во множестве вариантов. Но «вслед за Тютчевым, вместе с ним, Фет усовершенствовал и бесконечно разнообразил тончайшее искусство лирической композиции, построения миниатюр. За кажущейся повторяемостью их — разнообразие и многообразие, непрекращающийся лирический контрапункт, вариационность, запечатлевающая сложность духовной жизни человека» (1).

Фет, в итоге, воспринял, тонко и сознательно, тютчевское стихотворное построение и освоил его, нисколько не подражая, но наследуя Тютчеву, что определялось общностью русской философской лирики и родством творческих манер (1). Например, в стихотворении «Первый ландыш» очень показателен ассоциативный тематический переход к третьей, завершающей строфе:

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой.
И робкий взор благоухает
Избытком жизни молодой.

В, казалось бы, простых этих строках на самом деле сокрыта целая вселенная, состоящая из надежд, ожиданий, неясных еще возможностей и огромного количества предстоящих жизненных коллизий. И разве о ландыше написано стихотворение? И где же здесь пресловутый «отрыв от реальности», где «искусство для искусства»? В якобы незамысловатости и легкости сокрыта тончайшая пластика фетовского лиризма, что сразу по достоинству и оценил Тютчев. Что касается Фета, то он посвятил поэзии Федора Ивановича очень «проникновенную статью», а также четыре послания в стихах, причем одно было написано уже после ухода Тютчева из жизни. А еще Фет перевел его французское стихотворение, выполнив сей труд совершенно «в духе тютчевской поэзии», сердцем ощутив сущность творчества автора (1).

Второй сборник стихотворений Афанасия Афанасьевича вышел в Москве в 1850 г. и стал, в определенном смысле, если не манифестом, то весьма весомым заявлением о поэтической самостоятельности и своеобычности. В это время Фет был офицером кирасирского Военного ордена полка и служил на юге империи, в Новороссии, однако и там не оказался в творческом вакууме, найдя, в частности, горячее почитание и дружбу местного помещика, поэта-любителя, А. Ф. Бржесского и его супруги.

Александра Львовна Бржесская оставалась близким Фету человеком до конца его жизни, и ей посвящены несколько стихотворений поэта. Военная же служба давала молодому офицеру надежду получить в итоге потомственное дворянство, но право на оное с июня 1845 г. давал чин майора, тогда как Афанасий Афанасьевич был произведен в корнеты более чем через год после выхода высочайшего манифеста. Для выпуска второго сборника Фет дважды приезжал в первопрестольную, так как его друг Аполлон Григорьев, коему были поручены «хлопоты» с типографией, в силу личных своих качеств едва не провалил все дело. Впрочем, Афанасий Афанасьевич все простил старому товарищу и никогда не пенял ему на сей счет.

Именно Аполлон Григорьев, сам впоследствии прекрасный поэт и критик, отметил у молодого Фета «хаотическое брожение души», что и обусловило с самого начала характер всей его лирики, с многообразием не просто красок, но даже малейших эмоциональных оттенков. Обостренная восприимчивость художника, его глубокая впечатлительность, беспокойное сознание, стремившееся, тем не менее, к сосредоточенности в изображении, нашли своим поприщем именно «природу-любовь-красоту». Но вот ритором или оратором Фет не выступал никогда. Вещать и возвещать — не его призвание. А вот сказать, следуя за Достоевским, что «красота спасет мир», он имел полное право. Сама его поэзия и была попыткой такого спасения (1). Эту вот «красоту» ему не раз впоследствии припоминали очень многие, почитая оное понятие чуть ли не ругательным, не очень желательным, по крайней мере. Проповедуемая разночинными горе-революционерами «общественная польза» вела к оголтелой утилитарности сознания, и конечно же на подобной почве очень хорошо прижился, зацвел и дал плоды известный постулат Чернышевского: «Красота есть жизнь, а жизнь есть красота». Но Фет не считал красоту пустым декором, эстетической категорией или чем-то увеселительным. Он трактовал красоту как основу жизни, бытия и человека в отдельности, и общества в целом. Мало того, красота несомненно сопричастна любви. А ведь «Бог есть любовь», не так ли? В таком построении куда больше смысла, глубины и души, нежели в крикливой и лишь внешне эффектной сентенции автора «Что делать».

В статье, посвященной Тютчеву, Афанасий Афанасьевич писал: «Красота разлита по всему мирозданию и, как все дары природы, влияет даже на тех, которые ее не сознают, как воздух питает и того, кто, быть может, не подозревает о ее существовании. Но для художника недостаточно бессознательно находиться под влиянием красоты или даже млеть в ее лучах. Пока глаз его не видит ее ясных, хотя и тонко звучащих форм, там где мы ее не видим или только смутно ощущаем,— он еще не поэт...» (1). Для Фета красота является сутью мира, ей чужды умильность, нарочитое

украшательство, прилизанность, напускная благостность, искусственная дикость. И ведь для того, чтобы убедиться в правоте поэта вовсе не стоит искать какие-то новые тому подтверждения, их достаточно в самых известных стихотворениях, которые у нас на слуху со школьной скамьи.

Шепот, робкое дыханье.
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Сколько здесь поэтического волшебства, чистых надежд, искренней любви и жизненной силы. Какой восторг сокрыт в этих простых словах, в этой покоряющей душу и сердце безглагольности! А финальные строки вообще имеют несчетное количество оттенков, это воистину эмоциональный калейдоскоп, отнюдь не хаотичный, и не взбалмошный, но безгранично мощный и подкупающе откровенный. «И заря, заря!..» — и не нужно к сему никаких еще эпитетов, все предельно ясно и глубоко, емко, лаконично. Запредельная степень восхищения этой краткой строки имеет и свою логику, и широчайшую вариативность толкования испытываемых эмоций. Даже написав одно такое стихотворение, автор остался бы навеки в русской поэзии. Не зря Фет посвятил его в 1850 г. своей трагически ушедшей из жизни возлюбленной Марии Лазич. Светлые воспоминания о прошлом вообще характерны для поэта, и они еще навестят его в конце жизни, впечатляюще результативно.

Суждения о творчестве Фета были подчас полярны: одни предлагали из его сочинений сделать оберточную бумагу, другие называли поэта гением. Пародии на приведенную выше миниатюру не написал, наверное, только ленивый, пародисты, от «короля русской рифмы» Дмитрия Минаева до Козьмы Пруткова, старались вовсю. Но были и слова Льва Толстого об этом стихотворении, где, в частности, «каждое выражение — картина». Да разве такого нельзя сказать о многих других произведениях Фета? Поэт постоянно искал новые изобразительные средства в стремлении отражения широчайшего спектра человеческих переживаний и впечатлений. Но его новшества подчас не принимались даже искушенными критиками, не понимавшими взаимосвязи, например, между «любовью и снегом». И «...снега блеск колючий», и «...холм причудливый... изваян полночью...», и «от весел к берегу кудрявый след...», это именно те находки Фета, о которых опять-таки Лев Толстой написал однажды: «Откуда у этого добродушного, толстого офицера... такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов» (1). Вот вам и признание одного классика о другом. И никакими пародиями такое не перечеркнешь. Впрочем, и пародии весьма показательны в определенном смысле.

В 1853 г. Афанасий Афанасьевич в звании поручика перешел в лейб-гвардии Уланский полк, расквартированный под Волховом. Теперь у поэта появилась возможность бывать в Петербурге, где он и познакомился с Н. А. Некрасовым, И. И. Панаевым, И. А. Гончаровым, Л. Н. Толстым, А. В. Дружининым, а также встретился и

со старыми знакомыми — И. С. Тургеневым и критиком В. П. Боткиным, чья сестра, Мария Петровна, стала в 1857 г. женой Фета. В следующем году поэт вышел в отставку гвардейским штабс-ротмистром, однако звание не принесло ему желанного дворянства, ибо к этому времени ценз еще раз повысился. Тургенев, при содействии сотрудников «Современника», подготовил собрание стихотворений Фета, увидевшее свет в 1856 г., однако же автор пришел к выводу о «невозможности находить опору в литературной деятельности» и в 1860 г. приобрел в Мценском уезде Орловской губернии имение Степановку, состоящее из хутора и 200 десятин земли (1).

Поэт оказался на редкость предприимчивым, рачительным и удачливым хозяином, превратившим Степановку в образцовое имение, ведя дела в соответствии с достижениями агрономической науки. Он был избран мировым судьей, писал статьи о сельском хозяйстве, обращался к властям с требованиями защиты интересов помещиков от крестьян и наемных рабочих (1). Конечно же, подобные инициативы вызывали негодование «демократической прессы», представителей которой, очевидно, более удовлетворило бы положение неимущего стихотворца, пребывающего в острой нужде и в «последнем градусе чахотки». Но тогда стремления Фета были связаны с возвращением прав русского дворянина и обеспечением материального благополучия. Вместе с тем, в 1863 г. он выпустил двухтомное собрание сочинений, в ознаменование четверти века своей литературной деятельности. А через десять лет ему было вновь пожалованы дворянство и отцовская фамилия Шеншин, а также все связанные с этим права.

К этому периоду жизни Фета относится и начало многолетней переписки, встреч и дружбы с Л. Н. Толстым. «Ясная Поляна и Степановка — эти названия рядом с датами стоят на многих их письмах друг другу (1). Оба они сознательно ушли в глубь России от городской суеты, от светских нравов, от «чиновных старух», да и от литературной среды тоже. Оба не убоялись одиночества, оба нашли в природе нечто большее, нежели материал для описаний. «Природа для Толстого и Фета имела значение нравственное» (1). Она давала, по утверждению Льва Николаевича, «высшее наслаждение жизни». Более всего они были близки в период написания Анны Карениной. Расхождения меж ними несомненно были, они много спорили о христианстве, о духовном пристанище художника, и если поэт находил его в красоте, то прозаик в патриархальном укладе крестьянской жизни. Да и восторги Фета по поводу присоединения к роду Шеншина Толстой встретил с неприкрытой иронией, отметив, что не знает «того Шеншина», а Фета — «знает и любит». Фет в свою очередь негативно отнесся к толстовскому начинанию — роману о декабристах. Но их дружба и сотрудничество несомненно повлияли на творчество обоих, и Толстой даже брался сочинять для Фета стихи. «Сопоставление пейзажно-психологических отрывков Толстого (можно добавить и Тургенева) и 8—12-строчных «повестей» Фета приводит к мысли об изображении диалектики душевных движений и состояний природы как об одной из важных художественных задач эпохи» (1). А лирические ощущения многих толстовских героев вполне могут быть проиллюстрированы стихами Фета, писавшего порой и в совершенно толстовском ключе, в чем нетрудно убедиться, читая стихотворения «Бал»:

Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнию дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?

Или «Псовая охота»:

Уже давно, осыпавшись с вершин,
Осинников редеет глубь густая

Над гулкими извивами долин
И ждет рогов да заливного лая.

И разве от приведенных строк не пролегает прямой путь к столь же детально и образно точному стихотворчеству Бунина? Вот она, та самая «школа Фета»! Так или иначе природа в поэзии Афанасия Афанасьевича имеет божественную сущность, в этом смысле он пантеистичен. И «природа выражает себя в поэте», а единение природного и человеческого являет собой гармонию и красоту. «Ночь и я, мы оба дышим...» — редкое по красоте объединение пейзажа и человека, соответствия мира природы и мира душевного (1). В те годы никто так не говорил. И вдруг лирика Фета являет совершенно потрясающие образы: «тающая скрипка», «овдовевшая лазурь», «травы в рыдании»... Это и есть упомянутая Толстым «лирическая дерзость», «зоркость души», поначалу вызывавшая и недоумение, и даже возмущение критиков.

«Поэт — тот, кто в предмете видит то, что без его помощи другой не увидит»,— писал Фет. Но кроме этого качества его лирика глубоко интонирована, наполнена звучанием, мелодична и напевна. На стихи Фета писали музыку Чайковский, Римский- Корсаков, Танеев, Балакирев, Рахманинов, Гречанинов и многие другие композиторы. И такая «озвученность» его произведений, их музыкальность, свидетельство стремления поэта видеть мир через мелодию сердца, когда в интонации тоже угадываются живописные образы. Вообще, в середине века девятнадцатого, увлечение песней и романсом в кругу Фета, Полонского, Григорьева было очень велико. Каждый из упомянутых художников оставил нам прекрасные, известные с детских лет, произведения, такие, как «Цыганская венгерка» и «Мой костер в тумане светит...», и в этом направлении Афанасий Афанасьевич явно лидирует. Ему же принадлежит откровение: «О, если б без слова сказаться душой было можно!». А П. И. Чайковский утверждал, что Фет «в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных в поэзии, и смело делает шаг в нашу область», что Фету «дана власть найти струны нашей души, которые недоступны художникам, хоть бы и сильным, но ограниченным пределами слова», что «некоторые стихотворения Фета я считаю наравне с самым высшим, что только есть высокого в искусстве».

И наряду со всем сказанным мелодика для Фета находится среди задач поэзии, он не коверкает природу слова в угоду ритмике, мелодичность для поэта не самоцель. Он стремится выразить в слове «и темный бред души, и трав неясный запах», причем выразить, как ни парадоксально, ясно и озарено, прозрачно и откровенно. «Язык душевной непогоды//Был непонятен для меня» — признается поэт. А Тургенев ждет от него стихотворение, последняя строфа коего могла бы передаваться безмолвным шевелением губ (1).

И Фет не обманывает его ожиданий.

Не я, мой друг, а Божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

Но зато он может «пересказать» многие и многое другое, и еще как пересказать!

А там по нивам на просторе
Река раскинулась, как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

В 1877 г. поэт продает Степановку и покупает большое имение Воробьевку в Щигровском уезде Курской губернии. Это деревня на берегу реки Тускари, усадьба с каменным домом и прекрасным парком, хозяйство на 850 десятинах. Всеми делами заведовал управляющий, а хозяин вновь получил возможность заниматься литературой, проводя на «пленере» летние месяцы, а зиму в Москве, на Плющихе, в собственном доме, приобретенном в 1881 г. Последний период жизни, как и ее начало, Афанасий Афанасьевич целиком посвятил творчеству. В эти годы в стихах его очень ярко обозначилась еще одна особенность, вызывавшая у современников самые разные эмоции, от недоумения и удивления до полного восхищения. Для автора, казалось бы, не существовало прошедшего времени, точнее, все прошедшее он передавал точно сию минуту с ним происходящее, он и его конкретное переживание существовали в одном временном промежутке, сию минуту, сейчас. Он не рассказывал некую историю, а писал дневник. «Он исповедовался, а не приводил картину исповеди». «Какие-то носятся звуки // И льнут к моему изголовью, // Полны они томной разлуки, // Дрожат небывалой любовью». «Здесь отчетливо совпадают грамматические и психологические формы» (1). И ведь воспоминания, приведенные в настоящем времени, словно восстанавливают былые чувства во всей их новизне, свежести, первозданности! Наиболее ярко это проявилось в стихах о любви, созданных Афанасием Афанасиевичем уже в преклонные годы, т.е. после 1880-го и вплоть до 1892-го.

Можно ль тужить и не жить,
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!

Или:

Я слышу звон твоих речей,
Куда резвиться ни беги ты.
Я вижу детский блеск очей
И запылавшие ланиты.

Но не стоит думать, что поэта сопровождают лишь светлые воспоминания о былом. Он не живет ими, он их вновь переживает, это восполняет ему духовные и творческие силы, но, вместе с тем, и вновь очень дорого дается, ибо Фет всегда искренен, он не играет некую роль, а напротив, чужд любой театральности. И оттого признается: «Кровию сердца пишу я к тебе эти строки». А насколько богато и эмоционально контрастно такое признание: «И нежности былой я слышу дуновенье, // И, содрогаясь, я пою». Симбиоз прошедшего и настоящего, оставшегося в памяти и ныне переживаемого, придает лирике Афанасия Афанасьевича философский характер. Тогдато и рождаются проникновенные признания: «Хоть не вечен человек, // То, что вечно — человечно». «пора за будущность заране не пугаться, // Пора о счастии учиться вспоминать» (1). И ведь подобные откровения отнюдь не звонкие, ловкие софизмы, не игра слов. Это результат многолетнего творческого пути автора, результат сердечных, душевных переживаний, итог мучительных подчас сомнений и раздумий. Для Фета переживаемое мгновение может длиться и длиться, оно существенно и непреходяще. Именно поэтому он и не теряет способности творить, начиная послание Владимиру Соловьеву словами: «Ты изумляешься, что я еще пою, // Как будто прежняя во храм вступает жрица, // И чем-то молодым овеяв песнь мою, // То ласточка мелькнет, то длинная ресница», тут же, словно по пути, рождая и демонстрируя новые ассоциативные поэтические формы, связывая зрительные ощущения с духовными. В иллюстрации ощущений Фет проникает в их суть, а не просто делит их на категории,

формальная классификация для него ничего не значит (1). И все-таки, на мой взгляд, несомненное поэтическое новаторство поэта нисколько не противоречит классической русской поэзии, не опровергает ее, а наоборот, являет собой органичное и очень логичное развитие и расширение таковой. Вот в чем несомненная заслуга А. А. Фета перед русской словесностью и культурой в целом.

В ту пору, когда в журнальных публикациях о Фете не вспоминали с одобрением, когда сам поэт объявил свой творческий путь завершенным, Лев Толстой писал ему: «Я от вас все жду, как от 20-летнего поэта, и не верю, чтобы вы кончили. Я свежее и сильнее вас не знаю человека. Поток ваш все течет, давая тоже известное количество ведер воды-силы, колесо, на которое он падал, сломалось, расстроилось, принято прочь, но поток все течет, и, ежели он ушел в землю, он где-нибудь опять выйдет и завертит другие колеса». Опять-таки, поздняя лирика Фета примечательна «тютчевским и гетевским расширением образа». Поэт отказывается от метафорических преамбул к финальным обобщениям, сразу начиная говорить о сути, о самом важном. А красота его лирики постепенно становилась русским поэтическим достоянием, и мы сегодня воспринимаем «фетовское лирическое наследие как принадлежащее современной России» (1). Фет, и вновь по выражению Толстого, мыслит «умом сердца», лирически, и мысль в его стихах — итог душевных переживаний. Он одновременно лирически нежен и лирически смел. Фет и его поэзия молоды и сегодня, никакой архаики, никаких поправок на время. Не зря же сам поэт заявлял:

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятен отовсюду.

В трепете жизни и сокрыта сущность лирики Фета, ее высокая человечность. А ведь наряду с этим поэт был прекрасным и весьма результативным переводчиком и стихов, и прозы. Гораций и Овидий, Гейне и Гете, Мицкевич и Шопенгауэр среди авторов, им переведенных. Не оставляет читателя равнодушным и его воспоминания, прежде всего «Ранние годы моей жизни», а также рассказы и статьи о литературе и искусстве. Все эти труды отнюдь не являются «вспомогательными», входя в «корпус сочинений А. А. Фета» наряду с его неповторимой лирикой.

Последние годы жизни поэта были омрачены недугами: его мучила одышка, одолевал хронический блефарит — воспаление век. Приехав в Москву в 1892 г., Афанасий Афанасьевич заболел бронхитом; кризис болезни одолеть удалось, но ослабленный организм оказался не в силах вернуться к жизни. Поэт умер за два дня до своего 72-летия. Есть свидетельства, что перед уходом из жизни Афанасий Афанасьевич пытался покончить с собой...

Лишь упомянув об этом, более не стану муссировать данную тему. Гораздо важнее то, что и в наше время поэзия выдающегося русского лирика также свежа и неожиданна, как и прежде, также будит и формирует самые светлые человеческие чувства и качества и призывает принимать окружающий мир с нежностью и любовью, как и должно человеку. И давайте же читать эти великолепные стихи и помнить, как девиз: «То, что вечно, человечно». Не зря же однажды откровенно признался мэтр советской «тихой лирики» Владимир Николаевич Соколов:

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

И да будет так со всеми нами!

«Есть святые в сердце звуки,— дай для них язык!»

Так обратился к Господу девятнадцатилетний Иван Бунин, невольно и не дословно, но по сути, вторя А. А. Фету и его строкам: «...И носятся светлые звуки, и льнут к моему изголовью». А ведь откровения подобные не рождаются просто так, из ничего, и юный поэт явно ощущал уже в полной мере не просто желание писать, но и проявляющиеся свои возможности, свой талант, который он так ярко и разнообразно являл миру в течении всей жизни. И совсем не случайно сердце молодого человека наполнялось именно «святыми звуками», а в ранних стихах его явно присутствуют и слышаться откровенно мотивы, характерные более для поэзии А. А. Майкова, уже упомянутого А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. М. Жемчужникова, нежели для творчества безусловно почитаемого тогдашней молодежью С. Я. Надсона, на безвременную смерть коего юный Бунин написал свое первое опубликованное в печати стихотворение. Впрочем, к слову сказать, и сам Надсон, провозглашенный в советские годы одним из наиболее характерных представителей модернизма, испытал явное влияние поэзии М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова, а его интерпретация классических традиций вовсе не была столь уж безнадежной и тупиковой, как трактовало это во время оное официальное литературоведение. И в свою очередь избравший стезю изящной словесности Бунин, в поисках собственного пути вполне логично и, думается, осознанно, опирался на творчество поэтов, близких ему по духу, по ощущению жизни и отношению к родной земле, к людям, живущим рядом. И, кстати, некрасовские интонации были ему отнюдь не чужды.

Они глумятся над тобою,
Они, о, родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын спокойный и нахальный
Стыдится матери своей...

И отнюдь не диссонируют с возрастом автора такие вот заявления: «Обетованному отеческому краю //Я приношу остаток гордых сил» или преждевременные, казалось бы, откровения:

Но я люблю, кочующие птицы,
Родные степи. Бедные селенья —
Моя отчизна; я вернулся к ней,
Усталый от скитаний одиноких,
И понял красоту в ее печали
И счастие — в печальной красоте.

Нет, повторяю, не случайно рождались в душе и сердце юного Ивана Бунина подобные признания, и дальнейшее его творчество всегда имело корневую связь с родиной, и никакие политические катаклизмы, никакая эмиграция, не смогли ее разорвать. Так уж был воспитан, таким уж вырос сей истинно русский человек и выдающийся художник слова.

Иван Алексеевич родился 22 октября 1870 г., в Воронеже, в очень родовитой, но порядком обедневшей дворянской семье, берущей начало в XV в. и имевшей герб, включенный в 1797 г. в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Очень примечательно, что в обширном роду Буниных литературное дарование было в определенной степени наследственным, хоть и не по прямой линии. Фамиль-

ная генеалогия украшена именами Анны Петровны Буниной, известнейшей поэтессы и переводчицы, нареченной современниками Русской Сапфо, Десятой Музой и Северной Коринной, а также Василия Андреевича Жуковского, который по рождению тоже самый, что ни на есть, Бунин, а свои отчество и фамилию обрел при крещении от воспреемника, дабы не числиться «незаконнорожденным сыном дворовой вдовы», как было первоначально записано в церковных документах. К слову сказать, именно с подачи Василия Андреевича в свое время был в итоге определен на учебу в пансионат города Верро отрок Афанасий Фет. Сословный круг, в нашем случае дворянский, в XIX веке был более чем тесен. В одной из черновых записей Анны Ахматовой есть такие строки: «...В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова...». Остается лишь еще раз повторить всем общеизвестное: «Как причудливо тасуется колода!».

С четырех лет Иван Бунин жил с родителями в родовом поместье, на хуторе Бутырки Орловской губернии. По его словам детские его годы были связаны с Пушкиным, стихи великого поэта вслух читали и родители, и братья, а домашним образованием мальчика занимался гувернер — студент Московского университета Николай Ромашков, обучавший своего воспитанника чтению и языкам, включая латынь. Первые книги, прочитанные Буниным самостоятельно — гомеровская «Одиссея» и сборник английской поэзии. В 1881 г. отец определил Ивана на учебу в Елецкую мужскую гимназию, где, по собственному признанию, хуже всего ему давалась математика. Впрочем, гимназию Иван не закончил, поскольку был исключен из нее зимой 1886 г. «за неявку из рождественского отпуска», который он проводил у родителей, перебравшихся к тому времени в поместье Озерки. А своим дальнейшим образованием недоучившийся гимназист был обязан старшему брату, Юлию, сосланному к тому времени под надзор полиции, по месту жительства, говоря современным языком. Старший брат, в будущем очень известный журналист, литератор, не отягощал Ивана точными науками, сделав упор на гуманитарные предметы, и, надо признать, оказался прав в своем педагогическом выборе, и несомненно успешен в системе обучения. Именно к этому периоду жизни Бунина относятся и первые пробы пера,— роман «Увлечение», не принятый ни одной редакцией, а также стихотворения, два из которых, «Над могилой Надсона» и «Деревенский нищий», были опубликованы в феврале и мае 1887 г. в журнале «Родина». «Утро, когда я шел с этим номером с почты в Озерки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду»,— признавался Иван Алексеевич впоследствии.

В январе 1889 г. Бунина пригласили на работу в газету «Орловский вестник», издатель Надежда Семенова предложила ему место помощника редактора. Но в газете он появился только осенью, сначала уехав к перебравшемуся в Харьков Юлию, который помог Ивану со службой в земской управе, где молодой человек смог заработать денег на поездку в Крым, в Ялту и Севастополь. В «Орловском вестнике» Бунин познакомился с корректором Варварой Пащенко, но вспыхнувшее взаимное чувство не принесло возлюбленным желанного семейного счастья. Отец Варвары не желал видеть Бунина своим зятем, родители Ивана испытывали очень значительные материальные затруднения и не ладили между собой, сам он также сидел без копейки, а зарабатывать писательским трудом не считал на тот момент возможным. Бунин переехал в Полтаву, опять служил в земской управе, много общался с представителями народнических кружков, с толстовцами, совершал свои «путешествия», но даже приезд к нему Варвары ничего не изменил и в итоге они расстались.

В столь, казалось бы, плачевном положении Бунина, очевидно, спасла именно его «сила жизни, жажда жизни». В 1991 г. в приложении к «Орловскому вестнику» вышел тиражом 1250 экземпляров первый сборник стихотворений молодого поэта, бесплатно рассылавшийся подписчикам газеты. Конечно, в отечественной литературе

того времени это событие «знаковым» не стало да и не могло стать, но, если оценивать «молодую» бунинскую поэзию не формально, то можно с полной уверенностью сказать, что дебютант уже тогда заявил о себе как о несомненном таланте и многообещающем творце, о настоящем художнике слова, знающем и всем сердцем любящим родную землю, родную природу. Лев Толстой, например, воскликнул о его строках «Грибы сошли, но крепко пахнет // В оврагах сыростью грибной».— «Очень хорошо, очень верно!». Этому свидетелем был Максим Горький, в свою очередь отмечавший, что Бунин обладает «огромным чутьем природы» (2). И не только природы, а всего, что так или иначе с ней связано, самой жизни на лоне природы, ибо детализация, приводимая Буниным даже в своих ранних стихах, поистине потрясающая:

И убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

Это ведь не плод фантазии, это результат тончайшей наблюдательности и поэтического чутья. Бунин с младых, что называется, ногтей, зарекомендовал себя как мастер детали, изящно, легко и неожиданно образно говоря о тысячи раз уже сказанном: «Стан струится беспокойно...», а в описании ситуации обыкновенным перечислением объектов, предметов, понятий дать внятную, восхитительную картину предстоящих воли и счастья.

Впереди большак, подвода,
Старый пес у колеса,
Счастье, молодость, свобода,
Солнце, степи, небеса.

На мой взгляд, поэзия Бунина в итоге оказалась существенно «оттенена» его прозаическими произведениями, совершенно, кстати, незаслуженно. Стихотворения Ивана Алексеевича поражают соединением академической точности, даже строгости, форм и многообразия потрясающей поэтики, откровенной сердечности и неподдельного лиризма. Никакой сухости, статичности, простой описательности, в них и в помине нет. Именно поэтому ваш покорный слуга в данной статье хотел бы уделить внимание прежде всего поэтическому творчеству Бунина.

В самом начале 1895 г. Иван Алексеевич оставил службу в Полтаве и впервые приехал в Санкт-Петербург, где за две недели познакомился с К. Д. Бальмонтом, критиком Н. К. Михайловским, публицистом С. Н. Кривенко, встретил в книжном магазине Д. В. Григоровича и побывал с визитом у А. М. Жемчужникова, пригласившего молодого провинциала на обед. Далее последовала поездка в первопрестольную и знакомство с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Я. Брюсовым. Странствия продолжились в других городах, довольно быстро Бунин подружился со своим ровесником А. И. Куприным, они, по словам Ивана Алексеевича, «без конца скитались и сидели на обрывах над бледным летаргическим морем». Далее последовало вхождение в литературный московский кружок «Среда», собиравшемся в доме писателя Н. Д. Телешова... Бунина не оставляла «муза дальних странствий», Телешов называл его за частые поездки непоседой. Иван Алексеевич конечно же продолжал писать, имея репутацию человека общительного, жадно тянущегося к новым впечатлениям, он органично вписывался в свое богемно-артистическое время, но... вместе с тем признавался: «Это начало моей новой жизни было самой темной душевной порой, внутренне самым мертвым временем всей моей молодости, хотя внешне я жил тогда очень разнообразно, общительно, на людях, чтобы не оставать-

ся наедине с самим собой». Внутреннее одиночество тяготило и порядком изводило поэта.

По себе знаю, что наступает в жизни молодого человека, которому, безусловно, есть чем заняться, период, когда он остро ощущает невозможность дальнейшего одиночества. Однако же, кроме прочего, художник еще и остро нуждается в признании. Кому пришлось в своей жизни творить «в стол», тот меня поймет. Нуждался в признании, прежде всего среди своих коллег-профессионалов, и Бунин, очень переживавший невнимание критиков к его ранним произведениям. «Хвалите меня, хвалите!»,— этот призыв частенько повторялся им в письмах тех лет. Не имея литературных агентов, он посылал книги друзьям и знакомым с просьбой обязательно написать отзыв. Литературная критика 90-х годов XIX в., да и читательская аудитория, жаждали иных «откровений» и «вестей» от поэтов, писателей и драматургов. Общество «устало», видите ли, от поступательности и в жизни, и в творчестве, но толком и само не понимало чего, собственно, хотело и к чему, в итоге, это «смутное хотение» приведет, оно было вовсе не против «великих потрясений», а «великая Россия» казалась большинству самой собой разумеющейся незыблемостью, которую и обхаять не грех. Поэтому в центре внимания были «ниспровергатели» и «отрицатели», будто бы «вскрывающие общественные язвы», а на деле, зачастую, одаренные люди, поддавшиеся надуманной «злобе дня» и конъюнктуре, выдававшие желаемое за действительное, точнее, возводящие частность в тенденцию. А ведь подобным грешили и Леонид Андреев со товарищи, и Максим Горький со своей откровенной, выставляемой на всеобщее обозрение, псевдонародностью... А вот стихи господина Бунина считались «слишком гладкими» и оттого неактуальными, ибо «кто у нас теперь гладко не пишет?». Эх, господа, вам бы самим попробовать написать хоть строчку подобным образом!

Вот капля, как шляпка гвоздя,
Упала,— и, сотнями игол
Затоны прудов бороздя,—
Сверкающий ливень запрыгал —
И сад зашумел от дождя.

В 1897 г. вышла вторая книга Бунина «На край света и другие рассказы», на нее откликнулись, впрочем, вновь «благодушно-снисходительно», уже более двадцати рецензентов, что опять-таки было, по словам К. И. Чуковского «микроскопически малым количеством» по сравнению с отзывами на «творения» любимцев публики. Но еще за год до этого Иван Алексеевич взялся за перевод «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло и справился с этим блестяще, продолжая совершенствовать свой перевод и в дальнейшем. «Русская старина, таинственно-сказочная природа, люди мирных забот и дружелюбия, что окружали будущего поэта в детстве, были сродни древним легендам, красоте девственных лесов, прерий, цельным характерам индейцев — всему тому, что описано в «Гайавате». Бунина в поэме пленило слияние людей с природой, чистота и нежность первой любви, простота человеческих отношений» (2). На мой взгляд, прекрасный, очень профессионально выполненный, перевод гениального творения Лонгфелло очень помог Бунину по-новому оценить свой творческий потенциал, не потерять «внутренний стержень» и продолжать следовать в творчестве «своим курсом».

Очередной же «побег» от личного одиночества — женитьба в 1898 г. на дочери редактора одесского «Южного обозрения» Николая Цакни Ариадне не стала в жизни Ивана Алексеевича знаковой вехой. После двух лет совместной жизни брак распался, единственный ребенок Бунина и Ариадны скончался в 1905 г. от скарлатины... Да и едва ли их связывало сильное чувство, в чем Иван Алексеевич признавался, живя уже

во Франции. Плачевного материального положения Бунина эта женитьба тоже не исправила, несмотря на его вхождение в более обеспеченную греческую семью, «...просить у Цакни не стану, хоть умру»,— признавался он в письме старшему брату, обращаясь к последнему именно с просьбой выслать «немедленно хоть десять рублей». И нам остается только порадоваться, что столь бедственное положение не сказалось ни коим образом на творчестве поэта, уже попробовавшего свои силы и на ниве прозы, а если даже и сказалось, то лишь в самом положительном смысле.

В 1901 г. Бунин попросил А. П. Чехова выставить на соискание Пушкинской премии перевод «Песни о Гайавате», ранее уже одобрительно встреченную литературным сообществом, и только что вышедший сборник стихов «Листопад», что Чехов и сделал, заручившись поддержкой А. Ф. Кони в исполнении процедурной стороны вопроса. «Листопад» заслужил одобрение рецензента, известного поэта, графа А. А. Голенищева-Кутузова, в противовес довольно «разгромному» отзыву Пл. Н. Краснова, назвавшего стихи Бунина «крайне однообразными», а самому поэту приписав «неумение увлечь читателя такой темой, как описание природы». Думаю, что критик либо слишком бегло прочел эту книгу, либо виной всему был его полемический задор, мешавший дать справедливую оценку истинным поэтическим находкам Бунина. Чем, скажите на милость, не глянулись ему такие вот строки: «И Осень тихою вдовой // Вступает в пестрый терем свой», «Сентябрь, кружась по чащам бора, // С него местами крышу снял...», «Земля в морозном серебре, // И в горностаевом шугае, Умывши бледное лицо...». И это только в одном большом стихотворении, одноименном сборнику.

18 октября 1903 г. решением премиальной комиссии под председательством профессора А. Н. Веселовского Пушкинская премия была присуждена И. А. Бунину и П. И. Вейнбергу, поэту, переводчику, историку литературы. Денежное вознаграждение лауреаты получили «половинное», по 500 р. каждый. Это способствовало укреплению профессионального статуса и репутации Бунина, как литератора, но «Листопад» продавался из рук вон плохо и издательство «Скорпион», коим, кстати, заправляли символисты, вынуждено было снизить цену сборника с рубля до 60 копеек. Общество не нуждалось уже в красоте и чистоте, общество жаждало резких контрастов, волнующих кровь коллизий, ниспровержений идеалов прошлого, дерзких новационных заявлений, его устраивала не тишина, не ровная речь, но «на разрыв аорты» истошный крик, а о чем он, этот крик, было, в сущности, не важно, лишь бы надсаживать глотку, лишь бы проклинать и клеймить... Огульная крамола стала новым знаменем для многих и многих... Куда в итоге они пришли и чего достигли под этим знаменем, мы, живущие сегодня, знаем и обязаны об этом помнить, ибо «дальше всех заходит тот, кто не знает, куда идти» (Э. Юнгер-младший).

«...За последнее время я ужасно чувствую себя «поэтом»... Все — и веселое и грустное — отдается у меня в душе музыкой каких-то неопределенных хороших стихов, чувствую какую-то творческую силу создать что-то настоящее» (2). Это признание двадцатилетнего Бунина — своеобразный, несмотря на самоиронию, манифестационный тезис, его состоятельность и, пожалуй, инвариантность Иван Алексеевич доказывал в течении всей своей жизни. Подобное он мог заявить и в более зрелые годы, и с полным на то основанием. «Стихотворения Бунина менее всего претендуют на то, чтобы поразить читателя экстравагантной метафорой, броским сравнением, замысловатым эпитетом. Изобразительные средства его языка просты, исполнены строгости и ясности. Он не изменяет духу классической поэзии, в первую очередь поэзии Пушкина» (2). Но за кажущейся «простотой» бунинского языка скрывается потрясающее знание темы, огромная любовь к описываемому в стихах и невероятная художественная точность этого описания. Что вы скажете о таких строках: «Не туман белеет в темной роще, // Ходит в темной роще богоматерь...», ведь это не синтетическая эстетика, не кокетливая выдумка, не умозаключение. Так написать можно лишь

сердцем и душой! «Ах, люблю я простор жизни,— восклицал Бунин.— Жизнь люблю — люблю любовь. Как люблю!» (2). И вот еще одно доказательство преемственности и продолжения поэтической традиции старших «классиков»: «Нежное чувство к любимой женщине... у Бунина неотъемлемо от ощущения животворной силы природы, ее исцеляющей красоты» (2).

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

А природа явлена нам поэтом в цвете, в звуках, в красках. Поэтическая «формула» Фета «природа — любовь — красота» Буниным принята и по-своему интерпретирована. «Одно есть только в мире счастье — // Весь божий свет душой любить!»,— простая на первый взгляд фраза, что в ней, казалось бы? Но для поэта «божий свет» очень емкое понятие, это и природа, и люди, и родина, и вера, краеугольный камень которой — краткий тезис о том, что «Бог есть любовь». Но ведь «...И слово было у Бога. И слово было Бог». Вот все и связалось воедино, просто и органично. «Если бы у меня не было рук и ног и я мог только сидеть на лавочке и смотреть на заходящее солнце, то я был бы счастлив этим. Одно нужно — только видеть и дышать»,— так сказал однажды Бунин близкому человеку» (2).

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взор я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело...
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

Огромное значение имела и творческая позиция поэта, не поддавшегося на провокационную критику и не пошедшего у модных веяний на поводу. «Поэзия не в том, совсем не в том, что свет // Поэзией зовет. Она в моем наследстве. // Чем я богаче им, тем больше я поэт» — вот она убежденность в своей связи с прошлым, с традициями русской жизни и культуры, с родной землей, где «...Цветет на стеклах купорос» и «...Погасла за степью слюда», где отец, хороня дочку, сколотил гроб и «...Прикрыл его тесовой крышкой // И на погост отнес под мышкой...», а у любимой женщины «О, взор, счастливый и блестящий, // И холодок покорных уст!». И жизнь, и смерть, и природа, и любовь, и божество, и вдохновение, во всем многообразии красок, оттенков, интонаций, деталей. А слова Гитчи Манито из «Песни о Гайавате» вообще становятся неким воззванием к уже ополоумевшим «бунтарям», желающим «великих потрясений», и не задумывающихся о «великой России».

Я устал от ваших распрей,
Я устал от ваших споров,
От борьбы кровопролитной,
От молитв о кровной мести.
Ваша сила — лишь в согласье,
А бессилие — в разладе.
Примиритеся, о, дети!
Будьте братьями друг другу!

Не примирились, не услышали, оттого, что ничего подобного и слышать не желали. А следовало бы...

«В те благословенные дни, когда на полудне стояло солнце моей жизни, когда, в цвете сил и надежд, рука об руку с той, кому Бог судил быть моей спутницей до гроба, совершал я свое первое дальнее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во святую землю,— так писал Иван Бунин о своем путешествии по странам востока, куда он и Вера Николаевна Муромцева отправились весной 1907 г. К этому времени они были знакомы около полугода, а первая их встреча произошла в Москве, на литературном вечере. Вера Николаевна, выпускница Высших женских курсов, описываемая современниками как «очень красивая девушка с огромными, светло-прозрачными, как бы хрустальными глазами», на момент знакомства с Буниным была далека от литературно-богемной среды, занималась химией и знала несколько европейских языков. Отец девушки был членом Московской городской управы, а дядя председателем Первой государственной думы. Официально оформить отношения Бунина и Муромцевой не представлялось возможным, поскольку Аридна Цакни не давала ему развода, и обвенчались они только в 1922 г., в эмиграции, шафером был А. И. Куприн. Но именно Вера Муромцева — это истинная спутница Бунина, его вернейший друг и муза, его Прекрасная Дама, невзирая ни на какие кривотолки и версии многочисленных якобы исследователей, охотников до всего «жареного и соленого».

С 1902 г. Бунин сотрудничает с петербургским товариществом «Знание», взявшимся за издание собрания его сочинений, из которых наибольший резонанс вызвал увидевший свет в 1906 г. 3-й том, куда вошли новые стихотворения поэта. Отношения с символистами у Ивана Алексеевича не то чтобы не заладились, просто, по его признанию, он в определенный момент утратил желание играть «с новыми сотоварищами в аргонавтов, демонов и магов». Через три года корпус стихов из 3-го тома и перевод байроновского «Каина» удостоились очередной Пушкинской премии, опять-таки «половинной», вторым лауреатом стал Куприн. Поэзия Бунина, становясь конечно же более зрелой, а порой более сдержанной и строгой, более философской, тем не менее не утратила своих характерных черт: тонкой наблюдательности пейзажиста, любви к родной земле, к людям, ее населяющим, к самой жизни, где все-таки преобладает свет, а не тьма. Автор лишен какого бы то ни было «нарочного сочинительства», «любуясь сталью вьющейся реки» или восхищаясь: «Так хорошо разутыми ногами // Ступать на черный бархат борозды!». Он порой и вовсе краток, но от этого метафора лишь обретает художественную силу и точность: «В полях, далеко от усадьбы, // Зимует просяной омет», он прекрасно знает отчего «В песке обнаженном оттиснулась лапка лучистая: // Рыбалка сидела на утренней ранней заре», и всегда с ним родной дом, отчие места, родной дом, а признается автор в этом несколько иносказательно: «Сердцем помню только детство: // Все другое — не мое». И даже тени у поэта наделены различным содержанием и свойствами: «Тени от цепей лампадки», «Я стал — и бледным силуэтом // Упала тень моя за мной», а ночь, время откровений с самим собой, вполне одушевленна: «Ночь близится: уж реет в полумраке // Ее немая, скорбная душа». А помните у Фета: «Ночь и я — мы оба дышим...»?

Нет сомнения в том, что поэтический талант Бунина во многом определил и характер его прозы. Рассказы и повести писателя обладают интересным свойством, весьма, на мой взгляд, характерным для произведений классического стиля вообще: в них надо только «вчитаться», ничего с самого начала не упуская и не пропуская, а далее — не оторвешься, и не захочешь выходить из волшебного этого пространства, желая длить и длить нахлынувшее очарование. А ведь Бунин уже в стихах столь же очарователен.

Глеб отворил мне двери на балкон,
Поговорил со мною в позе чинной,
Принес мне самовар — и по гостиной
Пролился нежный и печальный стон.

Однако же содержание бунинских стихотворений отнюдь не подчинено и не посвящено голому эстетизму и вообще стремлению к «красивости». Средства формирования художественного образа в тех же элементах пейзажной лирики всегда служат ему не столько для усиления впечатления и восприятия, сколько для обозначения глубины темы, для призыва по-настоящему, крепко задуматься о происходящем вокруг, об истинных человеческих ценностях и об угрозах этим ценностям, которые зачастую сам человек и склонен создавать. Поэтика Бунина служит высоким целям, она служит самой жизни, полной коллизий и контрастов, но той жизни, от которой поэт прежде всего ждет радости и созидания. И верит именно в такую жизнь.

Я жду веселых звуков топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучих рук и смелых голосов!
Я жду, чтоб жизнь, пусть даже в грубой силе,
Вновь расцвела из праха на могиле...

И ожидание всеобъемлющей весны сочетается с контрастным признанием: «Печален долгий вечер в октябре! // Люблю я осень позднюю в России!» — и далее, в самом финале: «Я изнемог, и мертвый стук часов // В молчании осенней долгой ночи // Мне самому внимать нет больше мочи». Очень по-человечески сказано, не правда ли? Жизненно и естественно.

Менее чем через две недели после присуждения второй Пушкинской премии, из Академии наук поступило известие об избрании Бунина почетным академиком по разряду изящной словесности. Оказалось, что еще весной 1909 г. писатель и общественный деятель К. К. Арсеньев (также почетный академик с 1990 г.) направил в Академию соответствующее представление, указав в характеристике, что произведения Бунина отличаются простотой, задушевностью, художественностью формы. Можно сказать, что о профессиональном признании можно было более не беспокоится. Два десятка лет литературного труда Ивана Алексеевича получили в конце концов достойную и заслуженную оценку. К слову сказать, на протяжении всей жизни успехи Бунина на литературном поприще не приносили ему мало-мальски прочного материального обеспечения. Чаще случалось совсем наоборот. «...Беден так, что не смею и думать об этом...»,—признавался Бунин в письме к другу. Пусть и такое случалось далеко не всегда, но финансовое положение поэта и прозаика всегда оставалось шатким.

В 1910-х годах Бунин с супругой много путешествовали, результатом впечатлений от поездок стали некоторые рассказы писателя (в частности, «Братья»), вообще в этот период его прозаические произведения вызывали много откликов и пользовались популярностью, широкую известность получили рассказы «Господин из Сан-Франциско», «Грамматика любви», «Легкое дыхание», за шесть лет вышли три книги Бунина, в том числе и четырехтомное собрание сочинений, выпущенное издательством А. Ф. Маркса в 1915 г. А что же поэзия? Она по-прежнему оставалась душевным пристрастием Ивана Алексеевича, являясь его жизненной необходимостью. А его стихотворение «Слово» явно перекликается с ахматовским «Мужеством», хоть и разделяют произведения двадцать шесть лет.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь!

С началом Великой войны (именно так, а отнюдь не «Первой мировой», называли в Российской империи войну 1914—1918 г.г.) настроение Бунина существенно и неуклонно меняется, в дневниковых записях тех лет он жалуется на пасмурное настроение, душевное разочарование, слабость, литературное бесплодие... Тем не менее творческая работа не прекращается, во всяком случае на поэтической ниве. Правда, интонация многих стихотворений тех лет лишена былого оптимизма, в них явно сквозит разочарование с оттенками подступающего порой отчаяния.

И темным-темно в той новой чаще,
Где опять скрывается дорога,
И враждебен мой ямщик молчащий,
И надежда в сердце лишь на бога,
Да на бег коней нетерпеливый,
Да на этот нежный и певучий
Колокольчик, плачущий счастливо,
Что на свете все авось, да случай.

Сложно сказать, насколько ясно автор предчувствует приближение чего-то трагического и непоправимого, но тревога его не оставляет, и, как показали последующие, вскоре произошедшие события, не оставляет абсолютно не зря. И вовсе не случайно в стихотворении «Семнадцатый год» прозвучавшее восклицание: «Пожар? Но где? Опять у нас...» обретает уже глобальный трагический смысл. Ибо наступали в жизни России те самые «окаянные дни», названные изначально некоторыми наивными романтиками «очарованием революции»,— только кровавым, как выяснилось очень скоро, очарованием. И Бунин, не в пример многим талантливым и даже гениальным своим коллегам, ощутил и понял это сразу, если не вообще заранее.

Но что характерно: в час величайшей в истории русской смуты, отражением которой стали прежде всего дневники писателя, а именно «Окаянные дни», как позднее и другие его произведения в прозе, именно стихи Бунина остались оплотом любви, надежды и веры, храня светлые образы родной земли, неповторимой красоты ее, духовного богатства и величайшего терпения. Да, поэзия его стала сдержанной, лирика — более философской, раздумчивой, но своей своеобычности не утратила, напротив, обрела новую глубину и даже окрасилась зрелой, осознанной грустью.

Этой краткой жизни вечным измененьем
Буду неустанно утешаться я,—
Этим ранним солнцем, дымом над селеньем,
В свежем парке листьев медленным паденьем
И тобой, знакомая, старая скамья.

Хочу повторить, что разговор о бунинской прозе выходит за рамки этой статьи. Это совсем иная галактика, впрочем, весьма обжитая литературоведами. Думается, что Иван Алексеевич намеренно сохранил свои стихи в чистоте, оставив всю трагедию и боль прозе. И оттого беспощадные реалии того времени лишь изредка по-настоящему прорываются в пространство стиха. Но уже и время, и сама жизнь сменили направлениие, началась эмиграция, навсегда бездонно несчастная и обреченная на постоянное страдание человека, лишенного Родины; горькие странствия — Кон-

стантинополь... и далее... Париж... Грасс... Сухие, ломкие, безразличные слова... И обреченное озарение: «Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да — так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине!»

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

Отныне в стихах Бунина будет властвовать философский дуализм с нежным, изящным, лирическим началом, ведущим к страшным, по сути, итоговым строфам. Иван Алексеевич прекрасно понимал, что никакая «Миссия русской эмиграции», никакие рассказы-повести-романы, пусть и гениальные, никакая пресловутая Нобелевская премия никогда не помогут сделать так, чтобы «*...узкоколейка шла из Парижа в Елец*», о чем, в свою очередь, мечтал еще один русский поэт-эмигрант Дон Аминадо (Шполянский). И что неизбежно будет так, как напишет позднее М. И. Цветаева:

Никуда не уехали — ты да я —
Обернулись прорехами — все моря!
Совладельцам пятерки рваной —
Океаны не по карману!
Нищеты вековечная сухомять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море — мелью:
Наше лето — другие съели!

Вот он, этот путь русского эмигранта первой волны, от Константинополя, по городам и весям, и в конце концов до Сен-Женевьев де Буа, на деле куда более протяженный, чем если бы обозначить оный на карте...

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

Стихотворение «Ночь» написано в 1952 году. Этим все сказано, ибо через год земное путешествие выдающегося художника русского слова завершился. Но жизнь не закончилась. Потому что для русского слова, русской речи, смерти не существует. Но, смею утверждать, что и сами люди смертны по-разному. И жизнью своей, и смертью, и творчеством наивысшего полета неповторимый русский поэт и прозаик Иван Бунин доказал самое главное для нас, его соотечественников, что ***все дороги, куда ни держишь путь, в итоге ведут в Россию.*** Абсолютно то же самое, на свой, конечно, лад, мастерски продемонстрировал в веке XIX-м еще один уникальный русский литератор, уроженец Гессен-Дармштадта — Афанасий Фет (Шеншин). И если последний, несомненно, поэт-новатор, обогативший изящную словесность новой, оригинальной поэтикой и обозначивший жизненную взаимосвязь природы и человека посредством красоты и любви, то заслуга поэта Ивана Бунина в том, что он сумел, во многом наследуя в том числе и Фету, наполнить академизм классического стиля новым содержанием и свежими, неповторимыми красками и акцентами, сохранив чистоту русской поэтической школы средь бурь Серебряного века.

Синий ворон от падали
Алый клюв поднимал и глядел.
А другие косились и прядали,
А кустарник шумел, шелестел.

Синий ворон пьет глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань.
Сторона ли моя ты, сторонушка,
Вековая моя глухомань!

Вечная слава и память русским поэтам!

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) — По материалам статьи Л. А. Озерова «То, что вечно,— человечно», Фет А. А. Улыбка красоты: Избранная лирика и проза / Сост., вступит. статья Л. А. Озерова.— М.: Школа-Пресс, 1995.— 736 с. (Серия «Круг чтения: Школьная программа»).

(2) — По материалам: Бунин И. А. Стихотворения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. С. П. Кошечкин; Ил. А. Зайцева.— М.: Мол гвардия, 1990.— 222(2) с., ил.— (XX век: поэт и время).

Вадимир Трусов,
г. Мончегорск, Мурманская область

К ЮБИЛЕЯМ А. А. ФЕТА И И. А. БУНИНА: У ИСТОКОВ И В ЗАВЕРШЕНИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Ольга и Наталья Артемовы
(п. Медвенка Курской области)

ПО ЗЕМЛЕ «ВЕЧЕРНИХ ОГНЕЙ»

Ольга Викторовна и Наталья Викторовна Артемовы живут и работают в п. Медвенка Курской области. Члены Союза писателей России, лауреаты всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», победители всероссийского конкурса «Парус одинокий», призеры всероссийских конкурсов «Человек доброй воли» и «Vita. ТЮЗ», лауреаты международного конкурса «Добрая лира», дипломанты международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Награждены Почетной грамотой правления Союза писателей России, дипломом Государственного музея-заповедника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии». За многолетнюю деятельность по повышению престижа литературного творчества и его социальной значимости в общественной жизни сестрам Артемовым вручено Благодарственное письмо Государственной Думы РФ.

В 1857 году, еще не уйдя в отставку с военной службы, в стихотворении «О нет, не стану звать утраченную радость...» Фет предается мечтам о надежном приюте:

Там наконец я все, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

Такое пристанище поэт обрел, купив в 1877 году в Щигровском уезде Курской губернии имение Воробьевка. С. А. Толстой-Миллер, жене поэта А. К. Толстого, Фет так и пишет: «...я, наконец, осуществил свой идеал — жить в прочной каменной усадьбе, совершенно опрятной, над водой, окруженной значительной растительностью». Кусок плодородной земли, затерянный в глубинной России, стал почвой, на которой взошли шедевры русской лирики. Здесь фетовская «Муза пробудилась от долголетнего сна». Здесь «зажглись» негасимые «Вечерние огни».

В год 200-летия со дня рождения великого поэта мы проложили литературно-туристическую тропу по местам Соловьиного края, освещенным именем Фета. Да-

вайте вместе посетим некоторые из них, вслушаемся в далекие голоса, вглядимся в плывущие вдали тени прошлого...

Конечно же, первым пунктом на нашем маршруте станет «микроскопическая Швейцария». Так называл Воробьевку ее хозяин. Двухэтажный желтый дом возвышается над речкой с татарским названием Тускарь. Двери его, как и в бытность Фета, широко открыты для гостей. Он много чего пережил, этот дом. После революции в «дворянском гнезде» находились клуб, сельсовет, общежитие, машинно-тракторная станция, птичник. В годы Великой Отечественной войны в доме величайшего русского поэта орудовали немцы: здесь располагался их штаб. С 1965 года здание было отдано под школу-интернат. С 2010 года усадьба учреждена как филиал Курского областного краеведческого музея.

Давайте переступим порог дома. По узкой лестнице поднимемся на второй этаж, в кабинет поэта. Отсюда потоком шла корреспонденция: к Льву Толстому и его супруге, к Тургеневу, Полонскому, Страхову, к великому князю Константину Константиновичу (поэту К. Р.)... На втором этаже находились также гостевые комнаты, и многие из адресатов Фета жили в них. Все они потом добрым словом вспоминали Воробьевку. 12 июня 1879 года Фет встречал Л. Н. Толстого. У поэта гостили литературные критики, философы Н. Н. Страхов и В. С. Соловьев, художники Досекин и Н. Е. Рачков, филологи Ю. А. Кулаковский и Ф. Е. Корш, собиратель песенного фольклора П. В. Шейн.

Выходим из дома и справа видим скромный флигель, который вошел в историю русской литературы, так как связан с именем еще одного гостя — поэта Якова Петровича Полонского. С близкими он приехал к «старому и опытному другу» летом 1890 года. Семья была творческая, время текло не в пустых забавах. 13 июля 1890 года Фет сообщал писательнице С. В. Энгельгардт о гостях: «Милая жена его замечательный скульптор и в настоящее время с увлечением лепит мой старческий бюст. На Одесском бульваре стоит бюст Пушкина ее работы. Что касается до Якова Петровича, то он масляными красками пишет премилые картинки из нашего дома, сада и берега реки». Один этюд с изображением барского дома Полонский, расставаясь с Воробьевкой, подарил ее хозяину. Другой — вел. кн. Константину Константиновичу. 12 июня Полонский написал стихотворение «В гостях у А. А. Фета». А после отъезда гостей хозяин обнаружил на притолоке флигеля такие его строки:

Полонский тут не без привета
Был встречен Фетом, и пока
Старик гостил у старика,
Поэт благословлял поэта.
И, поправляя каждый стих,
Здесь молодые Музы их
Уютно провели все лето.
Аминь.

Эти стихи Фет переписал С. А. Толстой. Полонскому же ответил: «Спасибо тебе, что поэзией, музыкой, живописью и скульптурой покурил в нашем захолустье. Один из прекрасных окурков твоих остался на дверной притолке в твоей комнате».

С флигелем стеной, в которой имелись ворота с фонарями, была соединена конюшня. В «Моих воспоминаниях» среди первоочередных дел после переезда в Воробьевку Фет называет: «Оказалось, что с открытия весны следует строить хотя леймпачный конный двор с помещениями для имеющего прибыть из Степановки конного завода...». Каретный сарай дожил до наших дней. Помимо коней, в усадьбе обитали два ослика. Последние годы Фет тяжело болел, силы его слабели. 3 июня 1890 года он с юмором сообщает С. А. Толстой: «Чтобы иметь возможность поды-

маться из парка и от реки обратно к дому, я завел себе осла, но до сих пор еще не пользовался его услугами». Сегодня, как и во времена поэта, в усадьбе живет ослик, вызывающий восторг у посетителей.

Погуляем по фетовскому саду. Как это ни удивительно, но за сто с лишним лет цветы его не погибли. «Вечно душистые розы» живут в письмах, в бессмертных стихах.

18 июня 1892 года Фет шлет К. Р. такие строки: «Давно уже розы на нашем партере не были так буйно хороши, как в нынешнем году... Вот что, между прочим, на днях написал я за все лето:

Ночь лазурная смотрит на скошенный луг.
Запах роз под балконом и сена вокруг,
Но зато ль, что отрады не жду впереди,
Благодарности нет в истомленной груди.

Все далекий, давнишний мне чудится сад,
Там и звезды крупней, и сильней аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, истомы полна...»

А вот еще один шедевр фетовской лирики, посланный 18 сентября 1886 года С. А. Толстой: «Вчерашний мороз побил наши георгины, и сегодня я написал:

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул Сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло...»

Внизу у речки шумела тонкая невысокая струйка фонтана. Сегодня от него осталось лишь безъязыкое обрамление, и все-таки из «дальней темноты» сквозь гул XXI столетия к нам доносится лепет воды. 8 сентября 1891 года письмо из Воробьевки к Полонскому Фет заканчивает стихотворением:

Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян;
И, безмолвные, мы слышим,
Что, струей своей колышим,
Напевает нам фонтан...

Выйдем из ворот усадьбы и повернемся лицом на север. Вдоль дороги на Воробьевку проходила граница огромного усадебного сада села Уколово. Здесь жил старший брат Чайковского Николай Ильич, работавший в специальной комиссии по изучению состояния и перспектив развития железнодорожной сети страны. Соседи довольно тесно общались. Так, Николай Ильич писал о своем посещении Воробьевки: «...Обед у Марии Петровны был изрядный, с персиками в кулак нашего кучера Матвея. Кроме нас, было человек пять соседей и ее родственников. К этому дню я подарил ей мой эскиз — вид в ее саду у фонтана, который вышел настолько недурно, что я пишу теперь копию с него...» Наносились и ответные визиты. 11 июля 1891 года супруга поэта и его секретарь ездили на именины к Чайковским.

А 18 августа у Фета гостил композитор Чайковский. Он пришел в Воробьевку пешком. Фет делился впечатлениями с вел. кн. Константином Константиновичем: «Дня три тому назад обедал у нас приехавший на два дня к нашему соседу Николаю

Ильичу Чайковскому родной его брат Петр Ильич. Он понравился мне как вполне артистическая натура... Узнав, что он страстный любитель цветов, Мария Петровна поставила перед ним два букета цветов из отцветающего сада, а я прочел и передал ему стихотворение, которым он остался, кажется, очень доволен».

Петр Ильич сообщал младшему брату Анатолию о четырех днях в Курской губернии следующее: «Ездили в Коренную Пустынь, а один день провели у Фета. Сад их привел меня в восторг». И еще один восхищенный отзыв о Воробьевке, уже в письме Романову: «Что за дом, что за парк, что за уютное убежище для стареющего поэта!» Великий композитор считал Фета «безусловно гениальным», «явлением совершенно исключительным», «поэтом-музыкантом», который «в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область». П. И. Чайковский написал пять романсов на стихи Фета.

К сожалению, уколовский дом Чайковских, увенчанный восьмигранной башней со шпилем, сохранился только на рисунке, сделанном Николаем Ильичом в письме из Санкт-Петербурга. Зато построенный в 1884 году в форме корабля храм великомученика Георгия Победоносца благополучно одолел океан времени. Он не закрывался за исключением периода оккупации немцами области: на колокольне находилась снайперская точка. На нем мемориальная доска с портретом П. И. Чайковского и надписью: «В память о пребывании великого русского композитора в селе Уколово и храме св. великомученика Георгия. 1893—1993». К этому храму была приписана и Воробьевка. Документальных подтверждений того, что его посещал Фет, обнаружить не удалось. Но в устных преданиях уколовцев живет легенда, что здесь молились супруги Шеншины. 1 августа 1890 года Фет в письме С. В. Энгельгардт роняет: «Марья Петровна... сию минуту вернулась из церкви, начав обычное говенье».

Именно по просьбе супруги поэт каждый год договаривался с Епархией о приносе в имение чудотворной иконы Курская Коренная Божией Матери «Знамение». Монастырь, где она пребывала в летнее время, находился в десяти верстах. Фет сообщал Толстому, характеризуя имение: «Парк по оврагам с ключами и из него Коренная Пустынь как на ладони».

Святыню Соловьиного края Фет посетил еще в молодости, в 1852 году. Тогда же он стал свидетелем знаменитого крестного хода. В фетовских «Моих воспоминаниях» читаем: «К вечеру, в день нашего приезда, камердинер отца Иван Никифорович, растворив дверь нашей светелки, быстро проговорил: «Несут, несут!» — и мы с братом выбежали на крыльцо.

Вдоль улицы показалась сплошная и бесконечная река непокрытых голов. Конные жандармы едва сдерживали приближавшиеся народные волны, впереди которых шло многочисленное духовенство в блестящих ризах, а за ними на катафалке несли и саму икону...

На другой день мы вместе с отцом отправились в стоящий на высоком правом берегу реки Тускари старинный монастырь к архиерейскому служению, а по окончании обедни спустились по каменной лестнице к святому колодцу, в который бросили по серебряной монете, умножая кучу медных и серебряных денег, виднеющихся на каменном дне колодца сквозь чистейшую воду. Пустынь, по преданию, получила свое название от явления образа Знамения Божией Матери на корне срубленного дерева».

Коренная Пустынь глубоко пустила корни в русскую историю. Как гласит легенда, икона была найдена в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы 1295 года «неким благочестивым мужем». Как только он поднял образ, из-под корней вяза забил источник. Из-за близости крымских татар чудотворная икона большей частью находилась в Курске. Впервые крестный ход с иконой из Курска в Коренную Пустынь состоялся в 1618 году «по случаю освящения первой деревянной церкви Рождества Богородицы в 9-ю пятницу после Пасхи, и тогда же здесь состоялся торг». Ука-

зом Синода от 15 января 1806 года, с согласия императора Александра I, предписывалось, что чудотворная икона должна была оставаться в Коренной с 9-й пятницы по Пасхе до 12 сентября. Затем ее уносили в Курск, в Знаменский собор. Список иконы был в Смутное время с Дмитрием Пожарским, другие списки участвовали в Крымской войне, в Отечественной 1812 года.

После Великого Октября жизнь в этих местах изменилась. Сход бедноты, председатель Совета рабочих и крестьянских депутатов П. М. Николаев ходатайствовали перед председателем ВЦИК Я. М. Свердловым о присвоении слободе Коренной наименования — Свобода. Что и было сделано Постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 19 декабря 1918 года. Монастырь Коренная Пустынь закрыли в 1923 году. Большинство его строений было уничтожено.

На месте обители разместился санаторий «Свобода» для больных костным туберкулезом. Сохранилась бывшая монастырская трапезная, где находились столовая, клуб, библиотека. На месте храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы воздвигли фонтан с гипсовыми медведями. Построили каскад лестниц, появились скульптуры. Наш дедушка Арепьев Григорий Иванович работал в столовой санатория. Он много фотографировал. Благодаря ему, в нашем семейном архиве хранятся интересные снимки — бывшего мужского монастыря Коренной Пустыни, санатория. В годы Великой Отечественной войны в монастырском саду располагался Командный пункт Центрального фронта. Сохранился снимок маршала К. К. Рокоссовского на территории санатория. 9 Мая 1975 года в м. Свобода был открыт историко-мемориальный музей «КП Центрального фронта». После войны на монастырских землях располагалось ремесленное училище, позднее ставшее ПТУ.

Коренная Пустынь была возвращена Курской епархии 7 августа 1989 года. Первый крестный ход состоялся 15 июня 1990 года.

Идя по следам Фета, мы прикоснулись к древним святыням, увидели их упадок и возрождение. А поэт предлагает нам погрузиться в яркий водоворот знаменитой Курской Коренской ярмарки. В России она являлась третьей по значимости после Нижегородской (Макарьевской) и Уральской (Ирбицкой). Отец поэта продавал на ярмарке лошадей со своего конного завода. Фет с братом осматривал конную площадь, «по которой тянулся ряд невысоких столбов, обозначающих отдельные станки для приводных лошадей». За табунами висело множество колоколов, в которые всякому покупателю дозволялось звонить. «Ярмарочная площадь,— пишет Фет,— кончалась полуверстным бегом с ярмарочным павильоном посредине. Каждый вечер здесь происходили состязания рысаков, а иногда и лошадей, возящих тяжести».

К бывшему ипподрому, рядом с которым располагались конные ряды, мы выходим по улице Спортивной. Сейчас здесь находится стадион.

Идем дальше! Поэт обращает внимание: «Исключение из оглушительного шума представляли только каменные ряды, напоминающие наружностью и устройством московский гостиный двор». Паломники и сегодня могут посмотреть на них. В зданиях бывшей торгово-промышленной Коренской ярмарки располагаются старые корпуса Свободинского электромеханического завода. Он был образован Постановлением Совета Министров от 10 октября 1946 года.

Читая воспоминания поэта, мы «видим» посетителей ярмарки — разодетых дам, гусаров с волочащимися саблями, «слышим» шум балов в дворянском собрании.

Познакомимся ближе со старинными зданиями м. Свобода. От завода к монастырю идет Коммунистическая улица, в дореволюционные времена — Московская. Украшением ее является бывший купеческий дом Крутикова, ныне в нем расположен Дом детского творчества. Параллельно Коммунистической проходит Гражданская улица, бывшая Дворянская. По ней мы выходим к величественному зданию с колоннами. Это Губернаторский дом. В годы советской власти здание входило в комплекс Свободинской больницы. Сегодня здесь амбулатория.

Остается добавить, что в середине XIX века Курская Коренская ярмарка получила статус международной, а к концу столетия начала угасать. Возрождение ярмарки состоялась 23 сентября 2001 года. С этого времени она все ярче, все шире проводится после приноса иконы в Коренную Пустынь.

В 1864 году в своей поэтической исповеди Фет обронил горькое: «Жизнь пронеслась без явного следа»,— и ошибся. Он оставил след в мировой литературе, которому никогда не зарасти травой забвения. И спустя 200 лет со дня рождения лирика, мы вчитываемся в страницы, написанные его рукой, устремляемся в места, «где слышишь не песню, а душу певца». Идемте с нами!

Следующая точка на нашем маршруте. Фет писал письма на специальной почтовой бумаге. В левом верхнем углу ее был типографский штамп: с 1972 года — «Московско-Курской ж. д. Станция Будановка», с 1883 — «Московско-Курской ж. д. Станция Коренная Пустынь». Интересно, что некоторые стихотворения Фета (графине С. А. Толстой, Чайковскому) написаны на бумаге с этим штампом. На станции находилось почтовое отделение. Через него и шла корреспонденция Фета. 24 — 25 апреля 1886 года поэт сообщает С. А. Толстой: «Завтра еду в Курск, а следовательно, и на почту...» После революции станция получила название Свобода. Она расположена в семи километрах от Воробьевки.

Продолжаем нашу экскурсию во времени. Фет бывал в уездном городе Щигры. В Российской государственной библиотеке хранятся Журналы Щигровского уездного земского собрания. В решении заседания от 9 октября 1882 года под № 5 записано: «По производстве баллотировки, закрытою подачею голосов на должности мировых судей избраны:.. почетными: коллежский советник Михаил Николаевич Офросимов... и отставной штабс-ротмистр Афанасий Афанасьевич Шеншин». Земская управа в Щиграх располагалась недалеко от Свято-Троицкого храма, на пересечении улиц Красной и Ленина. Мы видим ее на старинной открытке справа.

А теперь познакомимся с помещицей Е. С. Хомутовой, проживавшей в д. Пересуха Щигровского уезда. Екатерина Сергеевна неоднократно присылала поэту цветы, редкие овощи. В ответ Фет писал стихотворения: «Получивши туберозы...», «Цветы и песни с давних лет», «Е. С. Хомутовой при получении от нее пышного букета цветной капусты». В конце июня 1888 года Фет нанес визит своей поклоннице, о чем рассказал в письме к С. А. Толстой: «На днях мы с Марьей Петровной до дождя успели сбегать переночевать за 30 верст к бесконечно любезной по отношению к нам пятидесятилетней девице Хомутовой, представляющей действительно изумительное явление, если подумать, что огромный двухэтажный дом над широким прудом с оранжереей и домашней церковью, с немцем садовником в 800 руб., кактусами и пальмами,— возведены и содержатся ею на основании 1200 десятин. На другой день, любезно говоря о невещественном памятнике, сооруженном мною, она пригласила меня в свою карету и повезла за 4 версты в свой приход село Воздвиженское и показала свой памятник — в виде превосходной каменной церкви, сооруженной на могиле ее тетки рядом с деревянной крошечною церковью, стоящею уже 150 лет, которую мы тоже для контраста осматривали». Увы, на зыбучих песках времени не осталось следа от хомутовской усадьбы.

Мы заканчиваем нашу необычную экскурсию. Где-то в необозримой дали тают звуки ярмарки, перестук карет по мостовой, голоса ушедших людей... Мы щуримся у экрана компьютера или задумчиво листаем журнал, пристроившись в уютном кресле. XXI век шлет нам с улицы совсем иные, свои, звуки. Но Фет не уходит в прошлое. Не гаснут его зажженные на Курской земле «Вечерние огни». С ними светлее.

На фотографиях:

Дом Фета

Усадьба Фета

Флигель

Храм великомученика
Георгия Победоносца в с. 3-е Уколово

В усадьбе, как и при Фете, живет ослик

Монастырь Коренная Пустынь. Фотография сделана нашим дедом Григорием Ивановичем Арепьевым

Коренная Пустынь. Наши дни

Бывшие помещения ярмарки — ныне старые корпуса Свободинского электромеханического завода

Бывший Губернаторский дом в м. Свобода
Золотухинского района Курской области
(до революции Коренной Пустыни)

Станция Свобода

Земство в Щиграх

190-киллограмовый пряник испекли к ярмарке-2019.
Фото с сайта Курской Коренской ярмарки

Крестный ход

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

ХРИСТИАНСКИЙ МИР И. А. БУНИНА

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА К 150-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Я очень русский человек. Это с годами не пропадет.

И. А. Бунин

ЧАСТЬ 1. «ЖАЖДА ТВОРЧЕСТВА»

В 2020-м году отмечается 150-лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина (1870—1953) — первого из русских писателей, удостоенного Нобелевской премии (1933).

В рассказе **«Бернар»** (1952) — одном из последних — Бунин оставил своего рода художественное завещание. Раздумья автора, дней которого «на земле осталось уже мало», над последними словами французского моряка по имени Бернар, перед смертью твердо сказавшего: «Думаю, что я был хороший моряк», — выливаются в оду жизни, прославление целесообразности устроения Божьего мира. Трагизм конечного земного существования преодолевается приближением к сокровенному смыслу бытия, который заключается для человека в том, чтобы всеми силами служить на земле своему призванию, исполнять долг, «возложенный на него Богом». Бунин размышляет: «Бог всякому из нас дает вместе с жизнью тот или иной талант и возлагает на нас священный долг не зарывать его в землю. Зачем, почему? Мы этого не знаем. Но мы должны знать, что все в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое Божье намерение, направленное к тому, чтобы все в этом мире "было хорошо"»*.

Писательское служение **«высокому Божьему намерению»** сродни апостольскому деланию. *«Говорит ли кто, говори как слова Божии;* — наставляет Апостол Петр, — *служит ли кто, служи по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог через Иисуса Христа»* (1-е Петра. 4: 11); *«В усердии не ослабевайте, духом пламенейте; Господу служите»* (Рим. 12: 11), — учит также Апостол Павел.

Рассказ Бунина, «пламеневшего духом» в творчестве, содержит реминисценцию евангельской притчи о рабах, получивших от господина своего таланты — каждому по его силе. Эта притча приложима к труду писателя. Он не вправе уподобляться тому «*лукавому и ленивому рабу*», который, приняв свой «один талант», не употребил

* Бунин И. А. Собр. соч.: В 3 т. — М.: Худож. лит., 1982.— Т. 3.— С. 491. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

его в дело, не отдал в рост, но «*пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего*» (Мф. 25: 18).

Говоря притчей о «таланте серебра» как денежной единице, **Христос избрал образность, доступную и близкую иудеям — ростовщикам, меновщикам, торговцам и мытарям**. В то же время новозаветная метафора не подлежит материальному измерению. Подразумевается не имущественная мерка, а таланты духовные, полученные рабами Божьими от Господа в дар. Именно эти дары человек призван развивать и преумножать, отдавать на служение ближним: ***«даром получили, даром отдавайте»*** (Мф. 10: 8); *«Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6: 33).

Знаменательно, что писатели Серебряного века — современники Бунина — также сравнили его талант с «серебром», уподобили **«матовому серебру»**. Этот драгоценный «металл» выковывался сложно, порой мучительно. Бунин иногда расценивал его как «тягостное бремя». В рассказе **«Цикады»** писатель привел самохарактеристику литературного творчества: «Кто и зачем обязал меня без отдыха нести бремя, тягостное, изнурительное, но неотвратимое, — непрестанно высказывать свои чувства, мысли, представления, и высказывать не просто, а с точностью, красотой, силой, которые должны очаровывать, восхищать, давать людям печаль или счастье?».

Ответ был сформулирован на закате дней Бунина в рассказе **«Бернар»**. Автор осознает, что талант не только дар, но и Божье задание, «и что усердное исполнение этого Божьего намерения есть всегда наша заслуга перед Ним, а посему и радость, гордость» (3, 491). Так, тяжкий крест, достойно пронесенный по дороге жизни, позволяет ощутить полноту и гармонию евангельской антиномии: ***«иго Мое — благо, и бремя Мое легко»*** (Мф.11: 30). Оценивая свой творческий путь, Бунин пришел к мысли о том, что он, согласно евангельскому завету, «не зарыл свой талант в землю», работал «не за страх, а за совесть», «хорошо» выполнил свое предназначение: «ведь сам Бог любит, чтобы все было "хорошо". Он сам радовался, видя, что Его творения "весьма хороши"» (3, 492).

Формирование творческого дарования писателя началось в самом раннем детстве, проведенном в глуши дворянской усадьбы в Елецком уезде Орловской губернии, где «зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав и цветов» (3, 9). В автобиографическом романе **«Жизнь Арсеньева»** (1927—1929, 1933) Бунин воссоздал историю развития собственной души и становления личности, поднимая тему на уровень общечеловеческий, философский, метафизический.

В начальных главах показано, как человек входит в мир и как мир встречает его со всеми радостями и печалями. Ребенок отличается необыкновенной впечатлительностью, эмоциональностью, склонностью к созерцательности; интуитивно постигает неразрывную связь земного и небесного, дольнего и горнего. Робкая и нежная душа маленького героя устремляется в запредельное: «Солнце уже за домом, за садом, пустой широкий двор в тени, а я (совсем, совсем один в мире) лежу на его зеленой холодеющей траве, глядя в бездонное синее небо, как в чьи-то дивные и родные глаза, в отчее лоно свое. Плывет и, круглясь, медленно меняет очертания, тает в этой вогнутой синей бездне высокое, высокое белое облако... Ах, какая томящая красота! Сесть бы на это облако и плыть, плыть на нем в этой жуткой высоте, в поднебесном просторе, в близости с Богом и белокрылыми ангелами, обитающими где-то там, в этом горнем мире!» (3, 9—10). В головокружительном космизме этой зарисовки соединяются конечность и бесконечность; жизнь внешняя растворяется в жизни внутренней. *«Томление духа»* — «томящая красота» — эстетически отзывчивому человеку, натуре творческой внушают ощущение неразрывной связи творения и Творца, жажду полного слияния с Ним.

«Слышать зов пространства, знать бег времени — редкому человеку (а тем более

ребенку) Бог дает такое»*. Бунину была щедро отмерена необыкновенная острота чувств и душевных движений: «зрение у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги...» (3, 86).

В дальнейшем эти качества проявились в формировании неповторимой писательской манеры. Одна из ее особенностей — в умении передать состояние мира внутреннего в ясных образах мира внешнего: красках, звуках, ароматах. Окружающее пространство, узнаваемое в своих приметах как природа среднерусской полосы, в лирической преображенности становится «пейзажем души», одинаково свойственным и бунинской поэзии, и прозе, на которой неизменно лежит поэтический отпечаток. Сам Бунин сознавал себя прежде всего поэтом и огорчался, когда его считали в первую очередь прозаиком.

Первый поэтический сборник молодого автора **«Стихотворения. 1887—1891»** был издан в Орле в начале 1890-х годов. Орловский период жизни (1889 — 1892), с которым связаны дорогие для писателя воспоминания о юности, начале литературной деятельности, первой любви, сыграл огромную роль в становлении всей творческой судьбы Бунина. Уже на склоне лет вдали от Родины у него родилось следующее лирическое признание: «Когда я вспоминаю о Родине, передо мною прежде всего встает Орел, затем Москва, великий город на Неве, а за ними вся Россия»; «Не думайте, что я славословлю Орел оттого, что стар, что влачу долгие годы на чужбине, что мне близок этот город по воспоминаниям юношеских лет. И то правда, в Орле вышла первая книга моих стихотворений, там я печатал в орловской губернской газете перевод "Песни о Гайавате", там постиг Родину, проникся ее красотой, там любил, там слагал о ней стихи».

Орел воспринимался Буниным как «город Лескова и Тургенева» (3, 168). Литературно одаренный юноша стремился на родину великих писателей. Он приехал сюда в начале марта 1889 года и тогда еще не знал, что и сам, подобно своим знаменитым землякам, прославит Орел — это литературное гнездо — «доброю славою во всем цивилизованном мире».

Молодого автора, чьи стихи уже были опубликованы в петербургском журнале «Родина», пригласила к сотрудничеству издательница газеты «Орловский вестник» Надежда Семенова**. Работая в редакции, Бунин, по его воспоминаниям, «был всем, чем придется, — и корректором, и передовиком, и театральным критиком»***. В «Орловском вестнике» увидел свет целый ряд бунинских рассказов, очерков и стихотворений.

Писатель И. П. Белоконский — член орловского литературного кружка — вспоминал о Бунине: «уже тогда о нем говорили как о выдающемся поэте. Стройный, лет 23—24-х молодой человек, немного выше среднего роста, худой, он бросался в глаза своим, я бы сказал, поэтическим обликом. Кружок Бунин посещал с какою-то весьма красивою, изящною девушкой, что еще более обращало всеобщее внимание».

Имя этой девушки было скрыто в одном из бунинских стихотворений под инициалами посвящения «В.В.П.» — Варваре Владимировне Пащенко. Ей суждено было стать «радостью, несказанным счастьем, мукой и страданием» Бунина. Почти сорок лет спустя историю своей незабвенной любви Бунин поведал в повести **«Лика»**, включенной в художественную автобиографию **«Жизнь Арсеньева»**. На страницах этого романа — очень личных, исповедальных — раскрывается душа автора, «легко

---

* Рыжов И. А. Мой Бунин // Писатели Орловского края. XX век.: Хрестоматия.— Орел, 2001.— С. 884.

** Об отношениях Бунина с Н. А. Семеновой подробнее см.: Кондратенко А. Целую Ваши руки... // Новый Орел.— 2006.— № 26.— С. 2—4.

*** См. подробнее: Костомарова И. «Был всем, чем придется...» (К столетию приезда И. А. Бунина в Орел) // Орловская правда.— 1989.—18 февраля.

ранимая, независимая, до удивления нежная». Психологическое повествование организуется лирически и ритмически, подобно тургеневскому чуду поэтической прозы цикла "Senilia" (**«Стихотворения в прозе»**). И вовсе не случайно упоминаются имена самого Тургенева, его персонажей, когда Бунин показывает едва уловимый момент предчувствия любви, ее зарождения: «уже вечерело. "Вы любите Тургенева?" — спросила она. <...> Тут недалеко есть усадьба, которая будто бы описана в "Дворянском гнезде". <...> И мы пошли куда-то на окраину города, в глухую, потонувшую в садах улицу, где на обрыве над Орликом, в старом саду, осыпанном мелкой апрельской зеленью, серел давно необитаемый дом <...> Мы постояли, посмотрели на него через низкую ограду, сквозь этот еще редкий сад, узорчатый на чистом закатном небе... Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви» (3, 178 — 179).

«Все мое чувство состоит из поэзии, — писал Иван Бунин Варваре Пащенко.— О, Варенька, если б Господь дал нам здоровья и счастья! Как я хочу его — этого счастья, радости и красоты жизни!.. Как я хочу быть для тебя здоровым, смелым, стройным, чтобы в глазах светилась молодость и жизнь... Так много у меня в душе образов, жажды творчества! И любовь к тебе, как к моему другу, к поддержке жизни моей, и эти желания, желания запечатлеть жизнь в образах, в творческом слове — как все это иногда окрыляет меня!».

«Жажда творчества», окрылявшая Бунина, проявилась в те годы и в его таланте переводчика. Вершиной мастерства признан перевод **«Песни о Гайавате»** Генри Лонгфелло (1807—1882), впервые опубликованный в 1896 году на страницах «Орловского вестника». За этот труд Бунин был удостоен звания Пушкинского лауреата, почетного академика изящной словесности Российской академии наук. До сих пор поэму Лонгфелло мы читаем **в непревзойденном бунинском переводе**.

Как переводчик Бунин необыкновенно бережен к звучащему слову, деликатен. Ему удается сохранить своеобразие и музыкальность поэтической речи подлинника, **в основу которого положен эпос североамериканских индейцев**. В предисловии Бунин дал восторженную оценку поэме Лонгфелло: «Она воскрешает перед нами красоту девственных лесов и прерий, воссоздает цельные характеры». Это поистине «замечательное воспроизведение природы и человеческой жизни» проникнуто идеей преодоления розни во имя мира и жизнестроительства на началах веры в Бога, добра и правды:

Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в Бога,
В искру Божью в человеке;
<...> Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!
<...> О его рожденье дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде.*

Художническая установка на безыскусственность и чистоту стиха проявилась и в ранней, и в зрелой лирике Бунина. Высокую оценку современников получил его поэтический сборник **«Листопад»** (1901), в котором были отмечены «душевное равно-

* Лонгфелло Г.-У. Песнь о Гайавате. Поэмы. Стихотворения: Пер. с англ.— М.: Худож. лит., 1987.— С. 17—18.

весие, простота, ясность и здоровье» (К. И. Чуковский). Не остался равнодушным к бунинской поэзии А. Блок, подчеркнувший, что «цельность и простота стихов и мировоззрения Бунина <...> **ценны и единственны в своем роде**»*. А. И. Эртель писал Бунину: «Люблю Ваши стихи, простые, без нынешних выкрутас и сверхъестественных напряжений фантазии и языка»**.

Естественность и непринужденность Бунина-поэта выражались и в том, как он, по воспоминаниям современников, читал свои стихи: не декламировал, а произносил их, как бы разговаривая сам с собою. Это была принципиальная позиция. В отношении к поэзии он считал недопустимыми манерность, театральность, вычурность. Свое убеждение Бунин перенес и на страницы прозы. Например, в повести **«Митина любовь»** (1924) есть эпизод, когда герой испытывает мучительное чувство стыда за свою подругу, в то время как она со сцены декламирует стихи: «читала она с той пошлой певучестью, фальшью и глупостью в каждом звуке, которые считались высшим искусством чтения <...> она не говорила, а все время восклицала с какой-то назойливой томной страстностью, с неумеренной, ничем не обоснованной в своей настойчивости мольбой» (2, 316).

Противник всякой пошлости и неискренности — Бунин проявил себя как продолжатель традиций русской классики, от Пушкина до Фета: «Пушкин был для меня в ту пору подлинной частью моей жизни. <...> больше всего был я с Пушкиным. Сколько чувств рождал он во мне!» (3, 116—117).

В поэзии Бунин использовал самый широкий спектр средств художественной выразительности. При всей точности, конкретности наблюдений и зарисовок всегда остается нечто неуловимое, что особенно одухотворяет поэтические образы, оттенки и переливы душевных движений, эстетически воплощенные в слове. Весь мир сосредоточен в душе поэта. Это дает ему ощущение счастья и полноты жизни: «*Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне*» (**«Вечер»**. 1909).

Устанавливая связи конкретного момента с непреходящим, вечным, Бунин умеет передать гармонию бытия во вселенском масштабе. Так, в стихотворении **«Летняя ночь»** (1912) пересекаются сферы земные и небесные:

Прекрасна ты, душа людская! Небу
Бездонному, спокойному, ночному
Мерцанью звезд подобна ты порой!

По ощущению ценности каждого мига жизни в перспективе вечности и бесконечности мироздания эти стихи соотносимы с поэтическим шедевром Фета **«На стоге сена ночью южной...»**, лирический герой которого осознает себя как любимое Божье творение на Земле:

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Он испытывает захватывающее дух чувство полета, растворенности во вселенском пространстве. Однако космическая необъятность не пугает человека, который постигает, что он «в руке Божьей», и ощущает неизменную поддержку высших сил — «длани мощной»:

* Блок А. О лирике // Блок А. А. Собр. соч.— М.; Л., 1962.— Т. 5.— С. 141.
** Цит. по: Русская литература.— 1961.— № 4.— С. 151.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смиреньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

Тема Божьей милости, христианского упования на высшее заступничество и тема родной земли, Родины в ее русских приметах *(«полевые пути меж колосьев и трав»)* особенно пронзительно соединились в бунинском стихотворении **«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»** (1918):

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

ЧАСТЬ 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ СВЯТОЙ РУСИ

Основные мотивы бунинской лирики: Россия, ее природа и судьба, христианский дух земли русской, национальный характер, загадка русской души, человек и мироздание, любовь и тайны бытия, «вечные» проблемы жизни и смерти, уходящие корнями в сакральный текст Священного Писания, — воплощались и в его прозе.

Христианское мировоззрение, национально-русская патриотическая позиция, развитый эстетический вкус писателя в совершенстве проявились в раннем бунинском рассказе **«Антоновские яблоки»** (1900). В этом опыте «путешествия в воспоминаниях», наполненном особым лирическим смыслом, складывались отличительные черты авторской манеры и литературного стиля Бунина, воплощалось его религиозно-художественное миропонимание.

В **«Антоновских яблоках»** отразились личные, недавно пережитые впечатления писателя от усадебной деревенской жизни в Орловской губернии. В августе 1891 года Бунин писал Вареньке Пащенко: «Вышел на крыльцо и увидал, что начинается совсем осенний день. Заря — сероватая, холодная, с легким туманом над первыми зеленями... Крыльцо и дорожки по двору отсырели и потемнели... В саду пахнет антоновскими яблоками... Просто не надышишься!..» (1, 564).

Бессюжетное полотно, будто состоящее из цветных мазков, световых пятен, фрагментов, впечатлений, имеет сюжет внутренний. Это хроника вечной природной жизни. Но гораздо важнее сюжета сама неповторимая атмосфера рассказа. Она разлита в любовании красотой средней полосы России, в наслаждении немудреной жизнью среднерусской усадьбы — **«дворянского гнезда»**. Это особое одухотворенное пространство представлено в тончайших наблюдениях и переживаниях.

Аромат антоновских яблок становится эстетической реальностью, пронизывающей всю художественную атмосферу произведения. В первоначальной редакции рассказ имел следующее вступление: «Где-то я читал, что Шиллер любил, чтобы в его

комнате лежали яблоки: улежавшись, они своим запахом возбуждали в нем творческие настроения. Не знаю, насколько справедлив этот рассказ, но вполне понимаю его: есть вещи, которые прекрасны сами по себе, но больше всего потому, что они заставляют нас сильнее чувствовать жизнь. Запахи особенно сильно действуют на нас, и между ними есть особенно здоровые и яркие: запах моря, запах леса, чернозема весною, прелой осенней листвы, улежавшихся яблок <...> чудный запах крепких антоновских яблок, сочных и всегда холодных, пахнувших слегка медом, а больше всего — осенней свежестью!»*.

Впоследствии автор снял это вступление. Но на его незримое присутствие указывает многоточие, непривычно вынесенное в самое начало рассказа, будто это не зачин, а продолжение повествования — в непрерывном потоке воспоминаний: «...Вспоминается мне ранняя погожая осень» (1, 147). Прием умолчания, усиленный глубокой паузой, подчеркивает своеобразие показа художественного времени: «читатель входит в некий постоянно текущий, непрерывный, безначальный поток воспоминаний, и не так важно, где и когда в него войти»**.

Накрепко связанный с родной землей, со своим народом, Бунин, производивший внешнее впечатление холодного чопорного дворянина-аристократа, избирает в рассказе деревенский, именно крестьянский угол зрения. Впечатления лирического героя сливаются с фольклорным календарем, в котором народная мудрость соединила наблюдения над вечно обновляющейся жизнью природы с христианскими праздниками, духовно возрождающими человека, с именами Святых — наших молитвенников и заступников перед Господом. Знаменательно, что народный календарь наполнен добрыми знаками, счастливыми приметами. Эмоционально-оценочный контекст задает светлую тональность всему повествованию: «Август был <...> с дождиками в самую пору, в средине месяца, около праздника Св. Лаврентия. А "осень и зима хороши живут, когда на Лаврентия вода тиха и дождик". Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак» (1, 147).

Картина урожая из бытовой зарисовки вырастает в знаковый образ радости, красоты и полноты простонародного уклада русской жизни: «"Ядреная антоновка — к веселому году". Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился...» (1, 150). Все это определяет настроение веселья, довольства, православной праздничности: «Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен» (1, 150).

Идущее от сокровенных духовных и национальных глубин чувство Родины под пером писателя преображает незатейливые пейзажи в картины необыкновенно прекрасные. Сцены, нарисованные Буниным, на редкость живописны. В палитре художника разнообразные переливы красок: от нежных, прозрачных, пастельных полутонов до ослепительно ярких, сочных, насыщенных: «голубоватый дым», вода «прозрачная, ледяная», «бирюзовое небо», «коралловые рябины», «красные уборы», «целый золотой город» собранного урожая.

Ракурс изображения также многоплановый. Бытовые зарисовки, лирические раздумья сопричастны не только конкретно-историческому движению времени, вызывающему ностальгию автора по уходящей в прошлое уютной усадебной жизни. Бунин вместе с тем устремлен к Божественной, заповеданной в Евангелии «полноте времен»: *«В устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом»* (Еф. 1: 10). Писатель стремится духом проникнуть в непостижимое таинство слияния небесного и земного, горнего и дольнего: «черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды. Долго глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами» (1, 149). Человека

* Бунин И. А. Собр. соч.— СПб.: Знание, 1902.— С. 75.

** Новикова Е. А. Воспоминание как форма повествования в рассказе И. А. Бунина «Антоновские яблоки» // «Поэтика» литературных гнезд: филология, история, краеведение.— Тула, 2005.— С. 105.

не покидает надежда на грядущее обновление жизни: *«мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда»* (2 Пет. 3: 13).

Концовка рассказа неожиданно обрывается многоточием. Финал повествования так же открыт, как и его начало. Эта жанрово-стилистическая особенность наполняется христианской метазначительностью: ведь *«у Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет, как один день»* (2 Пет. 3: 8).

Элегически-светлый поток воспоминаний без начала и конца замирает на печально-веселой ноте. Это народная песня звучит «с грустной, безнадежной удалью»:

На сумерки буен ветер загулял, <...>
Белым снегом путь-дорогу заметал... (1, 160)

Бунин — писатель очень русский по духу — любил изображать зиму. Может быть, по той простой причине, что на Святой Руси она особенная, не похожая ни на какие другие зимы в чужих краях. В этой связи вспоминается пушкинское:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму.

Также и Фет указал на русскость зимнего цикла своих стихотворений, назвав его **«Снега»** — как отличительный признак нашей зимушки-зимы.

Зима в ее русских приметах рисуется во многих бунинских рассказах. «День хороший, морозный, за ночь снег выпал, виден следок везде: все к обедне пошли» (1, 426), — пишет автор в рассказе **«Иоанн Рыдалец»** (1913). «Ах, в зиме было давно знакомое, всегда радовавшее зимнее чувство! Первый снег, первая метель! — восклицал писатель в рассказе **«Худая трава»** (1913). — <...> В белых снежных полях, в метели — глушь, дичь, а в избе уют и покой» (1, 444).

Бунин с таким мастерством умеет передать тепло и уют запертого изнутри дома, который осаждают мороз, снежные метели и сугробы, что от текста исходит отрадное тепло, как от натопленной русской печки: «Вечером <...> горели лампады, а тепло изразцовой каменки и попоны, покрывавшие пол, давали сладостный уют» (2, 280),— читаем в рассказе **«Святитель»** (1924). Его действие происходит «двести лет тому назад, в некий зимний день», на святки, когда звучат «песнопения во славу Пречистого Рождества Господа нашего Иисуса Христа, Красоты нашей неизреченной» (2, 280). **Так соединяются святки и святость, сквозь русский зимний праздничный цикл светится образ святой Руси**.

В рассказе **«Святые»** (1914) представлена настоящая зимняя сказочность: «светлая морозная ночь сверкала звездами за мелкими стеклами старинных окон. <...> видно было глубокое небо в редких острых звездах, снег, солью сверкавший под луною, длинная волнистая тень дыма <...> а дальше, за белыми лугами — высокие косогоры, густо поросшие темным хвойным лесом, сказочно посеребренным луной сверху» (1, 483).

Картину Святой Руси создают предания о Святых страстотерпцах. Действие рассказа **«Святые»** разворачивается на Святках. Бунин воспроизводит обстановку христианского, по традиции — семейного — зимнего праздника в гостеприимной дворянской усадьбе. Однако мотив беспечного веселья, заявленный во вступлении, в дальнейшем служит лишь контрастирующим фоном, сопровождающим совсем иную атмосферу — благостной тишины, внутренней сосредоточенности, раздумий о Боге и об истинном предназначении человека.

В то время как ярко освещенный барский дом беззаботно живет «своей жизнью,

веселой, праздничной» (1, 484), в дальней бедной комнатушке, таинственно освещенной лишь лунным светом, бывший дворовый Арсенич, пришедший навестить своих прежних господ, «в какой-то радостной задумчивости» растроганно проливает слезы о Святого судьбе великомученика Вонифатия, Святой мученицы Елены — «великой печальницы».

Писатель выбирает необычный ракурс: жития Святых представлены сквозь призму детского восприятия. Маленькие герои Митя и Вадя тайком пробрались в заднюю каморку, куда лишь отдаленно доносится шум праздника, чтобы послушать рассказы старого Арсенича.

Два разных мира — детство и старость — поставлены перед лицом друг друга. Дети с нескрываемым любопытством пристально разглядывают непостижимые для них признаки дряхления в облике Арсенича: «сизые старческие руки <...> жилы на его сморщенной розовой шее» (1, 484—485). С простодушием, присущим юному возрасту, озвучивает Митя вывод из своих наблюдений: «Вы теперь умрете скоро» (1, 485). Однако бесхитростная детскость в данном случае совпадает с умудренностью старости. Арсенич принимает неизбежность своего скорого ухода из жизни настолько же мирно, насколько спокойно и дети спрашивают его об этом: «Сущая правда ваша-с. Полагаю даже нынешней зимой» (1, 485).

Смиренномудрое, кроткое отношение к смерти при всей полноте жизнелюбия свойственно народному мировосприятию, основанному на православной вере. Это одна из загадок, постоянно волновавших Бунина.

«И когда это ты умрешь, Панкрат? Небось, тебе лет сто будет?» — задают вопрос старику в рассказе **«Антоновские яблоки»**. В ответ он «кротко и виновато улыбается. Что ж, мол, делать, — виноват, зажился. И он, вероятно, еще более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку» (1, 150). Его старуха сама купила себе на могилку большой камень, «так же как и саван, — отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям» (1, 151). Осмысленность и тщательность этих приготовлений к последнему исходу (важно, чтобы он был обставлен должным образом, по православному чину) показывают, что смерть не страшит бессмертную в своих христианских чаяниях душу. Готовясь предстать перед Богом, Который *«не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы»* (Лк. 20: 38), человек из народа обретает в конце земной жизни спокойное, ясное приятие бытия, мироустройства — в полном соответствии с упованиями Нового Завета: *«если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения <...> Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскресши из мертвых, уже не умирает: смерть не имеет над ним власти»* (Рим. 6: 5; 8—9).

В то же время и на пороге смерти земная жизнь, дивно устроенный Божий мир притягательны для человека. В Арсениче еще очень сильна потенциальная энергия жизни. Со своими малолетними собеседниками он делится самым сокровенным: «кабы моя воля, прожил бы я на свете тыщу лет!

— А зачем?

— А затем-с, что все бы жил, смотрел, на Божий свет дивился...» (1, 491— 492).

Таков же старец Иванушка, еще полный жизненных сил, в повести **«Деревня»** (1909—1910). Этот герой никак не хочет поддаться смерти. Аверкий в рассказе **«Худая трава»**, своим благообразием напоминающий иконописный лик: «изможденное лицо с тонким сухим носом, жидко-голубые глаза и узкая седеющая борода» (1, 429),— смиренно и безропотно ожидает смерти, но с последней надеждой на чудо, хотя сам он уже походит на «живые мощи».

Пересечение с известным рассказом Тургенева **«Живые мощи»** (1874) весьма ощутимо, и это литературное влияние закономерно. Б. К. Зайцев (лично знавший Бу-

нина, оставивший о нем очерк воспоминаний*), справедливо назвал тургеневский рассказ «драгоценностью нашей литературы»**. Его главное достоинство — изображение способности человека в любом состоянии радоваться самоценности жизни, благословлять и принимать ее в любых проявлениях. Художественное воплощение получает новозаветная заповедь радости, во имя которой люди призваны жить на земле: *«Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах»* (Мф. 5: 12).

К восторженному удивлению перед чудом творения совершенного Божьего мира присоединяется сознание несовершенства мира человеческого — **с его «лукавым мудрствованием», спасаемого лишь подвигами Святых**. Эти противоречивые переживания сливаются у Арсенича в неделимый комплекс эмоций-антиномий: радости и грусти, улыбок и слез, чувства торжествующей печали. «Глядя на детей грустно-радостными глазами» (1, 491), он «в какой-то радостной задумчивости плакал горькими слезами» (1, 484), непрестанно рассказывая своим маленьким слушателям о подвижничестве мучениц и мучеников. В их житиях герой обрел источник духовной силы. Восхищение подвигами Святых пробуждает в Арсениче дар слез, приближающий его самого к идеалу праведности. Неслучайно Вадя, заслушавшись, вдруг спросил «охрипшим голоском:

— А вы будете святой?» (1, 491).

Поистине, Бог *«утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам»* (Мф. 11: 25).

Оценивая себя как «человека грешного», герой одновременно признает: «Душа у меня, правда, не нонешнего веку... Мне Господь не по заслугам великий дар дал. <...> слезный дар называется» (1, 491).

Из Нового Завета известно, что на глазах Христа часто видели слезы. Он плакал от жалости и сострадания к людям, об их нераскаянных грехах, ведущих к погибели: *«когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем»* (Лк. 19: 41).

Согласно святоотеческому наследию, душа человеческая очищается покаянием и слезами. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Мы не будем обвинены при исходе души нашей за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видения, но, без сомнения, дадим ответ Богу за то, что не плакали непрестанно о грехах своих»***.

Дар слез отличается амбивалентностью, соединяя в себе эмоциональные полярности: «благодатные слезы — завершение покаяния — одновременно являются началом бесконечной радости (антиномия блаженств, возвещенных в Евангелии, — *«Блаженны плачущие, яко тии утешатся»*)»****.

Именно таков «слезный дар» старика Арсенича в бунинском рассказе **«Святые»**. Многослойное повествование содержит в подтексте мощный новозаветный пласт — основу житийной темы. Текст бунинского рассказа позволяет восстановить обширный евангельский контекст. Так, преломление событий сквозь призму детского сознания — прием не столько стилистический, сколько содержательный. Евангельская заповедь: *«Будьте как дети»* — по-особенному звучит на Святках, когда празднуется Рождество Божественного Младенца. В Богомладенчестве Иисуса Христа человечеству дана новозаветная *«сверх надежды надежда»* (ср.: *«сверх надежды поверил с надеждою»* — Рим. 4: 18) — на искупление, прощение и спасение в *«жизни будущего века»*. Иисус сказал: *«пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное»* (Мф. 19: 14); *«если не обратитесь и не буде-*

---

* См.: Зайцев Б. К. Молодость — Иван Бунин // Писатели орловского края. XX век.: Хрестоматия.— Орел, 2001.— С. 414—420.

** Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева // Зайцев Б. К. Далекое.— М.: Сов. писатель, 1991.— С. 247.

*** Цит. по: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви.— М.: Центр «СЭИ», 1991.— С. 154—155.

**** Там же.

те как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 17: 3); *«кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает»* (Мф. 17: 5).

«Святые» Бунина — классический святочный рассказ (хотя автор и не пользуется этим жанровым обозначением), в котором представлены наиболее устойчивые элементы поэтики святочной словесности: зимняя календарная приуроченность, образы детей, мотивы смеха и плача, чуда, спасения, дара, христианская мораль и спасительные уроки.

«Слезный дар» Арсенича в **«Святых»** соотносит его с образом главного героя бунинского рассказа **«Иоанн Рыдалец»** (1913). Жизнь Христа ради юродивого рисуется также с опорой на агиографическую традицию. Рос угодник Божий «в семье честной и праведной <...> С ранних лет полюбил он Писание» (1, 425—426),— Бунин сохраняет распевную древнерусскую ритмику, важнейшие житийные мотивы: целомудрия, «худых риз», видения от Бога, чудесного знамения. Быль о непрестанно рыдающем блаженном страдальце после его кончины с годами превращается в легенду, и видится он «точно в церкви написанный — полунагой и дикий, как святой, как пророк» (1, 427).

В этой связи можно провести параллель с повестью Н. С. Лескова **«Очарованный странник»** (1873). Жизненное странствие Ивана Флягина в итоге привело его в монастырь, где герой обрел слезный и пророческий дар: «И даны были мне слезы, дивно обильные!.. Все я о Родине плакал»*.

Святочная тема в творчестве Бунина соседствует с пасхальной. Пасхальное, возрождающее мироощущение не оставляло писателя даже в трагические, «окаянные» послереволюционные дни. Так, 24 мая 1919 года он записывал: «Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Почувствовал, кроме того, какое-то внезапное расширение зрения,— и телесного, и духовного,— необыкновенную силу и ясность его».

Сцены православного богомолья, «картины соборов, проходов под златоверхими колокольнями» (1, 450) киевских церквей, прозрачно-весенняя палитра пасхальных праздников: «тополя уже оделись, зеленели, церковно благоухали. Розовым цветом цвели сады, празднично белели большие старинные села» (1, 447) — в рассказе Бунина **«Лирник Родион»** (1913) близки словесной живописи шедевра А. П. Чехова **«Святою ночью»** (1886). Искусство слепца Родиона, исполнявшего под аккомпанемент лиры песнопения «на церковный лад, как и должен петь тот, чье рождение, труд, любовь, семья, старость, смерть как бы служение» (1, 449), сродни одаренности чеховского героя — иеродиакона Николая. Этот монах, который «нигде не обучался и даже видимости наружной не имел»**, наделен талантом сочинять акафисты. Мы будто слышим бунинского лирника Родиона, когда Чехов устами своего рассказчика излагает теорию стиля православного религиозного искусства: «Кроме плавности и велеречия <...> нужно еще, чтоб каждая строчечка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молнии, и ветер, и солнце и все предметы мира видимого»; «надо, чтоб в каждой строчечке была мягкость, ласковость, нежность <...> **Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил**»***.

Образы бунинских героев в рассказах «Иоанн Рыдалец», «Худая трава», «Святые», «Веселый двор», «Аглая», «Лирник Родион» и др. продолжают художественную галерею святых и праведных земли русской, сотворенную Лесковым, создавшим для России «иконостас ее святых и праведников»****.

---

* Лесков Н. С. Собр. соч.: В 3 т.— М.: Худож. лит., 1988.— Т. 1.— С. 654.

** Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1974—1988.— Сочинения.— Т. 5.— С. 96.

*** Там же.— С. 97—98.

**** Горький М. Н. С. Лесков // Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— М.: ГИХЛ, 1953.— Т. 24.— С. 231.

ЧАСТЬ 3. РУССКИЙ ПО ДУХУ

Бунин всю Россию воспринимал как «икону»: «Если бы я эту "икону", эту Русь не любил, не видал, — скажет он позднее,— из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто!» (1, 11).

Душевная мука писателя — от ясного сознания того, что в народе присутствует «страшная переменчивость настроений, обликов, "шаткость", как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: "Из нас, как из древа,— и дубина, и икона",— в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает».

В дневниковых записях **«Окаянных дней»** 5 мая 1919 года на память Бунину приходит характеристика Смутного времени на Руси, данная философом и историком В. С. Соловьевым: «**Дух материальности, неосмысленной воли, грубого своекорыстия повеял гибелью на Русь...** У добрых отнялись руки, у злых развязались на всякое зло... Толпы отверженников, подонков общества потянулись на опустошение своего же дома под знаменами разноплеменных вожаков, самозванцев, лжецарей, атаманов из вырожденцев, преступников, честолюбцев...»

В ночь на 15 мая 1919 года писатель фонетически тщательно фиксирует воспоминание бывшего арестанта. **За примитивной зарисовкой «ярусов» тюремного быта встает подлинная картина вертикали власти вкупе с вожаками-политиканами:** «В тюрьме обнаковенно на верхнем этажу сидят политики, а во втором — помощники этим политикам. Они никого не боятся, эти политики, обкладывают матюком самого губернатора, а вечером песни поют, мы жертвою пали... Одного из таких политиков царь приказал повесить и выписал из Синода самого грозного палача, но потом ему пришло помилование и к политикам приехал главный губернатор, третья лицо при царском дворце, только что сдавший экзамен на губернатора. Приехал — и давай гулять с политиками: налопался, послал урядника за граммофоном — и пошел у них ход: губернатор так напился, нажрался — нога за ногу не вяжет, так и снесли стражники в возок... Обешшал прислать всем по двадцать копеек денег, по полфунта табаку турецкого, по два фунта ситного хлеба, да, конечно, сбрехал...»

Бунин видит, что сущность власти остается неизменной. Страдая душой о России, над которой то и дело сгущаются смутные времена, писатель с возмущением говорит о разлагающем влиянии неправедной власти на душу человека, о преднамеренном осквернении людей властями: «Но какие подлецы! Им поминутно затыкают глотку какой-нибудь подачкой, поблажкой. И три четверти народа так: за подачки, за разрешение на разбой, грабеж отдает совесть, душу, Бога...»

Вот почему апостол Павел призывал: *«братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»* (Еф. 6: 10—12).

По апостольскому слову, Христос, *«отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собой»* (Кол. 2: 15). В Новом Завете выражена вера в то, что во втором пришествии Христа *«Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство, и всякую власть, и силу»* (1 Кор. 15: 24).

Для подавляемой властью личности пространством свободы служит православная вера. Писатель показал, что рабство внешнее не убило в русском народе внутренней свободы души и духа. Художественная логика цикла неуклонно ведет к выводу о том, что люди не должны быть рабами людей — по слову Апостола Павла: *«не делайтесь рабами человеков»* (1 Кор. 7: 23). Люди не рабы, а дети Божьи: *«Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа»* (Гал. 4: 7). Бунин утверждает богоподобное достоинство человеческой личности, ее духовную независимость. Человек рожден свыше, его Господь Отец сотворил. И этот

дар творения подкреплен даром истинной свободы — в Боге и от Бога: *«Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства»* (Гал. 5: 1). Те же, кто отнимает у человека этот дар Божий, суть богопротивники, бесы — носители зла.

Противодействие сатанинским силам, устремившимся погубить Россию, может быть найдено только в Боге, в служении Ему молитвой, словом, делом. Церковная красота, церковное пение, по признанию писателя, трогали его «необыкновенно», вызывали «чувство легкости, молодости. А наряду с этим — какая тоска, какая боль». Облегчение душевной муки находил Бунин в православном храме: «Часто заходим и в церковь, и всякий раз восторгом до слез охватывает пение, поклоны священнослужителей, каждение, все это благолепие, пристойность, мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание».

Писатель свято верил, что Русь не «дубина», а «икона». Бунинскую мысль продолжают раздумья его современника, религиозного философа И.А. Ильина: «Русь именуется "святою" не потому, что в ней "нет" греха и порока; или что в ней "все" люди святые... Нет. Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся ***жажда праведности***, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, *художественно отождествиться с ней*, стать хотя бы слабым отблеском ее <...> И в этой *жажде праведности человек прав и свят* при всей своей обыденной греховности»*.

Именно такое отношение к православной России, к святой Руси свойственно Бунину-художнику, какие бы жестокие и темные стороны русской жизни он ни показывал, например, в повестях **«Деревня»** (1909—1910), **«Суходол»** (1911), в рассказах **«Танька»** (1892), **«Ночной разговор»** (1911), **«Чаша жизни»** (1913) и др.

В рассказе **«Косцы»** (1921) память подсказывает писателю один момент народного бытия: «в березовом лесу рядом с большой дорогой пели косцы — с такой же свободой, легкостью и всем существом» (2, 541). **Бунин передает самую суть «серединной, исконной России»** (2, 209) и кровное, нерасторжимое родство с ней русского человека, как бы далеко от нее он ни жил: «все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств <...> что эта Родина, этот наш общий дом была Россия и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу» (2, 210—211).

Долгие тридцать три года Бунин жил вдали от Родины. Но России-«иконе» и православной вере он не изменял никогда, каждый миг сохраняя в душе и мыслях «благословение отца своего, гробы родительские, святое Отечество, правую веру в Господа нашего Иисуса Христа!» Мучительная ностальгия — «сладкое и скорбное чувство Родины» — ни на мгновение не оставляла писателя: «Разве можем мы забыть Родину? Может человек забыть Родину? Она — в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадет».

В творчестве Бунина периода эмиграции нарастают мотивы одиночества, скитальчества, бесприютности:

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо...
Как бьется сердце горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой наемный дом
С своей уж ветхою котомкой! (1922).

---

* Ильин И. А. О «Богомолье» И. С. Шмелева // Шмелев И. С. Богомолье.— М.: Православное слово, 1997.— С. 9—10.

В основе этих стихов — евангельская притча, словами которой говорил о Себе Христос: *«лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»* (Мф. 8: 20).

Бунин, покинувший в юности родное гнездо своей обедневшей дворянской усадьбы, по словам матери, «с одним крестом на груди», с тех пор не имел собственного дома. «Мой дом — дорога», — говорил он.

Рассказ **«Копье Господне»** (1913), созданный по живым впечатлениям путешествий писателя, в философском масштабе представляет человеческую жизнь как вечное странничество в безбрежном море, полном зловещих предзнаменований: «беззвучно, этими слабыми и бедными знаками, которыми дает весть крохотная человеческая жизнь другой такой же, окруженной морями, пустынями, безвестностью, смертью, ведем мы нашу морскую беседу, — с тревогой и надеждой спрашиваем о той родной точке земного шара, которая нам, скитающимся по всему свету, единственно дорога и нужна...» (1, 423).

В символико-смысловом контексте рассказа его финал звучит как лирическое заклинание — почти молитва — о человеке: «Но да сохранит Бог-ревнитель и его счастье!» (1, 423). Бунинская молитва сродни своеобразному молитвословию Тургенева в романе **«Рудин»** (1855), в финале которого также громко озвучены мотивы дома, гнезда, одиночества, бесприютности: «Хорошо тому, кто такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый уголок... И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам!»*.

Открытое окно в мир, ароматы дальних стран манили Бунина. Для него стремление к познанию неизведанного, сокровенного сродни таинству крещения:

Пора, пора мне кинуть сушу,
Вздохнуть свободней и полней —
И вновь крестить нагую душу
В купели неба и морей! (1916).

«Я стремился "обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей", как сказал Саади, меня занимали вопросы философские, религиозные, нравственные, исторические» (1, 562), — признавался писатель. Бунинское решение проблемы личности — найти «вечное в человеке, человеческое в вечности»**. Это стремление воплотилось в лирико-философских рассказах «Братья» (1914), «Господин из Сан-Франциско» (1915), «Сны Чанга» (1916), «Роза Иерихона» (1918), «Слепой» (1924), «Ночь» (1925) и многих других.

Бунину-художнику присуще обостренное ощущение «всебытия», пребывания в мире Божественного начала. Библейские строки: *«Господь над водами многими...»* становятся эпиграфом к исповедальной повести **«Воды многие»** (1911—1926), герой которой — мечтатель, созерцатель, художник, одаренный великой исторической памятью, чувством «трепетного и радостного причастия вечному и временному, близкому и далекому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на земле» (2, 433). Ту же мысль Бунин выразил в стихотворении **«Собака»** (1909): *«Я человек: как Бог, я обречен Познать тоску всех стран и всех времен»*.

Лирическому герою близок капитан из **«Снов Чанга»**, однако его нравственно-психологическое состояние иное. Он видел весь земной шар, но, потерпев крах в любви, столкнувшись с предательством, разуверился в жизни и уже не обратился бы с молитвой, как в повести **«Воды многие»**: «Продли, Боже, сроки мои!» (2, 433).

---

* Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.— Сочинения: В 15 т.— Т. VI.— М.; Л.: АН СССР, 1963.— С. 368. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

** Литературное наследство.— Т. 84.— Кн. 1.— М.: Наука, 1973.— С. 386.

Единственным спутником и «собеседником» капитана становится Чанг — собака, привезенная из Китая.

Упоминание о плавании в Китай обращает автора-повествователя к древнекитайской философии Дао — неисповедимому Пути, в котором бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое сравниваются, высокое и низкое соотносятся, начало и конец чередуются в вечном круговороте бытия — «в том безначальном и бесконечном мире, что недоступен Смерти. В мире этом должна быть только одна правда <...> а какая она, — про то знает тот последний Хозяин, к которому уже скоро должен возвратиться и Чанг» (2, 131).

В то же время нет оснований полагать, будто бы Бунин всерьез увлекался восточными учениями. Так, в **«Снах Чанга»** китайская религиозная доктрина преподносится через сознание собаки китайской же породы. Это ведущий художественно-стилистический прием рассказа. В картинно-полифоническом повествовании голос героя, история его судьбы передаются через воспоминания и размышления Чанга. Необычный в литературе образ мыслящей собаки (среди предшественников — **«Каштанка»** Чехова; в числе последователей — **«Собачье сердце»** Булгакова) ранее был создан Буниным в поэзии:

<...>Вздыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих — и думаешь...
Ты вспоминаешь то, что чуждо мне <...>
Но я всегда делю с тобою думы <...> (**«Собака»**. 1909)

Любовь и преданность Чанга, сохраняющего верность хозяину до его последнего вздоха и даже после смерти капитана, оказались выше и прочнее женской любви. Мотивы одиночества, острой душевной боли человека, покинутого его возлюбленной, пронизывающие художественную ткань **«Снов Чанга»**, стали ретроспекцией бунинского стихотворении **«Одиночество»** (1903):

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

«Не будет, Чанг, любить нас с тобой эта женщина! — *Есть, брат, женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жаждой любви и которые от этого от самого никогда и никого не любят.* <курсив Бунина. А. Н.-С.> <...> Кто их разгадает?» (2, 128) — устами героя передает свои размышляет автор.

Чаще всего именно такой тип женщины — неразгаданной, непредсказуемой, которая заставляет страдать и страдает сама, — изображает Бунин: Оля Мещерская (**«Легкое дыхание»**), Катя (**«Митина любовь»**), Мария Сосновская (**«Дело корнета Елагина»**). Потрясенный пережитыми в юности муками и блаженством любви (автобиографическая повесть **«Лика»** — 1933), писатель в остро психологической прозе до конца дней своих стремился прикоснуться к загадкам и глубинам этого чувства: **«Грамматика любви»** (1915), **«Казимир Станиславович»** (1916), **«Солнечный удар»** (1925), **«Ида»** (1925), цикл рассказов **«Темные аллеи»** (1937—1945).

Любовь рисуется как болезненно внезапная вспышка, «солнечный удар», неведомая сила, властно подчиняющая человека, так что он не в состоянии противиться: «Как дико, страшно все будничное, обычное, когда сердце поражено <...> этим страшным "солнечным ударом", слишком большой любовью, слишком большим сча-

стьем!» (2, 369). Вместе с тем любовь преображает окружающий мир, одухотворяет и переполняет его: «все любовь, все душа, все мука и все несказанная радость» (2, 527).

Лики любви под пером Бунина могут быть разными. Одни герои не в состоянии преодолеть отчаяние разлуки (**«Сны Чанга»**, **«Митина любовь»**); другим одно только воспоминание об ушедшем счастье дает силы продолжать жить (**«Грамматика любви»**, **«Темные аллеи»**); третьи не страшатся душевной боли. Даже от несбыточной любви они испытывают прилив сил и душевной энергии (**«Ида»**). Эти герои наиболее близки евангельскому идеалу совершенной любви: *«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем»; «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершен в любви»* (1-е Ин. 4: 16, 18).

Бунин в своей элегически-лирической прозе прибегает к психологическому методу изображения, близкому художественным приемам «тайной психологии» Тургенева: сокровенные чувства и движения души не поддаются анализу; о них можно только догадаться по внешним проявлениям — мимике, взгляду, жестам.

Так, в едином ключе с завершением романа Тургенева **«Дворянское гнездо»** (1858) нарисована финальная сцена в бунинском рассказе **«Чистый понедельник»** (1944). Представлена сходная ситуация — последняя встреча в монастырской обители, куда скрылась от мира героиня.

Тургенев пишет: «Лаврецкий посетил тот отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза,— увидел ее. Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини — не взглянула на него; только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать — и пройти мимо» (VII, 294). У Бунина читаем: «тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер <...> И вот одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую белым платом, загородив свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту, будто на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она предчувствовать мое присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот» (3, 473).

Оба писателя необыкновенно бережно, деликатно показывают православное религиозное чувство девушки, решившей посвятить себя Богу. Прием умолчания, глубокая пауза, эмоционально-психологический намек красноречивее слов способны передать охватившую героев таинственную стихию, не подвластную рациональному анализу. Подобное состояние души и духа проявляется лишь, по слову Апостола Павла, «воздыханиями неизреченными»: *«ибо мы не знаем, о чем молиться, как до́лжно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными»* (Рим. 8: 26).

Глубинные движения души не поддаются самораскрытию в слове — в этом Бунин в точности совпадает с Тургеневым, когда пишет в рассказе **«Ида»**: «А теперь позвольте спросить: как изобразить всю эту сцену дурацкими человеческими словами? <...> Боже мой, да разве можно даже касаться словами всего этого? <...> Есть мгновения, когда ни единого звука нельзя вымолвить. И, к счастью, к великой чести нашего путешественника, он ничего и не вымолвил. И она поняла его окаменение, она видела его лицо. Подождав некоторое время, побыв неподвижно среди того нелепого и жуткого молчания, которое последовало после ее страшного вопроса, она поднялась и, вынув теплую руку из теплой, душистой муфты, обняла его за шею и нежно и крепко поцеловала одним из тех поцелуев, что помнятся потом не только до гробовой доски, но и в могиле» (2, 378). Любовь как высший дар Бога, как и *«дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем»* (Рим. 6: 23), преодолева-

ет смерть. «Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!» — этот торжествующий возглас героя завершает бунинский рассказ **«Ида»**.

Искусство, творчество также одерживают победу над смертью. Свое писательское credo в соответствии с православным Символом веры — «знак веры в жизнь вечную, в воскресение из мертвых» (2, 171) — Бунин сформулировал в лирико-философской миниатюре **«Роза Иерихона»** (1918): «бедное человеческое сердце радуется, утешается: нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил когда-то! Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, моя Память!» (2, 171).

Писатель, рожденный с русскою душой, до конца дней своих оставался верен русскому слову, русскому духу, русской православной вере и в жизни, и в литературе. Несмотря на то, что более трех десятилетий он провел за границей, Бунин внутренне не примирился с жизнью бездуховного, холодно-расчетливого Запада, жил только Россией, дышал ею, думал и писал о ней. **Проявляя всечеловеческую отзывчивость, духом он постигал, что основное дело русского писателя-патриота — прославление своей Родины, своего народа, своей веры.**

Исполнение писательского и человеческого предназначения в свете высшей истины, заповедей Нового Завета — таков завершающий аккорд творческого пути выдающегося русского художника слова Ивана Алексеевича Бунина. «Матовое серебро» его таланта не потускнело под спудом времени и все так же светится в мировой словесности своим неповторимым светом.

Дмитрий Минаев
(г. Москва)

БУНИН И ПУШКИН
К 150-летию со дня рождения И. А. Бунина

Дмитрий Михайлович Минаев — председатель общественного объединения Бунинское общество России, кандидат технических наук, автор и составитель более 12 книг, многих статей в газетах и журналах в России и за рубежом.

Всемирно известный писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин был «открыт» соотечественниками после его кончины в 1953 году во Франции.

Острый интерес к Пушкину проявился у Бунина с детства. На протяжении всего писательского пути И. А. Бунин поклонялся трем творцам — Пушкину, Толстому и Чехову, и лишь в конце жизни присоединил к их именам имя Лермонтова. Однако, Пушкин всегда занимал в этом ряду особое место. В 20—30-е годы имя Пушкина все чаще появляется на бунинских страницах, упоминается в интервью и разговорах. Пушкин был для Бунина не столько учителем и примером, сколько той верной мерой, которой можно было поверить все — и собственное творчество, и тогдашнюю литературу, и судьбы России.

Для Бунина Пушкин — воплощение простоты, благородства, свободы, нравственного здоровья, ума, такта, вкуса. Пушкиным поверялось все, и никто из писателей не мог избежать и выдержать сравнение с ним, даже сам великий Толстой, перед которым Бунин благоговел. Пушкиным одухотворялась бунинская юность. Пушкиным наполнены бунинские мечты.

Родился Иван Алексеевич Бунин 10 (22) октября 1870 года в Воронеже, в обедневшей дворянской семье, имевшей многовековые корни. Окончил всего 4 класса Елецкой гимназии, детские и юношеские годы вплоть до 19 лет провел в деревенской глуши Елецкого уезда Орловской губернии на хуторе Бутырки, а затем в имении в Озерках.

Свою собственную биографию Бунин всегда и неизменно начинал цитатой из «Гербовника дворянских родов»: «Род Буниных происходит от Симеона Бунковского (XV век), выехавшего в XV в. из Польши к великому князю Василию Васильевичу Темному». Писатель Ю. Гончаров в своей книге [1] проследил до самого корня чисто русское происхождение Бунина.

Предками И. Бунина были поэтесса Анна Петровна Бунина (русская «Сапфо») и поэт Василий Андреевич Жуковский (внебрачный сын тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина). Бунин гордился ими более чем древностью своего рода.

Мать Бунина происходила из старинного рода князей Чубаровых, лишенного княжеского титула Петром I за участие в мятеже царевны Софьи. Мать поэта обожала стихи Пушкина, Жуковского, читала их наизусть. Бунин в детстве даже смешивал ее с Людмилой Пушкинской: звал ее Людмилой Александровной.

О встрече с сыном Пушкина, А. А. Пушкиным, Бунин в записях отметил: «Помню

жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости) возле сына Пушкина, в церкви Страстного монастыря, не сводя глаз с его небольшой и очень сухой, легкой старческой фигуры в нарядной гусарской генеральской форме...» [2]. Бунин жадно рассматривает, как бы впитывает глазами весь облик этого человека («белая курчавая голова» — курчавая как у Пушкина), носителя пушкинских генов.

Не предполагал И. А. Бунин, что его родственники породнятся с потомками А. С. Пушкина. Сын А. С. Пушкина, Александр Александрович, женился вторым браком на двоюродной сестре дворянина Павлова, Марии Александровне Павловой. Мария Александровна была двоюродной сестрой дворянина Павлова, а «дед Павлова по матери», записал Бунин,— моряк Иван Петрович Бунин, брат поэтессы Анны Петровны Буниной... Дед Павлова по отцу — Николай Анатольевич Бунин».

Н. А. Бунин — мичман флота — из ветви Буниных-Ряжских. Отцом М. А. Павловой был гвардии полковник Александр Иванович Павлов. Дочь Марии Александровны, Елена Александровна Пушкина (Розенмайер), приходилась дальней родственницей Бунину-писателю.

В ноябре 1935 года Бунин приезжал в Бельгию. Он писал Н. Я. Рощину 19 ноября из Брюсселя: «...Ныне (19-го) вечером я у Пушкиных (Николай Александрович, родной внук Александра Сергеевича). Завтра 20 ноября…».

Николай Александрович Пушкин, сын А. А. Пушкина и М. А. Павловой, внук А. С. Пушкина, переписывался с И. А. Буниным, жившим последние десятилетия во Франции. Так, в 1949 году по просьбе Бунина Николай Александрович сообщал ему некоторые сведения о потомках Пушкина [4].

В 1940 году Бунин поспешил в Ниццу из Грасса, бросив все свои дела, чтобы увидеть внучку А. С. Пушкина: «Я испытал нечто подобное даже лет десять тому назад, познакомившись 6 июня 1940 года в Ницце с дочерью этого генерала, то есть родной внучкой Пушкина».

Сошлемся на дневниковую запись И. А. Бунина [3]. «12.VI.41. Ездил в Ниццу, завтракал с Еленой Александровной фон Розен-Мейер, рожденной Пушкиной — дочь А. А. Пушкина, родная внучка Александра Сергеевича». Через три дня Бунин записал [7]: «15.VI.41. Вчера у нас завтракала и пробыла до 7 вечера Е. А., эта внучка Пушкина».

В дневнике Г. Н. Кузнецовой, жившей на вилле у Бунина, также читаем о приезде внучки Пушкина в Грасс [5]: «15 июня. Вчера провела у нас день внучка Пушкина, Елена Александровна,— женщина лет 55-ти, маленькая, мужественная, стриженая, с круглыми светлыми глазами, очень скромно одетая, но держащаяся с большим достоинством, воспитанная, сдержанная».

В 1942 году Елена Александровна была на вилле Буниных «Жаннет», после завтрака отдыхала в комнате Веры Николаевны, жены Бунина. В ее громадных изумрудных глазах потух огонь, она сделалась какой-то «серой», несчастной.

О последней встрече внучки Пушкина с Буниным рассказывал 7 октября 1943 года Л. Ф. Зуров. В дневниках И. А. Бунина отмечено: «Нынче письмо из Ниццы. Елена Александровна Пушкина ...умерла 14 августа... И, может быть, только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала, ради того, чтобы не умереть с голоду!».

В письме к Надежде Александровне Тэффи от 19 мая 1944 года Бунин писал, что Елена Александровна, «которую я имел счастье узнать», скончалась «...в нищете, после нескольких лет тяжкого труда, таскания для перепродажи всякого старого хлама...».

После смерти Бунина в его архиве была обнаружена записка: «Передо мною опять было существо, в котором текла кровь человека для нас уже мифического, полубожественного! Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка... перенесла две операции. Оплатить вторую операцию, которая свела ее в могилу, у нее уже не хва-

тило средств,— их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут все, что мог, но это уже ее не спасло. Так на моих глазах погибла родная внучка Пушкина».

Свидетельства о встрече Бунина с Е. А. Пушкиной-Розенмайер показывают, что И. А. Бунин относился к ней не только с состраданием, но и с уважением. И это заслуживает внимания. Талантливый русский писатель, человек тонкой души, Бунин вряд ли стал принимать у себя внучку Пушкина как близкого человека, будь она бесцветной, неумной женщиной с сомнительной репутацией [4].

Автор художественного фильма об И. А. Бунине «Дневник его жены» А. Учитель отобразил эту встречу, увязав ее с победой Красной армии под Сталинградом. Правда, выбрали на роль внучки Пушкина какого-то «божьего одуванчика», нецензурно выражающейся древней старушки (а Елене Александровне Розенмайер было в то время всего 54 года), недостойно отобразили этот важный эпизод из жизни нобелевского лауреата.

Е. А. Розенмайер

Однажды на родину Н.В. Гоголя приехал начинающий литератор И. А. Бунин, служивший в то время статистом в Полтавской губернской земской управе. Побродив по саду, осмотрев усадьбу гениального писателя, он, однако, в дом Быковых не зашел: видимо, постеснялся беспокоить хозяев. Долгое время хозяином Васильевки был Н. В. Быков, племянник Гоголя, муж М. А. Пушкиной, внучки поэта.

Родословная Георгия Александровича Галина, праправнука А. С. Пушкина, восходит и к семье Н. В. Гоголя. В 1881 году бабушка Г. А. Галина, Мария Александровна Пушкина, венчалась с племянником Н. В. Гоголя — Николаем Владимировичем Быковым. Сводной сестрой Марии Александровны от второго брака сына Пушкина Александра Александровича была Елена Александровна Пушкина (в замужестве Розенмайер).

В 1998 году Г. А. Галин с супругой во время поездки во Францию в Ницце после утомительных поисков нашли место захоронения внучки Пушкина Е. А. Розенмайер — городское кладбище Кокад, могила «общая» [12].

В статье «Думая о Пушкине», Бунин задается вопросом: «Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он (Пушкин) со мной — и так особенно — с самого начала моей жизни».

Бунин становится (Одесса, 1919 год) одним из редакторов газеты «Южное слово». Его, как и в свое время Пушкина, привлекает фигура Андре Шенье, он пишет о нем очерк и замечает, что Шенье «был для революции слишком умен, зряч и благороден».

О личном отношении к Пушкину он пишет и в «Жизни Арсеньева» [6] «Сколько чувств рождал он во мне! И как часто сопровождал я им свои собственные чувства и все то, среди чего и чем я жил!».

Пушкин для Бунина — олицетворенный художественный гений русского народа. Бунин впитывает пушкинскую поэзию, зная, что в ней заложен ключ к счастью русского человека. Он пускается в духовные странствия, вдохновляясь артистической мудростью Пушкина, который не поучает, а становится живой водой его сердца. Всю жизнь Бунин страстно стремился «написать что-нибудь по-пушкински», конечно, не подражание, а что-нибудь прекрасное, свободное, стройное.

В 1900 году вышла в свет поэма Бунина «Листопад», где выражена преданность родной поэзии, где Бунин следует за Пушкиным («Настала осень золотая», «Вот се-

вер, тучи нагоняя...»). И у Пушкина, и у Бунина зима приносит людям поэтическую радость.

В 1903 году И. А. Бунин удостоен Пушкинской премии за перевод Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» и поэтический сборник «Листопад». В 1909 году присуждена вторая Пушкинская премия за книгу «Стихотворения 1903—1906». 1911 год — присуждена Золотая Пушкинская медаль. 1933 год — присуждена Нобелевская премия. «За прекрасную русскую литературу Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова...» — этот тост Бунина звучал по случаю присуждения ему Нобелевской премии.

Бунин считал необходимым для себя участвовать в памятных датах, посвященных Пушкину. В 1924 году, когда отмечали 125-летие со дня рождения поэта, он выступил с докладом в Сорбонне.

100-летнюю годовщину гибели Пушкина торжественно отмечали в Париже. Был создан Пушкинский комитет, куда вошел лауреат Нобелевской премии Иван Бунин.

В 1937 году И. Бунин участвовал в вечерах и собраниях, посвященных памяти А. С. Пушкина [7]. Восьмого февраля 1937 года в Париже вышла однодневная газета «Пушкин», Бунин поместил в ней главу из «Жизни Арсеньева», посвященную Пушкину. В Париже состоялось его выступление в Союзе дворян, где он говорил о Пушкине «как о неразлучном спутнике всей своей жизни».

Тридцать первого января Иван Алексеевич выступил на пушкинском вечере. «Читал очень хорошо»,— пишет Вера Николаевна [8].

Он писал в юбилейные дни: «*Пушкинские торжества*. Страшные дни, страшная годовщина — одно из самых скорбных событий во всей истории России, что дала ЕГО... И сама она,— где она теперь, эта Россия?».

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия…»
— О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и царь расторгли ныне.

(Начало стихотворения Бунина «День памяти Петра».)

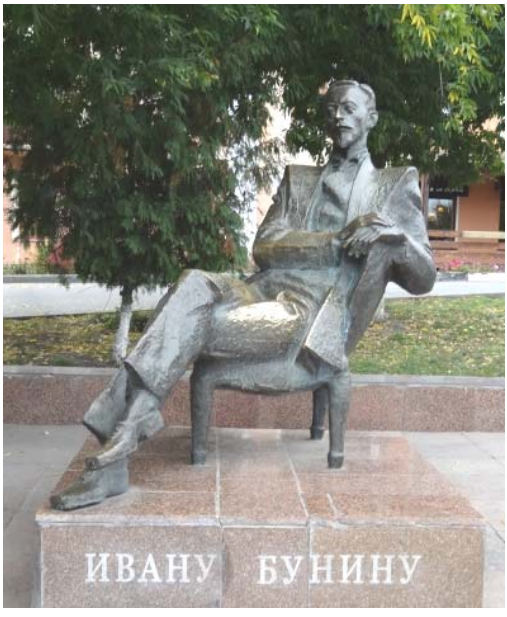
Эту запись Бунин сделал для С. М. Лифаря, артиста балета и режиссера, организовавшего Пушкинскую выставку в Париже. 18 апреля 1937 года в русском ресторане Корнилова Бунин произнес в честь Лифаря благодарственную речь от имени Мирового Пушкинского Комитета [9].

Пути Пушкина и Бунина пересеклись в Ельце. На уроке в Елецкой мужской гимназии юные чтецы читают Пушкина: среди них — Ваня Бунин. Ваня Бунин проходил мимо дома, где в 1829 году, направляясь в Арзрум, останавливался сам Пушкин [10].

В Елецком краеведческом музее уже несколько десятилетий существует уголок, посвященный пребыванию А. С. Пушкина в Елецком крае, куда еще в детстве ходил я посмотреть на карту путешествий поэта, макет дома, где останавливался поэт.

А 1988 году в Ельце открыт музей И. А. Бунина [10], где все напоминает о писателе, его жизни и творчестве. В 2005 году в Озерках восстановлена усадьба Буниных и создан музей.

В настоящее время в Ельце имеются три памятника И. А. Бунину и три памятника А. С. Пушкину, а в селе Становое (где бывал Бунин), что недалеко от усадьбы Стаховичей (дворян, известных любителей литературы) Пальны — Михайловки, в которой побывал А. С. Пушкин по пути в Арзрум. в 2001 году на аллее памятников установлены бюсты обоим поэтам [11, 13].



Елец. Липецкая область

Становое, Липецкая область

В Пальне — Михайловке во дворе школы установлен памятник Пушкину. Стаховичи в парке своего имения еще в 19 веке установили один из первых памятников Пушкину. В начале 21 века в здании усадьбы открыт музей Стаховичей. После 2010 года в России установлены новые памятники И.А. Бунину: в Орле, Белгороде, Ефремове, Васильевке (Липецкая область) и за рубежом — Грасс (Франция). Память о великих поэтах неизгладима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гончаров Ю. Д.* Предки И. А. Бунина.— «Подъем» № 1, Воронеж, 1971.— 179 с.

2. *Бунин И. А.* Собрание сочинений в 8 тт. Т.7, М., Моск. рабочий, 2000.— с. 535.

3. *Бунин И. А.*, *Бунина В. Н.* Устами Буниных. Дневники. Сост.М. Грин. Том 2., М., «Посев», 2005, с.316.

4. *Русаков В. М.* Рассказы о потомках А. С. Пушкина.— Лениздат, 1982.— с. 183.

5. *Кузнецова Г.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад.— М, Моск. рабочий, 1995.— с.305.

6. *Бунин И. А.* Собрание сочинений в 8 тт. Т.5, М., Моск. Рабочий, 1996.— с. 23.

7. Последние новости. Париж, 1937. № 5823. 4 марта.

8. *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью.— М.: Советский писатель, 1989.

9. *Бабореко А. К.* Бунин: Жизнеописание.— М, Мол. гвардия, 2004.— с. 309.

10. *Минаева Е. С.*, *Минаев Д. М.* Елецкая тропа к Пушкину.— М. Изограф. 1995, с. 78.

11. Газета «Звезда» (Становое), № 36, 8.05.2001 г.

12. *Приходько Т.* Газета «Трибуна», 25 ноября 1998 г., № 235.

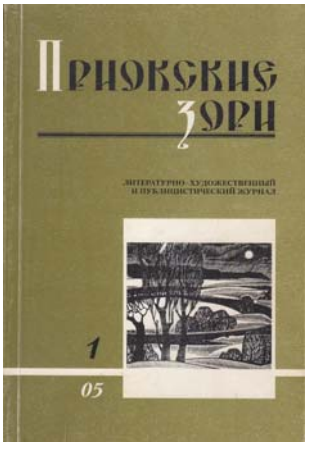
13. *Минаев Д. М.* И. А. Бунин: памятники в России и за рубежом (справочник). Москва. 2010.— 96 с.

К 15-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЗОРЯМ НА ОКЕ СЛОВО ОТВЕТСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

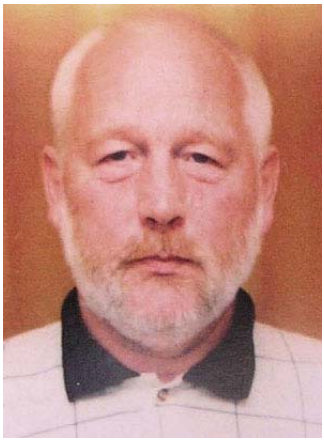
♦ О роли литературных журналов в культурной жизни общества и общественно-политической жизни страны говорить сейчас, с одной стороны, просто, так как не много, как того хотелось бы, а лишь единицы людей прочтут написанное тобой, и есть опасение, что оно станет «пустым звуком», а с другой, сложно, потому что тема-то очень важная. Ведь еще недавно, на памяти двух живущих ныне поколений, толстые отечественные литературные журналы как литературно-художественные и общественно-политические издания созидали целые читательские генерации, мыслящие и требовательные. Редакции умели открыть талантливых писателей и сделать их культурным богатством страны.

В настоящее же время отношение к литературным журналам в нашей стране, мягко выражаясь, оставляет желать лучшего. Экономическое и социальное размежевание российского общества, обесценивание духовных смыслов, подмена целей и идеалов, лишение прежнего высокого уровня российских культурных традиций оказали пагубное воздействие как на общественное и индивидуальное сознание, так и на состояние литературного процесса и культуры в целом, привели их к стагнации. Самая читающая в прошлом страна перестала быть таковой, сильно снизился уровень владения русским языком, а потому заметно упало воздействие литературно-художественных журналов на формирование и становление человека. И нужно ли все это на самом деле, если во главу угла поставлен «приятный шоппинг», конечно, для тех, у кого есть на это даже «деревянные», и не мешающее этому «легкое чтение»?..



В противостоянии этому огромное значение имеет культура, а в ней важнейшую роль играет литература. Поэтому сегодня так важно поднять поникшее знамя русской и советской литературы и присущего им реализма и высоко понести его в наступление на бездуховность и разложение, на бескультурность и расчеловечивание. В этом и есть сокровенный смысл современного литературного процесса. В нем «толстый» литературный журнал играет важнейшую роль, так как осуществляет функции, необходимые для его «нормального» осуществления. В частности он влияет на развитие современной литературы путем одобрения или неодобрения произведений авторов. «Толстые» литературные журналы сохранили за собой ряд назначений, которые были присущи им и в прежние периоды жизни нашей страны.

Такую роль в России старается выполнять ряд сохранившихся с советских времен и новых журналов. Среди них, надеемся на это, не последнее место в культурном пространстве занимает и наш выходящий в Туле под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори».



Главным редактором его является Алексей Афанасьевич Яшин, талантливый советский и российский писатель-прозаик, известный далеко за пределами нашей страны, самоотверженный рыцарь русской литературы, искренне и по-настоящему любящий свой народ.

♦ Первый номер нашего журнала вышел в 2005 году. С тех пор — «Воля и труд дивные всходы дают» — свет увидело шестьдесят номеров его, на страницах которых опубликовалось свыше пятисот авторов. И всего за истекший период состоялось свыше двух тысяч ста публикаций.

Заметным направлением в журнале является актуальное интервью. Наиболее известными интервьюируемыми стали Тимур Зульфикаров, митрополит Тульский и Ефремовский Алексий, Валерий Маслов, Павел Басинский, Виктор Пахомов, Валентин Сорокин, Владимир Жириновский. Кроме вышеназванных, в «Приокских зорях» публиковались такие замечательные авторы и известные люди, как Наталья Парыгина, Валерий Савостьянов, Сергей Норильский, Иван Панькин, Александр Зиновьев, Геннадий Иванов, Аркадий Шипунов, Валерий Ходулин, Геннадий Зюганов, Александр Проханов, Леонид Ханбеков, Владимир Мирнев, Наум Ципис (Германия), Игорь Золотусский, Чжао Хуань (КНР), Джульетто Кьеза (Италия), Валерий Ганичев, Сергей Прохоров, Игорь Лукьянов, Вячеслав Лютый, Лев Дуров, Ефим Гаммер (Израиль), Сергей Гора (США), Владимир Бояринов, Владимир Федоров, Лидия Довыденко, Анатолий Аврутин, Леонид Иванов, Андрей Можаев, Марк Полыковский (Израиль), Александр Субетто, Михаил Майоров, Вячеслав Алтунин, Людмила Алтунина, Владимир Корнилов, Аркадий Мар (США), Алла Новикова-Строганова, Евгений Асташкин, Владимир Хохлев, Геннадий Маркин, Евгений Трещев, Валентин Огнев и многие другие.

♦ Развитие «Приокских зорь» наглядно отражается и в составе редколлегии и редакции. Так, с первого и единственного номера 2005 года и по второй номер 2006 включительно в их составе были исключительно туляки: Вячеслав Алтунин, Вячеслав Боть, Виктор Греков, Николай Минаков — инициатор создания журнала и первый заместитель главного редактора, Валерий Савостьянов, Константин Струков, Наталья Ханина, Виктор Пахомов, Валерий Маслов, Наталья Парыгина, Владимир Сапожников и другие. А уже с третьего номера 2006 года появляются и иногородние: Олег Кочетков (Коломна), Леонид Ханбеков (Москва) — тогда зам. председателя Правления Академии российской литературы, далее председатель, а ныне Почетный президент АРЛ — и продолжают добавляться писатели из Тульской области: Валентин Киреев (Новомосковск), Ирина Пархоменко (Плавск) и другие. Редколлегия и редакция журнала не являются застывшими раз и навсегда органами, постоянно идет ротация их состава, наиболее деятельные люди заменяют менее деятельных или просто выбывающих по уважительным причинам. Так, с четвертого номера 2008 года в состав редколлегии входит председатель Правления АРЛ Владимир Мирнев (Москва), и журнал фактически выходит под эгидой АРЛ. В 2009 году в редколлегию пришли Валентин Сорокин (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького, Валерий Ганичев (Москва) — председатель Правле-

Геннадий Маркин — зам. гл. редактора

ния Союза писателей России, Олег Пантюхин (Щекино), Геннадий Маркин — ответственный секретарь, Владимир Резцов и Валерий Ксенофонтов. Далее география членов редколлегии расширяется до Красноярска — Тамара Булевич. В первом номере 2011 г. появляется еще один москвич — прозаик Игорь Нехамес, а с третьего номера этого же года техническим редактором становится Яков Шафран, который далее поэтапно становится заведующим редакцией, ответственным секретарем и заместителем главного редактора. С номера четвертого 2011 г. редколлегия «Приокских зорь» уже международная, в нее входят Сергей Гора (США) и Ефим Гаммер (Израиль), а также москвичи — Людмила Авдеева и Ирина Кедрова. Далее ряды этого органа журнала пополняют Наталья Квасникова (Москва, 2012) и Олег Зайцев — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» (Минск, Белоруссия, № 2, 2015). Со второго же номера 2015 г. Геннадий Маркин становится зам. главного редактора — зав. отделом прозы. Далее в редколлегию входят: Людмила Алтунина, Игорь Карлов (Подольск) — зав. отделом международных связей, Виктор Буланичев (Бийск, Алтай) и Николай Макаров. С 2017 г. — Анатолий Аврутин (Минск, Белорусия) и далее — Вадимир Трусов (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения, Валерий Демидов — редактор, Сергей Сенин, Евгений Скоблов — первый зам. председателя Правления АРЛ. И в 2019 г. — Николай Тимохин (Семипалатинск, Казахстан) становится вначале и.о., а затем зав. отделом поэзии, и Евгений Асташкин (Омск) — таким же образом — зав. отделом прозы.

К ЮБИЛЕЮ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ
(См. статьи в тексте)

Тульский областной художественный музей, 1964 г. (Архитектор П. М. Зайцев)

Серов В.А. Феб Лучезарный, 1887 г. (Из собраний Музея)

ТВОРЧЕСТВО ОЛЕСИ ЯНГОЛ (О. В. ЧМЫР), ЮРМАЛА, ЛАТВИЯ

Мандарины (картон / масло, 31×47 см)

Следует отметить и роль членов редакции «Приокских зорь». Марина Баланюк, кроме своих прямых обязанностей заведующей редакцией, уделяет большое внимание изобразительному искусству в Туле и странах ближнего зарубежья и художественному оформлению второй и третьей страниц журнала. Талантлива художник Олеся Янгол (Юрмала, Латвия). Елизавета Баранова — секретарь редакции и замечательная поэтесса отлично справляется со своей работой, в том числе с приемом заказов на печатание экземпляров и их отправкой авторам. Виктор Хромушин — WEB-мастер всегда вовремя и качественно размещает на сайте номера издания. Высокопрофессионально выполняет свою работу редактор журнала, видный поэт Валерий Демидов (Тула).

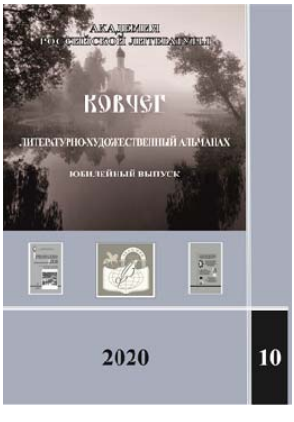
♦ Как уже говорилось выше, журнал «Приокские зори» с первого номера 2011 г. официально выходит под эгидой Академии российской литературы, а со второго но-

мера 2018 г. — под эгидой Союза писателей России, на что получены официальные разрешения этих организаций и о чем свидетельствуют соответствующие надписи на лицевой обложке журнала. Однако и до этих событий, и до сего дня на страницах «Приокских зорь» постоянно публикуются члены Академии и Союза.

♦ Из года в год вместе с журналом развивалась и его рубрикация. И ныне она представляет собой следующий сформировавшийся вид: определяющая, задающая тон номеру «Колонка главного редактора» (изредка на ее месте появляется «Редакционная колонка»), рубрика, посвященная тому или иному юбилею великого русского писателя, поэта, публициста и философа или важной юбилейной дате в жизни страны, «Крупный жанр: роман, повесть», «Современный русский рассказ», «Образы и тропы поэзии», «Публицистика», «Литературоведение» и «Хроника литературной жизни». Внутренние стороны обложек журнала всегда художественно оформляются цветными репродукциями картин художников и фотографиями.

Интересна генеалогия рубрик «Приокских зорь». Так, существовавшие ранее рубрики: «Литературная память», «Русскоязычная проза», «Рассказы для детей», «Притчи», «Пьесы», «Творчество юных», «Русскоязычная поэзия», «Персоналии», «Переводы», «Русское литературное зарубежье», «Современные писатели Сибири» и других частей России и бывшего СССР, «Наши соседи», «Актуальное интервью», «Союз писателей СССР», «Документы советской эпохи», «Философия», «Классики о сегодняшнем», а также публикации о России, крае, о деревне и малых городах и на общественные темы стали основой для объединивших их современных рубрик (см. выше). А такие разделы, как «Юбилеи русских писателей, поэтов, публицистов» и «Музеи Тулы и области» продолжили свое существование в журнале в течение всех лет. Однако жаль, что не стало таких отдельных рубрик, как «Дружба советских народов», «ЛИТО Тулы и области», «Литературная учеба», «Литературная Тула молодая» (может быть ее следовало бы преобразовать в «Литературную Россию молодую»), «Журнал в журнале» и «Православие в наших душах»...

♦ Следует сказать, что параллельно с развитием рубрикации журнала, его редколлегии и редакции, а также расширением ареала авторов и читателей, шло и развитие инфраструктуры «Приокских зорь». Ныне она включает в себя три альманаха, каждый из которых играет свою, особую, роль и по-своему интересен для авторов и читательской аудитории.

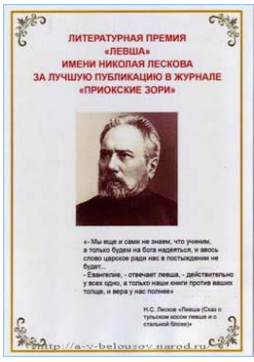


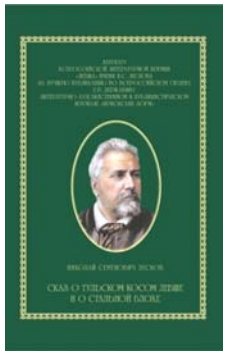
Это литературно-художественный альманах «Ковчег», выходящий один раз в год (главный редактор Яков Шафран) и музыкально-поэтические издания — «На лирической волне» и «Тульская сторонка», выходящие с периодичностью раз в четыре месяца и включающие в себя нотные тексты — для исполнителей, а последний — еще и публицистические произведения (главный редактор Сергей Сенин). Следует

особо отметить Сергея Сенина — это талантливый музыкант и замечательный композитор, написавший множество песен и других музыкальных произведений.

Кроме того инфраструктура включает в себя всероссийскую литературную премию «Левша» им. Н. С. Лескова и продолжающиеся серии книг. В описываемый период ежегодно продолжается издание авторских книг и сборников в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» (около ста единиц) и «Приложение к журналу «Приокские зори» (около пятидесяти).

♦ «Знаком качества» нашего журнала по праву и по признанию авторов и читателей является существующая уже двенадцать лет всероссийская литературная премия «Левша» им. Н. С. Лескова. Она ежегодно в четырех номинациях присуждается четырем — пяти лучшим авторам за лучшие публикации в «Приокских зорях» за истекший год. Победители получают диплом, лауреатскую медаль, удостоверение к ней и подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова.





В разные годы лауреатами премии становились такие известные писатели, как Леонид Иванов, Виктор Буланичев, Анатолий Аврутин (Минск, почетный член Союза писателей Белоруссии и Союза русскоязычных писателей Болгарии, главный редактор журнала «Новая Немига литературная»), Тимур Зульфикаров (член Союза писателей России, лауреат многочисленных литературных премий СССР, России, Англии, США (Голливуд), кинофестивалей в Москве, Дели, Дамаске, русскоязычный таджикский поэт и прозаик, жил долгое время в Москве, а ныне — в Душанбе, Таджикистан), Владимир Корнилов, Федор Ошевнев, Владимир Федоров, Игорь Нехамес, Игорь Карлов (на тот момент живший и работавший в Улан-Баторе, Монголия), Наум Ципис (учитель, журналист, писатель, жил и работал на Украине, в России, Белоруссии и в городе Бремене, Германия), Игорь Лукьянов, Галина Дубинина, Александр Субетто, Ефим Гаммер (постоянный автор «Приокских зорь», печатается в России, Израиле, США, Франции, Англии, Германии и многих других странах, член израильских и международных союзов писателей, художников и журналистов, автор двадцати книг стихов и прозы, лауреат Бунинской и многих других российских премий, живет и работает в Иерусалиме, Израиль), юридическое лицо: Республиканское общественное объединение «Белорусский литературный союз "Полоцкая ветвь"» (Минск, Белоруссия, удостоен за подготовку и издание «белорусского» № 1, 2015 «ПЗ», активное сотрудничество с журналом «Приокские зори» в различных жанрах белорусских писателей, пишущих на русском языке), Олег Зайцев (председатель «Беллитсоюза "Полоцкая ветвь"», Минск), Игорь Герасимов (удостоен звания лауреата за первый в мировом литературоведении стихотворный перевод (не переложение!) «Слова о полку Игореве», доктор биологических наук, кандидат химических наук, профессор, научный работник, Донецк, Украина), Вячеслав Лямкин, Елизавета Баранова (Весина), Валентин Огнев, Алла Новикова-Строганова, Владимир Резцов, Яков Шафран, Геннадий Маркин, Александр Ореховский, Николай Боев, Ни-

колай Смирнов, Борис Кобринский, Илья Луданов, Евгений Елисеев, Николай Макаров, Рудольф Артамонов, Владимир Бояринов, Наталья Квасникова, Валентин Киреев, Марина Майорова, Игорь Лукьянов, Сергей Лебедев, Валерий Маслов, Олег Пантюхин. Как мы видим, среди награжденных не только авторы из России, но и из Белоруссии, Украины (ДНР), Германии, Израиля, Монголии и других стран.

♦ Читатель может спросить: на чем основано утверждение, что «Приокские зори» и премия «Левша» всероссийские? Ответ может быть исчерпывающе кратким: достаточно полистать номера журнала за все годы и посмотреть, откуда авторы, а также лауреаты премии, и станет все ясным. Ареал авторов и награжденных столь же широк, как широка и наша Россия.

Вот только перечисление мест проживания лауреатов из России: Калининград, Мончегорск (Мурманская область), Санкт-Петербург, Москва, Пятница (Владимирская область), Тула, Щекино, Новомосковск и Узловая (Тульская область), Орел, Медвенка (Курская область), Брянск, с. Борисоглебск (Воронежская область), Ростов-на-Дону, Сочи, Салават (Башкирия), Тольятти, Тюмень, Бийск, Братск, Северомуйск (Бурятия) и Краснообск (Новосибирская область).

И расселение публикующихся в нашем журнале писателей и поэтов также очень широко. Это, безусловно, Тула и Тульская область, все города и веси России и многие города из стран ближнего зарубежья: Украины (Киев, Буды и Бровары Киевской области, Харьков, Кременчуг, Николаев, Одесса, Городок Житомирской обл., Свалява Закарпатья, Каменское Днепропетровской области), ДНР (Донецк), ЛНР (Луганск), Белоруссии (Минск, Гомель, Речица, Бобруйск, Молодечно, Полоцк, Борисов, Могилев, Гродно, Новополоцк, Мозырь, Витебск, Узда, Осиповичи), Казахстана (Семипалатинск, Алма-Ата, Кустанай, Сатпаев Карагандинской области), Армении (Ереван), Азербайджана (Баку), Латвии (Рига, Юрмала) и Таджикистана (Душанбе). В журнале публикуются авторы из Германии (Кельн, Бремен, Гисен, Мосбах, Нюрнберг), США (Нью-Йорк, Линкольн, Монтейн-Вью Калифорнии, Александрия штата Вирджиния и Сиэтл штата Вашингтон), Великобритании (Роял Танбридж Велс), Монголии (Улан-Батор), Израиля (Иерусалим, Ашдод, Бнэй АИШ), Мозамбика (Мапуту), Кувейта (Эль-Кувейт), Франции (Париж), Болгарии (Пловдив, Поликраище), Испании (Аликанте) и Канады (Виннипег).

♦ Всероссийскость журнала и его премии уже сама по себе говорит об активном участии во всероссийском литературном процессе. Силу этому участию, безусловно, придает явственная, из номера в номер, защита устоев великой русской и советской литературы, серьезность вопросов, поднимаемых в «Колонках главного редактора», их литературная понятийно-смысловая установка и отстаивание традиционной морали и нравственности в противовес глобализации со всеми ее известными качествами, в том числе преобладающими в интернет-изданиях такими ее атрибутами, как «клипы», «лайки», «ники», «скетчи» и «месседжи». Кроме того альманахи, входящие в инфраструктуру журнала, и авторы — ибо журнал это групповое произведение — проявляют, каждый по-своему, свою сопричастность к традициям русской литературы.

Во всероссийском литературном процессе в нашу суровую эпоху, в которой определяющую роль играют процессы расчеловечивания и многие другие негативные

трансформации, «Приокские зори» не одиноки. Ибо тьме всегда противостоит свет, а одним из его основных принципов является коллективизм. Большую организационную поддержку журналу оказывает Союз писателей России, а также Академия российской литературы и Тульский государственный университет. Большое значение имеет и сотрудничество с новыми русскими литературными журналами, которые выходят, в основном, в провинции и являются, по сути, основными устроителями и движущей силой литературного процесса.

Таковыми дружественными «Приокским зорям» изданиями являются журналы: «Московский Парнас» (Вестник Академии российской литературы), «Бийский Вестник», «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Истоки» (Красноярский край), «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Иртышъ-Омь» (Омск), «Врата Сибири» (Тюмень) и газеты: «День литературы» (Москва), «Русскоязычная Америка NY» (США) и другие.

♦ Какова же идеология нашего журнала? Выражение: отсутствие идеологии — это слова ни о чем, так как, если нет одной идеологии, то на ее месте возникает другая, чему вполне соответствует русская поговорка — «Свято место пусто не бывает». Так вот, «Приокские зори» по праву являются классическим, обладающим своим простым, строгим, традиционным — по типу литературных журналов Российской империи и Советского Союза — стилем, русским, воплотивший в себе дух русской культуры, литературным журналом. Следует отметить еще две немаловажные его характеристики — контент его номеров говорит о том, что он политически не ангажирован и истинно, не по «квасному», патриотичен.

«Приокские зори», публикующие произведения художественной литературы, а также литературно-критические статьи, стали важной средой интеллектуальной жизни российского культурного общества, одним из инклюзивных центров притяжения общественной мысли и своеобразной школой мастерства начинающих литераторов.

♦ Символом журнала и его «литературным знаменем» является русский писатель, публицист и литературный критик Николай Семенович Лесков. Как известно, он не принадлежал к дворянскому сословию и в его прозе отразились традиции русского духовенства и мещанства. Современники ценили Лескова как непревзойденного знатока русской провинциальной жизни. Часто работая в технике сказа, он придавал большое значение нюансам интонации, установке на непридуманность рассказанного, избегал простановки однозначных оценок. В своих произведениях Лесков создал обширную галерею праведников из народа и критически относился к послереформенному поколению «революционных демократов», именуемых им нигилистами. Л. Н. Толстой говорил о Лескове как о «самом русском из наших писателей». «Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей и который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть»,— вторит этому мнению Д. П. Святополк-Мирский. Многие исследователи отмечали особое знание Лесковым русского разговорного языка и виртуозное использование этих знаний. Именно к такому стилю творчества близок главред «Приокских зорь» Алексей Афанасьевич Яшин.

♦ Если говорить о соотношении в журнале художественной прозы, поэзии, литературоведения, критики и публицистики, то оно вполне разумное, взвешенное и соразмерное для «толстого» издания. Жанры представлены равновесно, и произведения разных жанров не перемежаются между собой, как это происходит во многих журналах и альманахах, а собраны, как уже говорилось выше, в рубрики.

♦ Номера «Приокских зорь» тематичны и посвящены, как уже отмечалось, юбилеям писателей-классиков и важным датам в жизни России и Советского Союза. Среди таких писателей следует отметить А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, И. С. Шмелева, И. А. Бунина, И. С. Тургенева, А. М. Горького, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Н. С. Леонова, В. Г. Белинского, Л. Н. Андреева, Г. Р. Державина, Ф. Сологуба, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, Н. С. Гумилева, А. И. Куприна, Н. А. Бердяева, Я. В. Смелякова, Н. С. Лескова, Н. М. Рубцова, Кнута Гамсуна, Джорджа Оруэлла и Томаса Манна. А из важных событий, которым были посвящены номера журнала, вспоминаются 65-летие и 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне, столетие Великой Октябрьской социалистической революции и юбилей Первого съезда советских писателей и создания Союза писателей СССР.

Тематичны и все «Колонки главного редактора», они посвящены, как правило, и юбилеям выдающихся классиков русской и мировой литературы, и многим актуальным темам литературы, культуры и общественной мысли.

♦ «Приокские зори», как всякий уважаемый журнал, имеет свои награды. За что они? — Надпись на обложке журнала говорит об этом: «За верное служение отечественной литературе и дальнейшее развитие ее традиций». И здесь же награды подробно описываются. Так, орден Гаврилы Романовича Державина является знаком литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...». Это название взято из произведения Г. Р. Державина «На рождение царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину». Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» выпущена в свет в честь юбилея великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника русской поэзии. И еще одна награда — медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — это знак лауреата Некрасовской литературной премии.

♦ Однако, к сожалению, несмотря на все достоинства «Приокских зорь», на протяжении всех лет издания журнала финансирования он не имеет. Кроме того, несколько лет тому назад в бюджете ТулГУ не стало средств для напечатания тиража номеров издания, а в бюджете Тульской области, в отличие от других городов и областей нашей страны, в ответ на все письма редакции, расходы на напечатание экземпляров для местных библиотек вот уже много лет не запланированы.

♦ В силу этого в настоящее время — как говорит русская пословица: «Мудрым никто не родился, а научился» — редакция журнала нашла достойный выход из создавшегося положения и действует по нижеследующему плану, представляющему креативную, гибкую систему: электронная версия издания размещается на собственном сайте и на нескольких русскоязычных сайтах Интернета, и авторы и читатели, желающие иметь бумажные экземпляры, заказывают их и они печатаются в издательстве ТулГУ по его самостоятельной программе. Экземпляры могут печататься и лично авторами и читателями, которые по своему желанию получают бесплатно оригинал-макет журнала по электронной почте. Этот план не является инновацией и применяется журналами достаточно широко.

http://www.pz.tula.ru

♦ Читающий эти строки может задаться вопросом: почему ни слова не сказано о тульской писательской организации, существует ли она? Да, существует. Но единственный «толстый» литературный журнал в Тульской области, как это ни прискорбно, не имеет никакой поддержки от тульской писательской организации СПР, ни при прошлом, ни при новом ее руководстве. По всей видимости, организация действует по принципу «Если не мы, то лучше никто!» То есть идеология журнала и вся его внутренняя и внешняя «политика» должны определяться, по мнению руководства организации, ими, а не редколлегией и редакцией. Поэтому наши взаимоотношения с Тульской писательской организацией похожи на отношения соседей, не более того. Хотя редакция и редколлегия много раз прилагали усилия для того, чтобы изменить положение вещей. Однако, к сожалению, это не дало никаких результатов.

♦ В заключение скажем, что девизы «Приокских зорь» — журнал для читателя, качество произведений, грамотность, не взимание платы за публикации — не изменились.

В современных реалиях, когда литература, по словам А. А. Яшина, «превращается в «салонный» вид творчества из-за разобщенности его» и «как следствие, утрата самого понятия авторитета в писательской среде, без которого происходит своего рода нивелирование талантов и творческих способностей», наш журнал постоянно следует принципам великой русской классической литературы и ее продолжения — советской литературы. Новый русский критический реализм как ведущий творческий метод журнала тоже есть продолжение русского критического и социалистического реализма. И ныне, как двести лет тому назад во времена Пушкина, без настоящих литературных журналов не обойтись. «На великое дело — великое слово», как гласит еше одна русская пословица. Поэтому журнал «Приокские зори», фактически являющийся коллективным произведением наших постоянных авторов, понимающих, что каждый номер журнала в известной мере имеет определенный сюжет и установку, на деле реализующий метод нового критического реализма в своей литературной деятельности, активно участвующий во всероссийском литературном процессе и значимостью, и глубиной поднимаемых тем в «Колонках главного редактора», и произведениями постоянных авторов в нынешнее жестокое время глобализации представляет собой, по сути, один из форпостов борьбы с расчеловечиванием и переходом к цифровому типу мышления, которые несет современная цивилизация в нашу жизнь. Мы надеемся, что такая деятельность имеет перспективы успеха, так как наша страна в своей основе еще верна традициям православной и социалистической морали, которая, по сути, есть та же православная, только без упоминания Бога.

В этот замечательный и славный юбилей хочется поздравить наш журнал, его редакцию и редколлегию и пожелать новых светлых перспектив, побед, постоянного движения вперед, сил и плодотворной работы для процветания нашей Родины, ее духовного и культурного благополучия!

Яков Шафран,
зам. главного редактора — ответственный секретарь журнала, главный редактор альманаха «Ковчег», г. Тула

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТАЛАНТА

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ ВОЛЬФОВИЧЕМ ЖИРИНОВСКИМ

К 15-летию «Приокских зорь»

Беседу с В. В. Жириновским — Руководителем фракции ЛДПР ГД ФС РФ, членом Государственного Совета, Председателем ЛДПР, доктором философских наук, заслуженным юристом России, ведет ***Людмила Евгеньевна Авдеева*** *— член Союза писателей России, Международной Федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана, член редколлегии «Приокских зорь», литературовед, культуролог, поэт.*

Л. А. Владимир Вольфович, наша встреча проходит накануне юбилея журнала «Приокские зори», отмечающего свое пятнадцатилетие. На страницах журнала мы с Вами неоднократно беседовали по многим актуальным вопросам современности, о состоянии культуры, о трудностях литературного процесса. Знаменательное событие в жизни авторского коллектива и многочисленных читателей журнала дает Вам новую возможность высказать свое мнение о многолетней деятельности издания и поговорить о наиболее, на Ваш взгляд, острых проблемах, непосредственно связанных с литературной деятельностью, состоянием современной культуры, ее плюсами и минусами.

В. В. Ж. Сначала хочу поздравить коллектив журнала, его главного редактора Алексей Яшина, с творчеством которого я знаком, с юбилейной датой. Издание такого формата требует жизненного опыта, профессиональной зрелости, а у главного редактора хороший штат помощников, среди которых известные талантливые писатели, люди с активной жизненной позицией, благодаря чему журнал выстоял без государственной финансовой поддержки, не прибегая к рекламе и помощи благотворительных фондов. Партия ЛДПР тоже начинала с нуля, а вот отметила и свое 30-летие, и провела 31 съезд. Вот и «Приокские зори», опираясь на лучшие традиции классиче-

ской русской литературы, сумели сохранить и приумножить все лучшее, что наработано за века талантливыми поэтами, прозаиками, публицистами, о чем свидетельствуют объемные номера журнала.

Л. А. Чем лично Вам интересен этот журнал?

В. В. Ж. Я получаю очень много авторских книг, толстых и малых журналов, но, как Вы понимаете, читать текущую литературу у меня времени практически нет. Мне приходится много читать материалов, необходимых непосредственно для деятельности партии. Я сам постоянно пишу или диктую тексты, ЛДПР издает сотни монографий, сборников статей, выходит газета, общественно-политический журнал «За русский народ», в котором мы также находим место для публикации стихов, рассказов, притч.

Но я получал книги главного редактора «Приокских зорь» Алексея Яшина, в которых привлекают интересные масштабные рассуждения, приток свежих мыслей, логика мышления, точность слов, зримость образов. Я просматривал «Колонку главного редактора» в журналах, которые мне передавали. Яшин умеет мастерски вовлекать в действие читателя, заинтересовывать темой. Да и вообще в журнале тематика на любой вкус. Проза, поэзия, публицистика, литературная хроника. Публикуются авторы из зарубежья, что также большой плюс журналу. Он хорошо оформлен.

Л. А. Хочу к этому добавить, что Алексей Афанасьевич Яшин — глубокий мыслитель, энциклопедист, обладающий пронзительной интуицией, обостренным чувством восприятия добра и зла. Яшин умеет несколькими мазками, используя ассоциации, передать исключительно глубокое постижение современной духовной жизни. Такой стиль выработан огромным ежечасным трудом. Так же стремится работать и весь коллектив, поэтому журнал по заслугам награжден орденом Державина, медалью Некрасова, о нем пишут отечественные и зарубежные издания.

В. В. Ж. Такая ответственность таланта за свои произведения, к сожалению, сегодня присуща далеко не всем издателям. А ответственность писателя перед читателем, просто перед русским языком должна быть безгранична. Я не буду судить о достоинствах и недостатках произведений современных авторов. Это дело профессиональных критиков, но скажу, что жизнь намного богаче, ярче, сложнее, масштабнее любого сочинительства. Безусловно, у читателей свой вкус, свои пристрастия, но издатели должны все же производить более жесткий отбор произведений. Нужны книги социально значимые, актуальные, с понятной жизненной философией. Часто встречаешь примитивный язык, упрощенные картины жизни, очень много жестокости. Я не вижу среди современных писателей тех, кто создал бы что-то значительное, равное произведениям ведущих прозаиков, чьи имена были на слуху моего поколения, хотя всевозможных литературных премий сверх нормы. Вероятно, это потому, что время сложное, общественные конфликты стали острее и их труднее отобразить. А это серьезный симптом бесплодности современной культуры.

Л. А. Это действительно очень болезненная тема, так как авторы сегодня в подавляющем большинстве предоставлены сами себе и могут писать о чем угодно и как угодно, и, если материальное положение им это позволяет, сами издавать свои книги и выставлять свои творения в безграничные Сети Интернета. На фоне коммерческой литературы, шоу-бизнеса, поп-арта, ряда журналов, где двери открыты только для своих, «Приокские зори» неоднократно проводили Всероссийские и Международные дискуссии о состоянии современного литературного процесса. Эти дискуссии, которые стали традиционными, вызывают большой интерес читателей своей серьезной, острой полемикой, информационной содержательностью. Но, действительно, есть издания современной периодики, которые не в пример «ПЗ», предают забвению литературные традиции минувших веков, отказываются от публикации серьезных критических статей, от анализа современной поэзии и прозы и стали питательной средой для схоластики.

«Приокские зори», наоборот, открывают возможность без финансовых вложений публиковаться молодым талантливым авторам. Маститые писатели рецензируют книги своих коллег. В нашем раздираемом соперничеством литературном мире, где духовная жизнь так часто отравлена атмосферой бизнеса, такая бескорыстная деятельность главного редактора А. Яшина и редколлегии и есть самоотверженное служение русской литературе. И самое главное, что есть неразрывная связь творчества авторов с политической, социальной, общественной жизнью страны, ведь даже когда писатель пишет о себе, он пишет об эпохе, о своем времени, показывая современность со всеми ее возможностями и превратностями, помогая развитию общественного самосознания. И мне вспоминаются слова Кристофера Кодуэлла, английского критика, погибшего в 1937 г. в Испании, о том, что человек становится свободным, не проявляя себя в противостоянии обществу, а посредством своей деятельности в обществе.

При этом писатель, будь он поэт, прозаик, драматург должен постичь, что у жизни двойная природа. В ней есть и добро, и зло и не надо метаться между радужным оптимизмом и беспочвенным отчаяньем.

В. В. Ж. Это Вы заметили очень точно. Не так давно я перечитал роман Достоевского «Бесы», в котором многие не увидели главного — предостережения от массового нравственного падения, предупреждение и даже пророчество, что нравственная деградация приведет к политическим, социальным, моральным катастрофам. Никаких выводов Достоевский читателю не навязывал, так как считал, что каждый их сделает в силу своих мировоззренческих взглядов. Но Достоевский показал, как происходит утрата иллюзий и распад личности, когда нет духовных ценностей, связи с народом, с верой и Отечеством. Все персонажи, так или иначе соприкоснувшиеся с бесовщиной, с ложными прозападными теориями, погибают. Только Петр Верховенский — один из главных бесов остается живым и безнаказанным. Поэтому Достоевский и был уверен, что бесовщина еще принесет России и всему миру много бед. Герои Достоевского рассуждают о любви к человечеству, но безбожие рождает вместо любви ненависть, переходит в убеждение, что все позволено. Современная бесовщина проникла в художественную литературу, в театр, кинематограф, где показ всевозможных преступлений, сексуальных домогательств, убийств и самоубийств стал нормой. Достоевский указал два способа человеческого бытия. Человек может быть проводником добрых дел, ответственным за мир и может быть властной эгоистической натурой, позволяющим себе решать, кому жить, а кому нет.

Общество в первую очередь губит безнравственность, а это коррупция, финансовые преступления, убийства и прочие язвы современного мира. Поэтому современным писателям в своем творчестве необходимо задуматься о необходимости сконцентрироваться на исторически важных делах, сделать осознанный, ответственный выбор тематики произведений, в основе которых должны быть морально-нравственные, духовные корни. Личность человека наиболее ярко проявляется в нравственно — духовной борьбе, в смутные времена. Социальные проблемы не решают лозунги и манипуляции. Перемены должны происходить в умах людей, в их сознании, и этому служит русская литература. Поэтому тема преступления и наказания, отношения поколений отцов и детей остается одной из основных, и хотелось бы, чтобы на это обратили внимание и авторы журнала «Приокские зори».

Л. А. Ну, если юбилей ПЗ заставил Вас вспомнить пророчества Достоевского, то скажу, что сам Достоевский неоднократно писал, что на читателя не надо давить, а надо дать ему взять из текста ровно столько, сколько он готов воспринять. Не все могут охватить многоуровневую глубину подтекста романа, где диалоги намного важнее внешнего сюжета. На мой взгляд, очень пророчески Достоевский показал, что трагедия России, а сегодня это особенно актуально, в том, что именно лидеры, те, кто должен быть из лучших людей, сами поражены безверием и во многом носители зла.

Однако ни люди, ни общество не спешат извлекать уроки, чему пример некоторые произведения наших нынешних деятелей культуры, которые называют новым бунтарским искусством, по ним снимают фильмы, протаскивают на международные кинофестивали, чтоб еще раз дать позлорадствовать Западу, до чего докатилась Россия в своих нравах. Недавно нашумели два фильма: «Русский бес», снятый одним из лидеров поколения клипов, сыгравшим главную роль Г. Константинопольским, и картина-дебют К. Соколова «Папа, сдохни», показанная даже на кинофестивале «Окно в Европу». Подражая Достоевскому, к сожалению, не в психологической и не философской глубине, а в нагромождении кровавых бессмысленных убийств, авторы хотят внушить зрителю, что таких нравственных уродов у нас масса. Конечно, современные писатели должны поднимать тему преступления и наказания, но при этом не теряя здравого смысла, не руководствуясь желанием напугать зрителя и читателя. И здесь есть чему учиться у Достоевского любящим бесовщину, чертовщину, дьявольщину в различных ее проявлениях, а писателям помнить слова Петра Чаадаева, 225-летие которого широко отмечала литературная общественность, что «главная задача писателя понимать свой век и свое призвание».

В. В. Ж. А также помнить, что одно из главных богатств России — это интеллект, и у России здесь огромный потенциал. И заканчивая нашу беседу, я хочу еще раз поздравить международный, общественно-политический, художественно-публицистический журнал «Приокские зори» с достойным юбилеем. Отрадно, что нестоличный, издающийся в Туле, журнал востребован, пользуется читательским спросом, работа его авторов плодотворна и открывает возможности для начинающих. Что пожелать? Еще более широкой читательской аудитории, поднимать творческий авторитет писательского труда, сохранить устойчивость, целостность творческого коллектива и солидарность с читателем.

Л. А. Благодарю Вас, Владимир Вольфович, за важную беседу, за внимание к журналу и к его авторам, за теплые слова в адрес коллектива и главного редактора А. А. Яшина, истинного капитана непотопляемого литературного корабля. Всегда рады видеть Вас гостем нашего журнала, чтобы совместно, откровенно обсудить злободневные темы современной культурной жизни.

Беседу вела Людмила Авдеева,
член Союза писателей России,
г. Москва

Людмила Воробьева
(г. Минск)

К ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» — ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛОРУССИИ

Член Союза писателей Беларуси с 2017 г., академик Международной литературно-художественной Академии Украины (2019), лауреат многих международных премий, а также литературной премии им. М. Булгакова (2020), Международного литературно-художественного конкурса им. Де Ришелье (2020) и «Славянский калейдоскоп — 2018», награждена Дипломом за высокие помыслы и духовный аристократизм — Золотой GRAND (Германия, 2020), Дипломом за большие заслуги в области литературной деятельности — Золотой GRAND (Германия, 2020). Автор трех книг литературной критики. Литературно-критические статьи публиковались во многих российских и белорусских журналах и газетах, а также на ряде Интернет-порталов.

Мне как представителю литераторов Беларуси, прежде всего той ее немалой части, которая относится к русской словесности, тесно взаимосвязанной и с белорусской литературой, как критику и как, в первую очередь, читателю Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» хотелось бы сказать о том, что это периодическое издание впечатляет не только своей фундаментальностью, неоспоримым профессионализмом, но и широчайшим тематическим охватом публикуемых в нем материалов! Замечу, здесь удивительным образом ярко присутствует лирическая сторона, журнал полон душевной теплоты, внимания к каждому автору, что непосредственно передается и читателю. Приятно внести, пусть небольшую, но собственную духовную лепту в общий труд столь авторитетного издания постсоветского пространства, объединяющего соотечественников некогда единой империи.

Между тем сегодня достаточно непросто сохранять традиции и устои русской классики. Задача архисложная в наши непростые времена, когда великие художественные произведения прочитываются по-новому, когда явно нарушается сама связь традиции. Поэтика модернизма, активно проявившая себя в 20-е годы прошлого столетия, не относящая себя к классической традиции, дала о себе знать и в начале XXI столетия. Сегодня мы вынуждены мириться с постмодерном, противопоставляя ему взамен литературу традиционную, обогащенную ценностью настоящих жизненных наблюдений, христианскими идеалами добра и милосердия, светом православия. Больно видеть невосполнимую потерю культуры так называемых «толстых» журналов — самой неповторимой и выразительной черты эпохи 60—70-х годов. Все лучшее было когда-то напечатано именно в «толстых» литературных журналах! Невыразимо грустно ощущать, как стремительно теряет литературные интересы наша эпоха! Литературный процесс мельчает, дробится, мы все, получив независимость, потеряли в литературе гораздо больше, чем приобрели. Цензуры уже нет, а ограничения точно есть. Хотя отсутствует государственная помощь и поддержка журналам, выживающим в одиночку. Разве раньше нечто подобное могло быть, в нашу достопамятную

«эпоху обобществления»? — как любит, что вовсе и не лишне, подчеркнуть Алексей Афанасьевич.

Да, издавать «толстые» журналы необычайно трудно. Издавать их необходимо! Впрочем, «толстые» журналы с большим усердием хоронят уже не первый год, как, собственно, и литературу, но вопреки всему они не прекращают непрерывный литературный процесс. Непрерывное литературное пространство, которое занимают журналы, и создает этот бесконечный процесс, этот вечный круговорот непреходящих ценностей в истории литературы, а значит, и в нашей с вами жизни. Журналы нынче находятся в зоне постоянного риска и в зоне осуществления выполнения особой миссии. И это надо понимать!

«Нынешние журналы — тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве»,— пишет Алексей Афанасьевич в новой книге «Житие наше оцифрованное», оригинально перефразировав А. С. Пушкина применительно уже не только к особому классу переводчиков. Появляются нынче и электронные версии журналов в сети интернет-порталов. Но могут ли они полностью заменить реальную бумажную версию? Нам все же ближе времена Гутенберга. Полноценный литературный журнал как раз и противостоит легкому салонному чтиву, где серьезные, глубокие поэтические и прозаические произведения, которые мы можем читать в «Приокских зорях», являются отражением личности каждого писателя и, конечно же, личности его главного редактора, известного ученого и писателя, свято сохраняющего русскую почву, историю и память.

Отрадно, что в журнале отведена колонка главного редактора, включающая многоплановые талантливые статьи самого Алексея Яшина, посвященные юбилейным датам писателей с мировым именем. Удивительна прозаическая часть журнала, где представлены авторы различных стилевых и жанровых направлений, сформирована четкая конкретика разделов: крупный литературный жанр, где размещаются: роман, повесть, пьеса; современный русский рассказ; образы и тропы поэзии; публицистика и литературоведение; та же хроника литературной жизни, проникнутая теплом и трепетным вниманием самого редактора. Запоминаются и современные писатели Латвии В. Ковалев и О. Янгол, их пронзительные психологические эссе, и русский писатель Н. Ольков, его повесть «Гиблое дело». «Вот почему жизни нет простому русскому мужику?», «...почему плохо живет мужик в деревне?» — поднимает прозаик этот постоянный вопрос России — крестьянин и земля, отношение к земле, связь корней, оторванность от которых губительна для страны, для ее возрождения, а еще и поэтические произведения прекрасных поэтов Тулы Р. Мусаева, Я. Шафрана, сохраняющих традицию и самобытную почву, патриотизм и верность Родине. Заслуживают прочтения интереснейшие исследования о русском писателе Н. Лескове, его тяжелой и мужественной судьбе, литературоведа А. Новиковой-Строгановой. Словом, каждый номер по-своему памятен и уникален!

15-летие журнала, много ли это? В исчислении категории бесконечности времени — нет, а в издательских трудах — немало и значительно! А сколько вложено в журнал эмоций, движений живой души и ее авторов, и прежде всего самого главного редактора! Хочется поздравить Алексея Афанасьевича Яшина — главного редактора литературно-художественного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала с таким долгожданным событием! Пожелать всему коллективу творческой активности, духоподъемности, дальнейшего сохранения русской традиции во благо процветания России и нашей русской литературы, нашего совместного общего истока славянской культуры. Так же поздравить Алексея Афанасьевича с получением важной, весомой награды — православной литературной премии им. Святителя Макария за дилогию «Апология Христова» и «Апология человека». Новых удач и побед всем! Любви к жизни и литературе, спасающей человека и этот мир, делающей его лучше и добрее!

НАС ПОЗДРАВЛЯЮТ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Общероссийская общественная организация
119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13

Председатель

Исх. № 1/ 032
От «2» марта 2020 г.

Главному редактору всероссийского
литературно-художественного и публицистического журнала
«Приокские зори» Яшину А.А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Кажется, совсем недавно Союз писателей России вместе с Вами активно обсуждал саму идею создания на священной Тульской земле нового литературного журнала. Если говорить честно, тогда, в условиях отсутствия достаточной кадровой, полиграфической, и материальной базы мало кто мог предположить, что в короткие сроки удастся создать полноценный печатный орган, способный быть конкурентным среди ведущих литературно – художественных изданий страны.

И вот позади пятнадцать лет.

Минувшие годы показали, что Вам и Вашему коллективу удалось опровергнуть первоначальные прогнозы. Вы стали всероссийским журналом, одной из лучших литературно-художественных и публицистических площадок, где опубликовать свои произведения стремятся ведущие литераторы России. Явным показателем успеха является то, что растет тираж журнала, ему становится тесно в установленных рамках. И читатели ждут очередных номеров.

Сердечно поздравляем Вас, Алексей Афанасьевич, и весь творческий коллектив журнала «Приокские зори» с юбилеем – пятнадцатилетней годовщиной со дня его образования и горячо желаем вам достойно преодолевать возникающие трудности на пути к Вашему успеху!

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Николай Иванов

Дорогие друзья!

Поздравляю от имени коллектива редакции журнала «Наш современник» родной и близкий нам журнал «Приокские зори».

Желаем сотрудникам журнала и авторам продолжать живые и плодотворные традиции русской литературы, веками складывавшиеся в наших центральных областях — Тульской, Калужской, Брянской, Рязанской, Смоленской...

Желаем всем нашим тульским землякам вдохновения, трудолюбия, душевного и телесного здоровья.

Почетный гражданин Калужской области,
главный редактор журнала «Наш современник»
Станислав Куняев

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Руководство и актив Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» сердечно поздравляет редакцию литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» с 15-летием! Желаем оставаться изданию таким же острым, злободневным и высокохудожественным! А его главному редактору и всей редакции — здоровья, крепости сил, оптимизма, творческого полета и доброго настроения! Мы — с вами!

Уважаемая редакция «Приокских зорь»!

Примите наши поздравления в связи с 15-летним юбилеем! Желаем дальнейшего творческого развития и доброго здоровья всем, кто делает этот великолепный журнал. Наш альманах «На крыльях «Пегаса» в 2020 году также отмечает 15-летний юбилей и выпускается под эгидой библиотеки «Приокских зорь». Выражаем твердую уверенность в продолжении творческого сотрудничества. Всяческих успехов!

Руководитель Тульской общественной организации
«Школа литераторов имени В. Ф. Пахомова «Пегас»
Марк Дубинский.
Гл. редактор альманаха «На крыльях «Пегаса»
Эдуард Георгиевский

Дорогой Алексей Афанасьевич!

От всей души поздравляю Вас и Ваш творческий редакционный коллектив с 15-летием замечательного журнала! С благодарностью за плодотворное сотрудничество!

Гл. редактор литературно-художественного тандема
(журнала «Иртышъ-Омь» и альманаха «Тарские ворота»)
Игорь Владимирович Егоров

МНОГАЯ ЛЕТА ЖУРНАЛУ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»!

АКРОСТИХ В ПРОЗЕ

Приспело время, сотоварищи, журнал «Приокские зори» нам поздравить подобающе.
Оный же журнал не токмо многих регалий и наград удостоен, но вельми похвал достоин.
За труды и заслуги его всем заметные сплету я ему из словес грамотку приветную,
Дерзну, смиренный, обретающийся в пустыне, в поздравительный лист вписать свое имя.
Радость светлая для любителей чтения тот журнал. За пятнадцать-то лет его всякий узнал.
А если какому невежде о журнале том пока невдомек, узнает и этот, дайте только срок.
В самые дальние Русской земли концы «Приокские зори» доставить спешат гонцы.
Листают журнал в столице, на Мурмане, в Сибири, Поволжье, за рубежом его знают тоже.

Яшин Алексей, Афанасьевич по отчеству, журналу дал толчок к развитию и творчеству.
Юным литераторам и маститым, коль пишут добро и красно, у Яшина дорога открыта.

Наш главред притом не токмо писатель, но критик, философ, конструктор, преподаватель,
Академик, ученый, профессор, изобретатель, вельми многих наград и званий обладатель.
Шафран Яков, сын Наума,— главреда зам и сподвижник. На челе у него неустанная дума:

Журнал как бы сделать солиднее, достойнее, литературнее, художественнее, стабильнее.
У премудрого Шафрана на все хватает замаха: и на журнал, и на издание его альманаха.
Редакция «Зорь» и многих других премудрых мужей преисполнена. Не счесть всех их:
На то в грамотке может места не хватить. Одначе как же их не вспомнить, не похвалить?
Альтруисты они, подвижники, бессребреники, за правду радетели, доброхоты, книжники.
Литературы русской великие радетели, защитники добра, нравственности и добродетели.

С ними, витязями, изукрашенными достоинствами, прославится все журнальное воинство,

Юное сердцем, а умом умудренное, искусное, опытом оснащенное, духом укрепленное,
Борьбой закаленное, в словесах искушенное, сердцем открытое, годами труда сплоченное.
И не забудем, братия, о читателях, добрых наших друзьях, почитателях, доброжелателях!
Любо каждому делиться с ними сердца жаром. Коль читают — значит, трудился недаром.
Ежели бы не они, не читатели разлюбезные, все труды да таланты были бы бесполезные.
Ежели бы сограждан словеса наши не грели, кто бы «Приокские зори» издавать затеял?
Многая лета милому детищу нашему общему, многая лета автора и книгочея сообществу!

Игорь Карлов,
г. Москва

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой — 15-летним юбилеем журнала «Приокские зори» и выражаю огромную признательность за Ваш благородный труд по изданию журнала и развитию на его страницах лучших традиций русской литературы. В нем нет ничего лишнего. Все в меру. Все исполнено внутренней гармонией. В журнале читатели находят пищу для души и ума. Здесь можно читать прекрасные произведения поэтов, прозаиков и публицистов России и зарубежных стран.

За пятнадцать лет проблемы «Приокских зорь» стали для Вас близкими и личными. В современных экономических условиях, не имея постоянных источников дохода, Вам удается издавать серьезный и востребованный читателями журнал, нацеленный на перспективу дальнейшего развития. «Удача улыбается подготовленным»,— писал А. Веллингтон. Удачи Вам, Алексей Афанасьевич!

Вы своей деятельностью, проявляя настойчивую принципиальность, способствуете успешной работе редколлегии и авторского коллектива. В том, что коллектив работоспособен, во многом Ваша заслуга. Если кратко выразить суть всего сказанного, то Вы, Алексей Афанасьевич, человек на своем месте.

Примите от меня самые добрые пожелания крепкого здоровья на долгие годы, успехов во всех делах, бодрости и оптимизма, творческих успехов, семейного благополучия.

С уважением, Е. Трещев —
член Союза писателей России,
действительный член Петровской Академии наук и искусств,
Почетный гражданин Чернского района Тульской области

ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

Алексей Афанасьевич! В Вашем лице я поздравляю весь коллектив и читателей «Приокских зорь» с пятнадцатилетием! Мне повезло быть на связи с нашим журналом с 2015 года. За это время я заслужил право быть его постоянным автором, а также войти в контакт с альманахами «Ковчег» и «Тульской сторонкой», заочно познакомиться с членами редакционной коллегии и с некоторыми авторами, поэтому я не мог безучастно встретить такое знаменательное событие — пятнадцатилетие нашего литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» и откликнулся стихотворением:

Пятнадцать лет, пятнадцать лет,
Как хорошо, что повстречались,
Не потерялись на земле,
А, повстречавшись, не расстались!
Стеклянной свадьбой нарекли
Пятнадцать лет совместной жизни,
Мы отношенья сберегли,
Как не была б судьба капризней.
Когда светает над рекой,
Рассветы эти — в помощь лире.
Алеют зори над Окой
И мне от них светлей в Сибири.
Не зря журнал — небесный дар,
Нацелен в будущее смело.
Не допустить в него удар
Теперь — ответственное дело.
Пусть обойдут беда и хворь
И ритм в движенье б не сломался,
И чтобы свет «Приокских зорь»
Над миром ярче занимался!
Пятнадцать лет, пятнадцать лет,
Как хорошо, что повстречались,
Не потерялись на земле,
А, повстречавшись, не расстались!

С обожанием, любовью и уважением,
Валерий Акимов,
г. Нижневартовск

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

От души поздравляю Вас и весь коллектив редакции с 15-летием журнала. Действительно, уникальный журнал. Пожалуй, это единственный сейчас орган печати в регионе, в котором сохранены все традиции русской литературной школы. Замечательный журнал, замечательные авторы, замечательный коллектив редколлегии.

Константин Струков,
г. Тула

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Поздравляю Вас, а также всех сотрудников редакции журнала «Приокские зори» и его замечательных авторов с 15-летним юбилеем! От чистого сердца желаю всем

вам крепкого здоровья, огромного человеческого и творческого счастья! Пусть наши популярные в литературных кругах «Приокские зори» всегда будут центром притяжения авторов, отражающих важные исторические события в жизни нашей Великой России!

С самыми теплыми пожеланиями к журналу,
Владимир Корнилов — член СП России,
лауреат Всероссийской литературной премии
«Левша-2018» им. Н. С. Лескова

ЖУРНАЛУ

Пятнадцать лет — достойное начало,
Но краткий миг в пучине вековой!
Журнал из слов — и слово зазвучало
Приокской, полыхающей зарей!
На белый лист ложится жадно проза,
Поэзия трепещет на листах,
Статья — публицистическая роза
И очерк, разносящий в пух и прах!
Как благородно то, что в этом мире,
Зажатом и насыщенном молвой,
Возьмут журнал и в старенькой квартире
Увидят свет словесный и живой!

Анатолий Арестов,
г. Рубцовск, Алтайский край

Петр

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Валерий Богушев
(г. Воронеж)

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Рассказ

Окончил Воронежский политехнический институт. Работал в геологоразведочной экспедиции на Крайнем Севере в Якутии, служил в Советской Армии, разрабатывал новые модели электромеханотроники. Автор трех книг рассказов и повестей — «Хозяин Вселенной» (2000 г.), «Парус на солнце» (2011 г.) и «Провинциальные записки» (2018 г.). Член Союза писателей России, наш давнишний автор.

Проехав сто пятьдесят километров на восток от Воронежа, в одиннадцать утра я был уже в Эртиле. На автостанции узнал из расписания, что ничего не изменилось с тех пор, как попал сюда семнадцать лет назад, и ближайший автобус на Козловку ожидается только вечером.

Не спеша прошелся мимо закрытого здания музея по освещенным прохладным осенним солнцем улицам до рынка. Оживленная огороженная площадь напоминала ярмарку или восточный базар. Ларьки, торговые палатки, павильоны и магазины с продовольствием, одеждой, обувью, хозтоварами. Глаза разбегаются от невзрачного китайского ширпотреба.

Перекусил в пирожковой. Увидел на стоянке небольшую иномарку эффектного бордового цвета и направился к ней. За рулем мужик примерно моих лет.

— До Козловки довезете?

Сговорились за тысячу рублей с заездом в Платоновку и Дубровку, плюс двести пятьдесят за час стоянки. Пришлось дать задаток пятьсот рублей.

Познакомились. Таксиста звали Иван Васильевич.

Приятно общаться с умным человеком твоего возраста. Иван Васильевич рассказал, как во время учебы в Воронежском политехе влюбился в однокурсницу и собирался на ней жениться. Но после института вернулся в Эртиль, и потерял следы возлюбленной. Говорили, что она вышла замуж и переехала в Ямное — большое село рядом с Воронежем. Через несколько лет отправился туда, хотел разыскать. Обошел множество улиц и домов, но безуспешно.

— Может, оно и к лучшему? — спрашиваю.— Что бы вы ей могли сказать нового, или она вам? Тем более, что оба уже были не свободны.

— Нет,— не согласился Иван Васильевич.— Нам было что сказать друг другу.

— А сейчас?

— И сейчас есть.

Я с уважением посмотрел на него...

За разговором проскочили поворот на Платоновку. Развернулись. Проехали Тамбовку, около Платоновки асфальт закончился. Предложил Ивану Васильевичу подождать меня у начала пруда, но он на большой скорости продолжил путь по грунтовой неровной дороге вдоль берега. Высокая трава цепляла за днище автомобиля. Миновали плотину и въехали на косогор, где располагалось поросшее зеленым мурожиком кладбище. Нашел по памяти могилу прадеда с низким железным крестом...

На обратном пути показал Ивану Васильевичу, где стоял дом моего предка по материнской линии и где росла когда-то лозина. Улица, или точнее, ряд домов тянулся вдоль большого пустынного пруда, вызвавшего у таксиста неописуемый восторг.

— Какая красота! Куплю здесь дом, заведу гусей.

Затем вернулись на трассу и через сто метров свернули на Дубровку. Проехали здание школы и сельской администрации.

— Куда едем? — спросил водитель.

Я и сам не знал и попросил остановиться в тени берез возле забора детского сада. Настала моя очередь восхищаться. Село состояло из аккуратных, утопающих в зелени садов домиков, с правильной планировкой улиц на ровной поверхности без низин и бугров. Сразу за селом начиналась роща. Сделал несколько снимков. Сколько раз ездил из Козловки на велосипеде ловить рыбу в Кресты за семь верст и не мог еще пару километров одолеть из любопытства, чтобы взглянуть, как живут соседи. А ведь неплохое место выбрали, духоподъемное!

Когда-то во время лютого военного голода моя мать — ей было лет одиннадцать — с младшей сестрой ходили пешком с салазками, взятыми у кого-то напрокат, в Дубровку к дальней родне. Побывали в двух домах. Их спрашивали:

— Чьи будете?

— Поли Гавриловой.

Рассказали, что отец пропал без вести на фронте. Их покормили. В обоих домах дали неслыханное богатство — по котелке жмыха... Времени с тех пор утекло много. Хотелось разыскать если не тех добрых родственников, то хотя бы детей их или внуков. Но навряд ли это можно было сделать быстро, и я попросил Ивана Васильевича подбросить до красивого здания церкви на окраине села.

Храм был отстроен недавно из белого кирпича и напоминал готовящуюся к старту ракету, готовую взмыть в синие-пресиние небеса. Зашел внутрь. Службы не было. Привезли крестить младенца, и вокруг этого события происходило волнующее оживление.

Проехали по деревне. Посреди одной из улиц уходящий вдаль красивый пруд с берегами, поросшими камышом. По улице бредут группами ребятишки с портфелями, возвращающиеся из школы...

После Дубровки отправились в Козловку. Попросил остановить на окраине села, расплатился и распрощался с общительным таксистом. Пешком пошел по такой знакомой и словно сильно уменьшившейся Московской улице.

Проулок у дома, где прошло детство, распахали, осталась лишь тропинка, так что я даже проскочил мимо. Бабушкин двор не узнать. Новые постройки и ульи на пригородчике. Зашел в соседний дом в гости к Вере — дочери Петра Никитовича и тети Нюры. Больше никого в Козловке из родни и знакомых не осталось в живых. Поговорили, повспоминали.

Отправился на кладбище, но как ни ходил, не нашел ни одной могилы знакомых и дорогих мне людей. Может быть, они просто так и остались в том ушедшем времени и той реальности...

Зашел в храм в центре села. Внутри пусто. У девушки в церковной лавке рас-

спросил расписание проходящих автобусов на Русаново. Она отвечала вежливо и обстоятельно. До ближайшей маршрутки из Воронежа оставалось полтора часа, и я отправился прогуляться к Елани. До нее было рукой подать. Вот блеснуло среди кленов желтоватое зеркало высвеченной солнцем воды под бетонным пешеходным мостиком, и внутри сладко заныло.

Река словно зарылась в землю, текла среди обрывистых берегов, поросших бурьяном и кленовыми зарослями. Вдоль берега тянулась тропинка к показавшимся за речным изгибом избам. Хотелось с кем-нибудь поговорить, но вокруг было пустынно. И тут увидел бредущего навстречу старика в пальто.

Пожилой мужчина сел в траву у берега реки, свесив ноги с обрыва. Когда я подошел, начал, кряхтя, подниматься и отряхиваться.

— Рыба тут водится? — спрашиваю, чтобы завести разговор.

— Водится.

— А какая? — удивился я.

— Всякая.

Что-то не припомнил рыбалки на Елани в детстве. Если и водилось что — только селявки.

— А где же теперь купаются? Раньше на этом месте пляж был песчаный.

— Нету.

— Река обмелела?

— Ага. Бывало, на Елани рыбаки сидели через каждые сто метров, а теперь никого... Жизнь интересная штука. Мне уже восемьдесят лет. Вот иду от дочери. Купила куру, а у нее кожа красная, отдала мне. Говорит: «Смотри, отравишься». Я отвечаю, что в голод дохлую лошадь ел — не отравился. Лебеду ели.

— Наслышан. У меня тут мать жила. Тоже голодала в войну,— я назвал имя и фамилию.— Не слышали? Немного старше ваших лет. Может, в школе вместе учились?

— Не помню такой.

— А Виктора Павловича? Его все знали. Масло бил из семечек. На Московской улице жил.

— Не слыхал. Я плотником работал — все время по окрестным селам мотался. Строили дома — в Дубровке, Платоновке, Кисельном. На велосипеде на работу ездил. Любил педали крутить. Жизнь интересная штука...

Мы распрощались на развилке — он побрел по тропинке вверх к школе, а я зашагал вдоль реки к церкви.

Снова зашел в храм.

— Как зовут батюшку? — спрашиваю в церковной лавке у той же вежливой девушки.

— Отец Алексей.

— А где же старый батюшка?

— Отец Иван? Он по возрасту вышел за штат и организовал свой скит в Александровке.

До маршрутки оставалось еще четверть часа. Побродил по кленовой рощице перед сельской библиотекой, в которой когда-то на летних каникулах брал книги для внеклассного чтения. Оригинальная надпись на потрескавшейся табличке: «Муниципальное учреждение культуры «Козловский культурно-оздоровительный центр». Козловская сельская библиотека». На двери «культурно-оздоровительного центра» замок — выходной день.

Книгу «Чернозем» Гавриила Троепольского о жизни деревни 20—30-х годов впервые читал здесь, еще не зная, что прототипом села Козинки, частенько упоминавшегося в романе, послужила Козловка, куда молодой Троепольский, учительствовавший неподалеку, в Питиме, наведывался по делам. Судя по событиям, описанным

в книге, и по воспоминаниям родни, тяжелое и опасное выпало время молодости моим бабке и деду — революция, продразверстка, гражданская война, усугубленная антоновским восстанием, охватившим и Козловский уезд, со страшной жесткостью с обеих сторон, потом коллективизация и раскулачивание односельчан, репрессии тридцатых, под которые попадали и простые колхозники, и председатели колхозов. А следом еще война и голод...

В павильоне автобусной остановки появился худощавый подросток, извлек из тайника за скамейкой сигарету со спичками и закурил. К нему подошел крошечный котенок. Хулиганистого вида мальчик погладил его. Я достал из сумки кусочек сыра, котенок с жадностью набросился на угощение.

Подоспевшая маршрутка из Воронежа подбросила меня до Русановской церкви, той самой, где меня в младенчестве крестили. Но службы не было, на воротах висел замок. Обойдя вокруг красивой деревянной церкви, окруженной деревьями, побрел вдоль асфальтированного шоссе в сторону Жердевки, где был забронирован номер в гостинице. Миновал мост через Савалу, сделал несколько снимков извилистой реки, луга и начинающегося вдалеке Савальского леса.

Дорогой не отпускало чувство, что этим же путем хаживали в молодости пешком по разным делам в райцентр Терновку за двадцать семь километров мои бабка Пелагея Васильевна и дед Егор Григорьевич, которого я никогда не видел — он пропал без вести под Ленинградом в сорок третьем. По рассказу бабки, однажды их остановили в лесу разбойники. Спросили, не идет ли кто следом. Егор не растерялся и сказал, что они обогнали целый обоз. Бандиты не решились их тронуть и скрылись в лесной чаще, приняв во внимание, наверное, еще и внушительный вид тридцатилетнего богатыря, побеждавшего всех на воскресных кулачных боях в Козловке.

Река Елань в Козловке

Русановская церковь

Река Савала

Мать рассказывала, что до войны Егор Григорьевич одно время занимался извозом, и в их избе останавливались его приятели, перевозившие товары и пассажиров в удаленные от железнодорожных станций селения. Гости спали на полу или на полатях, постелив солому и укрывшись овчинными тулупами. Однажды на ночлег остановился молодой художник и на глазах у обступивших со всех сторон пятерых детей хозяина нарисовал на белой бумаге паровоз. Паровоз вышел как настоящий — с трубой, из которой валил дым и огромными блестящими железными колесами, из-под которых вырывались струи пара. Все были в восторге. Рисунок поместили в самодельную рамку и повесили на стену.

В Подчернецком (район Козловки) жила сводная сестра моей бабушки бабка Наталья. Прокалывала девочкам уши под серьги иголкой с суровой ниткой. Сын ее в

начале тридцатых годов отслужил в армии, вернулся в село, женился, родился сын. Мать до войны и во времена голодного военного детства любила ходить к ней в гости, играть на печи в карты с ней и ее внуком. Бабка Наталья угощала всякий раз то горстью подсолнечных зернышек в карман, то сладкими кубиками вяленой сахарной свеклы.

Как только началась Отечественная война и объявили всеобщую мобилизацию, главу семьи забрали в учебную часть под Борисоглебском, а в августе родился шестой ребенок в семье — сын. Осенью, узнав из письма, что мужа отправляют на фронт, Пелагея Васильевна оставила новорожденного сына сестре мужа тетке Аксютке, которая в ту пору тоже кормила грудью своего ребенка, и отправилась прощаться. Маршрут воинской части проходил недалеко от Козловки. Старшей дочери отец передал на память брошь и красивую декоративную звездочку с булавкой на платье.

Некоторое время спустя через село проходило на фронт другое воинское подразделение. На ночлег солдат распределяли по хатам. Моя мать запомнила троих солдат-украинцев, остановившихся в их избе...

Нахлынули и собственные козловские воспоминания.

В неспешной летней сельской жизни в детстве большим событием было появление старьевщика. Ветхий дед ехал на телеге и тянул нараспев:

— Тре-е-е-епки.

Что означало «тряпки» — основной предмет его промысла.

Со всех дворов к нему устремлялась ребятня. Старик останавливал лошадь и открывал заветный сундучок с драгоценностями — глиняными расписными свистульками в виде соловья, сладкими петушками на палочке в целлофановой обертке, леской, наборами крючков и готовыми снастями со свинцовым грузиком и ярким поплавком на леске, намотанной на серую пластмассовую планку, железными автоматическими пистолетами в комплекте с пистонными лентами, разноцветными шарами. Старьевщик забирал принесенное детворой тряпье, взвешивал на безмене, бросал в телегу с деревянными бортами и объявлял, какую вещицу можно выбрать.

Вспомнилось, как отец троюродного брата Миши Виктор Павлович (дядя Витя) приезжал с жатвы затемно на комбайне, бросал охапку спутанных гороховых плетей на крыльцо и мы, ребятишки, обрывали стручки и либо шелушили горох пальцами или зубами, либо, если он был недоспелый, жевали сладковатые сочные стручки-лопатки.

Вот еще ощущения и воспоминания, которые вызывают у меня всякий раз невольный трепет: запах свежескошенной травы, вкус недозревших семечек из скрученной головки подсолнуха; вкус паслена, растущего у края огорода; горьковато-сладкий вкус только что вырезанного свистка из ветки лозины.

Горечь придавала кора, которую сначала отбивали рукояткой ножа и снимали с блестящей влажной сердцевины, а затем надевали на обструганную в нужных местах острым лезвием древесину.

Щекотная вибрация на губах от гуделки-дудочки, сделанной из стручка желтой акации с вычищенными изнутри зернышками.

Звонкий, как выстрел, звук при ударе о землю кнута с нахвостнем на конце — плетеной косичкой из конского волоса, который иногда удавалось вырвать у лошади из хвоста.

Устоявшаяся за лето привычка говорить на местном диалекте: корова не забодает, а забрухает, не крапива, а кострыка, не вьюнок, а повилика, не тучи, а наволочь, не буханка, а коврига, не ржаной, а аржаной. Играли не в прятки, а в кулючки...

Дорога шла вдоль соснового леса к Терновке. Вот, наконец, и крутой поворот на Жердевку, до которой, судя по указателю, оставалось девять километров. Солнце уже садилось. Пришлось остановить проезжавшие мимо белые «Жигули», чтобы попасть

к месту ночлега до темноты. В салоне молодая семейная пара. Сел на заднее сиденье. На большой скорости проскочили Есипово и въехали в Жердевку. Попросил парня показать, где располагался маслозавод, на который ездил подрабатывать мой дед. С любопытством и нарастающим волнением смотрел во все стороны, словно внезапно переместился в прошлое на машине времени.

Меня подбросили до автобусной остановки. От предложенных денег наотрез отказались.

С любопытством и настороженностью всматривался в вежливые суровые лица потомков эсеровских повстанцев. Расспросил у мужиков на шиномонтаже, как добраться до гостиницы. Рейсового автобуса ждать не стал, узнав, что пешком напрямки быстрее.

И вот сижу в уютном номере гостиницы в одном из центров Антоновского мятежа. За окном чудесный вид на мост через Савалу и ночной город. Похоже, я единственный постоялец. Приняв теплый душ, пью фирменное моршанское пиво с тамбовским сыром, общаюсь в соцсети с двумя молодыми поэтическими дарованиями, непонятно какими судьбами расцветшими в ближайшей к Козловке округе, удаленной от Воронежа почти на двести километров. Навряд ли я когда-либо с ними увижусь, но почему-то приятно сознавать, что обе талантливы, что им вообще пришло в голову писать стихи, и что мы почти земляки... Одна из них пожаловалась, что работа в провинции убивает вдохновение, и стихи случаются редко.

* * *

А через месяц в конце октября я волею судеб оказался на Средиземноморском побережье Турции. В эту пору уже не жарко, но еще можно загорать и купаться. Проехал с туристической группой тысячу километров, меняя отели и города.

Вообще-то я всегда считал себя патриотом, и любил наши моря — Балтийское, Азовское и особенно Черное. Но теперь, оставшись патриотом, осознал, в чем прелесть заграничного сервиса, на которую клюнули многие соотечественники. Я всегда не понимал и ревновал их предпочтение чужим странам особенно остро оттого, что сам из-за нехватки средств не мог проверить: в самом ли деле там так хорошо? И оказалось — точно, очень хорошо! Роскошные интерьеры отелей, невообразимое разнообразие блюд, щиплющее глаза горько-соленое море непривычного темно-синего цвета, экскурсии на комфортабельных автобусах по ровным, как стекло, асфальтированным дорогам, пальмы, гранатовые и апельсиновые сады, поражающие разнообразием ювелирные, меховые и ковровые центры, наконец, «восьмое чудо света» — ослепительно белые, словно в снегу, горные склоны Памуккале с его геотермальными минеральными источниками...

Но, по прошествии времени, мне сдается, что поездка в отдаленную заповедную глубинку на родину предков произвела более захватывающее, незабываемое и берущее за душу впечатление, чем экзотический заграничный вояж.

Сергей Антонов
(г. Крайсчерч, Новая Зеландия)

МАМА МЫЛА РАМУ

Родился в 1973 в Свердловске. Закончил журфак Уральского госуниверситета. Работал журналистом на ТВ и в прессе. В 2002 году вступил в Российский союз журналистов. В 2003 переехал в Новую Зеландию. Живет в Крайсчерче. Главный редактор литературно-художественного журнала «Южный островъ».

Ветер сквозил под потолком через огромную дыру в стене, вальяжно проплывал по комнате, перебирая скрипучие, висящие серпантином, полуотвалившиеся полосы обоев, и, наконец, разбежавшись, уносился через окно. Собачий холод. Днем тусклое солнышко все же разгоняется иногда до плюс десяти. Но при таком промозглом ветре это не помогает согреться. Гадский климат, но март еще не самый паршивый месяц в Грозном.

Сашка сидел на чьем-то грязном, в выцветших желто-зеленых разводах бушлате, брошенном прямо на кучу битого кирпича, вывалившегося внутрь квартиры. Разложив на колене наклейки — вкладыши от жвачки, старательно обклеивал ими цевье Калашникова. И был так сосредоточен, так серьезен в этой детской забаве, что Варька невольно засмеялся:

— Серьезная коллекция у тебя! Только, смотрю, нет никакой тематической линии, все подряд лепишь. Даже «Барби»!

— Да. Трофейный аппарат.

— Девчонка? — Варька даже перестал улыбаться, словно его безмятежность дала трещину, куда стало стремительно улетучиваться хорошее настроение.

— Наверняка,— равнодушно ответил Сашка и, оглядев розовые наклейки, добавил.— Школьница совсем, если судить по картинкам.

— Наверняка? — Варька подошел поближе.— Я думал, это твой личный трофей. Боевой.

— Да нет,— заулыбался Сашка,— я его у казаков на четыре гранаты выменял.

— А девчонка?

— Не знаю. Отстань! — Сашка встал и, ухватив автомат за ствол, поволок его к пыльной груде какой-то старой рухляди. Маленький, щуплый блондин в мешковатом камуфляже больше всего смахивал на старшеклассника на уроке НВП.

— Как ты думаешь, почему тебя Шварценеггером прозвали? — спросил его Варька, с трудом сдерживая улыбку,— может, того, погорячились?

— У меня воля очень сильная,— обернулся Сашка,— как у Шварца кулаки. Я всего в жизни добиваюсь, чего хочу. Школу закончил, железнодорожный техникум, из армии старшим сержантом пришел. В «контору» устроился работать, это тебе не в кочегарку наняться. А я всегда мечтал быть чекистом, как мой дядя Паша — вот, смотри, чего уже достиг.

— А курить который раз бросаешь? — съязвил Варька.— Шестой за этот месяц?

— Считай, что бросил, последняя цигарка в пачке осталась. Слушай, дай-ка мне пилу,— он мотнул головой в дальний угол комнаты,— где-то там валялась.

Варька проследил за его взглядом и среди мелких, в щепку, обломков деревянного ящика заметил колючее, в ржавых чешуйках полотно ножовки, хищно скалившееся в потолок, словно копченая крокодилья челюсть,— на, держи.

Сашка закурил и, не оборачиваясь, протянул руку за пилой. Потом, прижав автомат коленом к исцарапанному грязному журнальному столику, начал осторожно отпиливать приклад.

— Зачем? — почему-то совсем не удивившись, спросил Варька.

— Модернизирую,— ответил Сашка сдавленным голосом, продолжая усердно пилить, стараясь увернуться и щурясь от попадающего в глаза дыма сигареты,— куда я с таким веслом. Был АК, стал АКМ.

— На хрена он тебе вообще сдался? — вздохнул Варька.— Что тебе, казенных стволов не хватает? Или тебе особый кайф — из трофея кого-нибудь завалить?

— Можно и так сказать,— Сашка выпрямился и с облегчением выплюнул сигарету,— у этого калибр больно хороший — 7,62 — любой бронник прошибает на раз. И, снова склонившись над ножовкой, прогрызшей уже половину приклада, добавил:

— Вещь старинная, цены немалой, бабкино наследство.

— Скорее, внучкино. Девку-то видел?

— Какую девку? Школьницу? Нет, не видел. Если жива осталась после допроса — увезли уже, наверно.

— Отпустят?

— Да с хренов ли? Казаки никого не отпускают, по крайней мере, просто так. А тебе-то что за дело?

— Ну, так, интересно.

Сашка выпрямился, отбросил в сторону обрезок облезлого, с остатками лака на прожилках, приклада и сказал с улыбкой:

— Бабы у тебя давно не было, Варька. Вот и все. Интересно ему! Найди себе коханочку и успокойся.

— Где, здесь?

— Не дай бог! Я тебе не про здесь, но про сейчас. Напиши кому-нибудь, позвони — обнови отношения, и служба веселей пойдет. У меня дома, в Благовещенске, знаешь, сколько баб было? Хочешь, поделюсь, познакомлю?

— Не знаю даже. Да ну, у вас там одни китаезы. Слушай, а будешь у казаков — узнай про школьницу, ладно? — Варька развалился на пыльном грязно-белом кожаном диване, сложив ноги на рваный подлокотник.

— А сам?

— Не-е, не люблю я этих ряженых. Дикошарые они какие-то. Никогда не знаешь, где с ними в разговоре нарвешься. И понеслось: «Да ты сам хуже чечена! Ты родину не любишь, тот хоть за нее свою кровь проливает, а ты — за бабки паршивые! Знаешь, что Грозный казаки основали — это наш город!» И за пистик хватается.

— Это да,— согласился Сашка,— дикошарость у них в чести. Вдумчивых и спокойных не любят, те дома остались, а эти... добровольцы, одно слово — «мамбеты». Но я с ними без проблем, отлично лажу.

— Ушами отрезанными не хвастаются? Скальпами с ними не меняешься?

— Да пошел ты, я хоть не быкую перед каждым дураком. Особенно, если он вооружен.

Сашка вставил магазин в новую игрушку Калашникова и передернул затвор.

— Короче, я до витру отлучусь на пять минут. Ты бумагой случайно не богат?

Варька кивнул на россыпь книг под висящей на одном гвозде книжной полкой:

— Воспользуйся местной библиотекой, своих читателей, думаю, она уже безвозвратно потеряла.

Сашка, не глядя, взял с пола первую попавшуюся книжку и, вырвав из середины пачку листов, взглянул на первый и по слогам прочитал:

— Ма-ма мы-ла ра-му,— и немного сконфужено добавил,— ну, это им точно уже не пригодится. Можно пользоваться.

— Если тебе не западло родным букварем задницу подтирать — пользуйся,— усмехнулся Варька.

— Умеешь ты, блин,— разозлился Сашка,— создать настроение. Мне что, Коран искать, если посрать приспичило? Или таблицы Брадиса? Ты давай, смотри тут за двоих, пока я буду временно беззащитен и уязвим.

— На толчке с автоматом? Да ты на любой шорох палить начинаешь,— крикнул ему вдогонку Варька,— чем ниже штаны, тем выше инстинкт самосохранения.

Варька полежал еще несколько секунд, молча глядя в потолок, перевернулся на бок и с неохотой встал с дивана. Отряхивая с боков серую пыль, пересел на край стола и пододвинулся поближе к разбитому окну, спрятавшись за грязно-желтой шторой.

В городе до сих пор неспокойно, порой как неожиданно вспыхивают, так и обрываются короткие ожесточенные перестрелки. А пейзаж почти везде одинаков — серые, словно поседевшие от горя, покореженные здания, стыдливо припорошившие пылью следы пожаров. Прореженная стена дома напротив напоминала зубы неудачливого боксера. Но, несмотря на обманчивую необитаемость, жизнь ни на минуту не прекращается в этих, кажущихся брошенными, лабиринтах квартир, подъездов, дворов незнакомого, чужого и страшного города.

Порыв ветра опять принес тот запах, ставший уже постоянным ароматом этого проклятого места. Горечь пожара, приправленная кислинкой пороха со сладковатым привкусом мертвечины. К нему сначала, кажется, невозможно привыкнуть, но спустя время, уже по ту сторону Кавказских гор, от него сложно отвязаться. Так начинает пахнуть твой двор, твоя комната, твой шкаф. И, даже садясь в до последней царапины знакомый автобус, ты продолжаешь чувствовать аромат этого «чешского коктейля». Словно случайно притащил за пазухой в родной мирный дом бациллу беды — крупицу всех тех ужасов, пережитых сотнями незнакомых людей. Их крики и предсмертные судороги, их боль и отчаяние растворились в воздухе без следа, но запах, вобравший в себя энергетику сотен, тысяч смертей, запах этот никуда не делся. Позже он ослабеет и, вытесненный свежим порывом новой жизни, потихоньку улетучится. Но унесет с собой и острую волнительную пряность, сделав жизнь проще, обыденнее и преснее.

— Варька! — крикнул из другой комнаты Сашка.— Живой? Снимаемся, скоро на сутки заступать.

* * *

Самая тоска накрывала по вечерам. Комендантская служба в управе ФСБ несложная, отстоял сутки — двое свободен. Отоспался, а дальше — пустота. Варишься в кубрике общежития вместе с другими такими же бедолагами. Пять этажей бывшей гостиницы забиты командированными чекистами, от полковника до сержанта — все вперемешку. Ну, выпьешь, ну, пульку распишешь, видик посмотришь. Днем еще можно упасть кому-нибудь на хвост, в город с операми съездить, а вечером и носа не высунешь за дверь. Зато всегда было тепло, даже жарко — хоть форточек практически и не закрывали.

Варька лежал на своем втором ярусе поверх одеяла, задрав ноги на серую железную спинку кровати, и рассеяно изучал облезлый потолок. Синеватые подпалины, белые разводы, выпуклости и впадины — словно разглядывал снежное поле с вертолета. Снега — вот чего ему сейчас очень захотелось, да так сильно, что даже показалось, как с потолка потянуло холодком. Так бы и прыгнул в это поле, нырнул с головой, зарылся лицом в белоснежные барханы снежинок. Никогда не думал, что будет

когда-либо с нежностью вспоминать родную уральскую зиму. Заваленный снегом лес, расчищенная тропинка от дома к бане на даче, пушистые и уютные сугробы у предбанника. Выскочил из бани и рухнул на свежую снежную перину. Первые секунды холода не чувствуешь, мягко и тепло. Но все же при минус двадцати в сугробе долго не поваляешься, и когда бежишь обратно, мокрые ноги уже липнут к деревянному крыльцу. Будто бы зима не хочет отпускать так легко доставшуюся ей добычу, стремясь замедлить, задержать, вернуть обратно и навеки погрести голого человека под снежной целиной.

— Скажи, прапор, а почему ты Варька? — подал голос с нижней койки только вчера заселившийся в общагу лысоватый крепыш из Белгорода, назвавшийся Усохом. А так как Варька не ответил, поднял ноги и начал слегка покачивать верхнюю сетку.— Спишь, что ли? Что за бабское прозвище?

— Варфоломей,— ответил тот в потолок. И, неожиданно оживившись, свесив голову вниз, раздраженно продолжил,— а ты вот что за птица — «Усох»?

Лысый примирительно заулыбался, сел на кровать поудобней, подоткнув под спину подушку и подобрав под себя ноги в белых носках.

— Это еще с Афгана пошло. Хочешь, расскажу? — и, не дожидаясь ответа, продолжил.— Стояли мы в одном кишлаке. Нормально, хорошо стояли, и что главное — население мирное и малочисленное.

И вот в одно прекрасное утро мы вдруг заметили, что люди исчезли. На улице никого, прошлись по домам — пусто. Мы запаниковали, страшно стало — ждали какого-нибудь смертоносного удара по кишлаку. Заняли круговую оборону и сидим. Возвращаются наши разведчики — все колодцы пусты, вода ушла. Слушаешь или опять уснул?

— Слушаю, рассказывай дальше! — Варька перелег на самый край сетки, свесив голову вниз.

— Короче, командир приказал сниматься и уходить,— Усох довольно заулыбался, чувствовалось, что это его любимая история,— но оставил трех человек ждать колонну, которая должна пройти через два дня. Нас было трое: какой-то плюгавый "дедок", «черпак» Миша с Кишинева и я, молодой сержант, только в апреле пришедший из ашхабадской учебки. Оставили нам сухпай, воды на три дня и отчалили. Короче, вся служба свалилась на меня, как ты понимаешь,— врут, что там не было дедовщины. Еще какая была! Спал по три часа в сутки. А колонна не пришла, ни через два дня, ни через три. Воды почти нет, да и еда на исходе. Просыпаюсь как-то на четвертый день, а вокруг тишина — сослуживцы мои сбежали, прихватив всю жратву и оставшуюся воду. А я остался — уходить некуда, да и как пойдешь без воды. И колонну, кстати, дождался, но только на десятый день.

— Как это возможно? — удивился Варька.— Человек больше трех дней без воды не протянет.

— Человек, может, и не протянет, а советский воин — должен. Башка болела без перерыва, язык распух. Под конец уже ничего почти не соображал, да толком и не видел. Отпоили, откормили, оживили. А тех уродов, что меня бросили, так и не нашли — записали пропавшими без вести во время боевой операции. С тех пор меня «Усохом» и прозвали. Нормально, я не возражал,— героическое прозвище. А через полгода после этого случая перебросили меня в Кандагар, в 70-ю бригаду — в самую жопу Афгана, к пакистанской границе...

Вдруг в коридор, с грохотом опрокинув деревянный табурет, с горой автоматных магазинов, ворвался дежурный:

— Сашку Шварценеггера убили,— прокричал он срывающимся голосом. На секунду все замерло вокруг, звуки застыли хрустальной тишиной. А потом все разом зашумели, затопали, заговорили и, повыскакивав из кубриков, ринулись куда-то бежать. Варька, как услышал, так и ухнул вниз, одной рукой держась за край панцир-

ной сетки, намереваясь попасть босыми ногами в тапочки, но попал по Усоху, который тоже, повинуясь стадному инстинкту, вскочил, но, получив по шее Варькиными ногами, завалился обратно на койку.

— Какого Шварценеггера? — растеряно спросил он Варьку, но тот, ничего не замечая вокруг, поскакал к дневальному.

На первом этаже, в фойе седой упитанный прапорщик Володя Берг растерянно смотрел на окруживших его бородатых сослуживцев и, будто отвечая на незаданные вопросы молчащих людей, говорил без умолку, в довольно нелепой, но удивительно подходящей к его бакенбардам и настоящему пенсне манере дореволюционных господ-офицеров:

— Я решительно ничего точно не знаю, господа. Позвонили казаки, да. Сообщили, что вашего Шварцнеггера подстрелили. Виноват, господа,— нашего. Только тот вышел с сигаретой на крыльцо, и сразу упал. Пока еще ничего наверняка не известно, давайте сохранять спокойствие. Был всего лишь один звонок от казаков, господа. Решительно не понимаю, как можно ночью курить на улице? Дежурный наряд уже выехал, но пока ничего не сообщали. Прошу вас, господа офицеры, без эксцессов,— и, окинув всех умоляющим взглядом, продолжил,— хотя бы не в мое дежурство.

Варька подумал, что сейчас у него земля под ногами должна расколоться и обрушиться, утягивая его в бездонную пропасть отчаяния. Но ничего этого не произошло. Его лишь охватила глубокая обида на друга. Так глупо, так глупо подставиться. Бросить его одного на этой враждебной земле, среди чужих неприветливых людей. Он так разозлился, что с большим удовольствием вмазал бы Сашке, если бы только мог.

Толпа медленно редела, плотное кольцо людей вокруг Берга таяло, распадаясь на отдельные фигуры, разбредающиеся в разные стороны. Спустя минуту около него остался только Варька.

— Чаю хочешь? — неожиданно спросил его Берг.— С коньяком, а? — И понизив голос, добавил: — С армянским!

Варька молча смотрел на прапорщика, не только не слыша, но и даже не видя его. Тот, потоптавшись несколько секунд, развернулся и почти неслышно ушел.

«Чертова девка,— думал Варька,— вот на кой хрен она мне сдалась? Пусть хоть на ломти ее порубают, вот вообще нисколечко не жалко. Это все оттого, что я размяк. Приехал на войну, значит, жалость и сочувствие, если хочешь вернуться назад, должен оставить дома.

Мысли в его голове торопились, натыкались друг на друга, спутывались. Он впал в какое-то странное состояние, словно очутился в параллельной реальности. Вдруг отчетливо услышал, как тикает время, хоть во всем здании не было ни одних настенных часов. Но он внятно, остро до боли, вполне осязаемо почувствовал каждую проскакивающую через его сердце секунду. Свою собственную, неповторимую, но и абсолютно никому не нужную. Она появлялась откуда-то позади сердца, полная предвкушения радости и удовольствия жизни, но проходя через Варькину душу, серела, мрачнела и, разочаровавшись, выскакивая прочь, гасла с презрительным шипением, как уголек, упавший в воду.

* * *

Варька скорее почувствовал и представил, чем услышал, как во двор заехала машина. Короткой очередью хлопнули двери. Несколько человек, позвякивая амуницией и негромко переговариваясь, подошли к подъезду. Для уехавшего на место Сашкиной гибели наряда было слишком рано, хорошо, если до утра управятся. Наверно, вернулись припозднившиеся опера.

Варька не выдержал и, развернувшись, направился прочь по коридору. Он не хотел никого сейчас видеть, чувствовать на себе сочувственные и виноватые взгляды, слышать разнообразные версии гибели друга. Конечно, этого не избежать, но он хотел хотя

бы ненадолго, насколько возможно, оттянуть этот момент. Сашка был для него еще живым, попавшим в какую-то передрягу, но живым. Хотя прекрасно понимал, что сигарета в ночи — это подарок для снайпера, и после таких выстрелов не выживают.

Он уже был в дальнем конце длинного коридора, когда люди шумно ввалились вовнутрь.

— Варька, Варька! — они нетрезво закричали, видимо, заметив и узнав его уплывающую в полумрак спину.— Постой!

Тот, наоборот, прибавил шага, но что-то странными ему показались их голоса, не чувствовалось в них ни трагизма, ни даже грусти, лишь какая-то матерно-пьяная разухабистость. Он остановился и, привалившись спиной, принялся разглядывать отвратительно масляно-блестящую поверхность противоположной стены неширокого коридора.

— Да куда ты, постой,— голоса неминуемо приближались. Но Варька даже головы не повернул, так и стоял, уставившись в одну точку. На него накатила какая-то смертельная усталость и равнодушие ко всему на свете такой силы, что, услышав сейчас боевую тревогу, запросто мог бы пробраться в дальний угол и лечь там на куче бушлатов спать.

— Ты чего грустный такой? — спросил Пашка, то ли по прозвищу, то ли по фамилии Воробей, шутя толкнув его в плечо стволом автомата.— У человека день рождения, а ты трезвый?

— У кого, у тебя? — автоматически ответил Варька, даже не услышав своего голоса.

— Во даешь, да у Сашки же Шварценеггера, че, не слышал разве?

Медленные, текучие мысли в голове Варьки вдруг встрепенулись, вздыбились и понеслись, вполне ощутимо сталкиваясь, разбегаясь и снова сталкиваясь, да так больно, что он невольно поморщился. «Еще не знают»,— мелькнула первая, «Перепутали, у Сашки — осенью»,— подоспела вторая. «Нажрались и пошутили» — с опозданием пришла третья. Остальные бились и вертелись в голове, как соскучившиеся по матери щенята — да так резво, что ни одной не ухватишь.

— Где именинник? — упавшим голосом спросил Варька.

— Не именинник,— поправил его пышущий жаром, потом и алкоголем боец,— а новорожденный. Да вон несут.

Варька повернул голову и увидел двоих, довольно нетвердо стоящих на земле незнакомцев, с двух сторон поддерживающих окровавленного Сашку.

— Ранен,— просипел Варька и сделал два неуклюжих шага в его сторону.

— Нет,— ответил Пашка,— пьян в стельку. Ну и ранен, конечно. Не кетчупом в шашлычной облился. День рождения отмечаем. Второе. Нормально. У меня, например, их трое.

Варька подошел к Сашке, тот даже немного похрапывал, бессильно свесив голову набок.

— Эй,— потрясли его сопровождающие,— слезайте, князь, приехали.

Сашка потряс головой, разгоняя пьяное мутное сновидение, с некоторым усилием оторвался от помощников, выпрямился, сделал несколько неуверенных шагов к Варьке.

— Убить, гады, хотели,— сказал он, счастливо улыбаясь,— но только нос отстрелили. Во, самый кончик, как рубанком сняло. Прикинь, мазилы, по сигарете промахнулись.

Варька по-прежнему молча, словно новыми глазами смотрел на Сашку, который на секунду показался ему совсем другим человеком, каким-то чужим бомжеватым стариком, лишь отдаленно напоминающим потерянного друга. Тот рассмеялся и опять превратился в пьяного подростка в окровавленном тельнике, с грязно-белым пластырем на носу, но живого и веселого.

— Идиот,— только и промолвил с облегчением Варька.

— Сам знаю,— трезвея, ответил Сашка,— ты же меня просил к казакам смотаться.

— Идиот,— повторил Варька,— я про сигареты.

— А? Я уже бросил, вот хочешь, обыщи,— и похлопал себя по нагрудным карманам,— в этот раз уже окончательно.

— А что девка-то, узнал? — как можно более безразличным тоном спросил Варька

— Нет, прости. Забыл сначала, а потом не до того стало, сам понимаешь.

— Ладно, проехали,— с облегчением выдохнул Варька, подумав: а может и правда Сашкина жизнь зависела от этой малолетки. Стоило ей нарисоваться где-то на заднем плане — все пошло наперекосяк, а пропала — и жизнь вернулась в прежнее русло.— Пошли проставляться, новорожденный,— толкнул он Сашку в плечо,— народ тебя без водки сейчас просто разорвет.

— Ребята, водка у меня,— встрепенулся заскучавший Воробей и призывно побултыхал десятилитровой алюминиевой канистрой,— и в машине еще канистра кизлярского! — Но, увидев перекошенные отвращением лица вышедших на шум полуодетых сослуживцев, добавил: — ну, коньяк — не основное блюдо, это так, чисто догнаться.

* * *

Уже под утро, когда даже самые жадные до спиртного забылись кратким, но чутким сном, и Варька в одежде и расшнурованных ботинках лежал бревном поперек чьей-то кровати, Сашка с зажатой в кулаке мятой сигаретой, с трудом переставляя ноги, пробрался в туалет. В полутемном сыром помещении было не так душно, хоть и крепко накурено. Он присел на корточки, прислонившись голой спиной к прохладному, грязно-белому кафелю. Попытался выправить мятую сигарету, но только порвал, попробовал склеить слюной, но получилось плохо — руки не слушались, дрожали то ли в нервном, то ли в алкогольном ознобе. Рассердившись, сломал сигарету и, сунув в рот половинку подлиннее, с удовольствием закурил. Обрывки мыслей, чувств, ощущений вертелись в его голове в каком-то непонятном, но ритмичном танце. Он был пьян и вполне счастлив. Смерть прошла совсем рядом, только прихватила своими жаркими пальцами за самый кончик носа, чуть было не утащив с собой. Сашка вдруг увидел себя со стороны: вот он валяется на крыльце с дыркой в голове, насмерть зажав в руке щегольскую зиповскую зажигалку, вот его везут через всю страну домой — цинковый ящик, полный растрясенного за тысячи километров пути тухлого мяса. Увидел рыжую могилу на пустынном кладбище на 17-м километре, увенчанную лакированным крестом, с притаившимся среди цветов, бликующим, как снайперская оптика в зеленке, стаканом, прикрытым ноздреватым куском хлеба.

— Фу! — он помотал головой, пытаясь согнать наваждение. Настолько уж четко все представилось, так правдиво, что стало казаться — это и есть настоящая реальность. А он сам — что-то бестелесное и нематериальное, выброшенное сегодняшним выстрелом из действительности. Последняя искра жизни, блуждающая по коротящим электросхемам умирающего мозга.

Сашка подошел к умывальнику и засунул голову под струю холодной воды. Полегчало. Счастье, укрывавшее его до этого момента теплым уютным одеялом, стало возвращаться. Но что-то не пускало его накрыть Сашкину душу целиком. Словно кто-то держал уголок этого одеяла и даже потихоньку тянул его назад. И тут он вспомнил казачий лагерь и слова высокого рыжеватого парня, нарезавшего сало прямо на столе, среди эмалированных кружек, россыпи патронов и переполненных окурками консервных банок: «Что, ты, милай,— сказал он улыбаясь,— какая девка? Захирка?! Да ее Калинкин с Антоном еще вчера закопали...»

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

БЕЛЯШИ
Сельский триллер

Наш постоянный автор.

Два уроженца среднеазиатской республики ставили новый дом председателю поселкового совета. Сам заказчик проживал с семьей в областном центре неподалеку, но после окончания стройки собирался перебраться в родные края. А пока ежедневно наведывался на своем белом ауди по председательским делам, заодно проверяя темпы работы и пополняя гастарбайтерам запас продуктов. Залогом добросовестности нанятых шабашников председателю служили отобранные у них на время паспорта. Трудолюбивые, согласные на любую работу южане почти закончили стелить черепичную крышу над вторым этажом строения. По ночам они оставались на стройке уже в качестве сторожей, чтобы никто из местных не польстился на остающиеся материалы. В этой истории они сыграли эпизодичную и малозначимую роль, на их месте мог оказаться любой другой, потому имена и паспортные данные совершенно не важны. Впрочем, вежливости ради и для удобства можно означить их Джамшутом и Равшаном, они не обидятся, тем более не узнают, потому как успели давно покинуть территорию нашей страны.

Рядом со стройкой убого притулилась совершенно не жилого вида деревянная развалюха. Подтверждая дневное впечатление, по ночам за ее наглухо закрытыми ставнями не светилось ни одного огонька. Но и засветло строители не замечали ни малейшего движения за покосившимся некрашеным забором из потемневших от времени досок. В мрачном домишке явно давно никто не обитал.

Привозимые заботливым работодателем рыбные консервы, помидоры, огурцы и хлеб из местной пекарни не могли заглушить грезы Джамшута и Равшана о настоящем плове, мастерами по приготовлению которого оба являлись, как и положено настоящим мужчинам их рода и племени.

Такие несбыточные пока мечтания и подвигли обоих однажды с наступлением темноты сигануть через соседскую изгородь. Они уже хорошо знали, что никаких собак, несмотря на видневшуюся рядом с хибарой конуру, на участке не водится, но впервые решились на подобное только этим вечером. В надежде поживиться чем-то съедобным на огороде посветили фонарем, чтобы убедиться: там, где в лучшие времена, должно быть, находились грядки, теперь густо поднимались одни сорняки. Никто их давно не выпалывал, не поливал, да и зачем, если ничто полезное здесь точно с весны не высаживалось.

Уже оказавшись на ветхих и скрипучих ступенях крыльца, приятели намеревались поковыряться гвоздем в навесном амбарном замке, когда тот, что пониже ростом, ну, пусть будет Равшан, по какому-то наитию обнаружил под стареньким изодранным половичком великодушно оставленный ключ. Так что внутрь проникли без хлопот, как бы ответив на любезное приглашением отсутствующих жильцов. Чтобы не привлекать внимание случайных любопытных, незваные гости, разумеется, не

собирались включать освещение, да и пробки наверняка были вывернуты неведомыми хозяевами, которых они так и не видели за все время строительства. Для осмотра им вполне хватало того же предусмотрительно прихваченного фонарика.

Никаких следов съедобного или ценного обнаружить не удалось, царившее внутри пыльное запустение окончательно подтверждало: здесь давно никто не живет. Но с самого начала, едва отважные исследователи ступили через порог, ими ощутился неприятный густой запах, будто где-то в комнатах сдохла кошка. Пришлось даже прикрыть носы рукавами рубашек, что, впрочем, мало помогло. По усилению вони нашли торчащую из-под застеленной выцветшим одеялом кровати человеческую ступню. Смердящим источником оказалось черное ссохшееся тело человека, мужского пола, если не считать одной единственной старой кроссовки, совершенно голое. Не возникало сомнений, что разложившийся и начавший мумифицироваться покойник пролежал тут не один месяц. Незадачливых следопытов поразило отсутствие мышц и кожи на белеющих костях ног и рук, одного из них, неважно кого по имени, тут же стошнило рядом с останками.

Естественным позывом испуганных гастарбайтеров было немедленно бежать прочь. Между ними возникла яростная словесная перепалка на родном языке, в результате которой верх одержал более разумный и рассудительный Джамшут. Ему удалось убедить товарища не поддаваться панике, чтобы не навлечь гораздо больших неприятностей. Воспользовавшись оставленным для связи дешевым мобильником, они немедленно сообщили о страшной находке работодателю, который в матерных выражениях велел ничего больше не трогать в доме и оставаться на месте до его приезда.

Уже минут через сорок, присоединившись к честной компании, рассерженный председатель поселкового совета ввернул пробки и при ярком свете обследовал место возможного преступления. Сообразил, что ругать за излишнюю инициативу не в меру любопытных гастеров, и так напуганных до смерти, сейчас нет смысла. Внушительно втолковал дальнейшие действия для всех и немедленно вызвал полицию.

Прибывшим оперативникам он пояснил, что сам разрешил переночевать наемным рабочим в давно пустующем «бесхозном» доме по соседству. Представил их паспорта и охарактеризовал как старательных и законопослушных работников. И поскольку глава местного совета пользовался у правоохранителей известностью и безусловным авторитетом, вопрос о незаконном вторжении на чужую жилплощадь решили пока не заострять, а сосредоточиться на выяснении обстоятельств возможного убийства. После подписания протокола Джамшута и Равшана отпустили под поручительство их работодателя.

Вспышки фиолетовых маячков на двух полицейских фургонах и яркий свет во дворе внезапно пробудившейся пустовавшей до того хибары привлекли с десяток живущих по-соседству, рядом крутились и подростки. Один из них сумел проникнуть в дом и рассмотреть труп, прежде, чем постороннего обнаружили и вытолкали взашей. Зато по его утверждениям, которые немедленно разошлись по поселку, он успел признать в почерневшем высохшем мертвеце сына хозяйки брошенного жилья. Он клятвенно уверял, что вместо рук и ног покойного остались одни кости без кожи и мышц с поперечными зарубками от топора или мясницкого ножа, которым их зачищали от мякоти.

Прежняя владелица дома, бабушка Расима, хорошо известная в поселке, много лет проживала одиноко, пока к ней внезапно не вернулась дочь Адия, да не одна, а с десятилетним сыном Зинуром. Эту уже ставшую сорокалетней женщину успели забыть за годы ее отсутствия с молодости, а уж о мальчишке и его отце никто и понятия не имел. Бабуля не шибко обрадовалась прибытию наследничков, ко всему прочему, она давно страдала каким-то психическим расстройством, от которого по несколько месяцев почти каждый год лечилась в областной психбольнице.

Воссоединенная семья прожила вместе недолго, после очередного срыва помешанную Расиму, выглядевшую гораздо старше своих лет, снова забрали на стацлечение. Оттуда старуху доставили уже холодной и недвижимой, да и то всего на одну ночь перед похоронами. Седобородый самоучка из соседнего села, небескорыстно исполнявший для мусульманских жителей поселка обязанности уже несколько лет отсутствовавшего муллы, как положено, несколько часов читал над ней суры корана. Наутро мужчины отнесли покойницу на кладбище в приготовленную могилу.

Адия осталась одна с мальчишкой, привела в порядок хозяйство, прикупила кур и петуха, вскопала огород, высадила рассаду и даже подыскала себе работу на местной почте. Сын ходил в школу, но учился без охоты и кое-как, завел компанию с местными хулиганами, и часто учителя в воспитательных целях требовали прихода его матери. Тем не менее, он умудрился ни разу не остаться на второй год, скорее всего, педагоги просто не хотели портить из-за него показатели успеваемости, что было совершенно не в их интересах.

В старших классах Зинур уже не только курил дешевые сигареты, но и баловался анашой, чего даже ни от кого не скрывал. Частенько попадал в различные драки, не только в школе и поселке, но даже в соседнем селе.

Как ни странно, сам рыжеволосый паренек выглядел хлипким, вовсе не спортивным юнцом с длинными нескладными руками, все больше сутулившимся по мере роста. Словно именно про него говорилось: «бодливой корове не дали рога». Тем не менее, вовсе не к радости Адии, как выяснялось, обычно он оказывался главным зачинщиком, хотя постоянно ему и перепадало синяков и шишек по справедливости гораздо больше прочих драчунов.

Мать, скрепя сердце, не только давала ему деньги на курево, но и разрешала дымить в доме, надеясь, что благодаря этому подросток станет меньше шататься на стороне со своими непутевыми приятелями.

Уже в классе десятом, когда после очередного выкуренного косячка Зинур завалился на кровать в грязных кроссовках, она не выдержала и принялась отчитывать напрочь распоясавшегося недоросля. И угодила, что называется «под горячую руку», здорово он ей приложил кулаком по глазу, субтильная Адия отлетела на два метра, не сразу поняв, что произошло, только искры из глаз посыпались. Выходит, пригодились ему против родной матери навыки, усвоенные в драках. Она сообразила: уже никогда ей не справиться с ним, как прежде, и проплакала без сна всю ночь. На любопытные расспросы соседок и почтовых сотрудниц без запинок поясняла потом, будто ударилась в темноте об угол полки на кухне.

На ее беду сынку понравилось показывать таким образом власть над матерью, новые побои не замедлили себя ждать. Иногда ему и никакого предлога не требовалось. Конечно, многие догадывались об истинной причине все новых синяков на лице и руках незамужней односельчанки, к тому же, небеспричинно подозревали, что соседский хулиган уже не ограничивается анашой. Но никто не хотел лезть в чужую жизнь, никому не было до того дела, даже на работе, на почте все делали вид, словно не замечают получаемых несчастной женщиной побоев. За время после возвращения в поселок Адия так ни с кем особо и не сблизилась, держалась особняком, а всех школьных подруг растеряла, кто уехал, кто умер, а кто просто не хотел с ней общаться.

Зинур же наглел все больше, и теперь требовал у матери денег, уже не только на курево. Потом вовсе перестал утруждать себя обращениями к ней, без лишних слов забирал то, что находил. Однажды, пока Адия была на работе, привел в дом таких же неадекватных приятелей-оторв, вместе передушили всех кур и продали в городе на базаре.

Заявился только следующим вечером, как ни в чем не бывало. Мать снова не смогла выдержать и попыталась криком и затрещинами вразумить отбившееся от рук

чадо. В этот раз он не только свалил ее на пол и разбил в кровь лицо, но и зверски истоптал Адию ногами так, что она несколько дней не могла ходить и отлеживалась дома. Пока выздоравливала, место на почте оказалось занято.

После этого односельчане не раз замечали, как она громко разговаривает сама с собой, бредя по улице, не обращая никакого внимания на окружающее. За несколько километров от поселка находилась городская мусорная свалка и туда Адия ходила теперь каждый день, как на работу, возвращаясь с пластиковыми пакетами, полными просроченных консервов, начавших портиться овощей, фруктов, черствых буханок хлеба.

Конечно, такая «золотая жила» давно оказалась поделена между постоянно там обитавшими и кормившимися с нее завсегдатаями. За нарушение чужой территории запросто могли не только побить, но и жизни лишить. Однако никто не хотел связываться с сумасшедшей, а именно такой она теперь всем представлялась даже при беглом взгляде. Но находились среди них и такие, которые просто жалели вечно понурую Адию.

Непутевому Зинуру удалось все же закончить школу, никакой специальности он так и не получил, нигде не работал, да и не хотел этого. Даже сходить наловить рыбы или раков на ближайшую речку ему было «в лом». Иногда с приятелями сдавали в пункт приема срезанные где-то медные и алюминиевые провода, пустые бутылки, банки из-под пива, даже разбитые ими же крышки с канализационных люков. Разумеется, домой ничего из получаемых за такое «предпринимательство» денег не попадало. При попытке украсть ограды с местного кладбища они были пойманы и жестоко избиты разгневанными родственниками покойных. Было даже заведено уголовное дело, но у одного из шалопаев родной дядя оказался крупной шишкой в полиции, благодаря чему расследование так и не довели до конца.

Новое занятие матери вполне устраивало бессовестного оглоеда, большая часть приносимого ею с мусорки перепадала прежде всего ему.

Но как-то в сильно дурном настроении он увидел мать, впервые вернувшуюся с пустыми руками. В этот день свалку огородили колючей проволокой и выставили охрану с помповыми ружьями. Приезжие московские предприниматели выкупили ее у местной администрации и установили свои порядки. Никто теперь без определенной платы не мог зайти на практически бесхозный до того клондайк, тем более, вынести что-то оттуда без разрешения новых хозяев. Адию даже близко к колючке не подпустили.

Разумеется, сынок этого еще не знал, но виноватый вид пришибленной родительницы, посмевшей ничего не принести в дом, взбесил его до крайности. Затравленный токсинами и без того неправильно работавший мозг подсказал ему единственное решение. Безо всяких предисловий одним ударом сбил ее с ног и так же молча с остервенением принялся мутузить ногами уже недвижное тело, пока сам не выдохся. К этому времени она уже перестала ойкать и валялась на полу без сознания. Трясущимися руками юный негодяй подобрал завалившийся под стол засохший бычок сигареты и прикурил от недавно принесенной матерью дешевой зажигалки.

Когда она пришла в себя, то по резкой боли в груди догадалась, что на этот раз сломаны ребра. За окнами сгустилась темнота. Едва не убивший собственную мать сынок храпел, уткнувшись в грязную подушку без наволочки. Не зажигая света, она постояла у кровати, слушая мерзкие звуки, мучительно размышляя, как поступить дальше. Потом, превозмогая боль, осторожно дотащилась до сеней, засветила лампочку, отыскала давно затупленный, тронутый ржавчиной топор.

Как заведенный автомат, вернулась к постели когда-то рожденного ею единственного ненаглядного малыша, незаметно выросшего и превратившегося в готового ни за что убить ее же саму зверя. Падавшего от входной двери света оказалось достаточно. Не примериваясь, она резко хрястнула обухом точно по ставшему ненавистным затыл-

ку, вложив в удар последние силы. Не сразу поняла, что раздавшийся короткий вскрик, вырвался из ее собственного горла, сам же мучитель не успел проронить ни звука, только подушка под его головой быстро потемнела, пропитавшись кровью.

Утром, стараясь не обращать внимания на невыносимо без перерыва нывшие ребра, Адия туго перевязала под фланелевым халатом грудь свернутой простыней и занялась генеральной уборкой. Всякий раз, выходя во двор вешать постиранное белье, напевала вслух что-то задорное. Такой веселой соседи ее никогда еще не видели. Позже, управившись по дому, сходила в частный магазин на соседней улице и на чудом утаенную от сына заначку накупила муки, дрожжей, масла и литровый пакет дешевого крепленого вина. Придя домой замесила тесто, стиснув зубы от непрекращающейся боли, поменяла пустой газовый баллон на запасный и заодно занялась чисткой посуды и плиты.

В последующие дни ее можно было встретить со старой хозяйственной сумкой на конечной остановке маршрутных такси за километр от дома или ковылявшей по ведущей туда асфальтной полосе. У пересечения с основной трассой, на пятачке возле застывших между рейсами пассажирских газелей она бойко предлагала перекусить тут же охотно соглашавшимся водителям.

Там же, на обочине уходящего к областному центру шоссе стояло построенное несколькими годами раньше одноэтажное здание закусочной. В небольшом помещении с несколькими столиками можно было поесть горячего не только шоферам, но и всем проезжавшим мимо, а то и посидеть, просто укрыться от непогоды, посмотреть экран телевизора на стене. К услугам тех, кому не требовалось садиться за руль, всегда имелась дешевая водка и разливное пиво. Но с недавних пор забегаловка закрылась, входную дверь крест-накрест забили досками. Хозяин-предприниматель безвылазно увяз в долгах и банковских кредитах, не покрываемых недостаточной выручкой. Судебные приставы основательно вычистили внутреннее убранство, вплоть до настенного телевизора. Водителей навсегда лишили удобного пристанища для передышки между рейсами.

Некоторые местные жительницы тут же проявили инициативу и прямо под открытым небом у заколоченного входа в закусочную начали бойко предлагать завтраки и обеды домашнего приготовления. Теперь перекус шоферам приходилось чаще устраивать прямо в кабинах маршруток, но и это было лучше, чем ничего.

Появлению новой конкурентки успевшие освоить эти услуги вовсе не обрадовались, тем более, приносимые ею беляши сбивали цену и шли на ура. Большинству водителей они пришлись по вкусу и разбирались в первую очередь. За день Адия совершала два-три выхода с неизменным успехом. На любопытство товарок не имевшая собственной скотины новая предпринимательница неохотно делилась, что покупает мясо на рынке в городе, а частью по дешевке у знакомых в соседнем селе, только что забивших свою корову.

При неизбежных расспросах об исчезновении мозолившего прежде всем глаза непутевого сынка она оживлялась и с видимой готовностью подробно излагала свои семейные новости. Наконец-то ему повезло, нашел хорошую разведенную женщину, аж из самого Лимана, на сто километров южнее, правда, немного постарше себя и с ребенком. «Подженился» и подался чабановать с ней на Черные Земли. А сама Адия собирается к ним в гости, вот и решила немного подработать на пирожках.

Ее предпринимательская деятельность продолжалась с неделю-другую, а затем и она внезапно исчезла, не простившись ни с кем из соседей, с которыми и до того почти не общалась. Про ее отсутствие узнали по наглухо закрытым целыми днями и больше никогда не открываемым по утрам ставням.

Все это живо припомнилось после страшной находки в доме горемычной женщины. Кто-то слышал о ее единственной родственнице, проживавшей в городке в десятке километров к северу от областного центра.

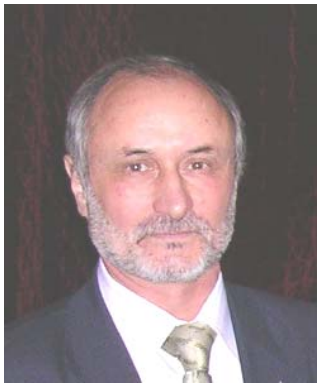
Полицейские обнаружили ее там без труда, Адия и не думала скрываться, даже сразу призналась в совершенном. Охотно и многословно отвечала на все вопросы, словом, сотрудничала со следствием, если ее большей частью бессвязные речи можно было так назвать.

Убившую собственного сына отправили на психиатрическую экспертизу в закрытый стационар, после которой в нем и оставили для лечения. Месяца через три Адия в той больнице и умерла, не дотянув до окончания следствия и суда. Патологоанатом обнаружил «острую сердечную недостаточность».

Как только водители маршруток, не раз покупавшие у нее беляши, узнавали, каким фаршем она пользовалась, желудок каждого из них, даже спустя столько времени, немедленно и непроизвольно выворачивало наружу. Все как один перестали покупать завтраки и обеды на конечной остановке, и здешним хозяйкам пришлось свернуть свое предпринимательство.

Джамшут и Равшан закончили до наступления холодов внутреннюю отделку дома, вместе с оговоренной платой получили назад паспорта и довольные уехали на родину к своим семьям. Как ни приглашал радушный председатель поселкового совета вернуться на следующий год для новых свершений, они искренно надеялись больше никогда не приезжать именно в эти края. Разве мало в огромной России других мест, где найдется применение для их умелых рук!

Яков Шафран
(г. Тула)



ЧУДО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

В этот светлый, мягкий майский день сочно и молодо зеленела растительность, ясным взором голубело глубоко прозрачное — только кое-где с легкой в вышине дымкой облачков — небо и солнце ласково глядело на землю и на нежные, курчавившиеся барашки белых облаков над горизонтом, между которыми виднелась синева. Вдали, над полями, вернее, над тем, что раньше ими было, над солнечной далью молодой травы, струился легкий пар. Потому ели за полем будто вибрировали и, казалось, как дети, стараясь быть выше, своими сине-зелеными макушками тянулись ввысь к небу, к солнцу. Все было наполнено юной свежестью, вибрациями юной энергии, только что появившейся на свет жизни.

Но вот солнце зашло за невесть откуда появившееся, шаловливо набежавшее небольшое облако, и все цвета стали гуще и мягче. В этот момент и шоссе повернуло, и взору открылся большой пруд, который окаймляли хвойные деревья. Вновь выглянувшее солнце, словно кокетливо глядясь в зеркало, ярким блеском отразилось на его ровной водной глади. А дальше за прудом начались богатые дачи, за высокими и надменными оградами которых, подобны молоденьким девушкам, охраняемым заботливым отцом, цвели яблоневые сады, кусты белой и всех оттенков лиловой пышной, грузно свисающей сирени, тонко-сладкий аромат которой через открытое окошко обильно проникал в салон автомобиля.

На заднем сиденье, понурившись, держа руку на животе и постоянно пытаясь хоть немного изменить положение тела,— как это делают испытывающие сильную боль люди,— сидел человек и взглядывал на всю эту, проносившуюся мимо него и слева и справа, красу. Однако по выражению лица было видно, что она не радовала его. И действительно, плохое настроение не оставляло Ивана Ивановича Степанова все последние дни, да и было от чего. Мысли его неуклонно возвращались к тому, что, возможно, предстояло в недалеком будущем.

Степанов был человеком не то что обеспеченным, а, прямо скажем, богатым. Автосалоны, оптовки и склады в нескольких подмосковных городах хоть и жили своей, когда-то заведенной жизнью под управлением «смотрящих», и давали его семье по нынешним временам большой доход, но требовали неустанного внимания самого хозяина. Доход-то, конечно, если сравнивать с прошлым, которое он захватил своею юностью и молодостью, и вовсе космический. Жена и дети довольны, как сыр в масле катаются. В этом пенять на судьбу и печалиться Иван Иванович не мог. Правда, не все вспоминать — каким образом он пришел к такому достоянию,— он любил и научился вытеснять из своего сознания многие прошлые дела, думая только о будущих прибылях. Ведь, как известно, чем больше хозяйство, тем больше вопросов по нему возникает — то одно, то другое нужно решать, единолично и оперативно. Коллективного руководства он не признавал, замов не имел, Валентину к своему большому хозяйству никогда не привлекал — потому она в нем ничего не смыслит, а теперь и

некогда учить,— все решал сам. Для всего этого же нужно хорошее здоровье, много здоровья, оно и всегда нужно было, но сейчас, когда затраты и расходы по тем или иным причинам растут, проверок становится все больше и наезды все чаще, и подавно. А тут эта неотступная болезнь совсем некстати. Да и когда болезни кстати?..

До сих пор у Степанова никаких проблем с самочувствием не возникало. Каждое утро он в любую погоду под открытым небом и легко одетым не менее тридцати минут делал энергичную физзарядку — на работе вечером еще и на тренажере занимался,— бегал трусцой по живописным окрестностям своего трехэтажного дома-дворца и плавал в холодной, из водопровода, двенадцатиградусной воде в домашнем бассейне. Вполне достаточно для человека пятидесяти пяти лет. И с женой, Валентиной, полноправной хозяйкой всей усадьбы — она и оформлена на нее,— у него все хорошо, та живет в свое удовольствие, радуется его физической форме и молится на своего благодетеля, освободившего ее от труда зарабатывать на жизнь, в отличие от школьной подруги — работающей, правда, на фирме своего мужа. Да и в интимном плане у них, как говорится, на все сто, тоже нормально, дай бог так и дальше. Дети — сын и дочь — воспитаны, устроены, обеспечены, забот не доставляют, гордятся своим богатым отцом — современным спортивным мужчиной и часто наезжают, радуя родителей, в их родовое поместье. И отдыха ему вполне хватало: на рыбалку ездил с друзьями, но без жены, на весь день, а то и ночь прихватывали — хорошо поспать на природе — отдохнуть от рабочей и домашней, хоть и приятной, но суеты; в московский театр на премьеру — но уже по семейной традиции с Валентиной; пару раз в неделю — к любовнице, Оксане, которую он также полностью содержал, но в соседнем городке (жена, слава богу, не знает); в баньку корпоративную с «друзьями-капиталистами» попариться с березовыми веничками да с девочками... Все как было заведено и шло по накатанной колее. Правда тут заморочка одна возникла — мода пошла,— стали коллеги-бизнесмены возводить кто храм, кто церквушку, кто часовенку и обихаживать их, как детей своих, как будто у них ни жен, ни детей, ни любовниц нет — каждый, конечно, по средствам. Ну, бог им в помощь, как говорится, но и ему видно придется заняться этим, иначе «со свету сживут», а на это нужно время и траты денежные... Да и здоровье...

А тут с некоторых пор какая-то ненормальная жизнь началась у него, ничто не радует — вот хоть и эти красоты пейзажа... Боль в верхней части живота последние две недели измучила его донельзя, не отпускает ни на минуту и отдает во все стороны, уж не до дома с усадьбой, не до любовных услад и похождений на стороне, не до бани, не до работы и спектаклей, не до физкультуры с рыбалкой. Язва?.. Рак?.. Что ждет его? И что будет с его бизнесом, кому он достанется? — Дети ведь тоже не приспособлены к нему... Была у него лет пятнадцать тому назад язва желудка со всеми побочными явлениями, но удалось залечить все... Думал опять из-за нервных перегрузок началось, Валентина покупала и заставляла его пить те лекарства, которые помогли тогда, потом новые, более современные, меняла их на другие, однако... Сын и дочь пока, правда, ничего не знают. А болит, все болит, будто зверь какой когтистой лапой вцепился в его нутро, тянет и не отпускает, тащит его в темную неизвестность, где нет и никогда не будет ничего родного, такого привычного... Иван Иванович снова глотнул коньяк из бутылки, которую, уже наполовину пустую, держит в руке. На первых секундах снимает, но после опять начинает болеть.

Глухая, темная тоска прочно поселилась в душе у него в последнее время. Валентина, друзья и сотрудники заметили, как он сильно осунулся, пожелтел, глаза запали. Оксана из соседнего городка все звонит на запасной сотовый, переживает, что давно не приезжал, скучает. Жена вспоминала проявления язвы его тогда, пятнадцать лет назад — говорит, многое напоминает, однако он чувствует, что никакого сравнения. Кроме сильной боли и симптомы-то все нехорошие в своей совокупности: сильная утомляемость, слабость, бессонница ночью и сонливость днем, нежелание есть, час-

тая тошнота и уплотнения в подмышках — наводили на мысли. И никакого отдыха нет ему ни днем, ни ночью, никакого отвлечения и расслабления...

Тяжелые и назойливые мысли эти, бередя душу, а также твердое настояние Валентины, привели Степанова к врачу, пользовавшемуся у них в городе хорошей репутацией, на консультацию. А тот, сложив, умножив-перемножив все услышанное от Ивана Ивановича и увиденное своими глазами, подтвердив опасения жены, порекомендовал провести обследование в онкоцентре на Каширке, чтобы исключить самое опасное, что может быть, добавив: «Ведь вам средства позволяют». При этом уголки губ его чуть заметно дернулись.

Да, средства Степанову позволяли, и вот он, бросив, наконец, все дела, не сказав ничего детям — так они решили с Валентиной,— заранее оговорив все вопросы с врачом Центра по телефону, едет туда. Что то будет?..

В Москве Иван Иванович, зная, что процесс будет долгим, но, не желая для обследования ложиться, на время снял квартиру — у Курского вокзала ему приглянулась интеллигентная женщина с табличкой — и отпустил машину. С утречка он, без сна промаявшись всю ночь, натощак,— да и какая тут еда,— направился в Центр.

Побывав на приеме у врача, и оплатив все, Степанов получил кучу направлений — одной только крови четыре анализа, плюс еще анализ мочи, исследование образца тканей и установление — доброкачественная или злокачественная опухоль, рентген, эндоскопия, УЗИ и иммунодиагностика. Все это должно было занять, как ему объяснили, некоторое время. Он понимал, что «некоторое» — это понятие растяжимое и, зная, что не все сразу делается, везде и как мог применял известный «ускоритель», и принялся ждать, терпеливо сдавая анализы, перезваниваясь с Валентиной и Оксаной, сообщая им — жене подробно, любовнице кратко — обо всех этапах своего «скорбного пути», будучи готовым на все...

И вот настал день «икс», когда Иван Иванович, собравшись с духом, пришел узнать результат. У кабинета, как водится, была очередь — живая или нет, он не знал — не стал интересоваться, ибо не привык сидеть в очередях. И, несмотря на сильную слабость, не изменяя своей привычке, не сел рядом с другими, а встал в коридоре вдали от двери, но так, чтобы видеть ее. И когда дверь в очередной раз недовольно скрипнула и медсестра вышла из кабинета, он кивком головы подозвал ее, уже достаточно знавшую его щедрость, к себе, улыбаясь, встав вплотную к ней, положил коечто в нагрудный кармашек ее халата и прошептал: «Проведите меня». Через некоторое время, когда врач освободился, его вызвали, и он на глазах у покорно и понуро опустивших головы людей из очереди решительно вошел в кабинет.

Врач, медленно перебирая бумажки, время от времени коротко взглядывая на Степанова из-под кустистых бровей и что-то бормоча себе под нос, долго и внимательно изучал результаты обследования. Но вердикт его был краток — опухоль желудка, и динамично растущая... Нужно ложиться в стационар и проходить химио- и лучевую терапию. Первая, как ему объяснили, заключалась в лечении с помощью специальных сильных лекарств, направленных на уничтожение зловредных, избравших себе иную жизнь, клеток. Вторая — в лечении с помощью радиационного излучения, убивающего переродившиеся клетки. Ну, а если не поможет, то либо удаление всего желудка, близлежащих лимфоузлов и прочих органов, которые поражены болезнью, либо паллиативное лечение — то есть терапия, поддерживающая жизнь, устраняющая сложные проявления раковой болезни и обеспечивающая подходящее питание, одним словом, все, что нужно,— до благополучного ухода в мир иной... Конечно, врач так не сказал, но Иван Иванович понял.

— Вы сказали, что возможно удаление всего желудка. А разве человек может жить без него? — спросил он.

— В этом случае функцию желудка берет на себя кишечник. Правда, качество вашей жизни после резекции желудка станет намного хуже: придется соблюдать строжайшую диету, есть часто и небольшими порциями. Но жить можно,— ответил врач.

Степанов хорошего результата от обследования и не ожидал,— факты говорили не в его пользу,— поэтому отнесся к приговору не сказать спокойно — все опустилось у него внутри,— но молча, мысленно начиная готовиться к этапу, какой по длительности Бог даст, борьбы за продление какой-никакой жизни. Он во всех смыслах от души поблагодарил врача, договорился о стационаре и, испросив непродолжительный отпуск — передать дела, проститься на всякий случай с близкими и друзьями, а также собраться,— закупил ампулы с обезболивающим «по средствам» и вызвал машину.

На пути в свой городок Иван Иванович увидел церковь, стоявшую на берегу речки, рядом с постаревшим и вконец обнищавшим селом. В этой церкви он когда-то, лет десять тому назад, был на отпевании матери своего ближайшего сотрудника, проживавшей в своем стареньком домике в этом селе. Как сейчас перед глазами возникла панихида, гроб, скорбные лица, запоздалые слезы на лице сына... У него возникло желание зайти, и он попросил водителя остановиться.

Служба, видимо, недавно закончилась, ибо то тут, то там у икон стояли люди, и сильно пахло ладаном. Священник у аналоя разговаривал с прихожанкой. Степанов встал в стороне, делая вид, что тоже хочет поговорить. Он не был верующим в общепринятом смысле этого слова, в храм не ходил, не постился и не молился, но в жизни было несколько случаев, когда он мог убедиться, что Бог есть. И Иван Иванович, понимая, что Богу все подвластно, но будучи неуверенным, что лично ему, недостойному, Он захочет помочь, все же испытывал слабую надежду на такую помощь. Когда женщина отошла, он неуверенной походкой подошел к священнику.

— Что вы хотели, сын мой? — спросил тот.

— Я очень болен, батюшка, но верю, что все во власти Божьей. Что вы посоветуете, чтобы исцелиться?

— Это хорошо, что верите. А совет прост: молитесь, любите людей и делайте добро, не думая о результате.

— И все?

— А что, разве этого мало?

— Благодарю вас, отец,— сказал Иван Иванович и, поклонившись, пошел к выходу. «Неужели все так просто, или священник просто отговорился, чтобы не терять время и силы на такого безнадежного, как я»,— думал он, вытаскивая из бумажника крупную купюру денег и опуская ее в емкость для жертвоприношений у двери.

Священник улыбнулся на его поспешный выход из храма и перекрестил вослед широким крестом.

Дома Степанов, завершив все запланированные дела, после укола, сделанного медсестрой, и после легкой еды под давлением жены, лежал и мысленно готовился к грядущему лечению. «Господи, помоги мне исцелиться!» — вдруг взмолился он, чего раньше никогда ничего подобного не делал. Может быть, посещение церкви и разговор со священником так повлиял на него? Однако тяжелые мысли вновь вязко закрутились вокруг одного и того же, затягивая, как в омут, его сознание, и быстро утомляли его. Чтобы отвлечься, он взял смартфон и вошел в Интернет. А там, в ленте новостей, чего только нет: и политические сплетни, и экономические слухи, и аномальной погодой пугают, и «светские» события, и убийства с самоубийствами, и наркотики с порнографией... и все это оголтелой толпой накинулось на его и без того нездоровое сознание. Голова буквально раскалывалась, и он уже хотел выключить гаджет, но внимание привлекла фотография маленького мальчика — что-то было необычное в выражении его лица: какая-то неизбывная тоска в глазах и старческая

улыбка, будто он что-то важное потерял в жизни, еще и не начав жить. Иван Иванович, сам теряющий жизнь, нажал курсором на фото и начал читать открывшийся текст. Оказалось, что Никита, которому всего чуть больше года, очень болен. У него редкое и сложное генетическое заболевание... «Так, все понятно!» — возмущенно подумал Степанов. Он вспомнил, как копил копейки в своем детстве и потом, на собранные деньги, покупал себе простенькую игрушку, которую родители не в силах были купить, так как они в семье с четырьмя детьми и престарелыми бабушкой и дедушкой жили очень бедно. И эта игрушка становилась его другом на долгое время. А тут... Попрошайничество! И еще неизвестно: мальчик ли там больной, или замаскировавшиеся мошенники!

Иван Иванович делает движение, чтобы выключить смартфон. Но обращает внимание на то, что новость о больном мальчике поместил православный сайт «Азбука веры». Он нажал на ссылку, и ему открылся материал: «Образование — это раскрытие в человеке черт образа Божьего». Степанов стал вчитываться в материал, но читать не мог, так как ему необоримо хотелось спать. Он начал бороться со сном, буквы сделались расплывчатыми, превратились в туманные образы, и он, вглядевшись, уже различает отца и мать, дедушку с бабушкой, брата и сестер. Они все сгрудились у его постели. Он давно и очень болен, но, слава Богу, удалось по программе помощи малоимущим семьям положить его в Детский онкоцентр. Однако недавно все врачи и медсестры уволились оттуда из-за низких зарплат, и его снова привезли домой. И вот родные в горе, они не знают, что делать. Остается только лечение за границей — другого выхода нет, но это очень дорого, для семьи непосильно. Что делать?!..

Степанов проснулся от стука в дверь. Стук не повторился. Он понимает, что никто стучать в дверь не мог, так как, во-первых, она не могла быть заперта — не было замка,— и во-вторых, жена или медсестра могли просто войти к нему, спящему, без стука. Иван Иванович снова впадает в дремоту и видит: бесшумно открылась дверь, и в комнату вошел священник, подошел к его постели, и лицо его откуда-то до боли было знакомо ему. Священник протягивает руку, чтобы взять лежащий на постели смартфон... Но все расплывается перед глазами Степанова...

Будучи еще во власти сна, с трудом входя в реальность, Иван Иванович, наконец, вспоминает все: и себя, и новость о больном мальчике Никите с таким странным лицом.

«Однако всякое бывает... Может, я и ошибаюсь...»,— думает Иван Иванович. Ведь когда студентом он разбил дорогой микроскоп в лаборатории, сейчас уже не упомнит какой, хотя память до сих пор была отменная, и обратился ко всем, к кому мог, за помощью, то вся группа, родители, родственники и друзья собирали деньги...

Он включает смартфон, находит информацию о мальчике и читает: «Спинальная мышечная атрофия, при которой сначала отказывают ноги, потом спина, шея и внутренние органы. И уже совсем скоро он может потерять возможность управлять собственным телом. Сейчас он не может самостоятельно передвигаться. А в ближайшем будущем возникнут еще и проблемы с глотанием и дыханием. С подобным недугом дети обычно не доживают до школьного возраста. Помочь ему могут только за границей, в Германии, в частной клинике... (следует название клиники). Сумма для лечения баснословна — сорок пять миллионов рублей. Такие деньги родители мальчика собрать не могут, она для них просто неподъемная, даже если продадут все имущество...» Иван Иванович просмотрел видеообращение матери мальчика, в котором она сквозь душевную боль, плача, говорит: «Мы очень просим всех неравнодушных, милосердных людей помочь нам! Мы уже смогли, благодаря вам, собрать десять процентов от общей суммы. Помогите!» И далее, как обычно, следовали реквизиты...

После некоторого колебания Степанов — «А... все равно с собой не заберешь!»,— заполнив в своем мобильном банке перевод со своего счета, нажав на «Ок», отправляет всю требуемую сумму на лечение мальчика... и снова засыпает.

Спал Иван Иванович на этот раз без сновидений — как провалился в сладкую пучину безвременья. Разбудила его мысль, что пора делать укол. Посмотрел на часы на стене, где секундная стрелка, как всегда, бездумно и бесчувственно бежала по кругу,— и понял, что проснулся на два часа позже назначенного времени. Сел на постели, и уже после этого поразился тому, с какой легкостью он это сделал — боли не было! Лег — сел, и так несколько раз, но все было в норме. Зверь, цепко державший его плоть в своих когтях, куда-то исчез. «Может, мне сделали укол во сне? — подумал.— Однако я бы почувствовал...».

Открылась дверь, и в комнату робко, видимо, боясь разбудить, вошли жена и медсестра. Увидев Степанова сидящим, они переглянулись, а Валентина, показав кивком головы на часы, сказала:

— Ваня, уже давно пора делать укол, но ты так сладко спал, что мы не решились тебя будить.

— Валя, но у меня ничего не болит!

— Как не болит?! — одновременно удивленно, радостно и с сомнением воскликнула жена.

— Вот так, не болит и все! И укол делать не нужно, сестра.

Валентина раздвинула шторы на окне, и в комнату яркими лучами заглянуло июньское солнце.

Медсестра, явно не веря услышанному и увиденному, пожала плечами и вышла. Жена села на край постели и взяла его руку в свою. В глазах ее стояли слезы, но внутренне она не знала — плакать ей или улыбаться, ибо по рассказам знакомых знала, что перед самым концом больной может на некоторое время как бы выздороветь...

Степанов и сам не верил, что боль не вернется. Но ни вечером, ни ночью, ни утром — не было боли! Он решился, надел спортивную форму — почувствовал, как она стала свободно сидеть на нем,— и вышел на пробежку. Трусúт, «нарисовал» привычную «восьмерку» вокруг усадьбы,— правда, один раз, на большее сил не хватило,— вернулся — боли нет.

Когда Иван Иванович зашел в комнату Валентины, та стояла перед иконой. Зная, что жена не любит, когда ей мешают, он, было, вышел. Однако звук открываемой двери все же отвлек ее и она, думавшая о нем и ожидавшая его возвращения, обернулась.

— Как ты, Иван?

— Вообще не болит! Даже не знаю, что и думать...

— Поезжай к лечащему врачу, покажись, пусть назначит всестороннее обследование — с этим шутить нельзя!

И вот Степанов, приехавший в родной город проститься с родными, друзьями и сотрудниками, снова едет в Москву. И если путь домой показался ему нескончаемо длинным, то сейчас он, мысленно подгоняя мелькавшие за окошком автомобиля виды, с замиранием сердца, как на крыльях летел до Каширского шоссе и до самого Центра.

Боли нет. Врач потрясен и направляет его на полное обследование. И снова Иван Иванович получает на руки кипу направлений, снимает квартиру и, всякий раз замирая душой перед сдачей анализа или процедурой, окунается в тот же процесс, который он проходил недавно. Только тогда над ним довлело чувство обреченности, а сейчас им двигала с каждым днем, с каждым часом, словно чайка, витая над голубой речкой, как в далеком детстве, все возрастающая надежда.

И вот, наконец, Степанов идет к врачу за результатом. Он неотрывно глядит в его глаза, пока тот внимательно читает бумажку за бумажкой. Вот прочитано все, врач берет ручку. Иван Иванович напряженно ждет вердикт. В этот момент в окно кабинета заглядывает солнечный луч, врач жмурится, поворачивается влево навстречу

солнцу и, улыбаясь, снимает очки, одновременно двумя пальцами свободной руки массируя виски.

— Ну что, Иван Иванович — только зарубцевавшаяся язва. Химиотерапия, лучевая терапия и удаление не требуются. Необходимо только домашнее восстановительное лечение. Не верится...— Он показал на бумаги с результатами.— Но факты говорят сами за себя. Удачи вам!

Однако для верности, не уезжая из Москвы, Степанов решил провериться еще в другом медицинском центре. Он снова, как и ранее, прошел полное обследование по всем направлениям. Результат был тот же — все в норме.

Иван Иванович входит в Интернет, на тот сайт, где читал объявление о Никите, находит информацию о нем. Мальчик уже в Германии, идет лечение, прогноз хороший. Мельком просматривает комментарии, они из всех городов и весей страны и полны изумления и восхищения. Он не зацикливается на них, а обращает внимание на новое объявление, набранное крупным шрифтом, что мать Никиты разместила на сайте, в котором просит назваться того человека, кто перечислил такую огромную сумму, просит сообщить свои координаты, чтобы выразить благодарность и сообщить о нем людям. Степанов улыбнулся, почувствовал теплоту в сердце, но решил ничего о себе не сообщать...

Закончив все дела в Москве, Иван Иванович едет домой. Погода стоит скверная, природа буквально плачет, что, в общем-то, не свойственно июню месяцу, хоть и в конце его. Серое небо тяжело повисло над грустной землей. Не видно уж былой синевы, не чувствуется былой юной свежести и прежних вибраций юной энергии. Пруд за поворотом своей зеркальной гладью отражает ту же небесную серость и словно с укором глядит ввысь. Поскучнели и поникли яблоневые ветви и кисти сирени за оградами дач. Смотрит Степанов на этот нежданно возникший летом осенний пейзаж, а на душе, несмотря на непогоду,— радость. Это была, конечно, радость здоровья, радость исцеления, божественного исцеления, исцеления Свыше — он это понимал, хотя полуатеистическое сознание еще не вполне воспринимало это,— но была и большая радость от содеянного добра, бескорыстного доброго поступка, бескорыстного еще и потому, что ни на мгновение в его душе не возникло сожаление о потраченных им для больного ребенка деньгах.

Все друзья и сотрудники, жена и дети, когда Степанов вернулся домой из Москвы, в один голос, говорили — это чудо! Он же отвечал всем: «Нет, никакого чуда здесь нет, просто я дороже всех заплатил за лечение!»

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ЧЕРЕМУХОВЫЕ РАССВЕТЫ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Майскими погожими днями, когда уже вовсю припекало солнце и черемуха укрывалась звездными узорами цветов, Роман собирал рюкзак и в выходной день уезжал на свою полянку, на которую наткнулся, когда бродил со спиннингом по берегу реки в поисках щуки. Наткнулся на это место, посидел на крупном валуне, посматривая на излучину реки, на густые заросли черемухи, что обступили полянку с трех сторон, на старицу, впадающую в реку, и слушал далекий перекат и соловьиные трели со всех сторон. Послушал и остался с ночевкой. И каждый год, когда распускалась черемуха, он собирал рюкзак и торопился на берег реки, чтобы встретить черемуховый рассвет. А зимой долгими вечерами вспоминал, как в предрассветных сумерках заливались соловьи, стараясь перепеть друг друга. И розовело небо, мелькал первый луч солнца и пробегал по водной глади, а он сидел на берегу и наблюдал за черемуховым буйством, за метелью из лепестков, что кружились над поляной и над ним, а вокруг был такой запах цветов, что, казалось, протяни руку и прикоснешься к нему — этому черемуховому рассвету...

На остановке толпился народ. У всех корзины и сумки, а у некоторых лопаты и грабли. Видать, на зиму забирают, а по весне снова привозят. Дачный сезон открыли, едва сошел снег, и все заторопились вырваться из этого каменного муравейника, который осточертел за долгую зиму. Все отправлялись на дачи, чтобы повозиться в земле, сделать грядки и высадить всякую зелень. Да еще нужно с кустами повозиться, подрезать сухие ветки, побелить яблоньки и груши, а придет время, посадить помидоры с огурцами. И так каждый день, каждую неделю, месяц за месяцем, пока не завершится дачный сезон...

Автобус бряцал дверками на остановках, некоторые дачники выходили, другие заходили, и у каждого была поклажа. В окно ворвался ветерок, и сразу сладковато запахло придорожной пылью. Роман стоял на задней площадке. Вполуха слушал автобусные нескончаемые разговоры ни о чем, смотрел на дорогу, на многочисленные дачи, мимо которых проезжали, на дачников, которые уже копошились на своих участках, и провожал взглядом, если попадалась цветущая черемуха. Вся белая и нарядная, а запах от нее...

Поворот, а за ним мелькнула остановка, и чуть погодя автобус заскрипел рессорами и остановился. Пассажиры заторопились. Подхватывали поклажу, спускались по ступеням и, шумно переговариваясь, словно ручейки-живчики растеклись по многочисленным улочкам и переулкам, на ходу осматривая покосившиеся заборы, замечали сухие ветви на кустах и деревьях, а там мусор откуда-то занесло, и тут калитка просела, и думали, с чего начинать свой дачный сезон...

Роман вскинул рюкзак на плечо и неторопливо направился по выщербленной дороге вдоль дачных участков, за заборами которых горели костерки, где сжигали всякий мусор, оставшийся после долгой зимы, собирали опавшие листья и тоже бросали в костер, подрезали ветки и туда же — в огонь. Потянул прохладный ветерок, и тут же пахнуло горьковатым дымком. Донеслись голоса дачников, которые работали и успевали разговаривать с соседями, сами рассказывали и слушали всякие новости. А новостей-то накопилось много, зима долгая. Вот и делились... А бывало, что заходили в гости друг к другу и пили чай из закопченного чайника. Пили тут же на крылечке или на скамейке, разложив старую газету, а на ней горстка конфет, печеньки и нарезанная колбаса с хлебом. А потом опять брались за нескончаемую работу...

Изредка останавливаясь, Роман смотрел на царство золотистых одуванчиков, что разрослись по обочинам дороги, а там клевер мелькнул, а уж крапива-то разрослась: высокая, жгучая, а щи из нее сварить — у, какие вкусные! Трясогузка быстро засеменила по дороге, отвлекая от своего гнезда. Давно уж позади остались дачи. Мимо него проехал рыбак на велосипеде: в сапогах, в фуфайке, видать, с ночевьем останется, пук удилищ привязан, а на багажнике большой и тяжелый рюкзак.

Роман свернул с дороги. По едва заметной тропке добрался до густого кустарника. Остановился и прислушался. Отовсюду доносилось неумолкаемое пение пичуг, которые радовались весне и теплому яркому солнцу. Неугомонные воробьишки с громким чириканьем возились в пыли, и с шумом разлетелись в стороны, а потом снова сбивались в кучки, и ну давай, кто кого перечирикает. А если внимательно прислушаться, то сквозь птичьи хоры доносилось звонкое журчание воды — это большой перекат разговорился, тоже весне радуется и бормочет, и бормочет неумолчно...

Раздвигая ветви, Роман добрался до небольшой полянки с молодой порослью травы. Запахло водой и речными травами. Полянку с трех сторон окружали кусты, а за ними буйно разрослись заросли цветущей черемухи — это было его место, куда он стремился попасть, когда цвела черемуха...

Роман сбросил рюкзак на землю и осмотрелся. Небольшая полянка, уютная. Вон весенним половодьем принесло копешку сена и она, застряв в кустах, поразвесила на ветвях длинные косы прошлогодней духмяной травы. А здесь кострище, и рядом заметны следы от шалашика, который унесло быстрым течением. Это не беда. Недолго новый смастерить. Роман не любил палатки. Ему больше нравилось поставить шалаш, набросать внутрь охапки травы, а потом лежать и слушать ночами, как бормочет перекат на реке, слушать, как спросонья всполошено ворохнется птица в кустах, а вокруг такой запах черемухи, что... Роман вздохнул, вспоминая. Хорошо-то как! А потом нахмурился, взглянув на родник, где было полно мусора. Из-под него едва заметно пробивалась струйка воды и, прячась между камнями, исчезала среди галечника. Роман кивнул головой. Ничего, бедняга, потерпи, расчищу, и снова зажурчишь-зазвенишь.

Роман убрал мусор из родника, потом углубил его. Вода помутнела. Прокопал канавку до речки. Камнями выложил порожки — ступени. И остановился, поглядывая, как постепенно набиралась вода в роднике и, достигнув края, зажурчала-запела, сбегая по подготовленному руслу. Роман закивал головой — хорошо. Часика два-три пройдет, муть исчезнет и под солнечными лучами заискрится вода, заиграет, и закружатся песчинки, поднимаясь со дна, и запоет, зазвенит родник, радуясь, что вернулась сила, и будет журчать-бормотать, все новости рассказывать...

Задумавшись, Роман смотрел на полноводную реку. Пройдет немного времени, и вода начнет спадать, войдет в привычное русло, вдоль берега поднимется камыш, длинные косы распустит по течению роголистник и зашлепает хищник, гоняясь за мелочевкой-сеголетками. Казалось бы, привычная картина, но в то же время каждый год что-то в ней прибавляется, что-то исчезает, но образ самой реки, образы этих картин всегда сохранятся в сердце, и Роман зимними вечерами начинает вспоминать свою реку, свое место и цветущие черемуховые заросли...

Роман взглянул на горы, кое-где покрытые желтыми проплешинами, на стайки деревьев, которые словно взбегали к вершине, на призрачный лес, освещенный яркими солнечными лучами. Вдали виднелось устье старицы, где до сих пор еще сохранилась небольшая запруда. Когда-то, очень давно, там находилась мельница, а вдоль старицы и на берегу реки была деревня. Снесли ее, лишь сохранились остатки осиновой рощи и густой черемушник, куда приезжал Роман каждую весну и все...

Роман стоял и вспоминал, как в детстве вместе с братьями и друзьями пешком добирались сюда. Не забыл старицу, с обрыва которой наблюдали за голавчиками, что разгуливали по поверхности. Сколько лет прошло с той поры, а Роман помнил и деревню, и запруду с осинником и черемушником, и друзей, с кем сюда бегали. Да все, что здесь видел, он не забудет...

Вздохнув, Роман огляделся и принялся за шалаш. Неторопливо делал, добротно, чтобы на весь сезон хватило. Широкий получился шалаш, просторный, с охапками духмяного сена. Нависшие ветви прикрывали его сверху, кустарник загораживал от сильного ветра. Перед входом горел костер, постреливая искорками, а рядом лежало бревно, на которое уселся Роман, достал несколько картофелин и закопал в угли. Потом вскипятил воду в котелке, бросил в него листья смородины, щепотку заварки и поставил рядом с огнем, чтобы чай настоялся, а сам уселся на берегу и посматривал на бормочущий перекат, что сверкал под вечерними лучами солнца. Глядел на остров, что был неподалеку, сплошь заросший кустами и деревьями, который отбрасывал черную тень на стремительную воду. Слушал пение птиц, что никак не могли угомониться в густом черемушнике, и опять, невольно, переводил взгляд на устье старицы — туда, где стояла когда-то деревушка. Стояла, а сейчас... Сейчас ничего не осталось, кроме воспоминаний...

Поднявшись, Роман подошел к костру, присел на бревно и веткой выкатил из горячих углей картошку. Обжигаясь, схватил одну и начал дуть, чтобы немного остудить. Не выдержал, заойкал, соскреб пригоревшие места, разломил, вдохнув духмяный запах, посыпал крупной солью, немного откусил и зажмурился от удовольствия. У, как вкусно!

Дотянувшись до луковицы, Роман сильно сдавил ее в ладонях, чтобы была сочнее, разрезал на четыре части, содрал кожуру, круто посолил и, откусив кусочек картошки, бросил четвертинку лука в рот и захрустел,— а так еще вкуснее!

При свете костра он смотрел на сгущавшиеся вечерние сумерки, уплетал вместе с кожурой печеную картошку, похрустывал луком, мелкой молоденькой редиской и запивал душистым чаем со смородиновым листом.

Потом подбросил хворост в костер, наблюдая, как взметнулись искры, выстреливая в темное небо яркими точками, как весело заиграли языки пламени, освещая черную гладь воды. Набросив на плечи старую полинявшую штормовку, Роман долго сидел возле костра, посматривая на огонь, прислушиваясь к ночной тишине, откуда изредка доносились звуки переката, шорохи потревоженной птицы, глядел на огромное черное небо, где ярко светили, перемигиваясь, далекие звезды, и чувствовал себя маленькой пылинкой, частичкой большого и необъятного мира...

А едва забрезжил рассвет, Роман тихонечко выбрался из шалаша, зябко передернув плечами, подошел к костру, где едва теплились огоньки пламени. Он оглянулся. Странное и беспокойное чувство охватило Романа, но в тот же момент был какой-то восторг в душе, когда оказался внутри предутренних сумерек. Редко виднелись далекие звезды, едва заметный порыв ветра и холодок проскользнул по телу, он поежился, вдохнул и задержал в себе ароматы воды, влажной травы, и утреннего тумана. Посидел, осматриваясь, а потом принялся подбрасывать в костер сухие ветви. Затрещали они, охватывая теплым воздухом, постреливая искорками и, вскоре загудело пламя, разгораясь все сильнее и сильнее.

Роман сидел на камне, а перед ним медленно таяли остатки клочкастого тумана,

он смотрел на открывающую водную гладь, на остров, где в предутренних сумерках горбатились неведомые животные, а неподалеку раздался всплеск — это хищник вышел на охоту. Понемногу стали проявляться кусты и деревья, отбрасывая на воду темные тени. Казалось, веселее забормотал, закартавил перекат, радуясь новому дню. При свете костра поблескивала вода в роднике и журчала по сделанным порожкам, словно колокольца звенели в предрассветных сумерках. Заворочались спросонья птицы, зашуршали ветвями. Роман разогрел чай, раздвинул угли и бросил в ямку две-три картошки — завтрак. Посмотрел на небо, где пролегли светлые полосы. Вот-вот, еще немного и из-за гор мелькнет первый луч солнца. Взглянул в сторону старицы, а потом повернулся и посмотрел на горы, на устье старицы и многочисленные заросли черемушника, что были разбросаны вдоль реки, где стояла раньше деревня.

Небо все ярче окрашивалось в голубовато-розовый цвет, освещая редкие облака. Где-то в кустах одиноко щелкнул соловей, словно не решаясь нарушить утреннюю тишину, но вслед за ним уже смелее защелкал второй, третий, пятый и... И вскоре разнеслись соловьиные трели, перекрывая картавое бормотание переката и радуясь новому дню, и еще мгновение, мелькнул первый луч солнца, пробежал по сонной воде, оставляя сверкающую дорожку, задел, зацепился за кипень черемухи, окрашивая ее в бело-золотистый цвет, и вспыхнула она, разгораясь все ярче и наряднее. Всколыхнул утренний ветерок чудо весеннее, и Роман почувствовал резкий и густой аромат, словно облако опустилось на полянку, окутывая округу горьковатым привкусом цветущей черемухи. Он сидел, а над поляной и над речной отмелью закружился белый буран из черемуховых лепестков, сорванных утренним ветерком, и они медленно опускались на землю, покрывая ее тонким белым покрывалом.

Он смотрел по сторонам. На душе был покой и непонятный восторг, а ненужная суета забывалась и исчезала. Роман сидел на берегу, и в то же время над рекой, а вокруг него были цветущие заросли черемухового рассвета...

Утро нового дня.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

«ОРБИТА» КОСЫГИНА
рассказ из цикла «Реалии нашей жизни»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Самиздат семидесятых... памятный самиздат. Породил сыскные команды, доносчиков и зеков. Потом, в свободные времена, историков, исследователей и кандидатов наук. В моем, еще непонятном для читателей варианте,— станцию телевизионной космической связи «Орбита». Так называемую «тарелку», отнюдь не инопланетную. Установлена она в таежном городе Киренске. И по сей день, должно быть, забавляет сибиряков московскими телепрограммами.

Как же и по какой причине появилась она в таежном углу, где ни канализации, ни водопровода не существовало, а количество каменных строений можно было пересчитать на пальцах?

Но прежде текстовая загадка. Интересно, найдется хоть один человек, способный определить автора нижеследующих строк?

Подсказываю, не Пушкин.

Итак... «Внимание широких масс должно быть привлечено к вопросу кредитной политики. Правильная, классово-чуткая политика распределения кредитов в деревне — одна из основных задач».

Ну?

Нет, эти строчки не из современного телешоу «Крестьянский вопрос».

Нет, они даже не из письменных заявлений деда Щукаря, выдвинутого при лампасах и в смазанных сапогах в Думу. Они из Киренской газеты «Ленская правда», переименованной впоследствии, когда я работал в ней, в «Ленские зори». № 53 — (342). Суббота 7 июля 1928 года.

Название заметки «Международный день кооперации». Автор — А. Н. Косыгин. Да-да, тот самый, Алексей Николаевич, любитель джаза и сподвижник Леонида Ильича, борца за мир между народами и их поработителями, автор литературных произведений, написанных другими людьми — профессиональными журналистами, обладатель членского билета Союза писателей СССР №1.

Спрашивается, как А. Н. Косыгин очутился в такой глухомани — пятьсот километров на север от Иркутска? Ответ прост: он там работал в середине двадцатых годов, там и родилась его дочка.

II

Но сначала о Киренске...

Назван он не в честь Керенского. И не рожден от слова «кирять». Древний царь Кир нам тоже до лампочки в этом непридуманном повествовании.

Город возник в давние стойкие времена. Из острога.

Непонятно? Пояснение: в давние стойкие времена, при завоевании Сибири, заложили в междуречьи бревенчатую тюрьму — «бежать не моги!» Справа надежной преградой Лена, слева взбалмошная река Киренга, а кругом тайга — до Британских морей — с авторитетным даже для преступников Хозяином. (Кстати, психоватая Киренга и передала свое имя городу, потопив предварительно немалое количество его основателей).

Заложив острог, целинники подняли его до стропил. А затем заложили пятистенники для тюремщиков и обслуживающих тюремный люд работных людишек и всяких прочих сварных родственников, домочадцев и нарождающихся ненароком детишек. Потом, спустя годы и годы, для жен декабристов, сидящих в тамошней Кутузке. Они, эти жены, достигшие после кончины бессмертия, мало-помалу — при жизни — поднимали невысокий, надо признаться, интеллект местного населения, очень неохочего до учебы. Все бы им, местным, в тайгу, по кедровый орех, али на медведя. Еще рыбу горазды выгребать сетью, перепелку рукой безоружной сцапать, да и соболика в глаз примочить — все могли, не учась, по призванью. Вот Бомонд и французский язык, честное слово, ни то, ни другое им не давалось. И бежали они, местные, от училок — силки ставить, рысь раздевать донага, волку пасть выворачивать. А все стремление к просвещению скинули на собственного летописца, выкормленного ими за тягу к наукам березовой кашей с олениной.

Вот он — единственный — и учился. Учился и превозмог. Бонжур — говорил. И мерси — говорил, даже если били его невзначай по морде за эти неприличные слова.

Летописца звали Ким. Не путать с коммунистическим интернационалом молодежи или с популярным именем стахановцев и ударников. Ким располагал седой бородой, китайско-русско-якутской внешностью, родословной от Ермака, верительной грамотой от Чингис-Хана и нержавеющим стилом неведомого происхождения, из химически чистого железа, в ту пору — да и сегодня! — еще недобываемого. Была у Кима утеха — писать летописи. То бишь подноготную города Киренска. И писал, благо грамотный.

Мне доводилось читать его летописи, выправленные грациозным пером дворянского происхождения. Ошибок много. Оценки за сочинения явно завышены. Впрочем, я догадывался: поставь ему двойку, и один-разъединственный ученик звезданет тут же в гнездовище жень-шеня и накарякает там такое, что и через сотни лет Россия не отмоется от его наркотического бреда.

Поэтому ему, летописцу, позволялось училками из Петербурга писать только в классе, за партой. Иначе — кол. Угрозы эти Ким воспринимал по-азиатски. Во французском прононсе слышалось ему — «на кол!» И он из класса не выходил даже по нужде. Поэтому много сотворил летописей.

По ним выходило, что Киренск основан за двести лет до Москвы и по праву первородства наделен мессианским предназначением встать во главе Российского государства до скончания имперских времен.

Обман? Или намек на сегодняшний день?

Стилист, однако, он был превосходный. Вот примерец из его писаний.

«День вертит солнечный жернов к ночи. Ночь извергает небесный огонь на рассвете. И вспыхивают облака зорным заревом. Первые российские облака, нарожденные у восточных границ. Облака, коим нести очищающее пламя на запад, к отстающим в развитии от нового времени градам и весям Матушки-Родины. Сапоги там правят бал. А на паркет надо бы валенки».

Так, приблизительно, писал летописец Ким.

III

Мне представляется, что Косыгин, Алексей Николаевич, тоже читал рукописи летописца Кима. Их не прятали в спецхране, тем более такого в Киренске не наблюдалось. В прошлом там даже не было ни одной библиотеки. Как и великого тяготения к знаниям, в особенности книжным. Однако произведения Кима кочевали из уст в уста, иногда и в письменном виде — для грамотных. Очень уж любо было киренчанам ущучить Москву: вы от Ивана Калиты, а мы на двести лет раньше, из острога. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Потом ходоков отправляли к Блоку. Купи строчки, а то по башке дадим.

Купил или не купил — этого летопись не сохранила. Но использовал — факт!

В 1928 году Алексей Николаевич Косыгин тоже купился на строчки патриотов районного центра, где его предок по отцовской линии, как считали местные старожилы, задолго до революции, считался богатейшим купцом. Правда, воинственной силой творчества Кима-летописца Алексей не владел. Это и проявлялось нередко в его заметках — тогда внештатного корреспондента «Ленской правды», популярного для малограмотных книгочеев издания.

Образчик его сочинений от 15 февраля 1928 года. «Ленская правда» № 13 (301). Среда.

ВЫЗОВ КРИВОШАПКИНЦАМ

Деревня ждет «масленицу». По подсчетам самих же крестьян д. Кривошапкиной, масленка обойдется им примерно в полторы тысячи рублей.

Я вызываю кривошапкинцев — бросить старые бытовые предрассудки и отказаться от традиционной «масленицы». Оставшиеся средства обратить на приобретение облигаций 4 крестьянского займа «Укрепление крестьянского хозяйства».

Думаю, кривошапкинцы, как жители одной из передовых деревень, примут вызов и выполнят лозунг т. Калинина: «Каждое крестьянское хозяйство должно иметь облигацию 4-го займа».

А. Косыгин.

По подшивкам тех времен я лично убедился: кривошапкинцы и петропавловские, марковцы и никулинцы — жители разных деревень Киренского района — предпочитали займу корову и лошадь, одного петуха на десяток кур, обрез и шашку. Неслухи, малообразованные партийной пропагандой! А может быть, благодаря этому и выжили? Сибиряки все же... Кривошапками могли закидать всю Россию, если бы не были ленивыми.

IV

Что общего между двумя цитатами, приблизительной от Кима, достославного сына Киренска, и дословной от Косыгина, урожденного в Санкт-Петербурге? Общее — направление...

И слова летописца-Кима, и «вызов» его последователя, будущего председателя советского правительства Косыгина, нацелены с бесстрашием таежных жителей на Запад. Из полагающего себя в перспективе российской столицей г. Киренска туда, куда время обновлений еще не поспешает на своих куриных ногах. Каждому киренчанину это и без разъяснений ясно. Ему не гоже смотреть на компасную стрелку, и так знает, куда клонит ветер. И кривошапкинцев, и петропавловских, и марковских, и никулинских.

Я был близко знаком со многими — и кривошапкинцами, и петропавловскими, и

марковцами, и никулинскими. Во всех гордыня. Выражается она так: пора скинуть Киренск с трона столицы района!

По-своему они все были правы. Что для них Киренск? Самозванная столица района, уродившегося ого-го каким: размером с европейскую страну, скажем, Францию. На телеге ехать — не проехать. А на барке только летом, по Лене или Киренге. Зимой наст. На оленях лучше. Словом, добраться хоть до одной деревни — летом ли, зимой — можно только с опричниками. А сибиряки и им уши могли отрезать из любви к справедливости.

Столицу своего района деревенские, мягко говоря, не любили. Тем более, что в темной древности — по дороге в современность — она была облапошена. И кем? Самобытным летописцем Кимом, дурачком местного значения, а может быть и философом. Он и превратил Киренск в островной город — нате вам! Объегорил Городского Голову! С ними бы, деревенскими, такой фокус-мокус у Кима не прошел бы. Они — Петропавловские, Никулинские, Марковские — жестоковыйные. Крепко стоят на материке и не колышутся от дуновения эпох.

Теперь загадка на сообразительность...

Как Киренск оказался островом? Вот вопрос! Вопрос всех вопросов! Для несведущих! Это известно любому старожилу глубинки, по летописям того же плодовитого автора. Хотя бы уже потому, что об этом случае из биографии Киренска он писал от первого лица. Слова такие... Впрочем, слов его употреблять не буду. Перескажу их, как в сочинении на вольную тему.

Итак....

Когда Ким повышал образовательный уровень у жен декабристов, его не выпускали из класса ни по малой, ни по большой нужде. Не дай Бог, убежит в тайгу, башебузик. К жень-шеню. Клюкве. Медведю и подругам его росомахам. Он и не бегал. Терпел и малую, и большую. Безденежье лютое доконало! А если посмотреть в корень, то там легко обозначено: у Кима, кроме учения, была специальность! Печник он! Печник! Самой высокой квалификации! По советским временам, считался бы ударником производства, на Доске Почета имел бы право висеть на зависть лодырям и прогульщикам.

Как-то раз получилось, что Городской Голова предложил ему сложить печь. И где? Не у черта на куличках. В собственном доме! Более того, за монеты звонкие, царской чеканки.

Ким и согласился, хотя вынужден был прогуливать занятия. Приработок все же дороже бесплатной грамоты.

Печь он сложил. Из глины первоклассной. Так как обладал секретом добычи этого строительного материала.

Но тут необходимо подчеркнуть: в ту пору Киренск еще не слыл островом и не стал посмешищем для деревенской публики. Да, его отлогие берега обегали две реки. Сибирские, естественно. Лена и Киренга. Между них был перешеек. Что позволяло даже в половодье выбираться в тайгу. По кедровый орех. Или на сохатого-рогатого. Белка тоже в хозяйстве пригодится.

Глину Ким добывал в потаенном месте. Где? Секрет производства, скажем, в пещере Альзам, на речном плесе. Притом с риском для жизни. Поскользнешься — и завернешь вниз головой в своенравную Киренгу. Следовательно, если не убережешься, то непременно попадешь на корм рыбам, охочим до бесплатного мяса.

Но Ким был мастак! Не утонул.

Глину добыл, замесил. Печь поставил.

Деньги захотел получить.

Городской Голова сказал ему в день зарплаты: «А шел бы ты! К репрессированным декабристкам!»

Ким догадался: денег не будет никогда, потому что никогда их не будет. И ответил русскими словами. Без «бонжура» и «мерси».

— Ты мне это припомнишь! И дети твои! И дети детей твоих! И все прочие потомки!

И пошел. Но не за парту. А к Киренге, туда, где выковыривал глину для печи. И там, на том примечательном месте, подвернул саперной лопаткой слабый на умишко грунт. И Киренга — не сразу, доложим, — а спустя несколько трудоемких лет тоже подвернула, вернее, вывернула дугой свое русло. И потекла, бурля негодованием, в обход Киренска. На встречу с полноводной подружкой Леной. Обхватила город объятием небывалой силы, окружила, как Паулюса в Сталинграде, и капут!

Вот и вся история. Вот вам и весь остров, невзначай возникший на территории Киренска. Вот вам и весь Ким. Грамотным был. А выучили его жены декабристов. На свою голову выучили. В результате он под их мужей—декабристов и взбунтовался, заодно взбаламутил всю Киренгу.

V

Платить деньгами за всякие новшества, даже включая займы, сибиряки мало желали. Другое дело, орехом кедровым, рыбкой выловленной, горностайчиком с простреленной шкуркой — пожалуйста! К сведению для неверующих в характер замотерелых на сорокаградусном морозе мужиков доложу без стеснения: в 1971 году в одной из покинутых, по причине смерти от старости, деревне я обнаружил в подвале, леднике по-ихнему, десятки тысяч царских денежных знаков и много «керенок».

Так что деньгами ни-ни! Натурой либо товарообменом. Тут и приспела цитата из Косыгина. Из «Ленской правды» за 1928 год.

Рубрика: ВЕСТИ ИЗ ОКРУГА. (По телефону и спешной почтой от наших корреспондентов)

ЧЛЕНСКИЕ ВЗНОСЫ БЕЛКОЙ

В д. Максимово (Усть-Кутского района) комсомольцы организовали ячейку Осоавиахима. В ней насчитывается 17 человек.

Ячейка взялась за работу. Занятия проводятся по два часа в неделю, в дни отдыха ребята занимаются физкультурой, проходят строй.

Ввиду заморозков хлеба у некоторых нечем платить членские взносы. Но и тут ребята не отступили: вместо денег тащат в ячейку добытые беличьи шкурки. Собрали три рубля на выписку газеты.

Ячейка просит окружную организацию Осоавиахима прислать указания, как работать дальше.

После этой косыгинской заметки, я догадываюсь, каждый встал бы на сторону кривошапкинцев и никулинцев. Какого черта им действительно нужен столичный город Киренск с его указаниями? Белку, конечно, нужно пострашать, но ведь не ради членских взносов. Мясо для пропитания, а мех на продажу сгодится. Тогда и смысл жить, как положено, по древнему закону семьи, с уваженьем к заезжим китайским торговцам, а их расстреливают, будто они японские шпионы. Какие они шпионы, если деньги наличными?

Они платят, их расстреливают. А партийцы? Партийцы не платят, сами требуют деньги и ради них морочат головы газетными шапками в «Ленской правде»:

КРЕЧЕТОВ — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЕРЕДНЯК КУПИЛ НОВОГО ЗАЙМА НА 120 РУБ.

С МЕСТ ИДЕТ ПРИЗЫВ К КРЕСТЬЯНАМ ОКРУГА — НЕ ТРАТИТЬ НА «МАСЛЕННОЕ ГУЛЬБИЩЕ» ДЕНЕГ. А КУПИТЬ НА НИХ ОБЛИГАЦИИ.

Был у меня соблазн: поинтересоваться судьбой середняка Кречетова. Но ни в одной деревне — ни среди кривошапкинцев, ни среди марковцев или никулинцев — нигде я не получил его прижизненный адрес. Может быть, его и не существовало? В особенности после сообщения о том, что не в общак, а на какой-то поганый займ кинул он свои натруженные рубли.

И все-таки мне повезло. На обочине от темы про середняка Кречетова. В деревне Марково. От деревни ничего не осталось. Все вымерли, кроме домотканного старичка, невыразимого количества лет на вид. Он говорил, что ему сто двадцать. Побиблейски.

— Дедусь! — спросил я при встрече.— А какая власть была на дворе, когда ты уродился?

— Наша!

— Какая, дедусь, ваша?

— Я их маму имел!

— Так вы, дедусь, еще старше, чем себя изображаете.

— Я с Ермаком ходил в поход. И взял себе якутенку. Она мне трех щенков принесла. И подохла. Собака оказалась дряхлая.

— У вас, дедусь, со здоровьем...

— Мы с пониманием. После ста возвратная молодость. Наливай — не жалей!

— Да вы, дедусь, философ!

— Философом я был во времена Гиппократа. Я ведь прислан сюда опосля медицинского факультета. Скольких я вылечил, скольких спровадил на тот свет. И все мне благодарны. Жалко, деревня вымерла. И я готов — туда, к ним. Во здравье, так сказать, родины. По стаканчику! И вперед!

Стакан я ему, естественно, налил. (По Сибири не ездят без пузыря).

Старик хлебнул и повеселел. И, раскрыв уши пошире, готов был слушать и с напрягом вспоминать, что положено.

— Дедусь! Я к вам в Марково завернул не по оплошности. Тут у вас возник комсомольский почин. В году двадцать восьмом, как о том писал в газету товарищ Косыгин.

— Мы, милок, живем без починок. Как уродились, так и живем — хлеб жуем, покуда зубы на месте. А когда зубов нет, употребляем жидкую пищу. Наливай — не жалей.

Я опять налил, хотя интуиция подсказывала мне: будет перебор. И действительно, дедок зевнул раз, зевнул два, уронил голову на стол, и дал храпача. Не добудишься, даже стуча стаканом о стакан. Так что мои журналистские изыскания ни к чему не привели. И мне ничего другого не оставалось, как, возвращаясь на морозе в Киренск, читать и перечитывать корреспонденции А. Косыгина, и с горечью осознавать: активность местных жителей пошла на убыль. Ну, это и понятно, если деревня вымерла. Не то, что раньше, когда...

МАРКОВСКИЕ КООПЕРАТОРЫ ПРОЯВИЛИ АКТИВНОСТЬ

12 января в Марковском народном доме под руководством союза совторгслужащих была поставлена пьеса из кооперативной жизни «Именины подвели». Реклама была вывешена за два дня вперед, весь сбор от спектакля должен поступить в пользу красного уголка.

А. Косыгин. «Ленская правда» январь 1928 года.

Не знаю, какую пользу получил красный уголок от этого сбора. Представляю, сбора вообще не было. Сибиряки, как отметил, предпочитают платить кедровым орехом, белкой, но не наличными. При слове «наличные» у них чешутся кулаки.

VI

Теперь от древнего дедуськи надо повернуться лицом к Алексею Николаевичу. Нет, уже не к внештатному корреспонденту «Ленской правды», ставшей затем «Ленскими зорями». А к политическому лидеру одной из крупнейших держав в мире.

Случилось так, что в 1973-м году т. Косыгин вознамерился вернуться на день-другой в «Альма-Матер» свою, в Киренск.

Желание это возникло у него в Якутске. Там он принимал японского посла. И, наверное, принял с послом на грудь по четвертинке. Японец — рисовой, он — московской. Башка поехала. У обоих. Японец всплакнул о своей хижине из папиросной бумаги и мотанул в Токио. Косыгин со слезой в голосе вспомнил о своих журналистских писаниях в таежном городе на острове, где родилась его доченька. И, отдав должное притягательным воспоминаниям, приказал отбить телеграмму в Киренск. «Приезжаю! Ждите!! И дождетесь!!!»

Отбивали телеграмму с трепетом в пальцах.

Получили ее с трепетом в сердце.

Что делать?

Самое простое заключается в том, что у Косыгиных в Киренске, по заверениям старожилов, имелась собственность. Наследственная, от предков купеческого рода — владельцев каботажных судов, бороздящих сибирские реки.

Старики поговаривали. Молодые мотали на ус, если уже отрос. А нет, так держали в памяти. Хотелось знать доподлинно. Но иди — проверь! Архивы для беспартийных закрыты.

Догадываюсь о соображениях киренского начальства. «Ну, не будет внук-правнук капиталистов, если он председатель Совмина и сподвижник Брежнева по борьбе за мир, претендовать на Ленский речной флот. Он ведь еще без горбачевских представлений о приватизации и последующего превращения из коммунистов в олигархи. Но дом родной? Почему бы ему дом родной не увидеть? Ностальгия их в Москве замела, если кидаются в глухомань, где и туалетного сидяка никогда в наличии не наблюдалось».

Вот с этим «сидяком» и возникли у нас в газете «Ленские зори» большие проблемы. Дело в том, что все совслужащие ходили во двор. И по малой нужде, и по большой. И неважно было, ты главный редактор или ты корреспондент, или маленькая, как птичка, линотипистка.

Туалет один. Туалет на всех. Он дощатый. При температуре минус сорок ничем подозрительным не пахнет, так что санитария стопроцентная. Но... из-за небрежности, или из-за недостаточного внимания к предмету употребления, на нем, то есть вокруг «очка», вздымались айсберги из мочи и всяких неприличных для этого рассказа фекальных штучек.

Картинка нарисована. А подтекстовка к ней такая: Косыгин обязательно заглянет в редакцию газеты, в которой сотрудничал внештатным корреспондентом и писал свои произведения, в отличие от Брежнева, самостоятельно. Заглянет в редакцию и вдруг...

Что вдруг?

В редакции «Ленских зорь» в первую очередь подумали о туалете. «А вдруг он захочет покакать?»

Это уже доподлинная цитата. Однако не выдам ответственного человека из редакции районной газеты, первым осознавшего о неучтенных протоколом проявлениях косыгинского организма. Организм, он и есть организм. С ним всякое случается.

Редактор Хохлачев вызвал слесаря Диму. И приказал, под воздействием приезда высокого гостя:

— Немедленно убери эти наледи с писями!

Дима не просыхал на работе. Такая была у него работа — не просыхать. Потому и уточнил, чтобы не ошибиться.

— А говно?

— Все убери!

— Трешник. И двойняк вперед.

Надо отдать честь слесарю Диме, он не воспользовался «двойняком», чтобы тут же его пропить. Он уважал свою универсальную профессию. И потому пригласил за рублевку шахтера, у которого по случайности был выкраден из Донбасса, от пьяного беспробудно Стаханова, отбойный молоток. Этим отбойным молотком они раскололи глыбы неприличного по внутреннему содержанию льда и спустили их в очко. Но... перед тем, как идти пить, вспомнили: Косыгин — интеллигент, ему подавай товар в чистом виде, без микробов и бацилл. Они посовещались, чтобы сойтись во мнении: разводить микробов и у придурка ума хватает. И тогда — в один голос — решили: выпить мы все равно выпьем. А рабочая гордость? Это чистота и порядок!

Сбегали они на Лену с коромыслом, принесли в туалет два ведра. И помыли все, как и полагается, чтобы Косыгин, садясь крабом на очко, не лицезрел по партийной принципиальности всякие нечистоты. Вот теперь-то, проделав трудоемкую работу, включая в нее и подходящую по случаю русскую смекалку, пошли пить. И пили до самозабвения.

Если бы сегодня здравствовал Косыгин и знал бы о том, как заботились о его животике в редакции «Ленские зори», он обязан был бы выдать всем сотрудникам этой газеты Государственную премию по экологии.

А как же иначе? Представьте себе, в продолжении зашкаливающих инициатив, стараниями редакционных сотрудников, с привлечением художника из таежной интеллигенции, был сочинен транспарант. Красным плакатным пером по белому полю ватмана старательно вывели: «Туалет вниз, во двор, и налево!»

Признаюсь, имея на стене такой путеводитель перед глазами, никогда, даже по мути великой, не заблудишься.

Казалось бы, пора вздохнуть свободно.

Но не тут-то было Внезапно в редакции «Ленских зорь» раздался нечленораздельный вопль.

— Приехал!!!

Предварило вопль то, что редактор газеты Хохлачев выглянул из окна на скованную снежным настом Лену и узрел кортеж легковушек, в основном, «Москвичей», конфискованных, понятно, у местных жителей. На день-два-три-четыре, сколько понадобится, чтобы достойно принять высокого гостя и проводить его затем в аэропорт.

Чинно, по порядку, без самурайских самопожертвований личности, шли они по реке. В одном из салонов, но в каком — это секрет, везут САМОГО!

Углядев столь раздирающую душу сцену, Хохлачев растерянно молвил:

— Приехал? Почему не сообщили?

Схватился за телефон. И давай названивать по начальству.

Страх окутал редакцию. Дело в том, что таежный художник запил. И не успел из-за нехватки краски пририсовать к транспаранту стрелку, с уклоном: мол, вниз по лестнице, и во двор, пожалуйста.

Однако обошлось. И суматоха улеглась. Наша машинистка, среагировав на крики, преобразовалась в художника и израсходовала весь тюбик губной помады на этот дорожный указатель. Так поступают советские люди!

Потом выяснилось — тревога была ложной. Кортеж машин проводил простонапросто тренировочный пробег. На случай приезда Косыгина. И не по пьянке, по приказу горкома партии. Кстати, трезвыми водители были потому, что все виды алкогольных напитков уже изъяли из магазинов. А участникам тренировочного пробега

пообещали по два литра спирта, если они заведутся и поедут. Они и завелись. И поехали. Им холод — не тетка.

VII

Главная проблема с Косыгиным, пославшим телеграмму из Якутска, состояла вовсе не в очке, которое стараниями слесаря Димы и его товарища было готово к приему фекальных масс и прочих испражнений. Главная проблема, вернее, неприятность, торчала занозой в том, что никто не помнил дом, в котором Косыгин родил свою дочь.

Мне, как бывалому журналисту, дали редакционное задание: обнаружить этот таинственный пятистенок. При удаче, намекнули с двужильной ясностью в очах, лично я возьму интервью у Него.

Казалось бы, Киренск — город маленький. Его обойти своими ножками — это всего час-два. С одной стороны — Лена, с другой — Киренга. Не запутаешься. Двинул я на поиски и попал по подсказке знающих людей в заводское общежитие. Гляжу, комендант, могучая баба с задатками штангиста. Сидит за канцелярским столом, пьет чай вприкуску с кусковым сахаром.

— Что вам надо? — спрашивает подозрительным тоном, будто я пришел проситься на ночлег.

— Мне? Надо узнать: здесь жил Косыгин — да или нет?

— Нет! Здесь никто такой не жил.

— У вас есть доказательства?

— Я тебя паспорт? Кто ты такой на мою голову, чтобы спрашивать о Косыгине?

— Я из редакции «Ленских зорь», вот этой, — показываю ей на газету, лежащую вроде салфетки под фаянсовым чайничком с заваркой. — У меня задание найти дом Косыгина. Тот, в котором он жил здесь.

— А зачем?

— Затем, что Косыгин опять приезжает сюда, доходит? Дом свой хочет увидеть! А у меня наводка, что жил он именно тут.

— А-а-а! Косыгин? Тот самый?

— Самый-Самый! Показывай хоромы.

— Они не виноваты!..

— Кто?

— Они там... там они... с работы... неурочное время, сам понимаешь... пьют и любятся... но не прилюдно, а так втихую, под одеялом. Так что не виноваты, втемяшь в свою голову!

VIII

Самое поразительное, я попал по адресу. Старый и чрезвычайно по-советски опытный редактор Хохлачев дал мне правильное направление. Другое дело: тетка-комендантша не представляла себе, чем командует. Впрочем, необходимо пояснение. Тетка-то знала, где командует — в рабочем общежитии. Не знала другое: на месте общежития прежде стоял Дом Косыгиных. Избу эту из-за отсутствия жильцов снесли еще в каком-то занюханном пятьдесят втором, когда боролись с космополитами. И построили общагу. А тут, представьте себе, у Косыгина в голове ностальгушки. Он хочет посетить Коробок нержавеющей молодости.

Секретари райкома, догадавшись о косыгинских пожеланиях, приняли единственно правильное и, понятное дело, гениальное решение: немедленно выселить из помещения всех работяг. Провести там срочный ремонт. Повесить портреты Брежнева и Косыгина на стенах, и показать их председателю Совмина во время экскурсии по

исторической Родине его дочки. Пусть себе поет под Роберта Рождественского: «Что-то с памятью моей стало».

Здесь необходима словесная пауза. Здесь необходима минута молчания.

Суть всей стратегической операции, проводимой в Киренске, заключалась в ином. В город завезли телевизоры. Их уже все — до последнего — раскупили. А смотреть в них — это как в оловянное зеркало, когда по старинке причесываешься. Не то, что Москву, Ленинград — свой областной центр Иркутск не увидишь. Без спутниковой связи. Связь же в Киренске была, как в вышеописанном общежитии — половая.

Местным жителям представлялось — решение об установке в этом древнем городе современной «тарелки» может принять только Косыгин. Поэтому его надо и обрадовать видом родного пятистенника, взять интервью, показать художественно оформленную красной помадой стрелку на транспаранте в дворовый туалет. Словом, удивить и обрадовать ростом культуры в дикой провинции.

Ведь никто другой! Он — именно он! — писал о развитии жизни в лучшую сторону. Вот пример.

КАК ИСПРАВИТЬ НЕДОЧЕТЫ

На израсходованную сумму по содержанию ревизионной комиссии можно содержать постоянного платного квалифицированного работника. Ревизионная же комиссия, получив деньги, ничего не сделала и не оставила результатов и следов своей работы...

А. Косыгин

«Ленская правда». № 33 — (332). Среда 25 апреля 1928 года.

На ремонт общаги райком партии тоже израсходовал много народных денег. Но при этом следует заметить, эти деньги действительно пошли на доброе дело. Впоследствии заводские ребята снова вселились в этот дом и жили уже в гораздо лучших условиях. Правда, после работы продолжали заниматься своим любимым делом — пить водку и любить красивых киренских девушек.

Самое пикантное во всей этой фантасмогории заключается в том, что Косыгин так и не прилетел из Якутска к нам. Погодные условия оказались в последний момент не ахти подходящими для его здоровья — нелетными. И он, не приземлившись в Киренске, махнул прямиком в Москву.

Интервью с ним не состоялось. Но состоялось подключение Киренска к станции космической связи «Орбита». И закупленные впрок телевизоры стали демонстрировать нам выступления на трибуне Кремлевского зала Брежнева, Косыгина, Суслова и других старцев марксизма-ленинизма.

Как же киренчане добились такого чуда? Все это очень просто.

Сидя на чердаке нашей редакции, я раскопал подшивки газеты — за прошлые годы. И обнаружил статьи и заметки А. Н. Косыгина. И тогда, зная, что любому автору интересно почитать самого себя, а не товарища Брежнева, предложил редактору Хохлачеву выпустить подарочный номер «Ленской правды» с материалами бывшего рабкора нашей газеты. Он и был выпущен в трех экземплярах. На ватмане. Полосы с верстской я успел прихватить в типографии, еще до того, как все спохватились: делают ведь Самиздат! Причем, очень необычный. Еще нагорит!

Чтобы не нагорело, один экземпляр отправили в Иркутск, в обком партии.

Второй экземпляр приватизировал райком партии.

А Косыгину прислали в Москву главный экземпляр. И к нему приложили просьбу: подключить Киренск к спутниковой телевизионной связи. Председатель Совета Министров, умилившись своим ранним произведениям, исполнил просьбу земляков. И «тарелка», именуемая в обиходе «Орбитой Косыгина», вознеслась в таежной глубинке — над пихтами и кедрами.

Жители этого сибирского края надеялись вырваться за счет телепрограмм из своей отсталости к московским проспектам. Знали и помнили: Косыгин им в этом поможет. Ибо еще на заре Советской власти он писал о прорыве сельского жителя к всеобщей культуре. Правда, желание мужиков получить за ценную пушнину не только зерно, но и табак, чай, сахар он называл иждивенчеством, все больше стремясь проводить высокую политику — навязать населению займ, утвердить государственную монополию на закупку пушистой охотничьей добычи, потому и стал впоследствии важным государственным деятелем.

А вот его нетленные строчки. Ими, пожалуй, я и закончу это повествование.

БУРСКОЕ БОЛОТО

Отдаленность от города, от своего районного центра Макарово, к которому Бур совершенно экономически не тяготеет, послужила одной из причин чрезвычайной культурной отсталости Бура сравнительно с другими селениями нашего округа.

Регулярного почтового сообщения нет. Письма, газеты идут с большим опозданием даже в зимний период, не говоря уже о летнем, когда почти всякое сообщение отсутствует.

Из культурных учреждений имеется лишь красный уголок, работа которого поставлена весьма слабо: арендуемое помещение не приспособлено, никакой общественной культурной работы не ведется.

В то же время культурных сил для деревни в 40 домов, надо считать, больше чем достаточно: здесь обследовательский пункт РОКК, в котором работает врач, фельдшер, имеется учитель, посылаются ежегодно работники Ленсоюзом для постоянной работы в кооперативе. Однако, несмотря на такое большое наличие сельской интеллигенции, общественность в деревне отсутствует.

По словам местного крестьянства, врач, фельдшер на сельские собрания совершенно не ходят, учитель на собраниях бывает редко.

То же наблюдалось на общем собрании, где стоял вопрос о создании интегрального машинного т-ва: учитель пробыл на собрании 10—15 минут и почти не принял никакого участия. Выступления учителя показывают его малую приспособленность для ведения общественной работы среди крестьянства. Небольшое выступление учителя на сельском собрании пестрит словами: «идеология», «психология» и др., совершенно чуждыми крестьянству.

Все это способствовало возникновению того общественного болота, которое сейчас имеется в Буре...

Работа по распределению займа не велась, среди крестьянства не распространено займа ни на один рубль. Полученные облигации займа в Бур на 35 рублей были распространены исключительно среди местных служащих.

Председателем сельсовета было заявлено, что заем у них вообще нельзя распространить, а кто хочет купить, может купить в городе (за 200 верст), никакой разъяснительной работы по распространению займа проведено не было...

Наиболее активную часть собраний составляют группы из бывших торгашей — таенов, которые в прошлом закабаляли и кредитовали тунгусов, однако ни один из таенов избирательных прав не лишен.

Наибольшим же злом района является острая конкуренция среди заготовителей пушнины.

К сезону заготовок в Бурском районе работало четыре заготовителя: потребобщество, госторг, охоткооперация, киренское кредитное т-во. Два последних заготовителя выезжали специально для заготовок белки, и после сезона, оставив розданные кредиты, уехали.

Регулирование кредитами отсутствует, сельсовет этим не руководит, никакой согласованности среди заготовителей нет. В результате такой заготовительной работы

нет ни одного двора, ни одного охотника, который не был бы должен заготовителям, причем, суммы розданных кредитов в отдельных хозяйствах достигают 400—500 руб. на двор. Бесконтрольное и бессистемное кредитование всех заготовителей, лишь бы больше захватить пушнины, создало и укрепило иждивенческие настроения у населения.

Иждивенческие настроения настолько сильны, что, объявив на собрании о выделении ссуды Ленсоюзом в размере до 600 пудов хлеба на кредитование населения ввиду неурожая, не только не удовлетворило участников собрания, а сейчас же было предъявлено требование о выдаче в кредит и других продуктов, как-то: масло, чай, сахар, табак и прочее под осеннюю пушнину...

Среди крестьянства ведутся разговоры, что пушнина нужна всем заготовителям, а раз так, значит, будет и кредит. Не даст кооператив, пойдем к Маркову (так называют Госторг) — там дадут.

Так что следует урегулировать вопрос о числе заготовителей на Буре, не допуская к сезону заготовок выезда гастролеров...

А. Косыгин.
«Ленская правда» № 32 (321). Суббота, 21 апреля 1928 года.

Как видим, в регионе величиной с иную страну, «из культурных учреждений», по словам будущего главы советского правительства Алексея Николаевича Косыгина, имелся лишь красный уголок, «работа которого поставлена весьма слабо».

Ну, теперь и прикиньте, насколько своевременным было вмешательство спутниковой связи и телевизора в развитие культурного потенциала жителей той замечательной по природной красоте местности. Произошло это в 1973 году, когда я работал в газете «Ленские зори». В историческом масштабе совсем недавно.

Валентин Огнев
(г. Щекино, Тульская область)

ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛКА «ЗАВИСТЬ»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Несколько лет назад мне поступил звонок с неизвестного номера. Звонивший представился (назовем его предприниматель Игорь) и попросил о встрече со мной по вопросу составления родословного древа. Я согласился на встречу. Приехал он со своим другом, с которым я лично тоже не был знаком, но это была известная личность в определенных кругах небольшого городка.

Во время встречи Игорь предложил оказать ему помощь в восстановлении родословной. Но в беседе почему-то основной упор он делал на семейную легенду. Легенда была следующего содержания. После революции 1917 года его предок переселился из крупной густонаселенной деревни в новостроящийся поселок. Он построил хороший дом, выделенные земли были одними из плодородных. Крестьянское хозяйство было крепким, так как хозяин был рабочим человеком. Но у него был брат, работавший председателем сельского совета и проживающий в деревне. Брат по какой-то причине затаил зло на своего родственника и собирался принять меры по его раскулачиванию. Добрые люди подсказали, что их собираются раскулачивать, и они в одну из ночей покинули поселок. Связь с родственниками прервалась.

Так как имею сведения генеалогического характера по этой местности, я согласился помочь Игорю в составлении родословной и, если обнаружатся другие документы, сообщать о них.

Через небольшой промежуток времени мне вновь позвонил Игорь и сказал, что в один из ближайших дней он будет проездом в моем городе и просил о встрече. Мы с ним встретились. Во время встречи основной темой беседы был разговор о поисках документов о раскулачивании его предков. Ему было разъяснено, что в его случае официального как такового раскулачивания не было. В известных списках репрессированных его предки не значатся. В законном порядке документы о раскулачивании не оформлялись, его предки выехали как бы добровольно. По всей видимости были составлены документы на бесхозное, брошенное хозяйство с передачей его в колхоз. Такая форма избавления во время раскулачивания от неугодных, зажиточных крестьян существовала повсеместно. Родословная предков Игоря мало интересовала. На возникший вопрос, почему его более всего интересовал факт раскулачивания, он ушел от ответа.

Я и ранее собирал архивные документы по интересующему Игоря населенному пункту, чтобы в дальнейшем использовать их для написания истории этого поселения. Во время одного из посещений архива среди источников обнаружилось, что предки Игоря не являлись первозаселенцами поселка. Об этом ему было сообщено и сказано, что по факту передачи хозяйства его предков в колхоз документы могут быть в других архивах. Интересующий нас населенный пункт с 1928 года администт-

ративно был передан в другую область. Он стал уговаривать меня посетить эти архивы для поиска документов о его предках. В этой телефонной беседе вновь был задан вопрос Игорю: для чего ему нужны документы? Он ответил, что в этом населенном пункте один предприниматель выкупил земли и сейчас там он организовал хорошую базу отдыха, а Игорю нужно возвратить усадьбу предков с землей, для него этот вопрос очень важен.

В связи с семейными обстоятельствами я отказался от поездок в другие архивы. После этого разговора Игорь начал уклоняться от составления родословной и прекратил поддерживать со мной связь.

Я по мере надобности езжу в архив и во время одного из посещений архива были обнаружены документы по истории образования поселка, которые дают разгадку обращения ко мне Игоря.

В начале 20 века Центрально-Черноземный регион России являлся районом с избыточным крестьянским населением. И сразу же после событий 1917 года население густонаселенных сел и деревень стало переселяться на близлежащие свободные бывшие помещичьи земли. Это был не самовольный захват земли, а в соответствии с законодательной процедурой оформления. Происходило образование новых небольших селений. Так произошло и образование поселка Казанский Становлянского района Липецкой области. На момент основания селения территория относилась к Тульской губернии Ефремовского уезда.

По поселенному бланку (1926 г.) поселок Казанский Ламского сельского совета Лобаново — Шиповского района Тульской губернии возник после 1917 года – в 1922 году. Но возникновению поселка предшествовала в течение нескольких лет тяжба переселяющихся и живущих крестьян в деревне Ламская.

В 1919 году решением общества деревни Ламская в полукилометре от селения, за рекой Семенек были выделены земельные угодья 14 домохозяевам (по последующим документам 16 домохозяевам). Переселенцы начали обустраиваться на выделенной территории. И вот 24 августа 1920 года в Тульский Губземотдел поступает жалоба от группы крестьян деревни Ламская. В ней они указывали причины, по которым необходимо было бы запретить строительство поселка: переселенцы по поддельным документам получили земельные угодья, «ввиду доброкачественности» земли «и полуверстном расстоянии от селения», «тем более, что через реку Семенек проложен исправный мост». Также в жалобе жители деревни Ламская оказывали давление на руководство Губземотдела, написав, что если не запретят строительство поселка, то возможен острый конфликт между ними и переселенцами. Жалобу для рассмотрения направили в Ефремовский уземотдел. По указанным в ней фактам проводилась тщательная проверка, землеустроительные работы, и 21 февраля 1921 года было вынесено решение, в котором указывалась законность выделения земли переселенцам из деревни Ламская. Но с этим решением не соглашались заявители. Они постоянно будировали вопрос о незаконности, нецелесообразности образования нового поселка, обращаясь с заявлениями в различные государственные органы. Переселенцы также обратились в Тульский Губземотдел. В своем заявлении указали, что не желают переезжать с территории вновь строящегося поселка, т. к. земли для поселка выделялись законно, а в обществе деревни Ламская полная бесхозяйственность, частая смена руководства из-за взяток, неумении начальства руководить обществом, незаконные поборы с крестьян, постоянные споры жителей из-за земельных наделов. Они, переселенцы, уже собственными и выделенными Ефремовским севкомом семенами обсеменили поля, на усадьбах стали возводить постройки, осуществлять посадки плодовых деревьев, образуя новое селение.

Отдельные жители деревни Ламская в отношении переселенцев в это время идут на подлость. Они пасут свой скот, лошадей на засеянных полях переселенцев, при этом осуществлялась потрава и вытаптывание посевов. Эти действия граждан дерев-

ни грозили оставить переселенцев без урожая. Ефремовская уездная земельная коллегия 16 мая 1921 года вынесла решение о принятии самых репрессивных мер к жителям населенного пункта Ламская и недопущения потравы хлебов переселенцев. Решение коллегии было направлено в Дмитриевский волисполком для исполнения.

Группа жителей деревни Ламская продолжала писать заявления в различные инстанции. И во всех жалобах ставился один и тот же вопрос. Это вопрос о прекращении строительства поселка. А причиной для ликвидации поселка было, по их мнению, выделение переселенцам плодородной земли. Они в заявлениях стали предлагать организовать поселок в других местах сельского совета. При рассмотрении этих заявлений органами власти признавалась необоснованность указанных в них фактов, поселок нельзя было организовать на предлагаемых земельных участках по определенным причинам, в первую очередь, отсутствие воды. Считалось, что выделенные земли будут способствовать развитию сельского хозяйства при обязательном использовании крестьянами 4-хполья. Это было обязательное условие при переселении.

На все коллегиальные заседания Тульского Губземотдела и Ефремовского уездного земкома приглашались представители сторон. Расстояние до города Тула составляло около 150 верст, до города Ефремов — 20. Это сказывалось на бюджете переселенцев.

И вот следующее решение останавливает все распри крестьян деревни Ламская по поводу строительства поселка. 3 июня 1921 года состоялось заседание Коллегии Центрального Отдела Землеустройства Наркомзема по пересмотру согласно постановления Президиума ВЦИК, решенного в Коллегии Центрозема 13 мая 1921 года дела по жалобе уполномоченных граждан деревни Ламская Дмитриевской волости Ефремовского уезда Тульской губернии.

Рассмотрев дело, Коллегия вынесла решение, что земельные участки переселенцам выделены на законных основаниях с соблюдением всех норм. Но были даны рекомендации. Одно из предложений было о возможности увеличения числа переселяющихся. В дальнейшем в число поселян добились разрешения и отдельные лица, которые были против поселка. В поселенном бланке 1926 года мы уже видим, что число переселившихся увеличилось почти в 2 раза и составило 25 домохозяев. После включения в списки лиц из числа жалобщиков заявления по поводу строительства поселка в органы власти прекратились. В новом списке указано, что на 25 домохозяев было выделено 12,50 десятин земли под усадьбы, 165,88 десятин пашни. Жители для личных и хозяйственных нужд использовали воду реки Семенек и трех колодцев. Заселялось селение и после 1926 года, в том числе противниками образования поселка. Как мы видим из документов, предки Игоря заселились уже после 1926 года.

Населенному пункту было дано название Казанский. Поселок в настоящее время существует. На его территории, в тихом и живописном месте расположена база отдыха «Казанский луг».

Когда я изучил дело об образовании поселка и сравнил все обстоятельства существования этого поселка, то понял, почему со своей легендой приезжал ко мне Игорь. В первом случае роль играли плодородные земли, а в современном случае – роль сыграла база отдыха. Но в обеих случаях большую роль сыграла «черная» зависть. Отдельная часть крестьян деревни Ламская стала завидовать переселенцам. Переселенцы могли же на плодородных землях получить больше сельскохозяйственной продукции, т. е. и материальных благ. Для Игоря — зависть на получаемую прибыль на хорошо организованной базе отдыха.

Но если глубже рассмотреть вышеописанные события, то они дают все основания на факт существования одной из теорий зависти – это некая генетическая программа, которая досталась нам от предков и закрепилась в процессе эволюции.

При подготовке данного материала автором использованы источники Государственного архива Тульской области.

Вячеслав Лямкин
(г. Бийск)

АВДОНЬКА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

1

Поздней осенью, когда черные проплешины убранных огородов да стога привезенной с полей соломы, промоченной недельными дождями, нагоняют печаль, под утро приснился Авдоньке погибший сын Гришка.

Будто сидят они в сарае под пахучими березовыми вениками, а Гришка и говорит ему:

— Батька, бросай пить, добром не кончишь! На мать посмотри, разве она от хорошей жизни в веру подалась?!

Затем берет его за руку и ведет за собой к калитке.

А за оградой-то на удивление — улица не улица, а кладбище...

Видит Авдонька — жена и дочь в слезах стоят перед глубокой ямой, в которую на белых полотенцах опускают Гришку...

Гулко ударился первый ком земли о крышку гроба, кинутый кем-то из родственников. Второй, третий...

Проснулся Авдонька весь в поту. Слабость в теле, словно и не ложился отдыхать — тяжко на сердце до щема...

Мысли путанные в голову полезли. Захотелось изменить прожитое, расставить вехи иначе, да так, чтобы до сих пор кипело радостно в груди.

— А смог бы? — задался вопросом.— Еще бы!..

2

Лукавил Авдонька. Что только с ним родные ни делали: и бабка Илясиха над головой воск отливала, и жена Валентина настойки лечебные в чай украдкой добавляла. Все едино, прикладывался Авдонька к бутылочке. С жадностью, с трепетом опрокидывал в себя полный стакан и ждал, когда горькая разольется теплом по телу и ударит в голову. Пил до беспамятства, иногда с устатку, но еще чаще, заглушая неуемную грусть, клещом майским впившуюся в душу. От того и любил Авдонька шумные компании и почти всегда вел мужиков к себе.

Заваливались разноликой гурьбой в ограду, размещались под навесом у сарая, орали до одури, дрались. А после, побежденные зеленым змием, валились с ног, забываясь тяжелым пьяным сном.

Подобными урывками и пролетела большая часть жизни, оставив за собой привкус горечи. Богатств и достатка не нажил, да и не гнался за этим.

Валентина, славившаяся на весь поселок знахаркой, не выдержав вечного пьян-

ства, ушла от него с простыми, горькими, как соль, словами: «Толя, сил моих больше нет!»

— Да и то верно, Валька! — поддержали соседки.— Дети взрослые, поймут!.. Сколько ты от него натерпелась! То в бане ночуешь, то синяки тональным кремом замазываешь!..

После развода переехал Авдонька жить в половину дома, доставшуюся ему от рыбхоза. В будние дни дольше стал задерживаться на работе, а в выходные поддавал крепко, нисколечко себе не изменив.

Выпивши, любил называть дочь «кровинушка моя». Пьяный слушался только ее. Придет Ирка вечером разогнать шалман в доме, а он, хоть и «никакой», а понимал — кровинушка пришла, и беспрекословно уходил в комнату, заваливался спать на диван.

Детей Авдонька любил и гордился — пошли в него. И старшая Ирка, и Гришка — высокие, сутулые, с несуразно длинными руками. И даже походку у него переняли.

Работа в руках у Авдоньки спорилась. Особенно по дому. Плотницкие дела: забор поправить, сараюшку перекрыть — делал аккуратно и самое главное с душой. В рыбхозе считался незаменимым в плане механизации: движок на тракторе отремонтировать, краном управлять, на крайний случай мог и комбайнера заменить.

К жене, теперь уже бывшей, Авдоньку тянуло. Частенько забегал к ней на обед. Половину жизни из памяти не выкинешь. Принимала данность и Валентина — с надеждой заглядывала в выцветшие со временем глаза трезвого Авдоньки и молила Бога, чтобы все образумилось. Но не дошли ее молитвы...

В ту зиму стояли морозы настоящие — сибирские. Заканчивалась командировка в Шелаболихе. До хрипоты спорили, на чем вывозить строительный деревянный вагончик. Помог выйти из положения сварщик Васька Круглыхин. Отыскал у одного деда во дворе добротные сани, оставшиеся от тяжеловоза. На них и погрузили вагончик, прицепив к «66-му». Мужиков в вагончик набилось человек пятнадцать. Дорога предстояла длинная, и кому-то в голову пришло подтопить буржуйку. Плеснули на дрова бензин, попало на старое сено, лежавшее в санях...

Погрелись, называется. И сани, и вагончик вспыхнули в одно мгновенье. А шофер с поварихой в кабине заигрывал. Не видел начала возгорания. Люди в вагончике закричали, возникла паника. Кто-то из шелаболинских огонь заметил и помог двери, подпертые снаружи, открыть. Мужикам тогда сильно досталось. Рыжий с ремзавода угорел насмерть. Авдоньку и двоих парней, рядом с буржуйкой сидевших, огонь лизнул основательно.

После пожара состояние у Авдоньки оказалось тяжелое. Ему ампутировали левую ногу по колено и три пальца на правой руке, и если бы не Валентина — не выкарабкаться бы ему. Не отходила от него ни на час. Тайком поила отварами и настойками. А когда Авдонька пошел на поправку, сразу же забрала его домой.

Но беда одна не приходит. Не успел Авдонька привыкнуть к новому душевному и физическому состоянию, отравился Гришка.

Только-только притупилась боль, да с новой силой вспыхнула, словно колуном пытались отделить душу от тела.

— Да сам не пойму, Андрей, как случилось?!! — Плакал Авдонька в трубку телефона, рассказывая о свалившемся горе двоюродному брату Валентины. В подполе у матери взяли они банку литровую спиртовой настойки на ядовитом корне. Выпили с другом. Кольке-то сразу плохо стало. Он маленький, щупленький. А наш, пока «скорую» вызвал, пока помогал Кольку спасать, про себя и не вспомнил. Спохватились только в больнице, когда он без сознанья в руки медсестры упал.— Приезжай, приезжай, Андрей, послезавтра вынос!..

После смерти сына Валентина поседела, осунулась. На голове ее черный платок появился. В церковь стала каждый день ходить. Знахарство из души выкинула.

— Не от Бога дадено! — отвечала она на просьбы.— Господь через смерть Гришину и указал!..

А через год, продав бабкин дом, уехала Валентина с дочерью в Ленинградскую область в женский монастырь. Купили при монастыре домик, остались жить. Богу молиться за грехи, за непутевого Авдоньку, за упокой сына Григория.

Авдонька остался один.

Благо, тетя Маша, соседка, живущая за стенкой (дом разделен на две половины), присматривала за непутевым. Без корысти помогала ему, от доброго сердца.

Авдонька отдавал ей часть своей небольшой пенсии, что получал по инвалидности, и тетя Маша покупала ему продукты, платила за свет, откладывала на уголь и дрова.

Жила она без мужика. Муж ее — Санька — работал раньше в лесхозе, да лет пять назад помер ночью во сне, оставив жену с десятилетней дочкой Ольгой. Старшая дочь тети Маши — Нина уже давно уехала и обустроилась в городе.

Ко дню, когда приносили пенсию, Авдонька выходил из запоя. И только Зойка, разносившая почту и пенсию, появлялась в дверях, стучал костылем по стене, зовя свою «экономку».

— Машка, ты скоро? Пенсион прибыл!

— Эх, безнадега! — вздыхала тетя Маша, пряча несколько тысяч в передник.— Ничему тебя жизнь не учит!

— Зато проучила! — бурчал Авдонька, расписываясь в ведомости.— Если не было бы горя, то люди его сами бы придумали, а то шибко сладко бы жилось на свете.

Тетя Маша махала на него рукой:

— Разве счастье — это плохо? — спрашивала она то ли у себя, то ли у присутствующих. И уже в дверях предупреждала:

— Орать начнете — приду, разгоню!

Особое положение занимали собутыльники. На них тратилась остальная часть пенсии: спившийся сосед дядя Вася — бывший инженер рыбхоза, Ростик — вечный калымщик и алкаш, да сердобольный Антип, работавший в том же рыбхозе на МТМ, особо любивший одну присказку и вставлявший ее каждый раз, когда держал в руках полный стакан: «Эх, душенька, родимая все примет!»

В день пенсии первый в гости заскакивал Ростик. Всегда запыхавшийся, он вытирал рот тыльной стороной руки и спрашивал:

— Ну, принесли? Машка приходила? Взяла?..— И, получив утвердительный ответ, облегченно вздыхал, хватал деньги и бежал в магазин. Брал четыре бутылки дешевой водки, столько же «портвешка» и мчался обратно.

Антип появлялся тихо. Тщательно вытирал сапоги о задрипанный коврик, будто ждал приглашения. Самым последним приходил дядя Вася, обязательно с закуской — помидорчики или огурчики соленые. Важно прицеливался на место у окна и начинал распоряжаться:

— Стаканы помой! — погонял он Ростика.— Да помидорки на тарелку выложи. Антип, шевелись! Вилки давай!.. Эх-ма, мужики,— потирал дядя Вася ладони, когда стол был накрыт.— В любом застолье самое главное — культура! Закусочка, ритуал важный, обычай!

В дяде Васе манера «руководить» раздражала. Зачастую приводила к ожесточенному спору, и нередко застолье заканчивалось потасовкой. В разгар посиделок кто-нибудь вменял ему за чрезмерную деловитость, и дядю Васю начинало нести.

— У меня два высших образования! — ораторствовал он, когда присутствующие находились уже в хорошей «кондиции».— А «вышка» — вам не два пальца обмочить! Вами необходимо руководить! «Серая масса» может выйти из-под контроля общественной нравственности и превратиться в опасное оружие. Например, ты, Ростик,— тыкал он шабашника в грудь,— один ничего не стоишь! Бездельник! Галош дырявый!.. А десять вас, двадцать — уже угроза обществу и морали, жизненному

устою. Потому тобой надо управлять, приучать к порядку, иначе уподобишься сельскохозяйственному животному и начнешь хрюкать!

Худосочный Ростик долго молчал, глаза его наливались злобой, губы синели, словно у утопленника, и излишне жестикулируя руками, он выдавливал из себя речь:

— Образованием тычешь!? Вокруг тоже не дураки живут!

— Да, да, прав! — поддакивал Антип.— Мы два плюс два сложить можем!

— Серые массы, говоришь!? — продолжал Ростик.— Родительским воспитанием перед обществом и предстали! Ты не задумывался, почему у одного тыща в кармане, а у другого чирик? Хотя они оба человеки — цари природы! Откуда неравноправие взялось, знаешь? А то-то и оно, не знаешь, а я тебе скажу, умный ты наш! Дело в значимости! Да-да, в значимости! А значимость раздается на небе! — Ростик показывал пальцем в потолок.— И хоть ты тужься, хоть надрывайся, тебе по твоей значимости и достанется! Поэтому и приходится приспосабливаться! А насчет порядка, ты его сейчас найди? Вон, посмотри! В мире сплошь и рядом бардак! А люди молчат, многих устраивает! И тебя устраивает, и нас!.. Оттого как в бардаке скрыться легче, чем в порядке!

— А это тебе за сельскохозяйственное животное! — встревал Антип, подводя итог душевного разговора кулаком, впечатывающимся под глаз дяди Васи.

После подобных инцидентов наступала идиллия в отношениях «общества». И снова пили за дружбу и уважение, а Ростик и Антип чувствовали себя опять равноправными членами компании.

С неделю шиковали, покупая водку, а затем переходили на самогон. За десяток дней до очередной пенсии средства заканчивались, самогон в долг тоже переставали давать, и тогда Ростик шел канючить деньги у тети Маши.

— Ах ты, гадина ползучая! — орала на весь поселок тетя Маша.— Совести нет, приперся! Тебе глотку почесать, а ему неделю до пенсии тянуть? Ты же его не накормишь! Дождешься от тебя! Последнее вытащишь!

После взбучки Ростик терялся на несколько дней и появлялся снова в «долгожданный денек».

На каждого из троицы распределялись обязанности.

На Антипе — печка. Когда наступали холода, он регулярно приходил и закладывал «голландку» на вечер, сразу приготавливал на следующий день — Авдонька сам утром затапливал. Не забывал, конечно, Антип и про себя. Нет-нет, да вынесет ведерочко угля из Авдонькиной сарайки.

Ростик для Авдоньки сажал и выкапывал картошку, засыпал в погреб. Колол и складывал дрова. Работу выполнял старательно и быстро, зная ей цену — после полагалось щедрое застолье.

А инженер дядя Вася руководил процессом.

— Ты, дурень, неправильно чурку ставишь!? — вещал он с крылечка.— Надо вниз сучком ставить!

— Тебе надо, ты и ставь, а мне удобно, когда вверх сучком стоит! — отзывался Ростик.

— Я б тебе показал, да у меня ревматизм!

— Алкоголизм! — бурчал Ростик себе под нос, недовольно косясь на инженера...

3

В ранние часы, до зорьки, садился Авдонька у окна. Вокруг — ни суеты, ни дружков собутыльников, и никто не мешает насладиться тишиной. Нравилось Авдоньке подмечать перемены в природе, или как просыпается улица.

Первым вылезал из будки, гремя цепью, соседский пес. Лохматый, неухоженный, вечно голодный.

В соседской стайке тяжело вздохнет корова. Гулко ударят копыта о доски настила — поднялась. Только потом в конце поселка проснется петух.

Хлопнет дверь — ранняя хозяйка, гремя подойниками, готовится к утренней дойке.

Мимо проедет местный житель Холька на старой лошади, запряженной в скрипучую телегу. Видно, отыскал, где можно покосить или на свалке рухлядь какую приметил.

Меж сосен пробьется первый лучик солнца. Утро! Еще одна бессонная ночь ушла в прошлое, в небытие.

4

После отъезда жены и дочери Авдонька ощутил себя брошенным. Хоть и находился под присмотром тети Маши, хоть наведывались друзья-собутыльники, но частенько ему грустилось.

Особенно обострялось ощущение одиночества, когда получал письма от дочери. В тот момент приходило четкое осознание — никому на свете до него нет дела. А прошлой зимой, когда тоска, словно асфальтный каток, выжимала из души последние соки, он неожиданно встретил «близкого» человека. По крайне мере так ему показалось. Хрупкая девчушка-подросток в несуразно большом пуховике, обутая в обыкновенные летние кроссовки, шла утром по крепкому морозцу со стороны остановки. Авдонька только взглянул на нее, и ему сразу стало понятно — перед ним еще одна человеческая жизнь-веревка, запутанная в крепкий узел.

— Кто, знаешь? — спросил он у Антипа, пришедшего затопить к вечеру печку.

Антип не понял, о ком идет речь. Про девчонку рассказал Ростик, придя на вечерние посиделки с бутылкой самогона.

— Танька, дочка Зайчихи, помнишь, сгорела пьяная. Девчонке тогда лет пять исполнилось, ее сразу в детский дом отправили. Большая вымахала. Теперь по выходным к бабке Смольяновой приезжает, помогает по хозяйству.

— Сирота, выходит! — вздохнул тяжело Авдонька, закуривая в печку.

— Выходит,— вставил Антип.— Заяц-то старший на МТК при мне на тракторе с дамбы кувыркнулся!

— Ты че, Авдоня, удочерить ее хочешь? — хихикнул Ростик.

— Да мне не позволят. Я так, к слову. Смотрю, идет сегодня утром, от холода ежится. Думаю, спрошу. Ни разу не видел.

А ближе к полуночи, когда Ростик с Антипом разбежались по домам, Авдонька постучал костылем по стене:

— Машка, не спишь? Зайди, дело есть!

— Чего тебе? — тетя Маша появилась на пороге, запустив в дом клубы морозного воздуха.— Проводил дружков, скучно стало?

— К Смольянихе девчонка приезжает по выходным. Знаешь?

— Танюшка. Сирота горемычная!

— Купи ей валенки! Бедолага в кроссовках ходит,— Авдонька протянул ей деньги.

— Ты, Толик, случаем не заболел?! — тетя Маша округлила глаза.— А на кой пить будете?

— Машка, не лезь под шкуру! Просто купи!

А на следующий день Авдонька с нетерпеньем караулил Таню, когда она вечером пойдет на последний автобус. Впервые за много лет он почувствовал себя значимым, когда увидел девчушку, идущую на остановку в новеньких валенках, на резиновой подошве, купленных тетей Машей на рынке сегодня утром.

5

Рассвет накрыла осенняя хмарь. Забарабанил дождь по крыше, напрашиваясь в гости. Рваные облака плыли медленно и настолько низко, что, казалось, врежутся в

лесной массив. Из окна всмотришься в молоденькие сосенки, растущие на опушке, и те ежатся и тесно жмутся друг к дружке. Березка молоденькая стыдливо прикрылась последними листочками, безжалостно срываемыми хлестким северным ветром. На горе, в загоне, жалобно блеяли овцы, сгрудившись у копны промокшего за ночь сена.

От осенних дождей в доме сыро и зябко. В комнате местами отвалилась штукатурка, обнажив ребра дранки. Авдонька поднялся с неуютного, видавшего виды дивана и проковылял до кухни. Докурил оставшуюся с вечера сигарету, закинул в «голландку» дров, и пока грел чай, успел почистить картошку.

Знал, скоро забежит Ростик и попросит червонец на опохмелку. Сам же Авдонька в последнее время пил с неохотой. Пропустит стаканчик, кровь по жилам разогнать, да для поддержания разговора. Сядет у печки, откроет дверцу, курит и смотрит на огонь, молча. Нет, самогон хуже не стал. Привередой никогда не считался, и «Нитхинол» пил за неимением лучшего. А что-то оборвалось у него внутри. То ли утренние часы уединения отразились на душевном состоянии, то ли другое повлияло, но не осталось без внимания. Собутыльники заметили.

— Авдоня, ты че, поди прихворал? — беспокоился Ростик, трогая ему лоб.— Давай Машку позову, пусть «скорую» вызовет.

— Не беспокойся,— отнекивался Авдонька.— Кишки прихватило. Пройдет скоро.

— Ну, смотри, тебе виднее,— успокаивался Ростик.— Если надо, маякни — я мигом!..

Сегодня к обеду Авдонька ждал гостя. Двоюродный брат бывшей жены Валентины позвонил несколько дней назад и предупредил о приезде. С ним у Авдоньки сохранились хорошие отношения.

Андрей жил с семьей в Ребрихе. Проездом оказался в Павловске, решив навестить бывшего родственника.

— Ну, как поживаешь, Толик? — с порога начал Андрей.— Ты сиди, не вставай, говори, я сам похозяйничаю.

Андрей выглядел молодо. Коренаст, плечист. Простоват. Сам павловский, но уехал в Ребриху за женой. Обосновался в чужой стороне, пустил корни. С Гришкиных похорон, считай, его Авдонька не видел.

— Живем, хлеб жуем! — ответил Авдонька.— Скрипим помаленьку. Чайник на печке только вскипел, картошка на сковородке жареная. Садись, перекуси с дороги. С Валентиной созваниваешься? А то от Ирки с год назад письмо получал.

— В том месяце звонила. Болит у нее сердце за тебя. Просит приглядеть за тобой.

— Поболит и перестанет. Машке звонит, узнает, а со мной не хочет разговаривать. Ты картошку-то ешь!..

— Ем, ем. Я, собственно, по делу приехал. Перебирайся, Толя, ко мне в Ребриху. В доме престарелых друг мой хороший работает. Пока есть возможность, устрою. Сам понимаешь, за тобой и уход должный будет, и питание, и лечение. А здесь только мучаешься?

— Машка вон за мной ходит. Продукты покупает, я ей часть пенсии отдаю, она следит. Ростик дрова колет, картошку нынче и посадил, и выкопал, и в погреб ссыпал. Антип уголь перекидал. Печку мне на ночь заправит, на утро принесет. Ведро помойное выльет. Дел начать и закончить. Пожрать я сам себе сгандоблю. Силы есть. Чего я в твоей Ребрихе-то не видел?

— Ты подумай, Толя. Эти твои Антипы и Ростики не вечны. Ну, год, ну, два проскрипишь, а потом? Захочешь, а не возьмут!

— А с домом что делать? Тебе подписать!?

— Да он мне даром не нужен! Можешь продать, деньги на книжку положить. Можешь подарить кому-нибудь. Можешь дочери в наследство оставить. На твое усмотрение!

— Взбаламутил только! — ответил Авдонька и обещал подумать.

Андрей посидел немного и, сославшись на срочные дела, вскоре уехал, оставив свой номер телефона.

Приезд родственника, а вернее его предложение, оставило на душе двойственный отпечаток. С одной стороны заставило немного задуматься, покопаться в себе, а с другой — напугало и ошеломило. Представив себя уезжающим из поселка в Ребриху, ужаснулся — не готов покинуть родные места.

— Нет, никогда!..— решил он для себя.— Здесь женился, дети здесь родились, выросли. Если разобраться, роднее этого клочка земли ничего и нет!.. Дочь живет далеко, да и я себя не мыслю без поселка и соснового бора, без речушки, бегущей позади огородов. И как Андрей мог мне предложить отъезд! Бред!..

Но вскоре жизнь расставила точки на свои места, показав — по существу, человек одинок в жизни «...и кроме матери родной ты больно никому не нужен...».

6

Почти с неделю лили дожди, загоняя сырость в дома. Погода менялась на дню по три раза. Сначала ветер, словно пастух, пригнал тяжелые, свинцовые тучи с севера, и те, словно долгожданные гостьи, надолго засели в пойме небольшой речушки. К обеду за лесной опушкой просветлело, и казалось, протянет стороной, но не на сей раз: зарядили дожди, и лишь на четвертый день наступило затишье. К вечеру похолодало. Снег белый-белый, пушистый и чем-то особенный, лег тихо ночью.

Утром вместе с первым снегом пришла и дурная новость. Прибежала Ольга, тети Машина дочка зареванная, и сказала, что матери плохо с сердцем. Вызвали «скорую». Медики приехали быстро, и Авдонька в окошко с беспокойством наблюдал, как соседку увозят в больницу.

На следующий день старшая Машкина дочь Нинка, жившая в городе, забрала Ольгу с собой. Перед отъездом зашли к нему.

— Дядь Толь, ты держись! Мамку на операцию положили. Ольгу я к себе... Воду из системы слили. Деньги возьми — мать велела передать, и ключи от дома, если позвонить нужно, воспользуешься. Мама сказала, чтобы ты один не раскисал. Она скоро вернется!..

Уехали... А в доме долго стоял аромат терпких Нинкиных духов.

Не сразу, на третий, может, на четвертый день подкатил к горлу ком и Авдонька четко почувствовал, осознал — в соседке своей и ее дочери приобрел семью, а теперь невольно лишился. Рухнул остов его жизни. Вместо крепкой стены он ощутил пустоту.

Первое время за продуктами ему ходили или Антип, или Ростик, а когда снег лег основательно, в поселке случилось происшествие, из-за которого Авдонька не раз вспомнил о доме престарелых...

7

Вовка Ухин утопил вороного тяжеловоза в Касмале. По молодому льду погнал коня, держась кромки, где места самые коварные — до берега рукой подать, а глубоко. Вороной по грудь в воду ушел, не выдержал тонкий ледок, и как ни хлестал его Вовка нагайкой — тщетно, не смог выкарабкаться.

Пока горе-рыбак добрался до поселка, пока собрал мужиков в подмогу, пока приехали к месту, оказалось уже поздно.

От горя Вовка «пустился в тяжкие». Около месяца оплакивал жеребца. Ростик и Антип, забыв про Авдоньку, пропадали вместе с ним.

В те дни жизнерадостного Вовку не узнавали. Небольшого роста с широченными

плечами, вечно грудь нараспашку, он сидел дома, склонив пьяную голову над столом, и всхлипывал, словно ребенок.

— Я жеребенком его у деда Коваля на «Запорожец» синий выменял. Помните, деда Коваля?.. На Ядринцева жил... Знал старик толк в тяжеловозах. Не хотел меняться. Говорит, добавляй тыщу, знатный конь вырастет. Два раза жуковские его выкрасть хотели. Не конь, а картинка!.. Ух-ху-ху-ху!.. Уууууу!..

Авдоньке без помощи приходилось нелегко. В магазин приноравливался теперь «путешествовать» самостоятельно. Но если за продуктами сходить полбеды, то занести в дом уголь и дрова — тяжко.

Дни бежали в заботах, а в глазах росла тревога. Скоро и декабрь на дворе, а от соседей ни одной весточки. Поправилась ли Маша?.. Сделали ей операцию?..

Авдонька выбирался на улицу, подходил к калитке и долго, опираясь на старые костыли, всматривался в сторону дамбы, ожидая машины — вдруг привезут тетю Машу и Ольгу.

Наконец-то дождался!.. Но из долгожданной машины вылез муж Нинки — бритоголовый толстенький молодчик, небольшого роста, напоминающий шар. Казалось, у него даже шеи нет, сразу от головы начинается туловище. «Деловой!» — дал ему определение Авдонька.

— Привет, батя! — он застал его у калитки.— Шевелишься? Как ты?

— Да так же, как и ты! — ответил Авдонька.— Ты чей, Нинкин?

— Ага! — протянул молодчик нараспев.— Ну, бать, за домом смотришь? Давай следи, порядок соблюдай. Скоро у тебя новые соседи будут!

— В смысле новые!? — Авдоньке показалось, будто он слово прокричал.— А Машка?

— Да не переживай, бать!.. Нормально! Живые!..— молодчик похлопал Авдоньку по плечу.— Марии Степановне после операции нельзя тяжести поднимать. Да и уход за ней первое время нужен. Нинка и решила ее у себя оставить. Дом продадим, рядом с нами им с Ольгой квартирку купим. В городе веселей, чем в вашей дыре.

«Деловой», проверив дом и забрав вещи, уехал.

Перед Авдонькой рушился его маленький незатейливый мирок.

Ощущать себя беспомощным не очень приятно...

Раздираемый разными мыслями, Авдонька, сам не свой, остаток дня провел в бесполезной суете. Вдобавок на следующий день поскользнулся на крылечке с дровами в руках. И то ли ушиб единственную ногу, то ли связки потянул, сам не понял. С трудом добрался до дивана и дня три не мог с него встать. Естественно дом выстудил и простудился. В это время он даже и не спал, а просто лежал на своем стареньком диване и смотрел в потолок, ощущая острую боль в колене да заходясь сухим, рвущим грудь изнутри кашлем. Думал: для чего человек рождается на белый свет, чего больше должно преобладать в нем — добра или зла? Как надо жить — счастливо или страдать в горе? Но ответить на возникшие вопросы не смог, лишь знал по себе — не искал ни горя, ни счастья. Жил — как положил Господь. И счастье, и горе сами его нашли... Тогда-то и пришла к Авдоньке одна важная мысль — костюм примеряют по плечам. Если великоват — запутаешься, запнешься. Окажется маленький, не успеешь начувствоваться — раньше с себя его скинешь. И, похоже, у него-то, у Авдоньки — костюмчик великоват...

Очнулся от робких толчков в плечо.

Таня Зайцева, сирота, валенки ей в ту зиму просил купить, зашла по просьбе бабки Смольяновой, справиться о здоровье тети Маши. Вообще хотела мимо пройти, боялась. Мало ли чего у «забулдыги» на уме?.. Но потом, вспомнив слова бабки: «Не пужайся, он безобидный!» — завернула в сторону калитки.

— Эй, дяденька! Проснитесь! Вы живой! — Таня включила в коридоре свет и прошла в дальнюю комнату.

Авдонька приподнялся. Почудилось, будто его Иринка стоит...

— Дядя Толя, вы бледный! Прихворали, поди? Холод у вас страшенный! Вы когда печку-то топили?

— Кровинушка моя! — вырвалось у него.— Помоги мне на кухню перебраться. Я-то ногу зашиб!..

С горем пополам добрались до кухни. Таня усадила Авдоньку на табурет у печки, потрогала у него лоб.

— Горячий! — вскрикнула она.— Вы один живете? К вам кто-нибудь ходит, помогает?

— Да кому я нужен! Сирота, как и ты! — ответил Авдонька и вдруг зашелся в клокочущем кашле.

Таня не стала больше ни о чем спрашивать.

— Так же нельзя, дядь Толь! — сказала она.— Сейчас исправим. Вы сидите, а я похозяйничаю немножко.

Первым делом Таня затопила печку, напоила Авдоньку горячим чаем и таблетками, найденными в кухонном шкафу, вымыла посуду, пол, принесла угля и дров на несколько дней, пожарила картошки.

— На завтра вам хватит, дядь Толь! — сказала она, управившись с делами.— Таблетки не забудьте выпить, на столе лежат, я вам приготовила. Утром и вечером. А я во вторник приеду. И если лучше не станет, то будем вызывать фельдшера.

От Таниной заботы на глаза навернулись слезы. От лекарства и тепла Авдонька почувствовал себя лучше. Даже разговорился немного:

— Ты в каком классе учишься, кровинушка моя?

— В одиннадцатом. Летом буду поступать в медицинский.

— Молоток! Ты скажи, трудно без мамки с папкой жить?..

Она ничего не ответила, только отвернулась в сторону.

— И мне тяжело. Привык. Да и ты, наверно, привыкла. С отцом твоим на «комплексе» вместе работал, хороший мужик был, безотказный. Да ты его и не помнишь, поди. Мать твоя после него и запила.— Авдонька спохватился.— Ой, чепуху замолол. Ты прости дурака старого. Нахлынули воспоминания.

— Да ничего, дядь Толь, бывает! Ладно, я пойду. А то мне до детского дома еще добираться, автобус-то уже ушел.

Он окликнул ее на пороге:

— Спасибо, Танюша, тебе за заботу! Ты приходи, я буду только рад.

Утром Авдонька даже сам вышел на улицу. Подышал свежим морозным воздухом, вылил помойное ведро в конец огорода и с удивлением заметил — в душе и в мыслях нет тревоги. Кашель немного донимал, в колене чуть-чуть саднило, но терпимо. А чуть позже Авдонька поймал себя на мысли, что часто смотрит на часы и считает минуты, и ждет не дождется, когда наступит завтрашний день. Причиной тому оказалась сиротка Таня, излечившая его, нет, не таблеткой горькой, а светлой душой, добротой и заботой. Но, несмотря на странное состояние беззаботности и некой легкости мыслей, то и дело из потаенного уголка памяти всплывал разговор с Андреем. К вечеру в странном безудержном порыве, ощутив, как острыми клещами впивается в него чувство одиночества и ненужности, да-да, именно ненужности близким, из коих являлась одна дочь, или тому же обществу, он кинулся искать оставленный Андреем номер телефона. Помнил, на клочке прошлогодней районки Андрей писал размашистым почерком. А куда он его засунул, из памяти вышибло. Поднял вверх дном весь дом, даже пробовал пол на кухне вскрывать — бесполезно. В горькой безнадеге отыскать номер телефона, Авдонька, укладываясь спать, пододел на ночь фланелевую рубашку в крупную клетку, сшитую ему тетей Машей. Вороча-

ясь с боку набок, неожиданно почувствовал уплотнение в нагрудном кармашке. Сразу вспомнил, что сидел в рубахе, когда приезжал Андрей. Развернул долгожданный листочек газеты, убедился, не ошибся ли, и вроде бы успокоился, окончательно определив для себя будущее.

8

Таня выполнила обещание, пришла через день. Влетела в дом легкая, веселая, наполнив комнаты теплым, ласковым светом.

— Дядь Толь, привет! Ну, как самочувствие?

— Благодаря тебе, доченька, почти выздоровел.

— Ну, скажете тоже! Давайте температуру смерим... Ого, тридцать восемь! Вы сидите, я сейчас мигом.

И привела фельдшера с рыбхоза.

— Ларис, посмотрите его. Третий день уже температура не спадает.

Лариска своя, поселковская. Чуть полная, чуть скандальная. Ну, а человек неплохой. Правда, начала его в плохом свете выставлять, но для профилактики можно.

— Пить ему меньше, Танюш, надо бы! И температуру лечить не пришлось бы.

И уже обратилась к нему:

— Авдонькин, а куда твои друзья неразлучные подевались?

— Ухин больше им наливает. А я, Ларка, с Машкиного отъезда, ни капли в рот!

— Ладно, давай глянем тебя.

Она посмотрела горло, послушала грудь:

— Хрипы у тебя, Авдонькин. Будем надеяться, бронхит. Дам тебе антибиотик, парацетамол, будешь пить, ну и питье обильное, отвары. Поди от Вальки-то чему-нибудь научился.

Фельдшерица ушла, а Таня снова начала хозяйничать.

Сбегала в магазин за продуктами, управилась с печкой, немного прибралась на кухне, приготовила суп.

После, за чашкой чая, спросила Авдоньку:

— Дядь Толь, а расскажите мне про отца? А то я про родителей ничего толком не знаю.

— Ну, они моложе нас ненамного, квартиры тогда молодым давали. Где Витька Барсуков сейчас живет, они, напротив, в малосемейке жили. Леха, отец-то твой, он простой был, незатейливый, работящий. Смотришь, то он на комбайне, то на тракторе. Погиб, почем зря! По дамбе осенью поехал, а насыпь, когда пруды перед отловом спускали, подмыло. Не рассчитал — опрокинулся на тракторе. Мать твоя — красивая женщина, его шибко любила. Если кто говорить начнет плохие слова про нее, не верь никогда. Она после гибели отца начала пить. А у тебя фотки есть?

— Откуда! Дом говорят, сгорел!

— Ну-ка, достань вон ту коробку! — Авдонька показал наверх кухонного шкафа.— Сейчас я тебе покажу.

Из пыльной коробки, поданной Таней, он достал несколько старых фотографий.

— Смотри, здесь мы день рыбака отмечаем. Видишь, отец твой стоит в фуражке, а за ним мама. На, держи! Дарю на память! Забирай.

— Ой, дядь Толь, спасибо вам огромное! — Таня кинулась его обнимать.

— Бери, бери, мне они уже ни к чему! — пробурчал он и еле сдержал слезу.

9

Говорят, когда летаешь во снах, значит, душа твоя счастлива. Она возвращается в места, где человеку жилось хорошо. Летит душенька среди вершин сосновых, среди

ивовых касмалинских проток, над березовыми колками и холмистыми сочными сенокосами, над прудом с теплой прозрачной водой и, неожиданно, опускается на лесную полянку, на которой маленький мальчуган впервые в своей жизни находит боровик и, с неподдельной радостью, сорвав его, бежит и показывает отцу.

— Папка, смотри, я гриб нашел!

— Теперь ты настоящий грибник, сына, самый «дорогой» гриб отыскал!

Авдонька с трудом узнает в молодом человеке с корзинкой в руках себя самого, а в забавном мальчугане Гришку.

«Летающие» сны Авдонька приметил после, когда окончательно решил уехать в дом престарелых в Ребриху. Если до того некое предчувствие тяготило и не давало покоя, то сейчас ощущалась легкость, словно сбросил с себя кандалы, чувствуя облегчение.

На выходных, когда Таня снова пришла его навестить, подал ей газетный листок, с номером телефона и ключи от Машкиной половины, оставленные ему Нинкой.

— Сходи за стенку, позвони. Спроси Андрея. Скажи, дядя Толя захворал, пусть приезжает и забирает меня к себе. Спросит, кто говорит, скажешь соседка. Поняла? Ну, иди!

Таня кивнула головой и ушла. Вскоре вернулась.

— Сказал, в среду приедет. Дядь Толь, а вы уезжаете?

— Уезжаю, доченька. Трудно одному! Лучше, если уеду. Для тебя, для меня, для других.

— Да бросьте, дядь Толь, чепуху городить!

— Не чепуха вовсе! Я, Танюш, вижу. Обуза и для себя, и для тех, кто со мной возится!

— Разве обуза! — вскликнула Таня, чуть не заплакав.— Мне не обуза!

Авдонька вовремя спохватился.

— Доченька, не слушай старого! И, правда, замолол. Я ненадолго, в гости. Развеюсь, сколько можно на одном месте сидеть. Лучше давай прощаться, долго, наверное, не увидимся.

Таня обняла Авдоньку крепко-крепко.

— Дядь Толь, когда вернетесь, дайте знать. Я буду опять приезжать к вам помогать.

— Конечно же, доченька! Первая узнаешь!..

10

Андрей приехал в среду.

— И правильно, не стал тянуть с решением! Дом на кого оставил? Или продавать?

— Дарственную напишу. К нотариусу заедем, узнаем, как делается.

— На Ирку?

— Не угадал. Есть у нас сиротка одна. Отец погиб, а мать спьяну сгорела...

Авдонька часто задавал себе вопрос, что будет ощущать, когда покинет родные места. Размышлял: живет человек потихоньку и вдруг срывается и едет, куда глаза глядят, и что тогда чувствует его душа?..

Страх перед неизвестностью сковывал его горло, когда они закрывали дом, грузили вещи в машину. Но в подсознании теплилась надежда вернуться когда-нибудь сюда. С твердым утверждением в своей правоте он вышел на улицу и, обернувшись к Андрею, сказал:

— Немножко подожди. Пройдусь по улице.

Не торопясь, опираясь на костыль, пошел. Шел, вспоминая прожитое, запоминая

родную улицу во всей ее красе, с разноликими заборами и крышами, с пригорком позади огородов с одной стороны и небольшой речушкой с другой.

Прошел мимо ограды Саньки Корнея, начавшего рубить новый сруб для бани, мимо Хольки, завалившего пол-улицы хламьем, нашедшим на свалке, прошел мимо барака, где бобылем жил Ростик. Вспомнил Антипа и дядю Васю, лежащего дома с приступом хондроза, подосадовал, что не распили с ними бутылочку на посошок...

Сжалось сердце, когда всплыло в памяти, как друзья на руках несли гроб с телом сына... Не сдержал слез, дал волю чувствам и расплакался. Невольно сравнил себя со старым псом Верным. Когда тому пришло время умирать, он ушел из дому. Ни с того, ни с сего исчез. Только через неделю, когда искал Авдонька заплутавшую корову, нашел его на опушке в противопожарном рву свернувшегося в калачик, с закрытыми навек глазами. Совсем одинокого...

— Прощай, родной поселок, прощай! — вырвалось у Авдоньки из уст, когда сел в машину, а затем впервые в жизни произнес.— И с Богом!..

Николай Макаров
(г. Тула)

О МЕДИЦИНЕ... И НЕ ТОЛЬКО

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В воздушно-десантных войсках врачи не только прыгают с парашютом, но и занимаются своими профессиональными обязанностями.

...Тесницкие лагеря. Полигон. Лето. Одна тысяча девятьсот семьдесят третий год. Только год моего офицерского и врачебного стажа. Теплые, июльские сумерки около медицинского пункта вдруг нарушаются —откуда? — цыганским гвалтом.

Выхожу. Стоит «копейка», рядом с ней, как саранча, вылезшие цыгане. Восемь человек. Из «копейки». Восемь мужиков, более чем средней упитанности. Девятый, пожилой цыган, полулежит, закатив глаза, на переднем пассажирском сидении.

Увидев меня в белом халате, гвалт разом обрывается и ко мне подходит один из них. Объясняет ситуацию. Едут они, дескать, из гостей домой, в Тулу. И отцу стало плохо. Умирает, мол, он.

В это время санинструктор Леша Филатов, старший сержант, под метр девяносто, с дневальным, уложив на носилки болезного, направляются в медпункт. Табор — за ними.

Естественно, не пускаю их. Ставлю диагноз. Оказываю первую помощь. Элементы реанимации. Другие профессиональные процедуры, необходимые при острой сердечной недостаточности. На все про все — несколько минут.

Цыганский вожачок (а может и барон?) жив-здоров. Лепечет что-то по-своему. Отходит от болевого шока. Постепенно «врубается» в обстановку. Делает телодвижения, пытаясь встать с носилок. Успокаиваю его. Предлагаю отвезти на своей «санитарке» в больницу.

— Нет! Нет! Все хорошо! Гуд! Камрад, спасибо! Дальше — мы сами.

Цыгане бережно поднимают его с носилок, усаживают в «копейку» на прежнее место. Сами (семь человек) внедряются (точнее не скажешь) на заднее сидение. Водитель подходит к нам, доставая огромный кошелек из крокодиловой кожи.

Я скромно отказываюсь от протянутых денег. Простите. Что вы? Клятва Гиппократа!.. И вообще, у нас медицина бесплатная... Лучшая в мире...

— Нет, доктор! Ты возьми деньги. Если не возьмешь — значит, плохо лечил нашего отца. Значит, не вылечил. За свой труд (во, философ — не за работу, а — за труд) каждый должен получать по заслугам.

Цыган, цыган, а развел... Слушай только.

Протягивает мне сторублевую купюру (мое денежное лейтенантское довольствие в ту пору равнялось ста двадцати рублям) и Алеше Филатову — пятьдесят рублей...

За добросовестно проделанный труд...

...Зимние квартиры. Место постоянной дислокации. Около Комсомольского парка. Июльская воскресная духота. Мое суточное дежурство по медицинскому пункту полка. Не отдыхает только ленивый. Тишина даже на территории воинской части.

Эту идиллию вскоре нарушает тарабарщина мужского и женского голоса на незнакомом языке. В медпункт врывается Васька Синицын, майор, начальник штаба батальона, стопроцентный цыган (за 25 лет службы я больше ни разу не встречал цыгана-офицера) с окровавленной девчушкой на руках. Врывается и его жена, цыганка. Окровавленная девчушка (почему-то тоже цыганка?) на руках — их семилетняя дочь.

Бледная. Ни кровиночки на смуглом личике. Кровь на руках и белом ситцевом платье. И ни одного слова, ни одного всхлипывания от нее. Абсолютно сухие глаза. Это не болевой шок. Это не потеря сознания. Это сознательно стиснутые зубы, чтобы не закричать, не заплакать от боли.

Пострадавшую (раненую?) — в перевязочную. (Родители, куда прете? Стойте за дверью). На перевязочный стол. Что там — у нее? Левая рука. Предплечье. От кисти вверх по внутренней стороне по направлению локтевой ямки четыре пятисантиметровые борозды распоротой кожи. Лоскуты кожи. Кровище.

Сухожилия. Мышцы. Вены. Артерии пульсируют. Слава Богу — ничего не задето. Кожа только порвана. Противостолбнячная сыворотка. Обработка раны. Тугая повязка. Зашивать раны не стал — ребенок. А я не детский хирург, не косметолог.

Так и объяснил отцу и матери, когда повезли их дочь на «санитарке» в больницу «Семашко». Там, во время наложения швов на эти раны (жуткие, страшные для ее семилетнего возраста), она опять не проронила ни словечка. Ни одна слезинка не упала из ее по-цыгански очаровательных, прекрасных глаз.

Только возвращаясь из больницы домой, она попросила отца:

— Не наказывай Мурзика!

Оказывается, в ее ранах был виноват домашний любимец, сиамский кот Мурзик. Которого она вынесла на улицу поиграть с другими кошками. Когда собралась уносить его обратно домой, Мурзик всего один раз махнул лапой с острыми, как лезвие бритвы, когтями...

Через пару недель на Маринке все зажило, как... на цыганке. Маленькой, симпатичной цыганке...

...Это же душно-томное лето. Опять мое дежурство (везет мне!). На этот раз субботний вечер. Время после солдатского ужина. Очумевшие от ужаса глаза полуголого солдата.

— Там... Девочка... Утонула...

Сумка неотложной помощи через плечо. С места, как на стометровку с низкого старта. Сзади — Лешка Филатов, санинструктор, мой земляк. Тоже «тамбовский волк», из соседнего села.

До озерца, прямо за территорией части,— рукой подать. Вон, белеет на берегу, комочек бесформенного тельца в окружении растерянной детворы и полдюжины солдат.

Не отдышавшись, с места «в карьер», кладу этот «комочек» (возможно еще живого тельца) животом себе на колено. Нажимаю на ее хрупкую спинку.

Ух! Пошла вода изо рта и носа. Жму еще. Еще пошла вода. Переворачиваю ее на спину. Кладу на кем-то подстеленную гимнастерку. Делаю искусственное дыхание. Изо рта в рот. Леша синхронно производит непрямой массаж сердца.

Минута. Другая. Без изменений. Включается «автопилот» — протягиваю руку. Санинструктор уже приготовил адреналин и шприц с длинной иглой.

Готово? Ну, с Богом! Делаю внутрисердечную инъекцию адреналина (до этого случая изучал эту манипуляцию только по учебникам). Филатов вместо меня продолжает делать искусственное дыхание.

Неужели — все? Неужели?..

Ура!!! Пульс есть. Маленький, нитевидный, еле заметный! Но есть! Сердце вновь забилось в грудной клетке. В ее маленькой клеточке. Она закашляла. Задышала самостоятельно. Процесс пошел...

В подъехавшую машину «Скорой помощи» мы передали живую девочку. Живую!.. К сожалению... не узнал ни ее адреса, ни как ее зовут...

...Без году неделя как перевелся служить в медсанбат. Бактериологом в СПЭВ (СПЭВ — санитарно-противоэпидемио — логический взвод, за время службы в котором название менялось раза три-четыре. Но не в этом суть).

Первое мое врачебное дежурство в медсанбате (сейчас имеет гордое название: «Аэромобильный госпиталь»). Пятница. Окончание рабочего дня. У офицеров и прапорщиков — физическая подготовка. Волейбол. Я сижу в приемном отделении (вначале этот случай хотел описать без кое-каких подробностей, но... истина дороже).

Итак.

Привозят больного солдата из саперного батальона. Болит живот (в моей голове сразу что-то щелкнуло: «прободная язва»). Укладываю на кушетку. Пальпирую живот. Больной орет. Сам живот — твердая «доска». Точно. Мысль, неизвестно откуда влетевшая в мою голову еще до осмотра солдата, оказалась пророческой. Прободная язва!

Иду в спортзал. Говорю хирургу — Валерке Пыхтунову — хирургу от Бога! (мой однокашник по Томску).

— Хорош играть! В приемной — «прободная»!

Игра в разгаре. Мяч мечется над сеткой. Азарт. Как бросить игру? Некогда!

— Смотри сам! Чему тебя учили?

Через десяток минут иду снова в спортзал. Теперь силой уволакиваю его из игры. С неохотой идет за мной. Мнет, щупает живот. Опять мнет. Больной в полудреме. Что странно — не орет. И живот, вроде, мягкий.

— Не сс..! Не паникуй! Ничего страшного. Простая кишечная колика. Под наблюдение дежурного врача. Под твое наблюдение. Больного — в палату.

После волейбола — баня. Пивцо. Винцо. Продолжение банкета. Если что — вызывай. Телефоны. Домашний. Еще — один. Еще — другой. Адрес. Еще — адрес. Еще — другой адрес. Водила знает. Если что, присылай машину.

Все уехали. Остался один. С дежурными медсестрами, с дежурным по части (прапорщик Цьока), с личным составом эвакороты (было такое подразделение в медсанбате — эвакуационная рота), с более полусотней больных (в хирургическом и терапевтическом отделениях). Так что, выходит, остался не один.

Делаю вечерний обход. Захожу в палату, где лежит мой «крестник». Он стонет. Ощупываю живот. «Доска»! твердая, жесткая «доска»! А не мягкие мышцы живота. Консилиум (?) с дежурной медсестрой: надо срочно оперировать.

Двенадцатый час ночи. Посылаю дежурные машины. Одну — за Пыхтуневым. Другую — за операционной сестрой: Любой Дерябиной.

На первой машине приезжают двое: мой друг-приятель (с Валеркой еще в Томске забирал его сына с женой из роддома) и Володька Агапов, хирург-анестезиолог.

Идем к больному. Мой диагноз: «прободная язва». Их диагноз: «аппендицит». Кишечной колики, однозначно, нет. Все равно: на стол!

Агапов оперирует. Макаров ассистирует. Пыхтунов осуществляет общее руководство из ординаторской. С дивана, устав от «продолжения банкета» (это мое первое участие в подобной операции, не считая институтских тренировок на собачках. Хирургия — не моя стихия. Ничего тут не поделаешь. Но если Родина прикажет. Не зря же шесть лет учился чему-то в медицинском).

Мы в масках. Больной на столе. Операция началась. Новокаин. Разрезается кожа. Новокаин. Вновь разрез. Новокаин. Вскрывается брюшина. И... фонтан жидкости. Из этого разреза.

Перитонит!!! От прободной язвы!

Санитарка — за Пыхтуневым. Мы с Агаповыми и Дерябиной в напряжении, не зная, что предпринимать дальше.

Возвращается санитарка. Появляется Пыхтунов. Помятый. Небритый. Глаза мутные, красные. Маску держит рукой. Мельком глянув на больного, Агапову:

— К аппарату! — И вышел.

У меня на языке вертится вопрос: «Как он будет в таком состоянии оперировать?»

Через десяток минут он опять появляется в операционной. Он или не он? Собранный, напористый, жестокий, в любую секунду готовый броситься и разорвать в клочья, хищник.

Пахтунов оперирует. Макаров ассистирует. Агапов — общий наркоз. Операция началась. По поводу прободной язвы желудка.

Я никогда не видел, как настоящие Художники пишут свои картины. Создают Шедевры. Наверное, так же, как оперировал (надеюсь, и сейчас оперирует) Валерка Пыхтунов. Из восьмого десантного взвода Томского военмедфака.

Операция закончилась благополучно. Основные действующие лица: больной — в наркозном сне в послеоперационной палате; хирург с анестезиологом — в ординаторской пишут «оперу»; дежурный врач готовится к встрече командира батальона Белого Валерия Ивановича и начальника медицинской службы дивизии Щербина Владимира Ивановича.

Начинается новый рабочий день.

Приемный покой. Я докладываю о случившемся ночью Щербину (он самый большой медицинский начальник в дивизии). Белый стоит рядом. Рассказываю о ходе операции (только деловая часть, никаких лирических отступлений). И... не понимаю реакции начмеда.

— Как ты смел? Кто приказал? На каком основании? Почему? Бактериолог и оперировать? Его что ли нельзя было вызвать?

Я молча смотрю на Белого: что, дескать, за беспредельщина такая?

— С тобой еще разберемся! И накажем! По всей строгости! Чтобы неповадно! Другим! А где — эти? Негодяи!

Пытаюсь влезть в гневный монолог Щербина.

— Отдыхают после операции. Заслуженно.

Командир батальона, подполковник медицинской службы Белый Валерий Иванович, мой непосредственный начальник, командирским резким четким голосом подводит резюме:

— За проявленную смелость и решительность во время несения дежурства объявляю гвардии капитану медицинской службы Макарову Николаю Алексеевичу благодарность в приказе с награждением денежной премией!..

— Служу Советскому Союзу!..

...Очередные показные занятия. Прохождение штурмовой десантной полосы ротой разведки. На глазах у генералитета из Министерства обороны. На глазах у Рауля Кастро.

Все в огне. Все в дыму. Все стреляет. Все взрывается. Кусочки самбо. Кусочки каратэ. Кусочки рукопашного боя. Мельканье кулаков. Мелькание подкованных сапог. Мелькание штык-ножей. Мелькание саперных лопаток.

На последнем рубеже, около горящего полуразрушенного здания, перед глазами высокопоставленной публики (дым вдруг рассеялся), вместо того, чтобы откатиться

влево (как на тренировках), один солдат откатывается вправо (забыл, наверное, в этом огненном азарте). Откатывается вправо и получает, со всего размаха, удар штык-ножом. В область сердца...

Крики?.. Нет, криков не было. Западло русскому десантнику кричать от боли, от какого-то там удара штык-ножичка. Тем более, на глазах у нашего лучшего братана-министра обороны Кубы.

Опять дым повалил в сторону зрителей, которые так ничего и не поняли. Мне в этой огненно-дымовой свистопляске приходится делать бойцу обезболивающее, накладывать тугую повязку на грудную клетку. На носилки пострадавшего и — в медсанбат.

Какие-то доли миллиметра отделяли сердце (был слегка задет перикард — оболочка сердца) от лезвия штык-ножа. Через месяц десантник поехал в отпуск...

...Похожий случай. Почти похожий.

Слякотная мартовская ночь. Ротные стрельбы из всего штатного оружия. Автоматы, ручные пулеметы, ручные гранатометы, противопехотные наступательные гранаты, пулеметы и пушки всех ротных БМД (БМД — боевая машина десанта): шквал огня в кромешной темноте. Свет только от трассеров; горящие фонарики на спинах командиров, да подсветка мишеней, габариты боевых машин.

Цепь солдат и БДМ растягивается по фронту почти на километр. Кто-то на пяток метров впереди, кто-то на эти же метры отстает. Днем-то трудно держать более-менее равнение при ротных стрельбах (хотя, идеальное равнение, в принципе, и не нужно), а что тогда говорить о ночных стрельбах. Когда практически не видно ни соседа слева, ни соседа справа. Какие-то только огоньки. То ли мишенная подсветка, то ли фонарик у кого на спине. Вальпургиева ночь, одним словом. Шабаш на Лысой горе. Так, ненароком, можно и попасть вместо мишени в кого-нибудь. Тьфу, тьфу, чур меня, нечистая.

Я еду сзади на «санитарке» (УАЗ-452-А), рядом с БТРД (БТРД — бронетранспортер десанта, похожий на БМД, только без башни и пушки). На котором находятся, кроме механика-водителя, руководитель стрельб и посредник из штаба дивизии. Мой первый комбат, подполковник Нестеров Виктор Васильевич (для ближайшего окружения и друзей — «Нестор Петрович»).

В какой-то момент, неуловимый миг (а можно ли этот миг уловить?) меня «накрывает» какая-то вязкая чернота весеннего уплотненного (можно даже потрогать) воздуха. В тревоге бьется сердце. Время останавливается.

Сейчас что-то произойдет. Что-то случится непоправимое. Нужно остановить эту огненную ночную свистопляску. Срочно прекратить стрельбу. Иначе — быть беде.

Перебираюсь на БТРД. Прошу Нестерова прекратить стрельбу. Он, естественно, посылает меня с моими ощущениями к батьке Махно. И...

Прямо перед нами в каких-то пяти шагах вправо от машины раздается вскрик... Звуки замирают. Все замирает. Мертвая тишина. И скулеж невесть, как появившийся в этом шквале огня, собаки.

С сумкой неотложной помощи бегу (перепрыгиваю эти метры с брони) на крик.

Не подводит меня, к сожалению, предчувствие. На прошлогодней мокрой жухлой траве лежит солдат. Лицом в землю. Освещаю фонариком. Да БТРД направляет фары. На спине еле заметная дырочка. Сходу ставлю диагноз.

Сквозное пулевое ранение в правую половину грудной клетки. Задето правое легкое. Пневмоторакс. Делаю обезболивающее. Тугую повязку на спину и грудь. Носилки. Матерю вокруг столпившихся. В том числе руководителя стрельбы — комбата Васю Поповича, и посредника со штаба дивизии — Нестерова, и командира полка — Сердечного.

Быстро в «санитарку». Медсанбат. Бригада хирургов на месте. Операция. Все

обошлось благополучно. Несмотря на то, что пуля была от «Калаша-5,45», со смещенным центром тяжести.

Раненому повезло. Выстрел был произведен почти в упор (случайно, конечно же) и особых бед своим крутящимся-вертящимся моментом пуля не принесла. Как впоследствии выяснилось на следственном эксперименте: один солдат чуть-чуть опередил цепь «наступающих», другой солдат на чуть-чуть отстал от этой цепи. И никакой мистики... Или мистика?..

...Еще о невероятном ранении. И о невероятном везении. Случай анекдотичный: нарочно не придумаешь.

Лето 1982 года. Тесницкие лагеря. Железнодорожная станция «Тесницкое». Погрузка в эшелон тыловой группы Тульского десантного полка, отправляющейся в Гороховицкие лагеря. В район предстоящих учений. В район десантирования. У меня почетная миссия: назначен старшим медиком на эти полковые учения (всего год назад, как перешел служить в медсанбат — вышестоящую организацию) и также отбываю с этим эшелоном с другими офицерами дивизии.

Личный состав, не задействованный на погрузке, отдыхает, кто как может. Спят. Гоняют футбол. Курят. Слоняются туда-сюда без дела. Повара с ПХД (ПХД — пункт хозяйственного довольствия) кормят сухарями местного привязанного к дереву небольшого бычка. С острыми рогами.

Один дотошный повар дает этому бычку покурить. Зажженную сигарету. И то ли повар растерялся, то ли бычок не знал с какого конца надо брать сигарету, но получилось точно по чеховскому «Хамелеону». Горящий уголек «бычка» (здесь: «бычок» — остаток сигареты) попадает в ноздрю настоящему бычку.

Рев раненого на корриде зверя. Оборванная веревка. Резкое движение головой. С острыми рогами...

Рев раненого на корриде тореадора. Потоки крови. Руками зажатая мошонка.

В медсанбате на операционном столе констатировали: повреждена только исключительно (!!!) кожа, кожный покров мошонки. Остальные очень и очень жизненно-важные органы под этой кожей не повреждены. И даже — не задеты.

Мистика?..

Александр Петренко
(г. Краснодар)

«ХОЗЯЙКА ЗВАНКИ»

Александр Викторович Петренко (псевдоним — Александр Ралот), краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати электронных книг, и десяти бумажных. Публиковался во многих российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе в «Приокских зорях». Член Союза писателей России. Победитель и лауреат многих российских, зарубежных и международных конкурсов. Лауреат литературной премии им. Олега Бишарева. Награжден рядом литературных медалей.

Богат, коль здрав, обилен,
Могу поесть, попить;
Подчас и не бессилен
С Миленой пошалить

Гавриил Державин
Зима 1794 года.

Дверь в комнату распахнулась и в нее влетела запыхавшаяся служанка.

— Барыня! Ой, что я вам сейчас поведаю. Конюх наш, давеча прискакал. Так он по дороге, такое...

— Сядь, угомонись. Толком можешь сказать, что случилось? Пожар на конюшне? — Дарья чуть ли не силой усадила девушку на стул.

— Некогда мне сиднем сидеть. Бежать надобно. Неровен час, вы распорядитесь стол накрывать. Кушанья подавать. Наливки, всякие.

— Никуда я тебя не отпущу. Ежели ничего в имении не горит, так что же ты, словно скаженная, в комнату врываешься?

— А как же иначе-то? Ведь они вот-вот досюдова доедут!

— Да кто они?

— Конюх по дороге сватов повстречал. По вашу душеньку, барынька, поспешают!

* * *

В высшем свете не первый год ходила молва о красоте девиц Дьяковых. На балах сестры выглядели просто очаровательными. Не раз, влюбленные, до безумья, молодые (и не очень) кавалеры обращались к их отцу за благословением. Но обер-прокурор, статский советник Алексей Афанасьевич, выдавать дочек за первых-встречных, не спешил. Тянул время. Но все же выдал одну за известного архитектора и поэта Львова. В скорости и вторая стала именоваться графиней Стенбок.

* * *

Даша званых балов не чуралась, но какого-либо трепета от подобных мероприятий не испытывала. Танцевала весьма недурно. Когда просили, с явной неохотой, играла для гостей на арфе. Из вежливости, без удовольствия.

Девушке было гораздо интереснее рыться в бухгалтерских книгах отца. Многочисленные отчеты от управляющих имений. Чертежи казенных построек. Рулонами лежавшие в кабинете батюшки.

* * *

Однажды, будучи в гостях у хозяина со странной фамилией Капнист, Даша познакомилась с молодой, симпатичной женщиной, которую присутствующие называли Пленирой. Так прозвал ее супруг. Известнейший поэт — Гавриил Державин. Утверждал, что придумал имя сие, переделав глагол «пленять». Отец ее прибыл в Россию из далекой Португалии. Состоял в свите императора Петра Третьего, а матушка была кормилицей великого князя Павла.

* * *

Вечером того же дня многочисленные гости хлебосольного дома затеяли игру в горелки. Развеселились не на шутку. Все это действо Дарье не нравилось. Но законы приличия не позволяли ей уйти. Тем более, что в скорости наступила ее очередь водить. Погналась за убегающими и налетела на мужчину в расшитом золотом камзоле. Тот церемонно отошел в сторону и вежливо поклонился.

— Дашутка, познакомься,— запыхавшаяся от бега Пленира представила ей вельможу. — Мой супруг, Гавриил Романович.

Дьякова наконец подняла голову и встретилась взглядом с веселыми глазами мужчины. Душа девушки, в мгновение ока, обрушилась в какую-то бездну. О наличии которой она, до этого дня, даже и не помышляла.

* * *

Императрица назначила поэта и чиновника Державина своим личным кабинет-секретарем. Отныне пребывание в столице стало для него обязательным, а по сему, Гавриил приобрел участок на набережной Фонтанки.

Дашин свояк, архитектор Львов, спроектировал усадьбу. И работа закипела. Девушка при первой же возможности спешила туда. Просила показать ей эскизы. «Заказчики» вознамерились разместить в одной из комнат соломенные обои. Пленира захотела расписать их собственноручно. Пригласила всех оценить работу. Приехала и Дарья. Девушке к тому времени уже стукнуло двадцать пять. Красотой ее бог не обидел. Но потенциальных женихов отпугивала величавая фигура и проницательный взгляд. Такая жена, однозначно, будет главенствовать в семье. С ней, уж точно, не забалуешь!

— Присмотрись вон на того. Чем тебе не пара,— Пленира на правах верной подруги указала на одного из гостей.

— Ты мне лучше подыщи такого, как твой Державин. За него пойду, не глядя. И с ним буду счастлива до конца своих дней!

К подругам подошел поэт.

Девушка смутилась. Густо покраснела. Тут же распрощалась, сославшись на неотложные дела. Вечером того же дня уехала к старшей сестре, в Прибалтику.

Более они с Пленирой никогда не встречались.

1794 год

Похоронив супругу, Державин не находил себе места. С утра до вечера слонялся по гостиной, расписанной ее рукой. Потом вдруг убегал из дому и бесцельно бродил по столице.

Шесть месяцев спустя

В голове поэта зазвучал голос: — Женись на Дьяковой. Только она сможет излечить тебя от пустоты! Исцелит, окончательно! — Чиновник не заметил, как уснул. А утром встал окрепшим.

Созвал друзей. Сообщил им свое решение.

— Ежели немедля не женюсь, ей богу, впаду в распутство. К тому же, Дарья недавно вернулась из поездки. Это ли не знак?

* * *

Отец Дарьи не так давно обрел свое упокоение на кладбище. Девушке предстояло давать ответ сватам самостоятельно.

— Дайте время подумать. Более того, не сочтите за труд, пришлите мне, для ознакомления, хозяйственные книги Гавриила Романовича. Замужество — дело не шуточное!

Немолодые сваты повидали всякое. Но с такой просьбой столкнулись впервые.

— Барышня, не извольте сомневаться. Гавриил Романович пришлет требуемое незамедлительно.

— А чего на них глядеть? Нет в том никакой нужды. Но коль ей надобно, отправляйте. Противиться не стану.

* * *

— Ясно! Дела расстроены, но не до крайности. Ежели взяться с умом, то поправить можно,— девушка захлопнула последний «гроссбух». Ее страшили не финансовые дела. Она была уверена, что справится с ними в кратчайший срок. Дарью тяготило другое. Сможет ли она заменить Плениру? Не замечая, девушка, еще не став законной супругой, уже ревновала любимого человека к покойнице!

* * *

Госпожа Державина трудилась, не покладая рук. Выкупила у матери имение Званка. Начала возводить на берегу реки роскошную усадьбу. Их семейное гнездышко. «Там супруг будет сочинять свои произведения. А я окружу его заботой и лаской. Коля Львов мне в этом поможет. А как иначе? Родственник мой, да к тому же и друг «заказчика». Пусть сотворит шедевр. Чтобы свершилась полная гармония природы и архитектуры. И будут званы в Званку все друзья. Каждое лето отныне станем проводить только здесь. Да и еще! Надобно пригласить садовников. Самых лучших. Нужны парки. Чтобы зелени поболее. В них поселится муза для моего супруга. Не может не объявиться!».

Одни имения она, без всякой жалости, продавала. После двух лет неурожая рассталась с винокуренными заводами, зато купила канатную фабрику (Флоту российскому и торговому подобная продукция завсегда надобна будет!) и конезавод.

— Значит, так! Записывай, дабы не забыть! — обратилась хозяйка имения к управляющему. — Нынче пошлешь расторопного человека в город, а лучше съездить. Купишь у купцов, только оптом, так дешевле выйдет, шерсти и ниток, поболе.

— Для чего, матушка? Ведь лето на дворе, дни погожие стоят? В теплое никто не кутается.

— Правильно. Вот продавцы цену-то и сбросят. А зима, она в положенный срок обязательно заявится. Неужто ты в этом сомневаешься?

— Нет. Конечно. Вам барыня виднее. Будем вязальщиц из деревни выписывать? Сколь потребно?

— Нисколько. Нет. Одну все же привези. Самую лучшую. Пусть наших лакеев своему ремеслу обучит. А затем у них товар принимать станет. Со всей строгостью!

— Непонятно мне, матушка. Растолкуй, про лакеев-то.

— Чего же тут не ясного. Они ведь дежурят в доме по ночам, так?

— Знамо дело. По очереди. Согласно списку, утвержденному.

— Не спят?

— Вроде бы нет. Да разве за ними, окаянными, углядишь.

— Вот пусть чулки или какие другие вещи вяжут. И им будет чем на дежурстве заняться, и нам с Гавриилом Романовичем прибыть. Далее истопников отправь обратно по деревням. Летом им здесь делать нечего. Оставь одного, для баньки.

— А осенью опять сюда доставлять?

— Не надо. Музыканты наши печи топить станут. Чай спина от этого не переломится.

Через несколько лет материальное состояние четы Державиных приумножилось вдвое!

* * *

Державин не видел ничего зазорного в том, чтобы сказать комплимент-другой и оказать некоторые знаки внимания младой девушке или даже написать специально для нее пару поэтических строк.

Милена (именно так ее стал величать Державин) не ревновала. Умом понимала, что, как бы она ни старалась, ее любимый все равно сравнивает нынешнюю жену с той первой. И это не в ее пользу.

Эх, послал бы нам господь деток,— размышляла Дарья,— глядишь, все было бы иначе. Но один год сменял другой, а они не нарождались.

* * *

Случилось так, что Гавриила Романович, после долгих мытарств, смог выхлопотать приличную пенсию для пожилой вдовы.

Старушка не раз пыталась отблагодарить чиновника. Но тот все подношения немедля возвращал назад. Тогда она сама пришла в его кабинет и поставила на казенный стол плетеную корзину.

— Там для вас лежит лекарство от сердечной тоски. Я отчетливо вижу ее в ваших глазах. «Назовите это Горностайкой»,— не сказав больше ни слова, женщина покинула помещение.

В корзине лежал белой щенок с огромными глазами.

Строгий начальник пришел в восторг. Тут же спрятал «лекарство» за пазуху и велел немедля подавать карету. По дороге решил длинную кличку сократить.— Буду звать собаку просто — Тайка.

Супруга тихо радовалась, наблюдая, как муж возится со щенком.

И животное, и Милена беззаветно любили Державина. Более того, всячески оберегали его от всевозможных невзгод. Правда, каждый по-своему.

1803 год

Державин служил одной императрице и двум ее наследникам. Но пришло время покинуть государеву службу. Старомодное бескорыстие было не в моде. И на старика подчиненные и начальство смотрело нынче с явным недоумением.

Совсем недавно покинул этот мир друг и родственник Николай Львов. Его жена Мария в скорости отправилась вслед за мужем. Двух их дочерей чета Державиных забрала в свою Званку. Туда же Гавриила Романович привез и осиротевших детей сослуживца. Имение наполнилось юными голосами.

Для молодого поколения устраивали балы и маскарады. Женщине очень хотелось, чтобы Державин постоянно слышал веселый детский лепет.

* * *

Милена, обняв супруга, стояла на террасе их дома на Фонтанке.

— Вон там! — она показала рукой вниз,— я хочу разбить парк. Уверяю тебя, он будет превосходен. Но не сейчас, а когда появятся деньги.

Хозяин дома улыбнулся: — Не печалься о том, что я нынче в отставке. Поверь, рублики в скорости прибудут. Их принесет Муза. И на твой проект хватит, и на наряды нашим девочкам.

Даша удивленно посмотрела на поэта. Как бы невзначай, провела ладонью по его лбу.

* * *

Через несколько дней увидел свет сборник державинских произведений. Книга разошлась, как горячие пирожки.

Работа в парке закипела. Даша принялась за новые проекты. Но войска Наполеона уже перешли границу.

* * *

После полной виктории русского оружия отправились путешествовать на Украину. Дома объявились лишь летом. Сад запустел, а некогда пышные кусты сирени, облюбовали полчища кроваво-красных жуков.

— Милена, ты видишь это?

Даша молча кивнула.

— Дурное знамение.

Июль 1816 года

Державин захворал. Супруга мгновенно вспомнила треклятых жуков и стала упрашивать Гавриила Романовича поспешить к доктору. Но тот категорически отказался.

* * *

— Дарья Алексеевна, голубушка. Едем! Лошади вконец застоялись. Вечереет уж.

Она не отвечала. Смотрела на свою Званку. Думала, что прощается с ней навсегда.

Но судьба распорядилась иначе.

* * *

К безутешной вдове пожаловал всесильный граф Аракчеев.

— Мне ведомо о некоторых ваших финансовых затруднениях. Могу помочь. Куплю у вас имение.

Державина отказалась.

Предложение поступило вновь. На этот раз от самого императора.

— Доставь письмо во дворец,— Милена протянула лакею конверт. Внутри лежала короткая записка.— «Памятью супруга не торгую. Готова подарить имение государю, но продать — никогда!»

Весна 1842 года

После смерти супруга Дарья Алексеевна прожила долгих двадцать шесть лет.

Взошел на престол Николай Первый, подавив восстание на Сенатской площади. На дуэли погиб поэт Пушкин, которого обожал ее Державин. И еще много чего случилась за эти годы.

* * *

Вдова, как умела только она, распределила имущество между родственниками и слугами. Велела перевести весомое пожертвование в Казанский университет. Учредить там стипендиальный фонд. Оказывать финансовую помощь. Выдавать деньги исключительно неимущим студентам.

Открыть в имении училище для девочек-сирот.

Отдав все необходимые распоряжения, велела запрягать карету. Вести ее в Званку.

* * *

По приезду первым делом отправилась в сад.

Сирень цвела обильно и роскошно. Жуков на ней не было.

— Добрый знак! — подумала женщина.— И вообще никто и никогда не любил его, как я! И в этом невозможно усомниться!

* * *

Гроб с телом хозяйки Званки отправили по реке, на старом ботике. Кораблик должен был доставить его к могиле Гавриила Романовича. Иного места своего упокоения эта женщина и представить себе не могла!

* * *

Напиши мою Милену,
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней;

Гавриил Державин.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ «БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»

БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ
Предисловие

Все полагают, что на Руси жизнь скучна своим однообразием, и ездят отсюда за границу р а з в л е к а т ь с я (здесь и далее выд. Н. С. Лесковым.— Авт.), тогда как я утверждаю... что жизнь нигде так не преизобилует самыми внезапнейшими разнообразиями, как в России. По крайней мере я уезжаю отсюда за границу именно д л я у с п о к о е н и я от калейдоскопической пестроты русской жизни.

Н. С. Лесков «Смех и горе»

♦ Сразу оговоримся, что не столько хрестоматийная «болдинская осень» в холерном карантине гения русской поэзии подсказала нам в затворничестве самоизоляции известной пандемии название этих новелл — пусть кто как хочет их именует: очерки, рассказы и пр.,— но недалекое соседство с моим домом улицы, названной в честь героя Великой Отечественной войны генерала Болдина. То есть наш небольшой квартал, домов в десять, пятиэтажек, по направлению юг-север располагается между главным проспектом Тулы имени величайшего практика создания социализма Владимира Ильича Ленина и улицей Фридриха Энгельса, основоположника диалектического материализма (Маркс «отвечал» за политэкономию). Торцами прямоугольник квартала с одной стороны упирается в сквер с памятником Льву Толстому (ск. Буякин, арх. Колчин, 1973), с другой — в некотором отдалении охватывается улицей Болдина.

А межсезонье — вместо пушкинской осени? Это по причине отсутствия в этом году зимы как таковой. Только дважды наблюдался легкий морозец, державшийся по полтора-два дня. Словом, с осени по весну, включая и их по преимуществу, многомесячное межсезонье, на которое, чтоб до кучи! и зловещая эпидемия наложилась. Даже людям верующим, воцерковленным негде и свечку за избавление от напастей поставить: в домах давно образа из обихода вышли, а храмы на карантине...

Насчет беззимного межсезонья, впрочем, неча все валить на глобальное потепление. Вот и президент Трамп в него не верит, может и правильно мыслит, даром что из немцев происходит,— это где родина «сумрачного германского гения». Почему-то все высоколобые, явно с подачи СМДИ (средства массовой дезинформации), забыли о простой вещи: вековой ритмике качания холод-тепло. Вот и во времена Пушкина схожее с нашим наблюдали: «Зимы ждала, ждала природа...». А когда с карантина снимут музеи, сходите в Третьякову или в Эрмитаж (по месту жительства), торопли-

вые же пусть по «инту» наберут по поисковику «старые голландцы», на полотнах которых узреют ребятишек, катающихся на коньках по льду замерзших — ныне теплых — голландских водоемов и играющих в хоккей (какая там Канада родина хоккея...). А все потому, что самое ближнее к нам по времени малое оледенение случилось всего-то в XII—XIV веках! Сейчас вот потепление, а впереди очередной малый ледниковый период. Не утверждаем, но возможно, что «глобальное потепление» есть такая же коммерческая шутка, как разрушение озонового слоя атмосферы испарениями хладоагента фреона из холодильников (?!). Как только на рынке этих приборов восторжествовали транснациональные компании с иным способом тепловыведения, так в один миг и прекратились «песни народностей» про озоновый слой... Понятно, что с глобальным потеплением гешефты и «панамы» намного серьезнее, глобальнее, потому и название такое.

И вовсе грандиозна ситуация с нынешней пандемией. Но здесь и слово-то молвить, забредя в самую безлюдную пустыню, опасливо, не то что в обиход пускать через интернет, тем паче оттиснув литерами на бумаге... даже в одном экземпляре. С экрана телеящика с утра до вечера ролик крутят: суровый мужик в черном монашеском одеянии и с деревянной киянкой-молотком в руке пугает добрый народ на нижегородско-американском наречии. Дескать, по *фейсу* вас за *фейки*, то есть распространение недостоверностей про эпидемию, штрафы килограммовые. Все по закону, который по доброй исстари русской традиции, «что дышло...». Поэтому промолчим до дозволения.

Ну да ладно, а то вовсе перейдем в тот треп, что ближе к вечеру по всем программам телеящика по два-три часа без перерыва на перекур ведут осанистые мужики, причем бабьими визгливыми голосами, слитными, без пауз, словами и по пять-шесть человек одновременно, как на одесском базаре в разгар торгового дня... А нут-ка разъясним читателю: чего это расписался в свободнодосуговое болдинское межсезонье?

Конечно, справный сельский мужик в стародавние времена, когда в каждом губернском городе еще не стоял наспех возведенный из гофрированных оцинкованных железных листов заводик по отверточной сборке японских, китайских, европейских и американских лаковых пластмассовых легковых авто, поездив в оброчный день вволю на своей труженице лошадке, по прибытии в родную избу не торопился тотчас ставить ее в стойло к овсу и сену, а с полчаса неторопко выгуливал своего гнедого или каракового по двору. Чтобы конь успокоился, отпотел, забыл на время от рыси, галопа, иноходи. А детишки малые, что на пороге избы столпились, подмечают не по-детски наблюдательными глазами: ходит на недоузке отцовом их Савраска по кругу и никак не может отойти от рабочего бега... Так и сочинитель, попав в безвыходный из дома карантин, все не в силах тотчас облениться, посуточно успокоиться на уютном диванчике с книжкой в руках, при включенном для фона телевизоре (а в холодильнике початая бутылочка «со слезой»!). Все неймется ему. Зажмурит глаза — и видится на домашнем рабочем столе целиковая десть еще не исписанной бумаги с водяными знаками писчебумажной фабрики купца 1-й гильдии Мартемьянова с сыновьями. И в легкомысленной хрустальной вазочке торчком пук свежеочиненных гусиных перьев. А в сложном письменном приборе с дарственной серебряной табличкой, преподнесенном друзьями-литераторами к тезоименитной годовщине, стынут без дела отличные железисто-галлусовые чернила немецкого химического завода *Wolfgang Keiserstuhl*.

Так и мы, ничтоже сумняшеся. Вроде как к лету все дела переделаны по части рукописания: завершил очередной том многокнижной научной монографии; уже в первые две недели карантина и в романе новом, как французы говорят, *point sur les «i»*. Опять же первый номер этого года литературного журнала, что редактирую, вышел, а за следующий по графику только через месяц следует браться. Отчего бы, потрудившись усердно и с перевыполнением годового плана, и не прилечь на оттоман-

ку с томом Достоевского, Лескова, Тургенева, которых вроде бы и наизусть память держит, но наслаждение от очередного перечитывания столь велико, что даже рюмка-другая грузинского коньяка «Грэми» десятилетней выдержки в сравнение не зачтется... Словом, не хочет извозчищий трудяга Савраска идти в стойло к овсу и сену, а все меряет да меряет кругами истоптанный свой двор. Кем родился, тем и пригодился, перефразируя известную пословицу — от географического акцента, так сказать, к профессиональному.

Итак, апологизировали свое писчебумажное усердие в болдинское межсезонье — очередной сюрприз глобализации, в отличие от сомнительного рукотворного глобального потепления — с явно созданным в лабораториях избирательным на старшие поколения вирусом и наблюдаемым повсеместно губительным его действием. Ох, забыл про *фейки*...

Второй вопрос для самого пишущего: какова же форма-жанр и тема такого, «от нечего делать», рукописания? И на него, особенно не растекаясь по древу, сообразим ответ.

«Ты до дна маслян, только тобой подавишься»,— русский фольклорный семантический аналог известного утверждения, почему-то приписываемого остряку Бернарду Шоу в его отзыве на философию Гегеля. О том, что всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд. А наш любимый сочинитель Николай Семенович Лесков в произведении, из которого извлечен эпиграф к настоящему предисловию, в отношении к литературе таковую маслянистость или совершенство именует «абсолютной честностью». И мы таковым эвфемизмом будем пользоваться, уже и не закавычивая этих слов. То есть разберемся в триединстве: лесковская абсолютная честность, жанр литературного сочинения и тематика оного. Причем не в логической, не в философской, не в семантической трактовке, что скучно, просто отвратно для читателя беллетристики, ведем речь, а, что называется, от опыта. А если автор ссылается на личный опыт, то это еще более усугубляет внимание и приязнь (гипотетического) читателя. Речь, понятно дело, идет о современном массовом — ха-ха-ха! где он, наш родненький, в наше-то оцифрованное и умозамещенное (термины наши) время? — читателе, попривыкшем, вернее напрочь переученном телеящиком, интересоваться не каким-либо творчеством, а грязненьким бельишком его создателя. Отсюда и интерес к личному. Что ж, эффективно бороться с врагом его же оружием, поэтому массовый нездоровый интерес к личному используем в своих «корыстных» целях.

Регулярно публикуясь в десятке-другом литературных журналов, российских и белорусских, в последнее время заметил с огорчением, что почти все мои предложения вежливо или молчаливо, мягко говоря, не встречают интереса. Обычное возражение — большой объем. Грешен, воспитанный на Лескове и Достоевском, тяготею к объемлющей пространности в своих рассказах (о крупном жанре и речь не идет в современной литературной журналистике). С другой стороны, даже не все так называемые новые журналы, то есть начавшие издаваться сразу по окончанию «лихих девяностых», когда было «не до тебя, Федя, не до тебя», стремятся отдавать предпочтение «стенгазетному формату» — пока мы последнее слово используем в традиционной русской этимологии, от «формы», в данном случае объем в стандартных машинописных листах. Стенгазетный — значит объемом в страницах по числу пальцев на одной, максимум на двух руках. То есть редакция такого журнала преследует две большие цели: всем сестрам по серьгам, а если журнал с платными публикациями, то и сборы с авторов на печатание тиража вроде как не обременительны для них.

Это все понятно; вообще говоря, издающие сейчас литературные журналы коллективы суть герои наших нелегких будней победившего класса-гегемона, истинные подвижники, великая честь и хвала им, счастливым творчеством организующим, но в

миру бедным аки мыши церковные — монахам в этом миру ради поддержания остатков бывшей великой русской литературы. Советской тож.

Но вот здесь и закрадывается сомнение (не путать с самомнением!): а только ли ради одаривания литсестер серьгами журналы не печатают даже хорошо им знаемого, дружественного автора, формат сочинений которого несколько превышает стенгазетный? Может все дело в абсолютной честности этого автора, который в своих плодах литературных упражнений старается, конечно, в силу отпущенных ему кем надо способностей, отобразить всю глубинность — до «дна масляного» — сегодняшней жизни, провалившейся в бездонную и страшную яму глобалистской бездуховности, она же расчеловечивание, умозамещение и цифрофрения? А таковая глубинность отображения есть сущность традиционного русского критического реализма в литературе. Или нового такого же реализма, извиняемся за нескромность, манифест которого был опубликован нами в нескольких литературных изданиях. Но востребована ли она сейчас, эта-то глубинность, точнее, устремленность к ней?

Вот в чем вопрос и ответ. И никуда от него не денешься в человеческой психологии. Любому же человеку и по обыденной жизни присущ в той или иной мере «страусов комплекс», а когда эта жизнь проваливается в указанную выше яму, то... и взятки гладки с несчастливца. А для отказов таким «глубинным искателям» и пришел в нынешний журнальный обиход паскудненький американизм *формат*, он же *неформат*, созвучный на 100 % с названным выше традиционным словом, но понятийно расшифровываемый как «подходит / не подходит нашему журналу <имярек> по причинам идеологическим, широко и конкретно понимаемым, и... будьте столь любезны, милостивый государь <имярек>, в дальнейшем не ставить нас в неудобное положение. Остаемся и пр.».

Поскольку же в эпоху глобализма классовость общества, опять же глобального, человейника по А. А. Зиновьеву, отсутствует, то и идеологии в доселе принятом смысле нет. А в определении американизма *формат* под идеологией завуалировано подразумевается именно «страусов комплекс». Круг замкнулся, как в физиологии «порочный круг патогенеза» — биологи и медики поймут, равно как и любой всесторонне образованный человек — прерогатива не столь уж отдаленного прошлого. Увы и безвозвратно.

Полагаем, хотя и кратко, но доступно объяснили триединство абсолютной честности, тематики и жанра — последнее в части «стенгазетного формата», из какового (триединства) как-то надо выпутываться, ибо сейчас не время «писать в стол», публиковаться где-то надо. Хотя и «свой» литературный журнал, что называется, под рукой, но крепко в память запали слова советского классика Бориса Михайловича Зубавина, первого главного редактора «Нашего современника», в семинаре которого я состоял в бытность учебы в Литинституте. Седовласый ветеран советской литературы с огромным жизненным (штурмовал рейхстаг капитаном-артиллеристом) и творческим опытом, организатор литературного процесса ненавязчиво говорил, что если кому-то из нас, его питомцев, доведется возглавлять журнал, то особо не обременяйте его нетленные страницы своими сочинениями...

Итак, ниже представлены столь уважаемые редакциями короткие по *формату* (привычное слово) «вещицы», что можно публиковать выборочно, соотнося их тематику с принятым в журнале *форматом* (американизм). Все же не удержимся в заключении «идеологического предисловия» (как в советских изданиях книг), процитировать Н. С. Лескова из упомянутого выше очерка: «*Поэт того же мнения, что правда не годится, и даже разъяснил мне, почему правды в литературе говорить не следует; это будто бы потому, что «правда есть меч обоюдоострый» и ею подчас может пользоваться и правительство; честность, говорит, можно признавать только одну «абсолютную», которую может иметь и вор и фальшивый монетчик*».

Опять же ниже встретимся с любимыми нашими героями, персонажами десятка

ранее изданных романов, тружениками Тулуповского госуниверситета доцентом Николаем Андреяновичем и профессором Игорем Васильевичем Скородумовым. Поехали! (Сегодня двенадцатое апреля на численнике).* Вообще-то ниже речь пойдет о нынешних молодых людях Федерации Российской...

Бредут две пешки по Руси, но в душе себя представляя если не ферзями, то уж слонами наверняка. Потому, подгулявши, и двигаются вдоль улицы зигзагами. И так при всех режимах. Дело даже не в сорокаградусной утехе, а в той восхитительной черте народного характера, которую мы сами именуем пофигизмом, а западники — загадочной русской душой. Но главное — мы крепко помним присказку: пьяный проспится, а дурак — никогда. Главное, чтобы количество дураков не превысило число просто пьяных. В противном случае и до либерализма можно додуматься!

* Еще одна *nota bene*: почему-то в литературном круге, прежде всего читательском, сложилось устойчивое убеждение, что *всё* выходящее из-под нашего пера суть сугубая сатира, которой сейчас не место, интереса для читателей не представляет. В точку попали! У нас и намека на сатиру нет, это просто неприкрытое ничем отображение нашей реальности, а она такова (см. эпиграф), что самое серьезное описание ее и кажется сатирой...— Прим. авт.

17D-ВОДКА ОЦИФРОВАННАЯ БЕЗАЛКОГОЛЬНАЯ

♦ Вовка Шевляков после окончания университета по специальности культурологии, в которую его впихнула мать, школьная учительница музыки — по своей приязни к гуманитарности и полному отсутствию у чада способностей к чему-либо, по давним, позднесоветским знакомствам все той же хлопотуньи матери пристроился в областную администрацию. Поскольку материн протежист имел не слишком выдающийся статский чин, то Вовку определили в захудалый бабский департамент, каковые уже несколько лет как переиначили в «министерства», а именно по стезе наробраза, на начальную мелкую должность, неопределенно именовавшуюся «специалист». «Министром можешь ты не быть, спецом диплом тебя обяжет»,— тяжеловесно скаламбурил отец, после развала оборонного завода, где начальствовал сборочным цехом, умудрившийся заиметь крохотную автошколу.

Если в духе времени административного восторга областные департаменты переименовали в министерства, то и по нисходящей сделали передвижку к более громким наименованиям: бывшие отделы сейчас назывались департаментами. Вовка попал в таковой, что уже не умещался в огромном здании администрации, бывшего обкома и исполкома, в центре города, а занимал отдельный двухэтажный дом в южной части города, впритык к студгородку родного Вовке универа. Когда-то, а конце сороковых годов, на самой южной окраине города построили завод технической резины, а вдоль длинной улицы, упиравшейся в заводской забор, соорудили уйму двухэтажных бараков для рабсилы из окрестных деревень и выходящей из тюрем местной шпаны. В девяностые «лихие» и в начале нулевых все эти бараки, исключая самый непригодный, отданный местной писательской организации, расселенные в «золотые» семидесятые советские годы, прибрали к ловким рукам и переделали в этакие фальшивые теремки с надстроенными парижскими мансардами. Дом с Вовкиным департаментом, миновав ловкие руки, оказался в муниципальной собственности.

Вовка не то что бездельником и полным дураком к своим двадцати трем годам подошел, просто бог не дал ему с рождения этих самых конкретных способностей, а из умений, учитывая маловоспитательные годы его созревания, приобрел только самые расхожие в школьной и студенческой среде. Здесь особо и говорить нечего.

Ничтожный чин Вовки в бабском департаменте с основным достоинством — мадам провинциальная министерша и весь кагал средне-высшего начальства далеко, через полгорода, вовсе не удручал его: неясно-оптимистическое отрочество как-то само собой, явно с оглядкой на наступившую окрест суконно-цинковую жизнь, перешло в замедленно-сонную юность и далее раннюю молодость. Здесь он тоже ничем не выделялся из среды сверстников. И девица у него необременительная, как у всех — с местом для уединенного общения; *комп* и *смарт* с *интом* скрашивают домашние вечера...

На службе время шло неторопко, но и необременительно. Вовка просто «выключал» свою голову в будние дни с девяти ноль-ноль до восемнадцати с теми же двумя нулями. Директорша уединенного департамента Евгения Яковлевна, дама отчаянной молочно-восковой спелости, пользовавшаяся вниманием солидных мужчин города, редко наблюдалась во вверенном ей присутственном месте, обретаясь преимущественно в свите министерши. Поговаривали департаментские, что «Евгеша» готовит себе место в администрации позначительнее. Словом, если она и помнила о своем подчиненном Вовке Шевлякове, то скорее всего по редкостному в ее бабьем царстве мужскому полу.

Но вот непосредственная столоначальница, то есть завотделом, Вовки Елена Викторовна, являлась классической наробразовской руководительницей среднего звена, поскольку вышла из советских гороновских работников. Опять же ее предпенсионный возраст заставлял, с одной стороны, вести себя настороженно ко всем и

всея, а с другой — не допускать ни малейшей оплошности в работе подотчетного ей отдела. Огромный жизненный и руководящий по мелочам опыт Елены Викторовны говорил, что где тонко, там и рвется. То есть наибольшее вероятие огрехов приходится на молодых сотрудников, тем более молодых мужиков в бабской среде. Именно поэтому с самого явления Вовки Шевлякова в отдельской продолговатой комнате со стеклянной отгородкой кабинетика начальницы, с восемью сотрудницами в возрасте от тридцати до пятидесяти лет и одним мужиком лет сорока пяти — пятидесяти с несколько мутноватой биографией, но взятым в отдел за умеренное знание компьютерных заморочек, в чем бабье не разбиралось... так вот, с появлением Вовки Елена Викторовна взялась за его приучку к работе и департаментскому политесу.

«Держись, Вован,— доверительно по мужскому компатриотству сразу предупредил новобранца компьютерщик Серега, как он рекомендовал себя называть,— Викторовна есть продукт совка в его худшем бабьем, гороновском качестве. Это по работе, хотя по жизни-то добрая, внучатая». Серега имел инязовское педагогическое образование и хорошую память; несмотря на помятость лица по понедельникам, иногда щеголял латинизмами, дескать, «*summa jus summa injuria*»,— успокаивал он Вовку после легкой вздрючки от начальницы,— то есть высочайшее право есть высочайшее бесправие; это по-русски означает, что я — начальник, ты — дурак. «Плюнь! Заглянем-ка лучше после звонка в хорошо тебе знакомую по учебе в универе «Наливайку», а?». Заглядывали и не раз. Обычно по числу воспитательных вздрючек.

При всем своем наплевательском безучастии к служебным делам, Вовка морщился, вспоминая первый язвительный выговор начальницы.

— Ну-у, Владимир,— на втором месяце его службы сказала Елена Викторовна, позвав его в свой стеклянный закуток,— полагаю, вошел уже в общий курс, то есть направленность работы нашего отдела, да? Потому первое тебе самостоятельное задание: сейчас по разным отделам готовят доклад для Евгении Яковлевны на педагогической конференции нашего федерального округа, читай — почти всей страны. От нас затребована развернутая справка по современному состоянию цифровых технологий в школьном образовании. Конкретику по нашему региону тебе наши сотрудницы соберут — у них вся статистика по школам ведется. Ты же все свяжешь воедино, ну и теории общей, как в докладах такого уровня принято, где надо подбросишь. Почему тебе поручаю? — Наши девушки,— здесь начальница неопределенно подняла на секунду брови,— уже давненько по времени свои университеты пооканчивали; ты же прямо со студенческой скамьи — тебе и карты в руки, в курсе новейших веяний в цифровом образовании, а оно сейчас семимильно шагает, год-два и отстал от новаций. И красной нитью в этом документе современный девиз: от слова к цифре! Все понятно?

Вовке опять приметилось, что при словах девиза у пенсионной Викторовны постарушечьи совсем, хотя и в бодрой форме себя держала для своих лет, вроде как смигнулся правый глаз (очков она не носила).

— Понял, Елена Викторовна.

— И хорошо. Вере я уже объяснила. К концу дня она тебе на компьютер статистику и данные нужные перебросит. Сроки торопят, три дня тебе. Затем я просмотрю, если будут замечания — исправишь. Вот методичка министерская, в смысле российского минобра, оттуда вводную, структуру и стиль изложения возьмешь. Иди, трудись.

Проходя от «стекляшки» начальницы по пенальной комнате отдела к своему столу, последнему в ряду перед входной дверью, он застопорился на миг у стола Веры, незамужней, тридцатипятилетней, поэтому отчаянно молодящейся, которую от скуки офисной жизни явно потянуло на молодняк при появлении в отделе Вовки, молча вопросительно кивнул ей подбородком, еще пока робко зараставшим уже третий год модной кадыкастой бородкой «под игиловца». Также по моде он и прическу содержал с выстриженными висками и заушинами — опять же под хохлацкий оселедец.

— Во-о-вик,— с игривой растяжкой откликнулась она слегка густоватым от курения контральто,— задание получено, после обеда скачаю тебе. Яволь, мой капитен! — Шаловница, как и Серега некогда учившаяся на инязе местного педа в части невостребованного сейчас немецкого языка, шутливо козырнула.

Вовка отсалютовал в ответ и двинулся на свое местопребывание, почему-то думая не о мудреном задании, а о наращенных ногтях Веры и еще двух сослуживиц чуть помоложе: «И как они умудряются столь бойко тарабанить по клавишам с такими когтями?».

Поскольку его герла Нонка еще вчера позвонила, что родняки на выходные, с вечера пятницы по раннее понедельничное утро, уезжают на дачу для сентябрьского сбора чего-выросло, то, в предвкушении двух дней и трех ночей в постели, на удивление самому себе, неприязненная было поначалу скукотичная работа как-то пошла. Не всяко лыко в строку, но компиляция данной Викторовной методички и статтабличек от Веры все же укладывалось во что-то связное. Заглядывая в принесенный из дома университетский учебник информатики, даже с объявившимся вдохновением, так что пальцы скакали воробушками по клавиатуре, сочинил и потребную отсебятину, связывая фразы учебника, минобразовской методички и данные Вериных таблиц.

Чувствуя себя молодцом, по-гусарски подвигаясь поочередно плечами — только ментика на правом не хватало! — прошел пенал комнаты, предупредительно кашлянув, вошел в стеклянную загородку начальницы, молча положил на угол ее стола победительную папочку с листами распечатки.

— Угу, в срок,— безразлично одобрила Елена Викторовна, не поднимая головы, углубленная в явно спешные бумаги,— иди, в выходные просмотрю, домой возьму. Будут замечания, так до понедельника.

— Вот и чиновником, брателло, становишься, мелкая радость от ненужной работенки воспылала,— незлобиво и необидно заметил Серега, выходя вместе с Вовкой из департамента после отбойного звонка,— а что? может в «Наливайку» ностальгическую в честь окончания труднедели?

— С удовольствием бы, но...— с некоторой потерей бдительности, к которой все наущал его отец, Вовка вкратце рассказал о выходных днях с кем надо, которые начинаются с раннего пятничного вечера.

Серега пожелал успехов в серьезном, не канцелярской чуши, мужском деле и, отсалютовав, уверенно двинулся в сторону недалекой «Наливайки». «*Jeden das Seine*»,— упомянул он, тоже, как и Вера, выпускник по непопулярному ныне немецкому отделению (английский неосновной) иняза,— каждому свое, как фрицы по Геббельсу на воротах концлагерей вывешивали. Да-а, кому с девчонкой двое суток развлекаться, а мне домой тащиться. Хоть в «Наливайке» взбодрюсь!

Вовка же, плексигласово глухо позвякивая в наплечной сумке взятыми с утра из дома дисками оцифрованных порнофильмов, заскочил в ближайший по ходу «спар», закупил требуемое для вдохновения и едова, раздосадовано отогнал мыслишку о собственной машине, до которой еще два-три года мечтать, дождался нужный номер автолайна и покатил к Нонке. Матери еще вчерашним вечером сказал о приятельских выходных. Та с серьезным воспитательным видом восприняла явный секрет Полишинеля, неопределенно помечтав о внуках.

Явно огорчив мать в ее мечтаниях о внуках преимущественным безопасным прононсом в их с Нонкой программе на выходные дни, в понедельник Вовка тем же обратным маршрутом автолайна еще за четверть часа прибыл в департамент вальяжно-усталым и с полностью чистой от служебных мыслей головой. Пенальная комната отдела понедельнично, то есть без обычных казенных шуток (Серега с традиционно помятым, но до синевы, по-офицерски, как он говорил, выбритым лицом), наполнялась до штатной численности: в сентябре охотников до отпусков не наблюдалось.

Лаврового венца от Викторовны Вовка не ожидал, но на служебную сухую бла-

годарность где-то в глубине души рассчитывал. И даже вдохновенность от двух суток с добавком постельных утех не помогла ему стойко выдержать, не зациклиться на выговоре начальницы, которая, не вызывая в свой кабинетик, нарочито сама вышла в люди, подошла к Вовке и с обидной аккуратностью положила на его стол давешнюю папочку:

— Владимир Олегович! Просьба к окончанию рабочего дня перевести эту... это на русский язык. Замечания в тексте,— не повышая выдержанно голоса, но всем слышно — у женщин ушки топориком! — впервые официально назвав молодого подчиненного по имени-отчеству, произнесла Елена Викторовна и направилась к выходу из отдельской комнаты.

— Я на пятиминутку к Евгении Яковлевне,— и вышла, аккуратно, без стука, затворив за собою дверь.

Вовка, как бы ища поддержки, обвел сидящих впереди него женщин и Серегу. Только последний полуобернулся и хмуро подмигнул, мол, держись, казак, атаманом станешь. Бабы же, заученно уловив интонацию начальницы, никак не отреагировали. Даже неопытный еще в тонкостях канцелярского климата Вовка ощутимо почувствовал вокруг себя вакуумную прослойку, отделившую его персону от коллектива. Посидев полуостолбенело с пяток минут, вынул из папки *свои* листы. В глазах зарябило: почти все слова, отдельные предложения и даже целые фразы разноцветно выделены корректировочными маркерами разных цветов. На экономной четвертушке блокнотной бумаги каллиграфическим почерком Елены Викторовны язвительно написано: «*Ув. В.О.! Убедит. просьба к окончанию сегод. раб. дня перевести на нормативный русский язык Вашу справку. Красным отмечены американизмы, желтым — примитивизмы, жаргонизмы, варваризмы и несуразные неологизмы, а зеленым — предложения и абзацы с явной функциональной неграмотностью*».

Без подписи, только сегодняшняя, значит напоминающая о сроке исправления дата. Вот тебе и французская любовь с американо-нижегородским акцентом! И как же он забыл инструкцию Сереги, когда проставлялся перед ним после первой зарплаты в «Наливайке». Дескать, Викторовна-то наша из учительш русского языка и литературы советского воспитания-образования!

За своим столом с десяток минут Вовка, утупясь, смотрел на разложенные в ряд листы своего творчества, не хуже художника абстракционистской ориентации расцвеченные маркерами начальницы. Никакие соображения в голову не лезли. Шедшая на выход с бумагами в другой отдел Вера, опасливо оглянувшись на стеклянную дверь в дальнем конце комнаты, остановилась, опытным взглядом мигом схватила суть записки Елены Викторовны, шепнула Вовке:

— На компе по поисковику в словаре новых слов и выражений смотри.— И, как будто на несколько секунд остановилась половчее устроить на суховатой груди, прижав ладонью левой руки, кипу бумаг, проследовала к двери.

Вовка вышел из ступора, начал, все более увлекаясь, как в старинной компьютерной игре с покемонами, стучать по клавишам. К малому десятиминутному перерыву в одиннадцать он уже распечатал лист с переводом на русский отмеченных Викторовной слов. На другом листе вывел определение: что такое примитивизм, жаргонизм, варваризм, неологизм и таинственная функциональная неграмотность.

К сожалению, всезнающий интернет не осилил перевод аббревиатуры *3D* и термина *дорожная карта*. Выбегавшего ровно в одиннадцать инязовца Серегу остерегся останавливать: по понедельникам он в малый перерыв мчался спринтерски в недалекую «Наливайку», по советской традиции открывающуюся в этот ностальгический час, остограммиться. Но по скорому возвращению, подобревший и слегка порозовевший, он сам остановился у Вовкиного стола, дескать, чем молодому дружбану помочь? Вовка указал на аббревиатуру и словосочетание.

— Как два пальца об асфальт; *3D* — это американское от *three dimensional*, то

есть по-русски трехмерный, пространственный, а хочешь — объемный. Последнее, когда о жидких телах речь идет... та же водяра. А дорожная карта — это последовательность исполнения, перечисление и прочее. На Западе тупари обитают, обычную автомобильную карту не соображают понять, поэтому у них и заведены эрзац-карты: ищешь страницу с дорогой, по которой едешь, а там в порядке перечисления названия всех городов, деревушек и автозаправочных станций, что по пути следования. Насколько помнится, эта калька с американского у нас и во все языки вошла лет десять тому назад после очередной заварушки израильско-палестинской. И очередное перемирие они назвали «дорожной картой постепенного согласования», или что-то в этом роде. Дерзай, юноша!

Начал на компе кардинально править свое изделие, увлекся, даже на обеденный перерыв не отвлекаясь, удивлялся про себя: ведь и по-русски можно о чем угодно написать, да как гладко-то все читается! Разобрался кое-как и с функциональной неграмотностью. Под финиш все загнал в программу орфографии и пунктуации, а за четверть часа до отбойного звонка, изобразив на лице мудрую усталость, отнес начальнице распечатку. Елена Викторовна при нем, задержавшись на десяток минут после шести, внимательно прочитала, после чего снисходительно-воспитательно посмотрела на подопечного:

— Ведь можешь же! Я здесь тебе еще пяток слов исправила, три лишние запятые убрала, а четыре нужных поставила. Сейчас внеси все это в окончательный текст и отправь по электронке референту Евгении Яковлевны.

...К полудню следующего дня к Елене Викторовне зашла референтша — кобылистая, с очаровательной косинкой глаз, под стать своей директорше «кровь с коньяком». О чем-то они недолго поговорили за стеклянной дверью. Референтша ожившей скульптурой Венеры Милосской проследовала через комнату, а Елена Викторовна, приоткрыв дверь, позвала Вовку.

— Смотри, медаль за усердие дадут,— добродушно пульнул ему вслед Серега, уже побывавший в «Наливайке».

Начальница, вроде как даже с оттенком смущения в глазах, не усаживая подчиненного, коротко сказала:

— Э-а, Владимир, отправь на адрес референта первоначальный вариант *твоей* справки.

— А в чем дело, Елена Викторовна? Я же все ваши замечания учел... сами одобрили...

— Не знаю как тебе объяснить. Говорят, тяжеловесно получилось, без современной, привычной сейчас лексики... Впрочем, не задумывайся, иди работай. Без нас разберутся.

♦ К следующей осени молодцевато заматеревший, привыкший не задавать лишних вопросов, сбривший — по попечительному совету Елены Викторовны — дурацкую игиловскую бороденку, а на голове вместо оселедца приличная короткая стрижка, Вовка женился, даже не по залету! на Нонке: родители вскладчину купили двушку в приличном районе, хотя и в совковом еще доме. Недалеко от его департамента. И департаментские привыкли к Вовке. Сама директорша начала узнавать молодого подчиненного, у которого при встрече в коридорах с роскошной дамой непроизвольно начиналось определенное шевеление в организме. Это тебе не Нонка, еще не успевшая после замужества отойти от ненавистной ей самой фитнес-фигурности! Но — легка беда начало...

Ближе к ноябрю в стране началась холерически раздуваемая СМИ кампания по раздельному сбору мусора. По нисходящей вертикали соответствующее отношение в форме рекомендательного — «изыскать инициативные предложения и по возможности включиться...» — приказа добралось и до образовательного департамента. На очередной понедельничной пятиминутке Евгения Яковлевна озвучила и предложила

обдумать и выступить с инициативой. При этих словах, мучимая мыслью на кого бы эту несуразицу скинуть, она волооко — не хуже своей референтши — посмотрела со значением на несчастную Елену Викторовну: мол, оправдывай свой пределсионный возраст, тогда, быть может, и после новомодного удлинения такового еще поработаешь. Благо твой отдел идет не по разряду госслужащих, для которых этот возраст строгий предел, но из технических.

Много чего читалось в коротком, секундном волооком взгляде директорши. Елена Викторовна согласно кивнула головой с тщательно закрашиваемыми сединками.

Свято памятуя, что даже техническим чиновникам думать вредно, прибыв в отдел, проходя по ряду столов, она кивнула Вовке. Тот поспешил за начальницей в остекленный отсек. Усадила его для обстоятельности разговора на гостевой стул. Сразу быка за рога ухватила:

— Про новации... в смысле про нововведения со сбором бытовых отходов слышал?

— Конечно. Новости по ящи... по телевизору иногда смотрю.

— И как представляешь в части раздельного сбора и вывоза?

— А чего представлять-то, Елена Викторовна...

— Ну-ну?

— Я вот вчера вечером выношу ведро на свою помойку, а наш гастарбайтеровский дворник узбек Кизим около стоит, предупреждает: «Ты, хозяин, сегодня сбоку вываливай из ведра, а то на низкой стороне краска еще не высохла. Сам попачкаешься, а хуже — надпись грязью заляпаешь». Помотал я в непонятке головой, а Кизим на надпись показывает. Красным по зеленому свежеоттиснутая по трафарету надпись: «Раздельный сбор мусора — гражданская культура!» Спрашиваю: «Кто написал?» — «А трое приходили: один толстый с папкой под мышкой, женщина очень строгая и рисовальщик: бумагу приложил, из баллончика краской пшик-пшик. И ушли к другой помойке».— «Что-нибудь сказали тебе?» — «Нет, только велели подежурить пока просохнет».— «А как раздельно в эту общую помойку собирать и вывозить не объяснили?» — «Нет, хозяин. Народ как выбрасывал из ведра или в пакетах, так и бросают». Опростал я ведро, чуть отошел — машина мусорная подъезжает, опрокинула в себя помойку и уехала. А на бортах с двух сторон тоже надписи про раздельный сбор. К чему это все, Елена Викторовна?

Начальница кратко рассказала про инициативу и поручение директорши. Отвела глаза в сторону, помолчала и дала совершенно серьезному Вовке задание: продумать, *учесть опыт* и дать конкретное предложение. Что Вовка и исполнил, уже не обращаясь за советами к Сереге и вообще к кому-либо. Заматерел.

♦ Декабрьским днем, пополудни, ближе к ранней в это время темноте, два старинных, еще по ракетно-пушечному Конструкторскому бюро, тогда еще возглавляемому знаменитым в оружейном мире академиком Гусаковым, приятеля, ныне трудящиеся в Тулуповском госуниверситете, профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент Николай Андреянович, шли со службы в общую сторону своих домов по боковой — по отношению к студгородку — улице с трамвайным путем посредине. Шли по правой стороне, где еще лет тридцать назад тянулись серо-зеленые двухэтажные дома, ранее бараки пятидесятых годов, ныне перестроенные в кукольные домики различных магазинной и учреждений.

Улица эта и вместе и порознь выбиралась ими по причине относительного малолюдства. Идти по параллельному проспекту — шумно от нескончаемого потока машин, посредине — через студгородок — зимой студиозусы, играючись по юному избытку энергии и ловкости, тротуары раскатывают да гладкого льда. Нет уж, лучше по боковой. Проходя мимо пряничного дома с надстроенной мансардой, в котором после обновления прежнего барачного здания разместился один из департаментов новомодного областного министерства образования, Николай Андреянович указал на появившиеся три бака в рад, с крышками, размерами поменьше обычной железной

бочки, установленные на общем железном же основании, свежевыкрашенные в веселый светло-синий цвет, с различными трафаретными надписями красным: «Бумага», «Стекло», «Пластик». Но поставлены несколько странно, слева парадного, под мрамор и с дорическими небольшими колоннами, входа, впритык к стене за игривой декоративной изгородкой, ограждающей метровой ширины палисадник, летом с аккуратно подстриженной травкой.

Игорь Васильевич даже обрадовался: только что докурил последнюю сигарету и не знал как избавиться от пустой пачки: интеллигентская совесть не позволяла бросить на тротуар, а все мусорные урны еще несколько лет назад на городских улицах, в скверах и парках полностью исчезли — явно в целях борьбы с курением в начавшейся серьезной кампании. Он, сминая в ладони пачку, уже аккуратно переставил правую ногу через игривую изгородку в направлении бачка «Бумага», но был остановлен окриком черномундирного охранника, что вышел покурить из парадного входа:

— Нельзя, гражданин! Не нарушайте.

— Как нельзя,— передернул плечами профессор Скородумов,— это же специально для сбора мусора...

— Это не ваше дело, гражданин, для чего специально. Видите, потому и за изгородь поставлено, чтобы ничего в них не бросали.

— Для благоустройства значит? — вспомнил Гоголя сразу повеселевший Игорь Васильевич.

— Вот-вот, понимаете значит. Позавчера установили, а вчера комиссия из администрации, говорят — не моя смена была,— прибывала, с кинохроникой. А завхоз велела сегодня за изгородь поставить. Пусть стоит, хлеба ведь не просит!

На обочину дороги из потока машин вырулила и притормозила черная машина солидной марки. Охранник мигом смял дымящийся окурок в ладони и исчез в парадной двери. Профессор с доцентом рассмеялись и продолжили путь.

Страшный сон приснился директору департамента культуры областной администрации Амалфееву Венедикту Фемистокловичу, бывшему доценту античной истории и мифологии местного пединститута. Видно, перекушал

он деликатесов на банкете по случаю открытия досугового центра на Старопавшинской (бывш. Новоиндустриальной) — нового очага культуры местного торгового олигарха Жоржа Кидалова. А снилось ему, что усиление вертикали власти добралось-таки до его департамента. С утра вошла в уютный их особняк пятиметрового роста Афродита и непререкаемо велела содрать всю позолоту со стен, побелить потолки, а восемьдесят процентов увольняемых за ненадобностью чиновников от культуры собрать в корзины и подносить к окну, куда она самолично их опорожняла. Под конец подозвала бледного, с дрожащими коленками Венедикта Фемистокловича:

— Зачем позоришь свою фамилию? Ведь ее родоначальница, олимпийская коза Амалфея подарила человечеству рог изобилия, а ты же из этого рога наплодил толпы никчемных, бездельных людишек! В наказание тебе лишаю должности, права на повышенную пенсию госслужащего и отправляю обратно доцентом в пединститут.

Проснулся от таких страшных снов Амалфеев с сердцебиением и в холодном поту. Потом до утра не мог заснуть, пугая добрую свою супругу и милых детушек, бездельников-переростков. А на утро предпринял контрмеры: явился к вице-губернатору с опережающим проектом сократить аппарат департамента на 0,35 %. Хмуро посмотрел тот на Амалфеева; он тоже вчера был на презентации у Жоржа Кидалова.

«ПАТОКА С ИМБИРЕМ, НИЧЕГО НЕ РАЗБЕРЕМ!»

Так вот-с,— заговорил, выпрямляясь во весь рост генерал,— вот вам в наш век кто на всех угодит, кто всем тон задаст и кто прочнее всех на земле водворится: это — б е з н а т у р н ы й д у р а к! (выд. Н. С. Лесковым.— Авт.).

Н. С. Лесков «Смех и горе»

♦ Еще в студенческую, впрочем, совсем недавнюю, бытность, учась на кафедре журналистики, каковые в конце девяностых — начале нулевых годов, по принципу тусовки (у Васьки есть, значит и у меня должно быть...), были спешно организованы по стране во всех новопереименованных университетах, бывших политехах, педах и пр., Денис Коротин загодя придумал себе «для печати» творческий псевдоним: Дэн Ко́рвин. С ударением на первом слоге. Он полагал, что зашибись импортно, по-европейски слоган звучит. Самая очкастая и умная на курсе Светка Тринберг, правда, засомневалась в правильности ударения, объяснив, что это имя венгерского короля Матиуша Корви́на, на втором слоге, значит, акцентация, создавшего самую великую библиотеку эпохи Возрождения. И эта библиотека, и главное венгерское современное издательство, и много чего в культурных объектах Европы носят фамилию достопамятного короля. Сам основатель и заведующий кафедрой «акул пера», как ее шутейно звали в университете, он же главный редактор еще с давних советских времен бывшей комсомольской, а с «лихих девяностых» либеральной областной газеты, которого уже пятьдесят лет иначе как Мишей Веселовым не именовали за глаза (впрочем, достойно уважительно), прочитав в издаваемом кафедрой учебно-студенческом журнальчике «Обретающие слово» материал с подписанным псевдонимом, при случайной встрече с подопечным как-то задумчиво порассуждал: «Псевдоним есть дело серьезное, безошибочное. А у тебя вот с ударением (значит, Светка уже донесла) путаница. Ты уж, полупочтенный, разберись, а то по пословице получается: «Патока с

имбирем, ничего не разберем!». Шутливо отсалютовав, вечно моложавый Миша Веселов, в неизменных джинсах, в которых даже на ректорские совещания ходил (впрочем, крепко с ректором дружбанил), пошел по коридору, насвистывая песенку совей далекой советской молодости: «Все пластинки группы «Квин» обменял на героин...».

Уважая свой выбор ударения, ученость Светки, у которой всегда списывал тесты на зачетах, и авторитет завкафедрой, Дэн принял Соломоново решение: а плевать на все эти ударения с Останкинской... нет, лучше с Эйфелевой, башни, а еще лучше с американского небоскреба! Псевдоним-то для печати, где ударения не ставятся, как в учебниках русского языка для иностранцев, а в устной речи, особенно в официальном представительстве, да, разумеется, в гонорарных ведомостях, что предстоят ему в недалеком будущем, называется и указывается фамилия от отца доставшаяся.

Опять же Светка в конце третьего курса заменила очки на контактные линзы и оказалась вполне привлекательной девицей. Поимел Дэн устойчивое желание к окончанию универа подкатиться к ней с предложением чего следует, как в старорежимных романах и фильмах, учитывая солидное положение ее папаши в местном адвокатском круге, но... человек полагает, а кому надо располагает. Словом, в конце лета, перед четвертым курсом родняки услали Светку в Лондон — получать престижный английский диплом. Обломилось! А может и к лучшему все? Опять же, кто полагает, а иной располагает.

...Свой «деревянный» диплом бывшего, сугубо оборонного, политеха, над каковыми потешаются в редакциях газет, журналов и телестудий столиц и «университетских центров», Дэн получил без особого прилежания и затруднения. Тему дипломной работы, доставшейся ему — что-то архаичное, по русской журналистике последней трети позапрошлого века,— он не стал, как иные дурачки, вытаскивать и компилировать из инта, чтобы иметь удовольствие попасться на программе антиплагиата. Умные люди из отцовых друзей с бизнесом, близким к масс-медиа, научили. То есть отыскал по инту названия нескольких старых, прошлого века — советских, книг по литературоведению, близких к его теме, но, в силу их архаичности и невостребованности, не удостоенных чести оцифрования. Далее впервые в жизни сходил в областную библиотеку, нашел в каталоге эти пыльные книги; записавшись читателем, взял их на дом.

Далее дело техники, с которой Дэн (не лузер ведь, не чайник!) обращаться умел. Выискал нужные параграфы и главы, сосканировал, перевел в цифру, состыковал между собой, в муках творчества сочинил предисловие и выводы, по инту же составил приличную библиографию. Руководителем у него был относительно молодой препод, то есть уже из поколения пепси, также по компу учившийся, о тонкостях исторического литературоведения в части журналистики и не помышлявший. Прогонка по антиплагиату дала почти стопроцентную новизну и оригинальность дипломной работы Дэна. А Миша Веселов, по должности завкафедрой наскоро, «по диагонали» просматривавший работы подзащитных, будучи в хорошем расположении духа, почти что восхитился цитатой в дипломе Дэна, а именно в главе, посвященной литературной публицистике писателей с антинигилистическим направлением: «*Егда люди потрапезуют и, помолясь уснут, в тот час восстают татие и исходя грабят*».* «Ух и черти! — засмеялся он, обращаясь к находившимся в тот момент в преподавательской нескольким подчиненным,— где же они умудряются списывать такие цветистые дипломные сочинения, что никакой антиплагиат не берет? Да-а, товарищи преподы, как нас эти ловкачи именуют, хорошая смена прежним акулам пера подрастает! Уже и не акулы, от которых ловкий пловец может отбиться, но настоящие нильские крокодилы! Перекусят пополам, не моргнув честнейшими глазами, и — к кассе! В смысле на свою карточку, мол, позолоти ручку, родная редакция»...

♦ По окончании универа Дэн попал в положение, сходное с фольклорным: пили,

* Из повести Н. С. Лескова «Грабеж».— Прим. авт.

ели, веселились, посчитали — прослезились. С «деревянным» дипломом бывшего политеха, не совсем казистой внешностью, невысокой солидностью — не в тех капиталах состоят! — отцовых друзей... опять же полом не длинноногая девица, чтобы в какие-нито представительские побегушки при властях или знатных *бизнесментерах* пристроиться, наконец, при отсутствии диджеевской развязности языка — не то что в столицу, в местные, областную и городскую, администрации, но и на губернское телевидение он не мог претендовать. Тож и радио. Официальное вовсе заглохло, там и пары пенсионеров советских времен с избытком хватает, а частные, пресловутые *эфэм*-радиостанции дублируют центральные московские, добавляя только местную рекламу — то и другое единственный штатный оператор с инта получает. Газеты? — В обоих официозах, областном и городском, короткие, «стенгазетные» развлекалки тоже с инта, а все основное место — телепрограммы, казенные объявления о торгах, частная реклама. И пристроиться сложно без рекомендаций. В газете Миши Веселова? — но он же весь выпуск туда не возьмет?

Есть еще кабельное телевидение, но в памяти засело годичной давности летнее, в городском сквере, знакомство с его молодым коллективом. Рядом магазинчик «Красное и белое», легкая прохлада ввечеру июльского дня, народ, не теряя бдительности насчет «красных шапок», то есть сейчас всемирных картузиков с утиными козырьками, попивает пивко. Телевизионщики опосля трудового дня. Охотно приняли Дэна в свою компанию, похлопывали по плечу, дескать, наш брат-журналюга! По кругу трубочку с травкой пустили, говорят, привыкли — не злоупотребляем, но для тонуса, а без него на современном телевидении нельзя: все в ритмике, в движении, в калейдоскопе кадров. Почище чем у клубных и концертных диджеев... Но, однако, провинция, спонсоров нет, реклама хилая, так что особо бабки в руках не шелестят.

Пока же Дэн раздумывал, по инту шарил, с бывшими однокашниками общался, лето прошло. Осень случилась большая выборная, так что подработал в разных агитгазетках, по листовочной части — названия партий и фамилий «кандидатов в слуги» не запоминал, ибо старшие всегда давали исходняк. «Думать вредно, ибо нашего брата, акулу пера, кормят ноги, нюх и слух; даже глазам, которые есть часть мозга, надо с осторожностью доверять!» — запомнил Дэн слова почти маститого московского обозревателя крупной газеты, приглашенного как-то Мишей Веселовым на показательный мастер-класс. По всему видно было, что перед семинаром они с завкафедрой по провинциальной расслабленности уговорили бутылочку коньяка...

В выборную ту осень Дэн кой-какие деньжонки заработал, но к концу года родители начали намекать о серьезном жизнеустройстве. И сами они, то есть отец, были из мелких «среднеклассцов», «мелкобуржуазной биомассы», как в глаза, впрочем без озлобления, философски, называл их семидесятипятилетний дед Егор Пантелеевич, потомственный коммунист, но в последние годы разошедшийся во взглядах с партией Геннадия Андреевича: перестал читать столичную и губернскую «правды», а приналег на первоисточники, с карандашом изучал тома Сталина, покупаемые на свои пенсионные в букинистическом магазине, и других классиков марксизма, что подбирал у квартальной помойки, куда их выносили из окрестных домов внуки-правнуки, задававшие своим квартирам евроремонты.

Дэну, все же удержавшему в своем воспитании долю сыновней почтительности, и самому не совсем удобно сидеть на шее родителей, а главное — хватит алтушками в карманах позвякивать сиротски. Пора к делу! Выручил, как ни странно — счастье, как и беда, всегда с неожидаемой стороны приходят — матерый коммуняка Егор Пантелеевич. Раз он вернулся с прогулки по свежевыпавшему предновогоднему снежку редкостно веселый, разделся-разобулся в прихожей и явился семейству с двумя предметами: потертой книгой в сером переплете и четвертинкой неподдельного грузинского коньяка «Старый Кахети». Объяснился: на камне у помойки, куда все окрестные евроремонтники, все же стыдясь бросать в общую мусорницу, кладут кни-

ги, обнаружил раритет высочайшего класса — труд Лаврентия Павловича Берии о развитии революционных организаций в Закавказье. От такой неслыханной удачи зашел в «Красное и белое», что в торце их дома, и взял малый бутылек. Как же с чувством не обмыть такую находку.

За ужином разлил себе, сыну и внуку. Выпили, закусили. Здесь Егор Пантелеевич, подмигнув Денису, и главную новость рассказал: в магазинчике этом привлекательном встретил давнишнего своего приятеля, едва ли не с институтских времен, вместе на заводе машиностроительном трудились, оба в своих цехах партбюро возглавляли. Поговорили по выходу на улице с полчасика — за четверть века не виделись, оба с началом «бардака» уволились с остановленного «врагами народа» бывшего гиганта оборонпрома с тремя орденами на знамени. Егор Пантелеевич и о внуке слово ввернул, а Сергей Максимович и заметил, что-де племянница его Верка в газете «Толока» кем-то вроде заместительницы у хозяев трудится. Дед еще раз подмигнул Дэну: «Обещал Максимыч с ней о тебе поговорить ... да не сомневайся, не забудет — коммунист он подлинный, как и я, в девяностые годы партбилеты не рвали прилюдно!»

Вот это уже удача так удача! Хотя и говорят, что радоваться заранее все одно что дитя крестить неродившееся (это не он, а дед иногда говорит так), но Дэн в полном предвкушении грядущей удачи мигом смотался в свою комнатку и принес на две трети еще заполненную пузатенькую бутылку настоящего шотландского «*Club'99*» — с раздачи в выборном штабе. Дед не очень-то привечал антипатриотические напитки, но уважение внука одобрил, выкушал с сотрапезниками и виски.

Чтобы не сглазить, в последующие дни Дэн ни по телефону, ни по инту знакомым и приятелям ни словом не обмолвился. Зато вычислил по сайту «Толоки» эту самую племянницу Верку: да, действительно, в замах состоит, по фото — лет сорока, сорока пяти. «Толока»... самая популярная в городе и области частная газета в тридцать две страницы, а в спецвыпусках и вовсе в шестьдесят четыре. «Городская сплетница», как ее порой называют старорежимные интеллигенты, а значит ее читают, в отличие от официозов, даже от газеты Миши Веселова, *все*: торговки, домохозяйки, порой и их мужики, пенсионеры, даже ничего не читающие студенты. Демонстративно кривя губы, дома, втайне от коллег, взахлеб читает вся так называемая интеллигенция. Все чиновники — чтобы быть в курсе дел и событий в управляемых ими области, городах и районах. *Все* читают! — Как в советское время все читали две единственные в области газеты: орган обкома партии и орган комсомола, возглавляемый молодым еще Мишей Веселовым. А на старших курсах в дружеских посиделках однокашников, обсуждая грядущее «я б в газетчики пошел, пусть меня научат», где девки, особенно из фитнесных и длинноногих, грезили местами пресс-атташе при различных администрациях и «связистками с общественностью» в крупных компаниях, серьезные же ребята на равных ставили телевидение и популярнейшую «Толоку».

...Видимо матерая газетчица Вера Антоновна, хотя и в ранней юности, но заставшая семейное советское воспитание, проявила уважение к родному дядьке Сергею Максимовичу, тем более что неожиданно образовалась вакансия (предшественница Дэна нашла себе место содержанки московского папика — так злословили в редакции незамужние бабенки) корреспондентского характера, но Дэн попал в «Толоку». И редакция в соседнем квартале — сплошные приятности. Сбылась мечта идиота...

♦ Политех не политех, но все же чему-то Дэн научился, потому скоро приноровился к газетной работе. Дольше всего на новом месте длится первый год. Вот и пошли месяц за месяцем, приходила сноровка. «Толока», как газета облегченного содержания для *всех*, не пропускала и официальных профессиональных дат, повторяемых из года в год. Поэтому Дэн нимало не удивился, когда Вера Антоновна, его благодетельница, потому на этих правах и приучавшая подопечного к мудреным заданиям, дала ему по-

ручение: в связи с близким Днем науки (при этом тот несколько изумился: какая-такая наука?) отправляйся-ка завтра с утра на биологический факультет твоего родного университета. Профессорствует там очень занимательный, широко известный в узких научных кругах, причем не только в России, Игорь Васильевич Скородумов.

— Я уже созвонилась с ним, получила, впрочем, несколько неохотное — ты это себе в голове отметь, согласие на интервью. Вот его телефон. С проходной корпуса позвонишь ему, а он на вахту, чтобы тебя пропустили, сообщит. Не забудь свое удостоверение и паспорт на всякий случай — у них там, как Игорь Васильевич, то ли всерьез, а может и с юмором сказал, месячник бдительности. Человек он серьезный, известный, поэтому сегодня отвлекись от всякой текучки и по интернету, по поисковику на его фамилию, ознакомься: о чем он пишет в своих трудах, что о нем думают.. Ну-у тебя уже учить не надо, либо уже поздно. Материал — в срок! Обычного для «дней» объема. Тема в ходе интервью обозначится.

Совершенно правильно прореагировав на «учить уже поздно», что всего лишь намекало на протежирование, а значит на взаимную ответственность, Дэн, непроизвольно (с девицей своей поругался, холостяковал) смазав слаборазборчивым в такой ситуации глазом еще интересную, тугогрудую фигуру начальницы, отправился в свою комнату, общую с доброй половиной редакции. Забрав свою репортерскую сумку с казенными фотоаппаратом и диктофоном — в газете халтура с мобил и смартов не допускалась,— сказав завотдельше «сегодня и завтра до обеда на задании от Веры Антоновны», вышел из редакции. До вечера проболтался: пробовал по телефону помириться с Кариной, даже самонадеянно взял курс на ее дом, но получил отлуп. Встретив на проспекте школьного еще знакомца, зашел с ним в спортбар: по пивку и бокс с чернокожими финалистами посмотреть. Все же с пользой окончание дня провел: заскочил к свободному сегодня знакомцу, подвизавшемуся в торговле подержанными машинами, кой-что интересное узнал... а то скоро уже в редакции пальцами на него станут указывать, мол, дураку — писаная торба, а нормальному газетчику и вовсе неприлично на трамваях с пенсионными старухами трястись!

Поужинав с домашними, чем приятно удивил мать, что-де Дениска сегодня не шляется до полуночи и не у девки какой заночевал, даже одобрив снисходительно очередную помоечную находку деда, коммунистического коллекционера — укладистый томик «Утопии» Томаса Мора издательства «*Academia*» тридцатых годов, ушел в свою комнатку, раскрыл студенческой еще бытности ноутбук (все деньги на подержанную машину копятся, приличный планшет все отодвигается!) и занялся профессором Скородумовым. К своему удивлению ни в каких соцсетях поисковик его ФИО не выдавал. И сайта своего у Игоря Васильевича не имелось. «Как у той пенсионной старухи в трамвае»,— досадливо вспомнились остроты редакционных коллег. Совсем же непостижимо — у странного профессора не значилось своего адреса электронной почты! «Без *мыла*, значит, мылится»,— ухмыльнулся Дэн. Правда, поисковик выдавал без конца названия многочисленных книг Скородумова, размещенных на научных сайтах, публикаций в журналах, наконец, оказывается профессор не так прост — уже два десятка лет является главным редактором журнала «*Феномены разума: XXI век*». Но все это не то, не журналистский формат, как в их профессии говорят.

...Дэн как-то краем уха, на последнем курсе универа, слышал от молодой, язвительной на слово, преподши их факультета, но другой кафедры и специальности, что их университет в такой яме, даже никого из профессоров не обозначено в *Википедии*. На удачу зайдя в нее, Дэн обнаружил неправоту болтливой преподши: один-то из их универа в этой энциклопедии имелся и именно Скородумов. Аж на десятке страниц! Из этой персоналии Дэн много чего почерпнул для завтрашнего интервью с «увешанным» многими, преимущественно двойными учеными степенями и званиями, отечественными и иностранными «заслуженными» и «почетными», научными орденами, медалями и знаками. И припомнил, увидев фото профессора в Википедии, что таковое имеется на

стене второго, «административного» этажа главного корпуса — напротив кабинета ректора, в почетном ряду этих самых «заслуженных» сотрудников университета. Но вот что никак не укладывалось в голове Дэна после прочтения статьи, так это крайне сомнительная должность Скородумова, что-то вроде научного консультанта, даже не штатного профессора — это при его-то двух ученых званиях по этой части!

Еще час-полтора посмотрев относящееся к Игорю Васильевичу, даже попробовав прочитать несколько аннотаций к его книгам с мудреными, иногда и вовсе с ироническим подтекстом, названиями, разыскав несколько отзывов на эти труды, Дэн внезапно почувствовал то озарение, молнию сакральной мысли, что приходит человеку в итоге каких-либо умственных рассуждений в час перехода позднего вечера в близость курантного боя на Спасской башне Кремля. В своем часовом поясе, конечно. А именно клюнуло в голову: завтрашний интервьюируемый откровенно фигурально плюет, причем со смаком, на официально декларируемую «науку», а сам создает свои теории, исключительно пользуясь здравым смыслом. Конечно, Дэн далек был от такой терминологии, он на своем журналистском волапюке мыслил, но пришел-таки к правильному выводу. А с ним, с выводом-то, яснее ясного понял и Веру Антоновну, именно шутника Скородумова выбравшую среди нескольких сотен городских профессоров, в основном «выделки» девяностых годов, когда приобрести докторскую степень было легче, чем открыть лавочку-сникерсную. Причем бесплатно. Ибо то было время непуганых идиотов на фоне всепоглощающего первоначального накопления. Вера же Антоновна четко проводила, даже в отношении официальных «дней», редакционную политику, в числе прочего создавшую сверхпопулярность «Толоки» в городе и области, а именно: нескрываемая «желтизна» газеты, что и привлекает читателей от рыночной торговли до депутатского корпуса, требует не официоза, но игривости с изюминкой... как, в историческом примере, публично расстегнутая ширинка бывшего премьера (или что-то в этом роде? — Дэн не запоминал прошедшее) Касьянова, что напрочь погубила его политкарьеру. Или достославный прокурор в бане с девицами. Сейчас, конечно, времена иные, административно подтянутые, суконно-цинковые. И хозяева «Толоки» соответственно новым веяниям перестроились... перезагрузились, как модно в политическом истеблишменте нулевых годов было принято говорить.

Чего-чего, но качество смекалки у молодящейся Веры Антоновны вполне гармонично ее тугим грудям, даже при наличии дочери-старшеклассницы и регулярной (с мужем!) половой жизни. Уже при беседе с профессором Скородумовым Дэн убедился в чутье начальницы: лучшей кандидатуры на интервью к Дню науки и с учетом игривости с изюминкой «Толоки», нежели Игорь Васильевич Скородумов, и представить было невозможно! Великое дело дедуктивная, то есть аналоговая женская логика...

♦ — А-а, милости просим! Входите, молодой человек империи российской,— приветствовал в своем кабинете Дэна профессор Скородумов. Садись... или присаживайся, не знаю, как на нынешней фене говорят, вот на этот стул. Ничего если на «ты»? Как студента, а ты ведь недавно из этого сословия вышел в люди? Я сразу для ясности: глупость все это — всякие интервью о науке для ширпотреба. Давно уже никакой науки нет. А согласился для вашей газеты по двум причинам. Не главная — догадываюсь кто меня рекомендовал: прежняя хозяйка «Толоки», в компанействе конечно, что сейчас на покое рантьершей в свое удовольствие живет. Я с ней в молодости хорошо был знаком, в одном отделе инженерами трудились в Конструкторском бюро знаменитого академика Гусакова. Нахлынули воспоминания о славных временах, опять же — припомнила. Главная же причина, что вспомнил историю с моим другом Николаем Андреяновичем, доцентом на кафедре ракетостроения — это в «пентагоне», знаешь, первый корпус, военно-технический факультет... институт по-нынешнему... Слушай, Денис, может выпить хочешь? У меня сейчас очень рукастый аспирант с еще более замечательным дедом: такую самогоновку сотворяет, фильтру-

ет до бриллиантовой прозрачности и на клюкве настаивает. А?

Дэн с таких быстрых оборотов непривычно для себя смешался и отказался, что-то несуразное пробормотав.

— Ну и зря. Так вот, история с доцентом-ракетчиком; с ним мы тоже вместе в заведении Гусакова работали. У Николая Андреяновича супруга учительница, но очень увлекается декоративными цветами. Вот и разбила «плантацию» в палисаднике около своего подъезда на радость жильцам дома и прохожим гражданам. Хороший цветник получился! — Мы как с Николаем Андреяновичем летом на его балконе балуемся водовкой или коньячком, если неподдельный случится, то я всенепременно комплимент его супруге сооружу. Но — к сути дела. Раз наш ракетный до́цент, пославши жену на Южный рынок насчет его любимой трещочки — тот из мурманского Заполярья родом, трескоед! — лежит себе на диванчике, освежает в памяти «Мертвые души» — как раз скандал в областном департаменте здравоохранения случился с приписками-недописками в статистике смертности, всех разогнали, словом, на злобу дня, похохатывает. Вдруг — звонок, открывает дверь, а там молодые парень с девицей. Те сразу, мол, замечательный цветник! соседи к вам направили, супруга ваша его содержит. Нам бы с ней побеседовать, мы из «Толоки», мимо проходили — восхитились. Отвечает Николай Андреянович, что дома ее нет сейчас. А девица: «Сожалеем, нет времени подождать. Но вы, разумеется, ей помогаете за цветами ухаживать?» Не успел наш доцент сообразиться, парень его щелк фотиком — и след их простыл. Потом он рассмеялся и из головы выкинул, только рассказав пришедшей домой супруге. Дело в июне было, сессия в разгаре, легкая суета, по разным корпусам приходится ходить. И где бы не появлялся Андреяныч, все, даже отдаленно знаемые, доценты, профессора, деканы первыми руку жмут, мол, видели ваше фото в «Толоке», где про домашний цветник расписано! В главный корпус зашел ведомости экзаменационные в учебный отдел занести, так все административное бабье, что четыре этажа из пяти плотно забили, на него в коридорах пялятся, изустно или кивками здороваются. Два там же встреченных проректора, вряд ли раньше простого доцента и в лицо знавшие, с легкой улыбкой снисходительного одобрения поручкались и про фото в «Толоке» упомянули... Рассказал мне это Николай Андреянович, посмеялись под пару стопок «клюквенной» от аспирантского деда и пришли к фундаментальному, как пышно говорит на советах университета проректор по науке, открытию: из всего обилия мировой литературы, включая научную, выработанной человечеством, начиная с древнеегипетских «Книги Мертвых» и «Повести Петеисе III» и до XXI века все нынешние доценты, профессора и руководящие кадры вузов города читают только бульварную, извини, мой юный друг, «Толоку»... а в других городах и весях есть свои «толоки». Вот и на себе решил повторить эксперимент с вашей славной газетой — а то, ввиду моей глухой известности, как что-то навроде этого некий классик сказал, соскучился я по известности в родном университете! Ха-ха-ха! Можешь это в шутку или всерьез понимать. Но — это для разминки.

Слушая разговорившегося после стопки клюквенной профессора, Дэн с некоторым изумлением осматривал кабинет хозяина, ибо уже попривык за время работа в «Толоке» к принятому стандарту таковых — административных, всяких служебных, заводских и в обилии всевозможных частных заведений, торгово-посреднических в основном. Кабинет же Скородумова, начиная с перечислявшей его основные степени и звания таблички на внешней стороне двери, дополненной чуть меньшей по размеру с текстом

ПРОСЬБА АМЕРИКАНИЗМ «ПРОБЛЕМА» НЕ УПОТРЕБЛЯТЬ! (КАК И ДРУГИЕ)

чем-то напомнил Дэну мельком виденную, скорее всего в инте, средневековую гравюру, изображающую ученого (не монаха, но трезвого) в его *обсервации* — почему-то это слово, совершенно ему неясное. Пришло в голову: книги на полках, книги в

шкафах, на столе... вообще везде на горизонтальных, исключая пол и потолок, поверхностях. Небольшой холодильник на подставке — из него профессор доставал бутерброд, закусывая стопку «клюквенной».

На столе перед креслицем с профессором листы рукописей. Но все в «келье» в образцовом, военно-морском, как бы одобрил его (не аспирантов) дед, служивший некогда срочную на «Балтфлоте». На единственно свободной половине стены несколько дипломов в рамочках, а также портреты Ленина, Сталина, Шопенгауэра, аятоллы Хомейни и репродукции с трех картин, которые, заметив взгляд журналиста, охотно пояснил Игорь Васильевич:

— Это Репина, где на кремлевской площади Александр Третий после коронации разговаривает с депутацией сельских старост. Обрати внимание: православные без шапок, а татары с башкирцами в оных на головах. Теперь сюда: две картины одного и того же, известного придворного, так сказать, живописца — временные вариации на тему «Ленин у прямого провода». На первой, времен Генералиссимуса, Ленин со Сталиным у телеграфного аппарата, причем Сталин ленту читает и что-то назидательно говорит Ильичу. На второй, послесталинской, уже Ленин у аппарата, руки в брюки, поучает почтительно слушающего управделами правительства Бонч-Бруевича. Только телеграфист на обеих сценах один и тот же — все же против правды истории художник не попер! Рекомендую, как символ современной... да и любой иной прессы, повесить у себя в редакции, взяв из интернета.

При упоминании об интернете Дэн сообразил, что его напрягает: в кабинете не наблюдалось ни компа, ни планшета. Только рядом с городским телефоном китайского ширпотреба на столе лежал дешевейший старинчатый *Samsung* той же фабрикации. Дэн поморщился, вспомнив детскую обиду: точно такой же гэджик экономная мать купила ему в начале первого класса учебы. Все одноклассники и ребята во дворе смеялись над ним: более дешевой и дряной мобилы они не видели!

♦ Игорь Васильевич, как опытный педагог, хотя — по его словам — давно оставивший «глупую возню со студиозусами новейшей генерации», что сначала растормозит слушателей парой анекдотов, а затем перейдет к делу, и здесь посерьезнел, в словах, но не в душе, деловито обратился к Дэну:

— Сделаем так, мой юный друг. Я человек не разговорный, а сугубо думающий и мысли записывающий. Поэтому отвечать на вопросы тотчас не умею, а эти самые вопросы лучше мне сформулировать, как человеку «в теме», говоря на братковской фене. Согласен? Так вот, когда мне вчера ваша Верочка, отчества она по-нынешнему американизму не назвала, позвонила, то кстати образовались полтора часа слабозанятого времени. Вот я и написал наше с тобой интервью: твои краткие, в цель бьющие вопросы, а на них мои обстоятельные ответы. С существенной поправкой на широкий ареал читателей «Толоки». С полным к ним уважением. И к обоюдному, полагаю, нашему с тобой удовольствию. Если по объему не войдет в отведенную тебе полосу... или как это у вас называется? — сокращай, понятно, со мною не согласовывая: я сейчас новую монографию начал, отвлекаться не люблю.

Дэна слегка качнуло при этих словах чудаковатого профессора, но доводов возразить как-то в голове не собралось. С другой стороны, халява и есть халява, а профессор лапшу по бумаге не станет размазывать. Вон сколько томищ сочинил — Дэн посмотрел на три полки полутораметровой длины, уставленной книгами с фамилией Скородумова на корешках. И родители в детстве учили доверять приличным людям...

Игорь Васильевич протянул пластиковую папочку с несколькими листами, убористо исписанными, извинился:

— У меня классовая ненависть ко всяким этим «механизмам», пишу только от руки любимым паркером, что лет пятнадцать назад подарил после своей защиты самый умный мой аспирант. Ничего, разберешь — я в начальной школе еще чистописание застал. Перепечатаешь, не сочти за труд. Мне вот лаборантка грамотная за от-

дельную умеренную плату набирает, а ты уж сам за свой гонорар потрудись. Давай все же за взаимную экономию времени на интервью хлопнем по стопке клюквенной — оценишь, намного приятственнее всех тех *висок*, что в ваших компашках, как догадываюсь, с гордостью, какой полны штаны, пьют. А я напоследок в немногих словах, чтоб ты суть схватил, правя текст под ваши требования, сформулирую.

Дэн почти на автомате, еще не отошедши от стремительности подмены интервью уже готовым текстом, что впервые в его недолгой пока газетной практике случилось (гм-м, что-то впереди еще ждет?), смиренно принял стопку из рук приятно улыбающегося профессора. А тот чокнулся с ним своей, произнеся «как в моей инженерной молодости говорили — по полпромиле*!» — и указал на тарелку с бутербродами на столе. Дэну еще не доводилось пробовать самогон, судил о нем абстрактно, по совковым киношкам о Махно: мутный и вонючий. Но в стопке, в слегка волнующейся руке — от неожиданности ситуации, переливалась во внешнем свете коричневатая, от того не менее прозрачная до донца... Дэн зажмурился и махнул в один глоток. Пока во рту гуляло приятно-терпкое послевкусие, а от гортани до желудка катилось нечто округлое и теплое, в эти две-три секунды он осознал правоту Скородумова: все эти «джонни уокеры» и «белые лошади» есть прокисший сливовый компот, а аспирантов дед — доморощенный мичуринец и тимирязевец в одном 0,5-флаконе!

— Ну что, юноша взалкающий познания быстропреходящего и вечного,— бархатисто рокотал еще более взбодрившийся профессор,— давай по отвальной, чтобы посуда без употребления не куксилась, и я тебе на дорожку все же прорезюмирую. За нашу славную, но, увы, бывшую науку. Прозит!

♦ Выйдя из корпуса биофака, Дэн позвонил Вере Антоновне, сказав, что интервью, ввиду сложности и несомненной актуальности темы, затянется, в редакцию заходить не с руки, а дома он все обработает и завтра утром принесет все в готовности. Придя домой еще до пополудни, Дэн, отмахнувшись от расспросов матери и деда, прошел к себе. Едва коснувшись дивана, упал в глубокий неурочный сон. Проснувшись к ужину со свежайшей, ясной головой, с аппетитом поел, кратко обмолвившись, адресуясь к деду (отец запаздывал), о сегодняшнем занимательном знакомце, а затем почти до отбойных курантов набирал и правил интервью, которое наутро в распечатке и с переброской на флешку вручил начальнице. К тексту прилагалось фото вольнолюбивого профессора и общий — из угла по диагонали — антураж оригинального кабинета. Вера Антоновна, хмурая с утра, рассеянно кивнула. Дэн вернулся к себе, рассеянно просмотрел свою почту: на экране ничего занимательного не высвечивалось. Мимо ушей его пролетала обычная утренняя же пикировка Ленки с Владом, сдружение которых никак не переступало затянувшуюся вялую фазу: «Владик, скачай для меня...» — Не дожидаясь окончания дежурного заигрывания напоказ, тот буркнул: «Не водокачка я!». Шла обычная разминка редакции.

Через пару часов Дэна позвала Вера Антоновна, огорошив вопросом:

— Ты ведь, Денис, в пятиэтажке, с колонкой на кухне, живешь?

— Да... с колонкой. Квартиру еще дед получал. А что?

— Я вот тоже... с колонкой. Отцу, покойному сейчас, на заводе дали. А колонка у вас с основания дома? Или меняли?

— Да дед все ворчит: зачем, мол, старую убрали, теперь каждые пять лет приходится менять. А у вас как? — включился в разговор Дэн.

— А у нас в квартире газ. Дому шестьдесят лет минуло, столько же и колонке. Иногда, правда, по естественной старости слегка подтекает, фитиль обгорает и другие неприятности — ведь женский, до недавних времен, запенсионный возраст! Но вызовем из горгаза слесаря, он менее чем за полчаса все и исправит.— И как новая

* Сейчас, с подачи гаишников, слово «промилле» и грудному младенцу знакомо. А ранее его знали только инженеры и бухгалтеры. Промилле — десятая часть процента; соответственно полпромиле — 0,05 % как-то ассоциировалось с 50 граммами водки...— Прим. авт.

следующие два-три, а то и побольше, года газует. Я как-то по молодости, как и ты корреспондентом начинала, брала интервью у начальника горгаза, так он мне и разъяснил: почему старые колонки могут и до столетия дотянуть, а новые считай «одноразовые», Оказывается, когда сразу после войны по репарации из советской зоны оккупации Германии подчистую вывозили целые заводы, не только военные, то рачительно прихватили и предприятие концерна Мессершмидта по производству газового оборудования, в том числе и бытовых колонок. И до конца семидесятых годов точь-в-точь по немецкой технологии их и делали. То есть мессершмидтовские колонки, как те же советские телевизоры шестидесятых-семидесятых годов, едва не на сто лет службы получились!

— Но-о, а я-то...

— А ты-то, Денис Батькович, при том, что нарвался вот на такого же «мессершмидтовского» профессора: раз его построили, а заменять не надо... в отличие от носителей этого звания современной выделки. Я, Денис, на дуру вроде как не тяну, понимаю, что и вопросы к «своему интервью» и ответы — все без твоего участия Скородумов сформулировал. Нет в них обычной газетной развязности и откровенной благоглупости. На-ко зачитай, зачитай концовку!

Дэн взял последний лист распечатки и, недоумевая, прочитал вслух обведенную Верой Антоновной красным фломастером заключительную фразу:

— «Период глобализации, как начало овеществленного перехода биосферы Земли в предугаданное еще академиком Вернадским новое ее качество — ноосферу, имеет целью в плане социальном полное расчеловечивание, то есть человек биологический выполнил свою эволюционную миссию. Честь ему и хвала уходящему. Очень скоро все мы перейдем в сугубо технический мир телекоммуникационных сетей, для обслуживания которых, после ликвидации в той или иной форме большей части населения планеты, будет оставлено...»

Здесь Вера Антоновна перебила:

— Достаточно, давай последние четыре строки.

— «...Уже нынешний человек в возрасте где-то до тридцати лет по своему образу мышления и жизненному поведению может быть квалифицирован, впрочем, безо всякой обиды доля него, как *безнатурный дурак*. Это не мои слова, но одного писателя девятнадцатого века».

— Согласен с профессором?

— Дураку легче живется,— уклонился Дэн от прямого ответа,— потом с него и спросу нет.

— И я согласна... как и все, но говорить это в открытую неполиткорректно. Давай поступим так. Беседу профессора с самим собой повесим на нашем сайте, убрав последние четыре строки, а в газету на День науки что-нибудь дежурное из интернета возьми. С учетом местной персоналии. Не забудь с сайта администрации области что-то добавить. До вечера вполне успеешь.

...Через год Дэн встретил на улице Светку Тринберг. Как и все еврейки, она в считанную пару лет быстро переоформилась из розовощекой девушки в уверенную молодую женщину. Пожаловалась: лондонский диплом получила, но на заграничное и московское житье денег нет — у отца смизерились адвокатские доходы: клиенты из знатных воров и прочих «честных предпринимателей» перевелись, ведь не девяностые! а чиновников за взятки смысла нет за одни задатки защищать — если их «за клин» и берут, то уже с гарантией на образцово-показательную отсидку.

Светка и раньше нравилась ему со своим своеобразием, а теперь и социального неравенства у них нет. Через полгода расписались и уехали на ПМЖ в Израиль, где у Светланы Ефимовны издавна уже обосновалась обширная родня. Она за полгода начатками иврита овладела, а Дэн на *дую спик инглиш* приналег.

Опытный журналист наставляет стажера: «Ну, что ты, мой милый, написал: «Вчерашний Первомай в областном центре собрал не более двух тысяч митингующих, преимущественно пожилого возраста. В целом, все прошло спокойно за исключением небольшого инцидента: учащийся техникума бросил в сторону губернатора надорванный пакет с кефиром. Хулиган был задержан». Надо усилить акценты, примерно вот так: «Традиционный праздник весны и труда граждане города провели на своих виллах и дачах. Несколько сотен страдающих амнезией беспомощных стариков случайно зашли на площадь и остановились, заинтересовавшись появлением губернатора, известного прокоммунистическими взглядами, со свитой. Молодой демократ, студент колледжа Борис К., выразил возмущение политикой губернатора по задержке реформ и метким броском надорванного пакета с йогуртом «Эрмигут» сбил с него спесь. Милиция зверски скрутила руки молодого борца, отличника учебы и именного стипендиата фонда Гусиновича и бросила его в «черный воронок». Народ на площади роптал и возмущался» (это из 90-х гг.).

Галина Солонова
(г. Сельцо Брянской области)

КОГДА ЦВЕТЕТ ОЛЬХА

Галина Алексеевна Солонова родилась на Брянщине. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Пишет для взрослых и детей. Член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств».

Раздался телефонный звонок. Денис нащупал рукой у подушки телефон, поднес к уху.

— Дениска, когда же ты приедешь? — послышался знакомый и такой далекий голос дедушки.— Пора. Пора. Деревня ждет тебя.

Застучало сердце чаще обычного. Ресницы дрогнули, Денис открыл глаза. «Что за сон? Дедушки уже нет как пять лет, а вот в канун Пасхи напоминает о себе.— Денис вспомнил восьмидесятилетний юбилей деда.— С какой гордостью он говорил о колхозных тружениках и как страдал от того, что колхозные хозяйства разорены...Дедушка помнит меня как Дениску, а я-то уже давно Денис Алексеевич, системный администратор. Живу в большом городе, и квартира у меня приличная, только,— Денис вздохнул,— только нет в ней хозяйки, и голоса детские не звучат, а давно пора бы. Не встретилась простая, искренняя, с натуральными ресницами». Звонок сотового телефона прервал мысли.

— Сынок! Небось, с компьютером в обнимку со вчерашнего вечера в постели?

— И как ты все видишь! Привет, мамуль.

— Доброго утречка, родной. Ты, надеюсь, не забыл: скоро родительский день.

— Не забыл. Дедушка во сне своим звонком мне сегодня напомнил. Оформлю отпуск и через несколько дней приеду...

* * *

Раннее апрельское утро. Легкий туман окутал все вокруг. «Не рановато ли я выезжаю? — подумал Денис, усаживаясь за руль «Джипа». Незаметно прошли полчаса, пока пробирался по городу. Наконец солнечные лучи начали пробиваться сквозь облака. Трасса, как широкая серая лента, вьется среди невспаханных полей. Последние несколько дней после дедушкиного звонка во сне душа Дениса томилась: «Поля как сироты. Никому не нужны?» Неожиданно услышал отдаленный рокот тракторов. Мрачное настроение улетучилось, когда у обочины дороги увидел «Мерседес». Остановил свой автомобиль рядом и направился к мужчине, наблюдавшему за вспашкой поля.

— Красиво идут,— сказал Денис.

— Да, опытные трактористы,— ответил незнакомец, доброжелательно взглянув на Дениса.— А вы что, имеете какое-то отношение к сельскому хозяйству?

— Я — нет. Мой дед в соседнем районе хозяйствовал когда-то в одном из колхозов.

— Интере-е-сно. Прежде, чем заняться сельским хозяйством, я много интересовался былыми успешными колхозными и совхозными хозяйствами, заброшенными полями. А как фамилия вашего дедушки?

— Соловьев Виктор Петрович.

— Слышал, слышал. Хороший был колхоз. Да только давно это было, очень давно. Ну что ж, давайте знакомиться: Добронравов Дмитрий Константинович, сельхозпроизводитель, основатель холдинга «Добронравов Агро», бизнесмен, по сути — просто крестьянин.

— А я — Кузнецов Денис Алексеевич. Моя работа связана с компьютерами. По должности системный администратор,— пожимая собеседнику жесткую ладонь, представился Денис.

— А внук, стало быть, столичный житель.

— Да, уж так складывается жизнь.

— А зов предков не будоражит душу?

— Есть такое. Иначе бы не остановился у поля, где рокочут трактора... Простите за любопытство: много ли у вас обрабатываемых земель?

— Начинал с шестидесяти гектаров, засевали картофелем. Теперь двадцать тысяч. Пшеница, соя, кукуруза, рапс, люпин, лен и еще многое другое.

Четыре трактора ровно бороздили бескрайнее поле после зимнего отдыха. Аромат свежевспаханной земли пробудил щемящую тоску и детские воспоминания о деревне. Дмитрий Константинович взглянул на Дениса и понял все.

— Могу точно сказать: едете вы, Денис Алексеевич, в свое село. И к столичной жизни адаптировались, а тянет вас на родные просторы.

— А кто же работает в вашем хозяйстве? — смущенным голосом спросил Денис.

— Жители окрестных деревень и сел. Их четыреста человек.

— А моя деревня почти пустует. Трактора поля не пашут. И, если что, с чего там начинать — не знаю.

— Эх, Денис Алексеевич, ехать мне пора. А вы поинтересуйтесь моим холдингом, работой других сельхозпроизводителей. Советую познакомиться с идеями Глеба Тюрина. И если есть свободные поля вокруг вашей деревни, зовите меня, а то среди наших предпринимателей за бесхозную землю идет борьба. Вот вам визитка на всякий случай.

Добронравов посмотрел на вспаханную землю, на удаляющиеся трактора, поднял голову, подставив лицо весеннему солнцу, постоял минуту с закрытыми глазами.

— Желаю удачи, думаю, еще пересечемся,— сказал он на прощанье и поспешил к машине.

Денис стоял в какой-то не понятной для самого себя растерянности. «Вон какой сильный человек. Личность»! — подумал с долей зависти, глядя вслед «Мерседесу».

* * *

Тихое, задумчивое настроение сопровождало Дениса еще часа два езды. Наконец колеса машины почувствовали укатанный грунт дороги, что ведет на погост. «Дорогу укатали автомобили родственников, бывших жителей деревни. Теперь они живут в городе,— бежали мысли Дениса.— А мне направо, по выбоинам и грязным лужам мимо брошенных полей». Издали увидел маму. Душа будто оттаяла, потеплела.

— Сыночек, все в порядке? Заждалась я,— утопая в объятьях сына, заговорила взволнованно Валентина.

— Не волнуйся, все в порядке,— успокоил Денис и вытащил из багажника большую сумку с продуктами.— Пойдем обедать, проголодался я...

Подперши кулаком подбородок, Валентина наблюдала, как сын с удовольствием ест деревенские щи, тушеную картошку и огурцы простого посола. И радовалась мать приезду сына, и волновалась: больно вид задумчивый и озабоченный. Наконец решилась нарушить молчание:

— Сынок, я ждала, что ты приедешь не один.

— Нет, мамуль, прости, пока не получается,— отозвался Денис, доедая еще не остывшую свойскую булочку и компот из сухофруктов.— А в деревне все по-старому? Пустует?

— Почему же? Ты знаешь, что три пары пенсионеров живут здесь уже год: Козичевы, Даниловы, Васечкины. Курочек и свиночек завели в своих хозяйствах. Дома потихоньку восстанавливают. Их сыновья установили водяные насосы в колодцах, что под горкой, как ты для меня. Не нужно им теперь в ведрах на коромыслах воду таскать. Слава Богу, электричество сохранилось в деревне. Дети с внуками летом отдыхали как на даче. Еще два дома заселили пенсионеры, пока как дачники. Вчера привезли их дети на своих легковушках из города...

После обеда Денис вышел из дому, пробрался сквозь засохший бурьян к краю взгорка. Взгляд устремился на небольшую речку, что протекала внизу, на почерневшие от времени заброшенные дома, стоявшие рядком, на заросший фруктовый сад. А дальше увидел опять небольшой взгорок, ряд домов, бесхозное поле, а за ним лес. Сердце замерло, хотелось раскинуть руки и полетать, присесть на макушку одной из разросшихся ив и вдыхать полной грудью чистейший воздух. «Прекрасное место для санатория,— вдруг пришла фантастическая мысль.— А может быть, можно каким-то образом вернуть хоть малую часть бывших колхозников или их родственников в дома, еще годные к восстановлению?» Звук двигателя мотоблока заставил прислушаться: «Кто же вспахивает огород?»...

— Бог в помощь! — крикнул Денис.

Тракторок заглох. Подошел Иван Николаевич Васечкин, протянул руку:

— Доброго здоровьица. Давненько тебя не было. Мать приехал проведать? Небось, в город ее решил увезти?

— Давно бы увез, да никуда она не хочет. Не скучно, не одиноко здесь?

— Я пожил в городе. Теперь хочу простора, да и детям в городской квартире свободнее без нас. Устали мы с бабулей от городской суеты. Спрашиваешь: скучно или нет? Скучать некогда: дом восстанавливаем — силы пока есть, дети приезжают — помогают. Огороды всем, кто здесь обосновался, нужно вспахать. В деревне у меня каждый день новый, каждый день другое небо. Утром встал и... завертелось, а вечером голову запрокинешь, а там облачка и такие, и этакие. Ночь наступает — смотришь на звезды, луну — усталости, что за день накопил, как ни бывало. Ты-то когда смотрел на ночное звездное небо в последний раз?..

* * *

Смеркалось. Руки привычно потянулись к ноутбуку.

— Сынок, отдохнул бы ты от своего экрана с клавишами. Завтра на кладбище к деду поедем.

— Ты, мамуль, не беспокойся, посмотри телевизор да ложись спать.

Пальцы привычно забегали по клавиатуре: «Добронравов Агро». Информации и текстовой, и в форме интервью много»,— подумал Денис, погружаясь в чтение. «С конца девяностых годов Дмитрий Константинович начал работу в сельскохозяйственном направлении, получив небольшую субсидию от государства, брал кредиты на новую технику, чтобы обрабатывать шестьдесят гектаров земли. Понимал, что необходимо овощехранилище, построил его. И вдруг в две тысячи двенадцатом году — пожар, сгорел весь комплекс. Можно было бы сникнуть, все бросить, но это удел

слабых. Дмитрий Константинович, потеряв огромные деньги, восстал как Феникс из пепла. Дорогого стоит его фраза: «Не мог я сдаться, я мог только умереть»... Масштаб нынешнего сельскохозяйственного предприятия впечатляет: в собственности более двадцати тысяч гектаров земли, из которых возделывается семьдесят процентов площадей, при этом, каждый год объемы площадей, вовлеченных в сельхозоборот, увеличиваются. Запускается первая очередь зерносушильного комплекса, зернохранилище с возможностью хранения тридцати тысяч тонн сельхозпродукции».

Денис оторвался от компьютера, обхватил голову руками. Информация настолько его впечатлила, что закружилась голова и перехватило дыхание. «Значит, сельское хозяйство благодаря Добронравову и таким, как он, развивается, приобретает другую форму и масштабы. А ты, дед, никогда этого не узнаешь, не порадуешься». Взгляд опять устремился на экран компьютера, включил интервью корреспондента с крестьянином, как себя называет Дмитрий Константинович. «Мы — агрономы, технологи, инженеры, предприниматели,— услышал Денис,— все на полях. Все привязано к результату, гектару, килограмму. Я создал команду целеустремленных профессионалов, которым доверяю. Без этого нельзя. Земля приносит деньги. Не надо умничать, надо с мира «тащить» самые лучшие технологии. Уметь признавать ошибки, но самое главное — знать, как их исправить, и исправлять. «Холдинг Агро» — это мое детище, в которое вкладываю душу. Это доброе дело, и мне не стыдно за свои дела. Как успеваю за всем следить? Со всеми руководителями своих подразделений я круглосуточно на связи. Свои поля объезжаю на автомашине, осматриваю с воздуха, облетая на вертолете. Поле, которое три года назад было похоже на болото, а теперь там зреет кукуруза, или зеленеет ковер из рапса — это награда для души... Каковы мои планы и мечты? — широко улыбнулся опытный крестьянин, успешный бизнесмен Добронравов. (Денис отметил простоту в общении, незатейливость в одежде и сейчас, и тогда, при первой встрече, а еще доброжелательную подкупающую улыбку) — Все очень просто: накормить всю Россию, выйти на мировой рынок сбыта»...

— Вот это профессионализм! Вот это целеустремленность! — не удержался и произнес Денис вслух.

— Дениска, ты еще не спишь? — забеспокоилась мать.

— Все в порядке, мама. Не беспокойся,— тихо откликнулся сын и поставил запись на паузу. «А с чего же все-таки нужно начинать? — второй раз пронеслась в голове Дениса сумасбродная мысль. Он поспешно включил запись. «Условия для сельхозпроизводителей и в растениеводстве, и животноводстве,— напряг слух Денис,— равные. Это повышение квалификации на обучающих семинарах по применению самых прогрессивных технологий, это равные условия для получения региональных и федеральных субсидий. Остается лишь одно — желание работать. Успехов тем, кто решится посвятить себя сельскому хозяйству». За работу холдинга Добронравов Д. К. получил от президента Путина благодарность»,— Денис закончил читать информацию.

Устав от напряжения, стараясь как можно тише открыть и закрыть за собой двери, вышел во двор. Тишина. Полночь. Поднял голову. Величественная бархатно-черная бездна, усыпанная множеством сверкающих звезд, сразила своей красотой. Большая и яркая луна, словно небесный пастух, стережет Большую Медведицу, что красуется в зените, ревниво поглядывает на юго-восточную часть неба, где Марс и Сатурн затмевают ярким светом своих соперниц. «Да, давно я не смотрел на ночное небо. Мир наш земной в сравнении кажется крошечным. Философские мысли рождаются в голове: способен ли современный человек к великим жертвам на благо человечества? А для собственного счастья? А я?» Неожиданно среди веток красной рябины послышались трещащие и чиркающие звуки.

— Ты что ль, дрозд-рябинник, решил нарушить ночной покой? — прошептал Денис.— Птица в ответ еще раз протрещала, пошевелила оставшиеся после зимы

скудные гроздья красной рябины, что красовалась у забора.— Не волнуйся: свои. Ягоды твои не трону. Ухожу.

«Нет, не смогу уснуть, пока не узнаю, кто такой Глеб Тюрин и почему мне его рекомендовал Добронравов»,— подходя к компьютеру, решил Денис. Информацию нашел быстро. «Бывший сельский учитель, валютный дилер Промстройбанка Глеб Тюрин взялся за спасение «обескровленных» северных деревень. С вещмешком за плечами он шагал по Архангельской глубинке. Собирал группы людей, не равнодушных к собственной жизни. С подачи Тюрина и его Института в Архангельской области было создано сорок территориальных органов самоуправления (ТОСов). Эти проекты строились из нескольких элементов: люди, уставшие от безработицы и пьянства, объединялись, чтобы развивать свою местность. Для начала это были небольшие группы, которые становились структурой развития своей деревни, своего села. Они выступали в партнерстве между собой и в партнерстве с властью. Деревни зажили новой жизнью».

«Наша деревня не дождалась Глеба Тюрина, ни другого такого же умного и инициативного, поэтому деревенские жители покинули свои родные хаты, уехали в города за лучшей, комфортной жизнью.— Мысли Дениса теснили и опережали друг друга, не давая уснуть.— А всем ли в городе комфортно живется? Что, все стали предпринимателями, разбогатели? У кого были денежки, приобрели жилье. В нашем районном центре многие заводы позакрывались. Кто-то сумел уехать в Москву или Питер, работают там вахтовым методом, в основном, в сфере торговли. И на север едут, отрываясь от семьи, живут в неблагоприятных там условиях, лишь бы копейку заработать. А сколько семей распалось из-за такой нестабильности! Вот бы вернуть людей в деревню! Чем можно их заинтересовать? Бесценный дар — это окружающая природа. Река, луг, бесхозное (пока) истосковавшееся по людям поле, лес — все рядом. Бери и пользуйся, возвращай к активной жизни... Деревенская земля — благодатное место для овощеводства,— продолжали роиться мысли.— Поначалу открытый грунт использовать, а потом и закрытый. Хорошо бы пасеку завести, а разбогатеем — и санаторий можно построить. Ох, размечтался,— спохватился Денис.— Кто двигать все это будет?»...

* * *

В пятистах метрах от деревни красуется холм, по склонам которого растут березы. На его вершине расположен никогда не замерзающий источник. Люди называют его Святым. Когда он появился, никто уже не помнит. Но историю о том, что в советские времена источник засыпали песком и цементом, люди знают. Возродился он вновь. Чьи-то добрые руки оградили его камнями. Никогда не зарастает к нему извилистая тропинка.

В полукилометре этого холма расположено сельское кладбище.

— Кто-то уже оставил след колес,— сказал Денис матери, подъезжая к погосту.— Мы будем здесь не одни.

— Да, часто приезжают сюда родственники покойных. Некоторые в деревню наведываются, подступы к домам, где жили их родители, бабушки и дедушки, очищают.

— Может быть, надеются вернуться?..

Взгляд Дениса скользил между холмиками и оградами впереди собственных шагов. «Вот тщательно убранное мамой дедушкино могильное пристанище,— отмечал про себя Денис.— Гранитный памятник, на котором портрет ручной гравировки. Дедушка, казалось, смотрит, будто в душу проникает». Денис затаил дыхание, прошел влево от памятника, вправо — взгляд с портрета неотрывно следовал за ним.

— Мамуль, что хочет дедушка своим взглядом сказать или спросить у меня?

— У него, сынок, извечный вопрос, и ты его знаешь,— ответила Валентина, касаясь рукой надгробья.— Вот мы и здесь, отец.

Родительская суббота собрала достаточно много народу. Чувствовалось вокруг печальное оживление. Денис сидел молча на скамейке, изредка поглядывал на портрет деда, машинально отвечал на приветствия проходивших мимо людей, спешивших к обителям усопших родственников, думал свою думу. «Вот бы всех их позвать в деревню. Так нет же, приехали на машинах из города! — с упреком размышлял он.— А я? Разве не такой, как они? Не Добронравов! Не Тюрин!»

— Валентина Викторовна! Денис! Здравствуйте! — поздоровался мужчина средних лет, подошедший к могильной ограде.

Денис встрепенулся, вгляделся: модная дорогая куртка, холеный вид, знакомый, но давно забытый голос.

— Андрей, дружище, ты? Двинулся Денис навстречу, расплываясь в улыбке и заключая в объятия бывшего одноклассника, друга детства. Это сколько ж мы не виделись?

— А как уехал с родителями из деревни в пятнадцать лет, с тех пор и не виделись,— не выпуская Дениса из объятий, вспоминал Андрей.

— Слышала, слышала: большим бизнесменом ты стал, Андрюша,— прервала Валентина восторженные речи давно не видевшихся друзей.— Вы поворкуйте, ребятки, а я пройдусь до знакомых.

— Ты помнишь, как мы в детстве бегали к Святому источнику? — широко улыбаясь, спросил Андрей.

— Конечно, помню, друг. Целебной воды торопились принести Насте Моисеевой, когда она заболела. Оба влюблены мы были в нее. Где она теперь?

— Все просто: Настя — моя жена. Двое пацанов у нас. А ты? Женат?

— Не получилось: не встретилась такая, как Настя,— потупившись, ответил Денис.— Минутная тишина, и долгий взгляд друг другу в глаза, словно проверяли, сохранилась ли та доверительная дружба.— А давай поднимемся к источнику,— прервал молчание Денис...

Поднимались не торопясь меж берез по склону холма. Какая-то незнакомая молодая пара со смехом торопилась вниз...

— Как изменилась природа и погода,— сказал Денис.— Ты помнишь, пятнадцать лет назад в апреле в это время еще ручьи журчали, а теперь сухо, трактора землю уже пашут.

— Да, многое изменилось. Да и мы другие, с другими взглядами на жизнь. Смотри, только источник все тот же. Вода чистейшая, прозрачная, словно дорогой кристалл. Думаю, воду эту можно бутылировать и продавать в качестве целебной. Подумать надо на этот счет.

— Андрейка, так тебя мама называла, ты во всем ищешь выгоду — настоящий бизнесмен. Оглянись округ: деревня наша как на ладони, земля вокруг пустует,— широким жестом руки показал Денис,— ждет заботы человеческой.

— Прав ты, Дениска. Я богатый бизнесмен. Свой кузнечный бизнес создал в городе. А ты, друг, счастлив в своей столице? Своего бизнеса ты там не создал, и навряд ли создашь. Тянут тебя родные просторы, раз широкий жест мне продемонстрировал. Да и дедушкина кровь крестьянская в тебе течет.

— Да, дед постоянно в памяти моей,— вставил Денис.

— Прошло время, когда в городе можно было свое дело открыть. Теперь бизнес можно строить только на деревенских просторах, да и то торопиться нужно. Прежде город был пылесосом, пожиравшим человеческие ресурсы. Теперь горожане готовы возвращать долги своим деревням. Наша деревня —прекрасное место для организации овощеводческого и садоводческого бизнеса.

— А людей трудоспособных где я возьму? А денег где мне взять? — с сожалением произнес Денис.

— Вот это уже ближе к делу! — рассмеялся Андрей... Во-первых, у тебя есть

друг с деньгами — это я. Помогу безвозмездно, ради своей малой родины. Да и больших денег для этого не требуется. Скорее нужны воля, желание, ум и определенные технологии. А твой опыт системного администратора обязательно пригодится тебе позднее.

— Ты серьезно считаешь, что у меня все получится?

— Я уверен в этом. Ведь ты же внук Виктора Петровича. Нет людей? Так можно найти наемных работников в городе на сезонную работу. Организовать для них транспорт. Обратись к опыту бизнесменов, которые занимаются сельским хозяйством, даже в нашей области их уже достаточно. Смотри, сколько людей приехало на могилы своих деревенских родственников! Наверняка и среди них есть желающие вернуться в деревню. Кто-то захочет и своим хозяйством обзавестись: овцами, птицами. Где-то я читал, что вернувшийся в деревню мужик,— засмеялся Андрей,— страусов начал разводить... Слышал, что хозяева пяти деревенских домов нашлись, из райцентра ведь приехали. Приглашения с предложением вернуться в деревню в районной газете разместим, в интернете. К губернатору области поедем с твоими планами и предложениями. Он у нас мужик толковый, заинтересован в развитии сельского хозяйства в области.

Андрей замолчал, внимательно посмотрел на друга и увидел, как загорелись его глаза.

— После твоих, Андрюш, пламенных речей я окончательно утвердился в желании возродить малую родину. Смотри, простор какой! А дышится как легко и свободно! Думаю, силы есть, чтобы будущее сделать счастливым.

— Конечно, не все сразу, нужно время. Люди будут возвращаться: всем хочется дышать чистым воздухом, есть чистые продукты, пользоваться дарами леса, что, как говорится, под боком. Начнется строительство новых домов — тогда и я пригожусь со своим кузнечным делом. Да, вот еще что: шефство возьмем над твоим хозяйством, если будешь обеспечивать моих «кузнецов» свежими овощами, фруктами, зеленью... Денис, если не мы, то кто же? Другие найдутся, но упускать нынешнюю возможность просто грешно.

— Ты прав, Андрей!

— Звоню жене, что не приеду сегодня домой, останусь у тебя. Обсудим все детали возвращения к жизни нашей деревни.

— Звони. Не забудь Насте привет передать от меня...

* * *

Последние числа апреля. Лучи послеобеденного апрельского солнца стекали по лобному стеклу автомобиля. Денис поправил солнечные очки, наслаждаясь встречными потоками воздуха, струящимися в открытое боковое окно. Настроение было отличное. Душа прыгала от радости, с лица не сходила улыбка. «Я — сельхозпредприниматель — и самому не верится,— потекли мысли Дениса.— С губернатором области обсудили вопрос о запуске в оборот земельных паев бывших колхозников, затронули вопрос о строительстве дороги в деревню от основной трассы, о газификации будущего сельскохозяйственного комплекса. Решили вопрос по приобретению семян свеклы, моркови, картофеля, огурцов, капустной и помидорной рассады. Подаренный трактор, мотоблок, людские руки двадцати трудоспособных работников вселяют надежду,— продолжались Денисовы мысли.— Все это благодаря помощи друга — Андрея. Без него я бы так быстро не справился. Да и Добронравов, спасибо ему большое, замолвил слово. Задействуем всего лишь этой весной, к сожалению, восемь гектаров земли. «Не жадничай по этому поводу,— вспомнил Денис Андреевы слова.— Активизируй людей развивать свои подсобные хозяйства. Уговори их получить зарплату осенью, когда реализуете выращенный урожай».

* * *

Мысли прервались шумом работающего трактора, который вспахивал поле недалеко от проезжей дороги вокруг ольховой лощины. «Вот он — наш тракторок! — хлынули в сердце радостные мысли,— работает». Денис остановил машину и двинулся по пахоте, не щадя своих новеньких резиновых сапог, к красновато—коричневым зарослям. Трактор удалялся. Денис посмотрел вслед, скользя взглядом вдоль невысоких ольховых деревьев. От неожиданности остановился, увидев женскую фигуру. «Наваждение, что ли? — снял он очки.— Да, нет, не наваждение»,— и поспешил с чувством удивления.

Модная красная курточка, узкие синие джинсы, заправленные в резиновые ботики, развевающиеся под порывами легкого ветерка волосы. Девушка повернулась к приближающемуся Денису и с любопытством окинула его взглядом с ног до головы. «Нет, это городская. Таких у нас в деревне еще нет. А жаль»,— пронеслась в голове Дениса неожиданная мысль.

— Любопытно: что делает среди поля в одиночестве девушка? — произнес, широко улыбаясь, Денис.

— Ну, во-первых, не в одиночестве: трактор пашет рядом. А во-вторых, машина с родственниками в ста метрах отсюда стоит,— кивнула она головой в сторону большака.— Так что, напугать меня вам не удастся,— усмехнулась она, прикрыв серо-голубые глаза пушистыми ресницами.

— А если всерьез, что вас в этих зарослях заинтересовало?

— Так ведь это же серая ольха! Ее блестящая серебристо-серая кора радует глаз. А черные прошлогодние шишки овальной формы,— бросила незнакомка руку вверх,— видите? Их настои при ангине, при головной боли полезны! Боль и усталость ног снимают! Это же святое дерево здоровья. Неужели не знаете?

Увидев на лице незнакомца широкую улыбку, девушка смутилась, замолчала и опять прикрыла глаза пушистыми ресницами.

— Почему же! Знаю, как воспевал это волшебное дерево Евгений Евтушенко.

— Сережка ольховая, легкая, будто пуховая,— неожиданно тихо, глядя Денису в глаза, словно в отместку, стала незнакомка читать стихи,— но сдунешь ее — все окажется в мире не так.

— А, видимо, жизнь не такая уж вещь пустяковая,— продолжил Денис стихи под любопытным взглядом женских глаз,— когда в ней ничто не похоже на просто пустяк!.. Может, пора нам уже познакомиться?

Девушка первая протянула руку:

— Анастасия.

Денис сгреб женскую мягкую ладошку в обе свои ладони и молчал, давая волю мыслям: «А ведь ресницы ее натуральные, да еще и пушистые».

— Вас, вас как зовут? — почувствовал Денис, как ладонь Анастасии хочет вырваться на волю.

— Денис Алексеевич,— вздохнув, ответил он.

— Так это вы пламенным призывом в интернете взбудоражили моих родственников приехать в свою бывшую деревню?

— Я. Я хочу возродить ее к жизни, к здоровой жизни. А вы чем занимаетесь?

— Преподаю в школе биологию...— Анастасия тронула рукой ольховую ветку.— Листьев еще нет и в помине, а крупные сережки пучками висят на концах ветвей. Это говорит о том, что наступила весна, и лето будет жарким.

— Это точно: лето будет жарким...

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

ГОРЬКИЙ МЕД ОТЦВЕТАЮЩЕЙ ЛИПЫ

Родился на Смоленщине, в деревне Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке.

Публиковался во многих журналах. Лауреат и дипломант международных и всероссийских литературных конкурсов. Автор девяти сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

В Приволье семья Расторгуевых приехала летом, в пору сенокоса.

В селе поговаривали, что глава семьи Илья Расторгуев служил на Севере вертухаем — охранял зеков. Выйдя на пенсию по выслуге лет, вернулся на малую родину — укатил подальше от греха, чтобы зеки не достали и не привели свои угрозы в исполнение.

Нелегкая служба в суровых условиях наложила отпечаток на внешность бывшего сверхсрочника. Почти двухметровый статный детина с пудовыми кулаками выглядел изрядно уставшим, не по годам изношенным. Удлиненное темное лицо, изрытое глубокими морщинами, напоминало кору старого дуба. Злые языки утверждали, что Илья за четверть века службы на Севере пристрастился к спиртному и теперь страдает печенью.

Жена Ильи Мария, редкая красавица, несмотря на лучшие годы, проведенные в вынужденной ссылке, ничуть не потеряла свою привлекательность и была еще в самом соку.

Досужие деревенские бабы, стоя у колодца, не упускали случая, чтобы, завидев Марию, не посудачить о ней:

— Северянка цветет и пахнет. А говорят, что сорок лет — бабий век,— с нескрываемой завистью молвила рыжая почтальонша Верка Мазилина.— Смотри, как хвостом крутит. Ей еще рожать впору, да Илья слабоват. Как бы наших мужиков не захомутала.

— А чего ей не цвести?! — возмущенно откликнулась Дашка Громиха, сварливая баба, прозванная так за грубый голос и тяжелый характер.— Это мы ломовые лошади раньше времени отцвели. А она ни дня за свою жизнь не работала. Сидела у мужа на шее, потягивала спирт, крутила шуры-муры с офицерами из охраны лагеря да воспитывала нагулянную дочь.

— А Илья знает, что это не его дочь?— заинтересовалась Верка.

— Баба, когда захочет, и черта обманет,— отмахнулась от нее Громиха.

На родительской усадьбе у околицы села, в окружении вековых деревьев, Расторгуевы с помощью бригады плотников за лето возвели добротный дом, купленный на снос. Ветхую избу родителей приспособили под сарай, приобрели скотину и птицу.

Илья успел подружиться с сельским главой на почве горячительного и получить сенокосный надел.

Во время косовицы мужу помогала Мария. В голубом атласном сарафане, перехваченном узким пояском, подчеркивающим ее эффектную фигуру, в легкой цветной косынке, она ловко ворошила граблями сено, покачивая бедрами. Мужики не сводили глаз с чернобровой красавицы, у которой за пазухой соблазнительно колыхались пышные груди. А бабы искоса поглядывали то на Марию, то на мужей. Одергивали их. Особенно бдительной была Верка Мазилина, муж которой слыл редким бабником.

— Куда пялишься? — покрикивала она на своего Андрея,— Машкой Северянкой пришел любоваться или сено убирать... Еще не нагулялся? Для жены силы прибереги, а то укатают сивку крутые горки.

Когда с сенокосом управились, Расторгуевы перевезли сено к дому, сметали в стог, а оставшимся заполнили сарай.

— Слава Богу, за погоду успели. Надо бы обмыть удачное завершение дела,— предложила мужу Мария, лениво потягиваясь после небольшого послеобеденного отдыха.— Таков деревенский обычай. Нарушать его нельзя. А то, не дай Бог, пойдут дожди, и сено сгниет в стогу.

— Обычаи надо соблюдать,— одобрительно ответил Илья.— У меня поясница ноет от непривычной работы. Сбегай за бутылочкой к Скугарихе. Говорят, у нее самогон, что лекарство — любую хворобу как рукой снимает.

Мария живо надела платье в горошину, с большим вырезом на груди, покрутилась у зеркала, поправила прическу, подкрасила губы, брызнула на себя духами из флакончика. По комнате поплыл нежный аромат: тонкий, будто рядом зацвела ночная фиалка.

— Прихорашиваешься, будто на гулянку,— проворчал беззлобно Илья.

— А как же! Пусть деревенские бабы лопнут от зависти. Постоянно замечаю, как смотрят вслед и перемывают мои косточки. Будь я такой же замарашкой, как они, им было бы гораздо спокойнее. А я не желаю опускаться до их уровня. Я хочу форс держать...

Скугаревы жили на отшибе села, на берегу говорливой речушки Аксинки. Клавдия торговала молоком на рынке, а ее муж Иван, бывший агроном, после распада колхоза заболел, получил инвалидность. Скугарев хлопотал по хозяйству да потягивал самогон, который гнала жена. Деревенские мужики охотно откликались на просьбы Скугарехи о помощи — Клава всегда рассчитывалась бутылкой. Хорошим знакомым иногда давала самогон за деньги.

Их единственный сын Юрий окончил техникум, отслужил армию, устроился на службу по контракту в воинскую часть и поступил на заочное отделение пединститута. Парень был видный, красив лицом и статью. Поговаривали, что Клава нагуляла его от чернявого фининспектора, за что Иван в молодости, по пьяной лавочке, поколачивал жену.

Мария слегка постучала в дверь, вошла. Дома была только хозяйка.

— Мир вашему дому,— нежным голосом сказала гостья.

— Спасибо на добром слове,— отозвалась Клавдия.— Проходи, Мария. Присаживайся. С чем пожаловала?

— Клавдия Федоровна, я к тебе с просьбой. Слава Богу, с сеном, наконец, управились, но так устали от нелегкой деревенской работы, что Илья мой занедужил. Не откажи — дай бутылочку здоровье поправить.

— Оставляла для себя, но хорошим людям отказывать грех,— сказала хозяйка. Пошарила в кладовке, достала бутылку, протянула Марии.

— Спасибо, Федоровна. Дай тебе Бог здоровья,— сказала Мария, пряча бутылку.— Не перевелись еще в нашем селе добрые люди...

Клавдия поставила на стол маленький графинчик, налила стопку.

— Присядь, отведай. Сними пробу...

Едва Мария успела выпить, как в дверном проеме возник статный, крепкий парень цыганистой внешности, в спортивных брюках и бейсболке.

— Здравствуйте,— кивнул он Марии, задержав на ней взгляд.

Мария ответила на приветствие и, не скрывая восхищения, спросила:

— Кто же это будет, такой красавчик?

— Это наш сынок Юра. Отслужил армию. Теперь служит по контракту.

— От девок, видно, отбоя нет,— не отводя от парня глаз, сказала Мария.

— Ему не до того. Учиться надо, мне помогать — отец слаб здоровьем. Девки никуда не денутся — надо на ноги крепко встать,— рассудила Клавдия.

— Одно другому не мешает,— заметила Мария.

— Так-то оно так, но девки до добра не доведут — у них одна гульня на уме. А у Юры серьезные планы — получить образование, офицером стать.

— Мам, ну что ты свое заладила,— улыбнулся Юрий.— Парень не девка — в подоле не принесет. Ему погулять не грех, пока годы молодые.

— А ежели от этой гульни дите появится на свет — вот и заарканят тебя. Всю жизнь потом будешь каяться да локти кусать.

— В селе полно вдовушек. Они рожать не собираются,— заметил Юрка.

— Рано тебе по вдовушкам. Лучше в дело смотри,— буркнула Клавдия.— Не забудь мотоцикл заправить. Завтра утром к отцу в больницу поедем...

— Ну ладно, мне пора,— сказала Мария.— Пусть меня Юра проводит. Там в конце улицы стая собак бегает — боюсь, что не смогу спокойно пройти.

Клавдия неодобрительно посмотрела на Марию, потом на сына, но промолчала. Только покачала вслед головой. Насторожило ее, что сын слишком охотно согласился. Потом не раз корила себя и мужу твердила: «Я сразу нутром почувствовала недоброе, а предотвратить беду не смогла. Если бы знать, чем все закончится, остановила бы сына. В ноги бы бросилась, умоляла бы, чтобы не ходил... Откуда только нечистая сила эту гулену в наш дом принесла?!»

Мария предложила пойти по тропке в обход села, подальше от лишнего глаза. Юрка не возражал. Они шли, болтали о погоде, о сенокосе, о деревенских нравах. Он смотрел на нее и думал: «Природа здорово потрудилась над ней. Богиня красоты. Хотя уже и не молода...»

— Как ты сумела сберечь красоту на Севере? — осмелился спросить он.

— Сберегла, потому что не растратилась, не путалась ни с кем. Муж пресытился в молодости, а потом не замечал мою красоту. Замечали другие. Но у меня очень тонкий вкус. Пофлиртовать могла, но соблазнить никому не позволяла. Вот если бы рядом был такой красавчик, как ты, тогда... — заманчиво глянула Мария на Юрку. И того будто током прошибло.

Они вышли на окраину села и оказались под сенью вековых деревьев. Здесь, в бывшей дворянской усадьбе, пышно цвели старые липы. Вокруг мерно гудели пчелы. Тонкий медовый аромат, прогретый июльским солнцем, витал в воздухе и немного пьянил, обостряя чувства. Юрка не выдержал, взял Марию за руку, привлек к себе. Она словно ждала этой минуты. Обвила его шею мягкими теплыми руками, стала горячо целовать...

Медовый аромат цветущих лип, нежный запах духов, жаркие поцелуи вскружили парню голову. Юрка подхватил Марию на руки, понес в заросли малинника, на ходу целуя ее волосы, плечи, груди. «Не надо. Вдруг увидят...»,— сладко шептала ему на ухо Мария. Но было уже поздно...

Она встала, одернула платье, поправила прическу. Поцеловала Юрку, как ребенка, в щеку.

— Расстаемся на месяц. Скоро дочка Лера поедет учиться в техникум, а Илья пойдет работать ночным сторожем на ферму. Я останусь одна и тогда позову тебя,—

а сейчас по домам,— мило улыбнулась Мария.— Мой благоверный убьет меня, если что-то заподозрит...

Занималась вечерняя заря. Над рекой закурился туман. Было тихо, и только слышалось, как журчит вода в реке, как стрекочут в траве кузнечики.

Илья стоял у крыльца, всматривался вдаль.

— Где ты пропадала? Я уже собирался отправиться на поиски.

— Засиделась у Скугарехи. Не пожелала Клава отпускать без угощения.

— А почему шла окольным путем? — допытывался Илья.

— Собаки по улице разгуливают. И с бабами встречаться не хотела: они опаснее собак.

Юрка Скугарев с нетерпением ждал встречи с Марией. Думал о ней. Считал дни. Уже был на исходе август, но вестей от Марии не было. Пару раз вечерами подбирался к ее дому, наблюдал. Но Мария не показывалась.

В последний день августа Юрка решил навестить друга детства Мишку Ракитина, который жил на самой околице села, неподалеку от Расторгуевых. Засиделся у него допоздна. А когда возвращался, увидел на лавочке у крыльца Марию. Та махнула ему рукой, приглашая к себе. Юрка опрометью бросился к ней. Обнял, стал целовать. «Погоди, соседи заметят»,— вырвалась Мария. Поднялась на крыльцо, открыла дверь.

— Уже неделю жду тебя, мой милый,— обвила она Юркину шею горячими руками.— Извелась вся. Думала, гадала, как подать знак тебе...

— Я тоже очень тосковал по тебе,— шепнул ей на ухо Юрка.

У Юрки уже был опыт близости с девушками, но он не испытывал такого наслаждения с ними, как с Марией. Она была ласкова, нежна и так пылала страстью, что Юрка терял голову. Марии требовалось немало усилий, чтобы выпроводить его домой. Хотя и она не спешила расставаться. Призналась как-то: «Когда ты со мной — у меня бабочки в животе порхают».

В воинской части Скугарев дежурил сутками. После смены, немного отдохнув, принимался за домашние дела, а вечером бежал к Марии. Два-три раза в неделю поздними вечерами пропадал у нее. Мария стала сдерживать его, напоминая, что у нее есть муж и ему нельзя отказывать в близости, чтобы он ни о чем не догадался.

Однажды вечером, когда Юрка собрался нырнуть за дверь на очередное свидание с Марией, мать сказала:

— Погоди сынок, поговорить надо.

— Что ты, мам, хотела? Я спешу...

— Сынок, по селу ходят слухи, что ты связался с Северянкой. Зачем она тебе? У нее есть муж. Он крут. Узнает — не сносить тебе головы...

— Мам, что ты слушаешь разного рода деревенские сплетни?! Раньше этого за тобой не наблюдалось. Мало ли у нас в селе недоброжелателей.

И все-таки Юрка призадумался. Да и Мария подлила масла в огонь:

— Илья последнее время сам не свой. Неужто, о чем-то догадывается... Медовый месяц мы отгуляли — надо сделать перерыв,— предложила она.

— Если только на пару недель, пока я подготовлю контрольные работы и сдам зачеты в институте,— согласился Юрка.

Скугарев вернулся домой, приступил к службе. Прошло не так много дней, как он не виделся с Марией, но это время показалось ему вечностью. Сменившись с дежурства, отдохнул и охотно взялся за дело: переколол дрова, убрал их в сарай, натаскал воду для бани. Во время работы, предвкушая сладость предстоящей встречи, напевал себе под нос: «Пускай все сон, пускай любовь игра, ну что тебе мои порывы и объятья, на том и этом свете буду вспоминать я, как упоительны в России вечера...» А в сумерках поспешил к другу, чтобы на обратном пути встретиться с Марией.

Мишка предложил выпить за встречу. Юрка не возражал. Посидели, выпили бутылку. Разговорились. Неожиданно Мишка спросил:

— Юр, это правда, что ты с Северянкой любовь закрутил?

— А почему тебя это интересует? — вопросом на вопрос ответил Юрка.

— Говорят, тебя не раз видели с ней. Вот и решил узнать из первых уст.

— Было дело. Предпочитаю помалкивать об этом,— пробормотал Юрка.

— Это можно толковать так: было и прошло? — уточнил Мишка.

— Нет, продолжение следует,— твердо сказал Юрка.

— Да-а,— протянул Мишка.— Красота — великая сила. К тому же, видно, баба огонь. Легко не отпускает... Слышал краем уха, что она не только тебя привечает. Пока тебя не было, к ней захаживал Димка Туз.

— Откуда такие сведения? — косо глянул на друга Юрка.

— Громиха бабам рассказывала, как Туз покупал в магазине бутылку и капроновые колготки Марии в подарок. И как выходил из ее дома поздно вечером. Возможно, и сегодня развлекается с ней,— поддел друга Мишка.

Юрка встал, вышел во двор. Воображение рисовало грустные картины. «Вот так камуфлет! Надо проверить — так ли это? Но первым делом — в магазин, к Ленке Карасевой. Приму на грудь для храбрости...»

— Лен, подай бутылку белой и малость закусить,— попросил Юрка.

— Юра, зачем тебе белая, ты же не поклонник Бахуса? — заметила Ленка.

— Друга надо угостить,— недовольно проворчал Скугарев.

— Друга или подругу? — ухмыльнулась Ленка. И когда уходил, услышал в спину: «Медом вам там намазано, что ли? Вдовушек вокруг полно...»

В ответ Юрка громко хлопнул дверью.

Он шел и думал: «На кого меня променяла — на долговязого хмыря Тузина, по прозвищу Туз, которого в школе я не раз мутузил, чтобы не обижал пацанов. А потом, когда я срочную служил, он срок тянул за хулиганство. Выходит, ей по нутру люди такого пошиба...»

Скугарев укрылся за вековой липой против дома Расторгуевых. Липа отцветала, пахла горечью.

Юрка выпил бутылку целиком. Стал наблюдать. В окне мелькнули какие—то тени. И тотчас погас свет.

— Ну что, голубки, попались. Посмотрим, что вы сейчас запоете...

Неуверенной походкой Скугарев поднялся на крыльцо, решительно постучал в дверь. На веранду вышла Мария в ночной сорочке. Прильнув к окну, увидела пошатывающегося Юрку, замахала рукой:

— Что ты делаешь? Уходи немедленно, Илья дома...

— Ты врешь! Открой. Я хочу посмотреть, с кем ты развлекаешься.

— Юра, уходи, ты пьян. Илья услышит — нам несдобровать...

— Не хочешь открывать, тогда пусть Туз выйдет. Я с ним поговорю...

— Какой Туз? Ты с ума сошел. Уходи,— жалобно попросила Мария.

— Открой или высажу дверь,— крикнул Юрка и ударил кулаком по окну.

Звякнуло стекло. На веранде показался Илья с ружьем в руках.

— Кого ты здесь успокаиваешь? — спросил он у Марии.

— Не знаю, какой-то пьяный ломится. Видно, дом перепутал...

— Я ничего не перепутал,— крикнул Юрка.— Откройте, а то хуже будет.

— Убирайся прочь, а то завалю,— крикнул в ответ Илья.

Он просунул ствол в разбитое окно, прицелился. Мария бросилась к мужу, пытаясь помешать. Илья оттолкнул ее. Она упала, закричала.

Скугарев стал что-то соображать. Зажав рукой рану на правой кисти от разбитого стекла, он шагнул вниз с крыльца, намереваясь уйти.

Илья чуть помедлил и пальнул ему по ногам. Юрка упал, застонал.

Он дополз до соседнего дома, постучал в окно и потерял сознание.

Сосед Игнат Любавин открыл дверь, увидел бездыханного Юрку, затащил в дом, вызвал «скорую». Игнатиха тем временем перевязала раны.

Скугарева отвезли в больницу, прооперировали. Утром, когда Юрка открыл глаза, он увидел у кровати участкового Антона Уличева.

— Ну, рассказывай, Скугарев, почему тебя на подвиги потянуло?

— Перебрал малость... Сам не могу понять, как все вышло...

— Да, натворил ты дел,— сказал капитан.— Твои деяния уголовщиной попахивают. Расторгуевы написали заявление. Примириться не желают.

— Так это Илье надо опасаться, что срок дадут. Ведь я пострадавший.

— «Мой дом — моя крепость». Ты ломился к ним в дверь, разбил окно, грозился поджечь дом. Хозяин воспринял угрозу как реальную и защищался. Действовал в пределах необходимой обороны. И ему ничего не грозит.

Через месяц Скугарев вышел из больницы. Вскоре был суд. Марии на суде не было. Юрка твердил, что шел к другу, но перепутал по пьяни дом. Судья отклонил его доводы, признал виновным и дал ему условный срок.

Из воинской части Скугорева уволили по отрицательным мотивам. Но беда, как известно, не приходит одна. Во время операции по удалению дроби в ноге задели какой-то нерв, и у Юрки осталась хромота.

Расторгуевых возненавидело все село. «Вертухай ни за что парня покалечил. Лучше бы вертихвостку свою проучил, чтобы впредь ей неповадно было совращать молодых ребят, которые ей в сыновья годятся...»

По весне Расторгуевы продали дом и укатили из Приволья.

Галина Мамыко
(г. Симферополь)

ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Выпускница Калининградского госуниверситета, работала учителем, журналистом, публиковалась во многих журналах, в том числе в «Приокских зорях».

— Ослепительная, ну, просто ослепительная мадам,— говорил Боря Хухрев, когда видел на улице известную в городе актрису Жанну Болтаеву, и делал все, чтобы быть ею замеченным.

Замедлял шаг, взгляду придавал туманность, а губам улыбчивость. Мадам благосклонно кивала и, если была в настроении, разрешала чмокнуть себя в щечку. Были они знакомы с какого-то там класса, и все эти годы, прошлые и нынешние, Боря вздыхал по Жанне.

Сам Боря Хухрев красавцем, в отличие от Жанны Болтаевой, не был, денег тоже особо не имел, но зато он писал стихи, сочинял на эти стихи музыку, а потом мог спеть, если попросят. И даже мог спеть, если не попросят.

Пел он часто, громко, и не только у себя в квартире или на балконе, но и со сцены местных театров, куда его приглашали в числе прочих городских бардов.

В основном, пел он о Жанне Болтаевой. Примерно так:

Ослепительная мадам, вы опять не со мной, плачу,
И опять я не свой, не свой, не могу все поймать удачу.
Мне удача, о, Жанна, вся в вас, вся удача мне в вас, Жанна!
Но, увы, одинок мой глас, режет слух ваш ответ «Не надо!»

Жанна Болтаева действительно отвечала «не надо» на любовные признания Бори Хухрева, о чем знал весь город. Боря Хухрев признавался ей в любви прилюдно и наедине, очно и заочно, на площадях и в парках, с театральной сцены и с больничной койки.

На больничную койку он попадал дважды по собственному желанию, когда из-за несчастной любви резал свои вены. Жанна Болтаева не оставалась равнодушной к такому экстремальному проявлению чувств со стороны Бори Хухрева, и приходила к нему в больницу вместе с коллегами по театру. Она смотрела на бледного Борю и улыбалась своими красивыми губами в ответ на его страстные взгляды.

У нее было много мужчин, он это знал. Он отслеживал через соцсети жизнь Жанны и ее мужчин, знал по именам ее детей, и долгими ночами глядел сквозь слезы в звездное небо и пел, пел об ослепительной Жанне.

В конце концов уставшие от его песен соседи написали однажды заявление в полицию, и к влюбленному Боре Хухреву вломились двое полицейских в бронежилетах. Разговаривали с ним грубо, и это Боре Хухреву было непонятно.

Он с удивлением спрашивал, за что его ругают матом, ведь он поет песни о любви. Тогда Боре пообещали «веселую жизнь», если он «не заткнет фонтан».

— Нет у меня фонтана,— сказал Боря Хухрев с обидой.

Как поэт, он понимал метафоры и прочие фигуры речи. Но лично к себе он не желал допускать подобных оскорблений, свое творчество он не мог ни в каком виде признать «фонтаном».

— Это у графоманов, знаете ли, фонтаны и поносы словесные. А у меня — не фонтан, не фонтан,— крикнул, совсем уже разгорячившись, Боря Хухрев.

— Да ты что, на тюрьму, на тюрьму захотел? Да мы знаешь, что тебе сделаем?! — вышел из себя полицейский.

Лицо у него было таким же квадратным, как и фигура, а сощуренные злые глаза показались Боре бойницами в бронебашне.

— И что вы мне такое сделаете? — сказал с достоинством Боря Хухрев.

В душе он ощутил холодок. Быть может, это был страх. Или бешенство. Кто его разберет.

— Наркоту подкинем, вот что! — заорал полицейский-бронебашня и надвинулся грудью на Борю.— Ты понял, понял? Будешь еще тут баланду разводить? Или на тюрьму пойдешь?

— Я закона не нарушал, я за нашу власть,— сказал Боря Хухрев, напирая на слово «нашу».

Сказал он это в большом волнении. Власть в его понимании оставалась единственным аргументом, призванным сохранить свободу и жизнь в любой, самой несправедливой, ситуации.

Инстинкт самосохранения подсказал ему, что бы еще такое впечатляющее добавить, и он добавил:

— И вообще я член нашей, государственного курса, партии, и лично знаком с самим мэром нашего города!

Полицейский-бронебашня отступил и оглянулся на товарища. Тот скорчил рожу, показывая, что в подобном нестандартном происшествии он тоже не знает, как быть. И на всякий случай ушел на лестницу перекурить.

— Врешь ведь,— сказал полицейский-бронебашня, оставшись наедине с Борей Хухревым.

Сказал уже другим голосом. Можно сказать, ласковым.

— Нет, я не вру,— сказал Боря.— Это правда.

Он действительно не врал. В партию он вступил в прошлом году, когда узнал, что Жанна Болтаева туда вступила. Но этому предшествовала другая история. Знакомство с мэром Игнатием Михайловичем Деньгиным. Это случилось в театре, на концерте авторской песни. Боря пел там вместе с другими бардами. Мэру понравилась Борина песня про Жанну Болтаеву, господин Деньгин был ее большим поклонником. Он попросил помощника отнести на сцену Боре Хухреву букет цветов с визиткой и автографом мэра, и по его просьбе Боря Хухрев еще один раз спел про свою несчастную любовь к Жанне Болтаевой.

Она прекрасна, но она не моя,
Я каждую ночь страдаю.
Жанна, о, Жанна, моя душа
Уже изнемогает.

И так далее.

Когда Боря пел эту трагическую песню, то по его лицу бежали слезы. В зале кричали «браво», а мэр, как и Боря, тоже хотел плакать.

После концерта Борю позвали на фуршет для избранных, где помимо мэра Деньгина Игнатия Михайловича с его свитой находилась и ослепительная Жанна Болтаева в декольте и искусственных бриллиантах.

Борю снова просили петь про несчастную любовь, он пел, остальные пили. Борю сфотографировали вместе с господином мэром, а спустя пару дней ему через секретаря передали подписанное рукой мэра фото: «С уважением к Вашему творчеству, дорогой Боря Хухрев! Ваш Игнатий Деньгин, мэр».

А что касается того памятного вечера и мэрско-театрального фуршета, то закончилось все прекрасно для господина Деньгина, и не прекрасно для Бори Хухрева. Потому что Жанна Болтаева после фуршета уехала с Игнатием Михайловичем Деньгиным на его машине. Куда, Боре никто не рассказал. Он, конечно, плакал у себя дома ночью, а потом с ходу написал еще одну песню и спел под ночным небом прямо с балкона. В ответ на него посыпались из чужих окон матюки, а он снова заплакал. Ну, а вскоре, как раз после всего этого, он и узнал, что Жанна Болтаева вступила в провластную партию. Вот тогда и он последовал примеру своей богини.

Все это он, конечно, не стал рассказывать полицейскому-бронебашне, а просто показал визитку мэра с его автографом и, самое главное,— ту знаменитую фотографию (Боря держал ее при себе как охранную грамоту). Увидев на фото Борю Хухрева в обнимку с мэром города, прочитав на обороте, что мэр сильно уважает Борю, полицейский-бронебашня изменился в лице. Он передал фотографию обратно в руки Бори, глубоко вздохнул, и крякнул.

— Что же вы, гражданин Хухрев, м-м-м, Борис...

Он смотрел в паспорт Бори Хухрева, этот паспорт он в начале беседы забрал у Бори.

— Что же вы, Борис Петрович, не поставили нас в известность. Мы уважаем, да, уважаем все, что касается и нашей власти, и творчества, и полетов в космос, и вообще... Возьмите, пожалуйста, ваш паспорт. И вообще. Ваше творчество заслуживает всеобщего уважения. Полностью согласен с мнением нашего уважаемого мэра. Вы ведь...

Он огляделся. Увидев на стене репродукцию «Девятый вал» Айвазовского, сказал:

— Вы ведь пишете замечательные картины. Вы замечательный художник. Вам, как личности творческой, богемной, ничто человеческое не чуждо, и даже, наоборот, очень нужно. Богемные личности, они ведь на особом положении, им выход требуется в иные, так сказать, измерения. Так что пойте на здоровье. Сколько вам влезет, столько и пейте, тьфу, пойте.

— Извините, я поэт, и еще музыкант.

— Да-да, вот я и хотел сказать, еще вы и поэт, и музыкант, это ведь просто непредсказуемо богемно, это запредельно богемно, ну, как бы это выразиться, ну, убийственно, словом... Это заслуживает самого пристального одобрения, да. Разрешите вас покинуть. И... И пожать вашу руку.

Он потряс руку Боре Хухреву. Заглянул в его глаза, сказал, понизив голос:

— Меня зовут Костя. Фамилия Кровопивин. Простите, допустил слова тут всякие. Это бывает, сами понимаете, служба у нас нервная, ответственная, за охрану порядка жизнью рискуем. У вас ведь нет видеокамеры, да? Вы не записывали наш разговор?

— Нет. А зачем?

— Ну, мало ли. Люди разные в нашем государстве, на видео записывают, а потом в соцсети, и последствия получаются. Но вы не в обиде, правда? Все нормально, да? И поете вы хорошо. Может, и для меня споете?

— Конечно. Спою. Я не в обиде. Сейчас, гитару. Вот она. Ага. Вот, слушайте.

И Боря спел песню. Он пел, конечно, про свою несчастную любовь к Жанне Болтаевой.

Перед уходом полицейский Костя Кровопивин позвал с лестницы напарника и попросил сфотографировать его, Костю, рядом с Борей Хухревым.

— Чтоб память на всю жизнь!

В дверях, прощаясь, Костя Кровопивин попросил у Бори Хухрева номер сотового «на всякий случай».

— Можно воспользоваться, Борис Петрович, вашими связями, если вдруг чего такого понадобится? Уважите, да? Откликнетесь? Имею в виду ваше влияние там, ну, понимаете, да?

Костя Кровопивин под впечатлением случившихся событий пришел в разговорчивое настроение. Он никак не мог уйти и, топчась на лестничной площадке, продолжал говорить:

— А поете вы сногсшибательно, прошибает, ей-бо, я весь натурально околпачен. Ну, до встречи, дорогой, рад, рад был такому значительному знакомству. Я вам скину сегодня же свои данные, ФИО, биографию, аккаунт. Обменяемся, да? Ну, еще раз, дорогой, до встречи, так рад, так рад, нет слов. Наше вам почтение.

Костя Кровопивин пятился, улыбался, прикладывал руку к груди, один раз оступился и чуть не упал.

Он был счастлив. Он думал о новых жизненных горизонтах.

А Боря Хухрев был несчастлив. Он сел, написал новую песню про несчастную любовь к Жанне Болтаевой и стал с надрывом, изо всех сил, петь, и бить всеми пальцами по гитарным струнам. Струны пищали, и слезы бежали по его щекам:

Зачем ты, Жанна, так далека, зачем ты так красива,
Не знает покоя моя душа, и жизнь все проходит мимо...

Владимир Герасимов
(г. Тюмень)

ВСЕ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДОСТОЙНЫ

Наш постоянный автор.

Не спится и не лежится сегодня старому солдату Михаилу Хлебникову. С утра вот накатило что-то, тревожно-холодно стало на душе, беспокойство вдруг поселилось в ней.

Кроме душевного дискомфорта, появилась и боль. Разом стали беспокоить мелкие осколки, что прижились в теле солдата с давних военных лет. Не стали их тогда извлекать сразу после ранения, так и «осели» они в неподходящих, сильно уязвимых местах. Врачи в госпитале опасались, что их удаление могло вызвать обильное кровотечение, а крови он тогда и так изрядно потерял. Одним словом, оставили осколки до лучших времен. Так и жил, трудился и ходил по земле Хлебников с этим «драгоценным» металлом отгремевшей войны. Часть осколков все же «вышли» сами, болезненно, но покинули тело, отторг их набирающий силу крепкий молодой организм. Война стала потихоньку не то чтобы забываться, ее не забудешь никогда. А вот те события стали как-то размываться в памяти Хлебникова, отодвигаться на задний план, да и сама память уже не так кровоточила. А вот вчера война вновь напомнила о себе.

Часов около десяти старик вышел за ограду, чтобы посидеть на лавочке. По обыкновению в это время он ждал соседей, дружков-товарищей. Они любили собираться по утрам «у Митрича». Специально для таких мужицких сборов Хлебников давно сделал две скамьи. Друзья рассаживались чинно, неспешно сворачивали самокрутки, или крепкие сигареты, смачно дымили. Вполголоса рассуждали о жизни, говорили о болячках, о местных и мировых проблемах. Часто предавались воспоминаниям, охотно возвращали себя в довоенное время, в те времена, когда они были молоды. Говорили, конечно, и о войне. Вспоминали, где и как воевали. С грустью, как-то по особому, вспоминали друзей-земляков, что остались где-то там далеко на полях сражений, на чужбине постылой, всегда говорили и о тех, кто ушел уже здесь.

Не успел Хлебников достать кисет с табаком и бумагой, как напротив него остановилась «сельсоветская» машина, за рулем которой был сам председатель Александр Петрович Зуев. Оставив машину на обочине, тот, улыбаясь и не торопясь, шел к Хлебникову.

— Доброе утро, Митрич! — крепко, по-мужски поздоровался председатель со стариком. Зуев был свой, всю жизнь прожил в родном селе. Он долго работал в школе, преподавал историю и географию. Вот уже несколько лет сельчане избирают его председателем Совета. Он всегда и для всех был простым и доступным. И селяне, и Хлебников его сильно уважают. К тому же, он был сыном его лучшего друга Петра, тоже фронтовика и когда-то часто мальцом сиживал на коленях у Михаила. Поэтому и отношения у них были простыми и теплыми.

— Здорово, старый солдат,— душевно, по-свойски еще раз поприветствовал председатель старика.

— Как дела ветеранские? Как здоровье? Как металл вражеский, не сильно беспокоит?

— Об чем разговор, Петрович! — весело ответил Хлебников.— Они вить тоже устают лежать на одном боку-то. Вот и ворочаются, стало быть, чтобы, понимашь, пролежней не было.

— Вот тогда и мне весело, впору хоть польку-бабочку наяривай! Бабке спать не даю.

— Да что тебе рассказывать. Прекрасно знашь, как с ними живется. Батя то твой тоже из Восточной Пруссии начиненный прибыл.

— Как, кстати, дружок поживает? Неделю уже не кажет глаз к приятелю старому.

— Да ты знаешь, Митрич, вроде и ничего. Вы ведь теперь как погода непредсказуемы.

— Вчера вот возил в райцентр в больницу, на ноги стал жаловаться, сахар полез, будь он неладен.

— Вообще сам все расскажет. Завтра собираются с соседом Плотниковым к тебе. Так что готовься. Что-то все о списках говорят.

— Я пока не вникаю. Придет время, думаю, меня не обойдете. Придете, расскажите.

— Дак я маленько в курсе, Петрович. Мы после мая нонешнего и заговорили об этом.

— Ты посмотри, дело-то какое. Когда памятник в парке нашем поставили, помнишь?

— Не морщи лоб, значить не помнишь. А я тебе скажу. Накануне 9 мая 1965 года, аккурат к 20-летию Победы.

— Знамо дело, в спешке тогда все делали, поспеть к юбилею старались. Оно и понятно, да и установка с самых верхов была.

— А памятник все одно сурьезный возвели. Крепко встал солдат в парке. Как в войну стояли на фронтах твердо, так и на родине малой встали по всей стране тогда солдаты. От Балтики и до океана Тихого, да и по миру гордо встал наш советский солдат.

— Сам знашь, председатель, на памятнике нашем прописаны золотом земляки, что отдали жизни свои за Отечество. Да вот заковыка, не все прописаны. Многих там нет.

— А ведь семьдесят лет после войны уже прошло. Чья-то судьба до сих пор неизвестна. А кого-то и власти не дали в те списки золотом внести тогда.

— Время, сам понимашь, какое было. А сейчас по-другому на это все смотрят. Все должны быть там, в списках и в памяти людской достойно стоять. И те, кто плен прошел и кто без вести сгинул где - то в топях болот. Все, кто не скурвился и с честью вынес все и жизнь отдал.

— Все мы должны быть в одном строю. И солдаты, и труженики тыла. Все, кто ковал победу. Вот тогда порядок будет. Справедливо, по-божески будет, все ведь под небом ходим.

Хлебников ненадолго замолчал, стал торопливо что-то искать в карманах пиджака, потом махнул рукой и снова продолжил:

— Вот возьмем, к примеру, Пелагею Воронцову. Скольких она, баба бедовая, проводила тогда на войну эту проклятущу?

— Правильно. Пять мужиков ушло тогда со двора ее. Пять кормильцев и надежа матери.

— Вначале муж, Архип Пантелеевич, потом четыре сына-соколика.

— А сколько их на памятнике значится? А там прописаны из родовы Воронцовых сам Архип, да Петро, что средний. А где остальные ребята — воины славные.

— Сгинули где-то на дорогах войны, пропали без вести. И вроде как нет им уже уважения, нет им памяти доброй на родной земле.

— Да и сама Пелагея Матвеевна до последнего на полях да фермах колготилась, пользу приносила. Ведь орден высокий за труд получила.

— Разве не обидно. Ох и обидно женщине-страдалице, да и всей родове их.

— Вот так-то, уважаемый, дорогой наш председатель,— несколько эмоционально закончил свой продолжительный монолог Хлебников и торопливо стал снова искать что-то в карманах.

— Погодь, Петрович! Тут недавно в журнале стихи прочитал, вокурат на эту тему, так задело правдой своей, вырезал и сохранил специально. Вот думал друзьям прочитать, да так народу показать.

Он наконец нашел этот листок и протянул Зуеву. Стихотворение с первых строк завладело председателем:

Давно отгремела кроваво война,
Те страшные дни слезою скатились.
Но плачет еще по погибшим страна,
Домой сыновья не все возвратились.

Но смерти страшнее — на многих табу,
На них подозрительно власти смотрели,
За то, что живыми остались в аду
И в лагерных топках тогда не сгорели.

За то, что собаки их рвали тела,
За то, что поля удобряли их пеплом,
За то, что в плену с исчадием зла,
Боролись и там исчезали бесследно.

Потом, как «с проказой», нельзя было в строй,
Обида и злость зубами скрипели.
Их судьбы и так раздавило войной,
И здесь страшней смерти вериги висели.

И нет кое-где их славных имен,
На памятных стелах и обелисках.
И только вопросы седеющих жен,
И только отчаяние внуков и близких.

А в чем виноват тогда был солдат?
Что раненый сильно в плену оказался,
В беспамятстве был и не видел закат,
И то, что бежать из плена пытался.

Они святой памяти тоже достойны,
И пусть им поклонится низко страна,—
И души солдат этих будут спокойны,
Они чашу горя испили до дна.

Прочитав стихотворение, председатель некоторое время молчал. Потом каким-то надорванным голосом произнес:

— Правдиво, жизненно написано. Прав поэт, должны всем мы поклониться, всех вспомнить, чтобы никто не ушел в забвение.

— И ты правильно говоришь, Митрич! Все правильно. Давайте, уточняйте, и ко мне. Военкомат, органы подключим, архив. Сверимся, уточним все вместе.

— Надо к весне следующего года пополнить списки, и на День Победы собрать отовсюду всех родственников погибших и пропавших без вести, чьих имен не было на памятнике.

— Вот это верно, председатель, по справедливости будет,— горячо и торопливо заговорил старый солдат.

— Да, Митрич, память штука серьезная и всем все возвращает по заслугам,— тихо, в раздумьях проговорил Зуев и принялся прикуривать. Какое-то время помолчали.

— А я ведь к тебе, Михаил Дмитриевич, специально, с официальным визитом, так скажем, подъехал. И вопрос касается как раз памяти, о чем мы с тобой сейчас говорили.

— Приятную я тебе весть принес, солдат. Вчера позвонили из райвоенкомата и администрации и известили нас о том, что из Москвы пришли несколько наград, не врученных нашим землякам по разным причинам в те горячие военные дни.

— В том числе пришла и твоя награда. Оказывается, ты тогда был награжден орденом Славы.

— Я не стал уточнять детали, за что награжден и какой степени. Велено через два дня доставить тебя в здравии и при полном параде в районную администрацию. Туда прибудут высокие чины из области.

— Вот такой перуэт, Митрич! Я сердечно тебя поздравляю, солдат.— И он крепко, по-сыновьи, прижал к себе поднявшегося со скамьи Михаила Дмитриевича.

Хлебников некоторое время молчал. Снова сел на скамейку. Слегка дрожащими руками стал сворачивать самокрутку. У него плохо это получалось и он смял бумагу, сунул ее в карман.

Знаком попросил у Зуева закурить. Тот подал ему сигарету и поднес зажигалку. Хлебников прикурил, сделал несколько затяжек.

— Вона, значить, как! Награда, говоришь. Награда — это хорошо, это кстати.

— Живому то, понимашь, их получать сподручней и приятней. Как там все сейчас пишут-то: — Награда нашла героя!

— Хорошо, что нашла. Скоро ведь юбилей затеял встречать — 90 стукнет. А Слава — это хорошо! Наша солдатская, высокая награда. Дюже уважали ее в войну.

Он снова замолчал, докуривая сигарету. Потом сказал:

— Как ты, Санька, траву эту куришь? Наверно, химия одна. Ты, брат, лучше брось, коли организма не принимает серьезное курево.

— Я и сам бы бросил, но врачиха в областном госпитале, кстати, тоже из наших — фронтовичка и нещадно курит, посоветовала этого не делать. Раз я с войны травлюсь, организм, вишь, не перенесет этого и следовательно мне никаких перспектив не светит.

— Видишь, он не перенесет. Подумашь, принц! — шутя закончил Хлебников и опять замолчал.

— А Слава эта за Польшу скорее всего, за языка сурьезного, что мы там взяли в конце сорок четвертого,— тихо снова заговорил Митрич.

— Взять то мы его взяли, но и сами попали уже у передовой в заварушку. Двое погибли, а меня начинило тогда осколками по полной.

— Так что ребята через передовую тащили не только языка, но и меня, как куль с добром.

— А потом-то, знамо, по госпиталям провалялся. Тут и наши в Берлине о победе громко возвестили, так отсалютовали, весь мир от счастья плакал.

— Про ту операцию я и забыл тогда совсем, хотя понимал, что награда какая — то должна была быть.

— А если честно, не до наград тогда было, хотя грех обижаться, у меня их уже с десяток на груди красовалось. У всех радости было через край. Война закончилась. Живой остался. Домой, на родину, в Сибирь.

И Хлебников снова знаком попросил у Зуева закурить. Видно, что старик волновался.

— Я ведь, Саша, тогда домой-то не сразу возвернулся,— тихо стал продолжать старик.

— После полного выздоровления, как опытного разведчика, меня направили в особый отдел. Потом были закрытые зоны и работа с военнопленными немцами на восстановлении режимных объектов в Белоруссии, в Украине, в Прибалтике.

— Домой я вернулся только в конце сорок девятого, аккурат перед Новым годом. Вот так-то, земляк мой дорогой.

И Хлебников замолчал опять ненадолго. Потом тихо спросил:

— А ты, кстати, знаешь историю, как мы с твоим отцом на фронт-то попали?

— Ведь годами то мы никак на начало войны не подходили. Не брали нас, да и работы в колхозе было по за глаза. Мужики то работящи все в вагонах на запад далекий заспешили, супостата воевать. Вся работенка свалилась на баб, да пацанов с девчонками, таких, как мы с твоим отцом.

— А на фронт шибко хотелось. Да что там говорить, все годки, да и помлаже нас, рвались туда. А мы с твоим батькой схитрились...

— На лето в сельсовет пришла работать за мать девчонка-соседка Манька Кузнецова, она тогда как раз перешла в последний класс. Красиво и грамотно писала, вот ее председатель вместо матери и засадил за канцелярию. А мать — то на полевые работы вместе со всеми наладили. Вот Маняша по неопытности, с наших слов, накинула нам тогда по году и выдала свежие справки для военкомата. Так фактически в семнадцать лет весной сорок третьего мы и ушли с твоим отцом, Петром Никаноровичем, на фронт. Время было горячее, наши во всю жали фашиста по всем фронтам. Свежие силы требовались везде, кто там будет разбираться. А мы — парни деревенские, видные, здоровые. С радостью нас приняли на краткосрочное обучение в резервный полк. А потом и фронт...

— Вот так-то, председатель.

На том разговор и закончили. Договорились, что о деталях поездки председатель сообщит еще дополнительно. Попрощавшись с председателем, Хлебников заспешил домой. Давно уже подошло время и таблеток, и чая. И его Любовь Андреевна поджидает хозяина к столу.

* * *

Непростой была судьба и у его Любашки. Познакомились они здесь, в этом сибирском селе. Когда Хлебников вернулся домой после долгого отсутствия, по-соседству у тетки Груни Потаповой уже месяц как квартировала очаровательная девушка. Любашка приехала по направлению из области на местный молокозавод лаборантом после курсов. Мать Хлебникова только и говорила о новой лаборантке, только и нахваливала ее. И на новогоднем вечере в сельском клубе Хлебников решил брать штурмом эту симпатичную соседку. Ей тоже уже приглянулся кудрявый воин-сосед. А тут оказалось, что Хлебников и гармонист, а какой плясун. Словом, долго не хороводились. Расписались в сельсовете, собрали небольшой вечер. И все. И стали жить, как все тогда жили, трудно, но весело.

Любашка тоже была сибирячкой, правда, из далекого сибирского села в Иркутской области. В августе сорок восьмого года она вместе с группой ребят и девчат из родной области уехала по направлению учиться в ФЗО в далекий Ленинград, чтобы потом работать на стройках, восстанавливать разрушенный войной и блокадой город-герой.

Но, проучившись полгода, она дальше не могла находиться в Ленинграде. Перенесенная в годы войны болезнь легких серьезно обострилась в сыром и промозглом климате. Девушка постоянно болела, кашель просто разрывал легкие. Врач, что наблюдал и лечил Любашку, посоветовал срочно сменить климат, вернуться домой в Сибирь. Он же и помог ей это осуществить. И несмотря на то, что в то время вопрос перемещения трудоспособного населения решался непросто, со справкой врачебной комиссии она получила перевод. Правда, в родную Иркутскую область ей тогда так и не удалось вернуться. Она получила направление в Омск.

— Ну и пусть будет Омск,— решила Любашка,— все ближе к дому и климат свой сибирский.

В Омске ее направили на курсы в школу мастеров маслоделия для обучения на лаборанта молочного производства. А потом она попала в это большое сибирское село на окраине области, где была и работа, и где она нашла свою судьбу.

* * *

Скрипя крыльцом и половицами в сенях, Хлебников степенно вошел в свой небольшой, но по- простому ухоженный пятистенок. Раньше, когда все при нем жили, тесновато было. Выросли дети, разлетелись, а им с женой и этого теперь вполне достаточно, и гостей летом есть где разместить.

Его Любовь Андреевна сидела за столом. На нем красовался петухом расписным чудный электрический самовар, подаренный детьми родителям на какой-то юбилей. Жена, подперев по обыкновению рукой голову, смотрела в окно и слушала песню, что лилась из приемника на стене.

— Доброго здоровья, баушка,— весело приветствовал жену Хлебников,— как спалось-ночевалось?

— Да виделись, однако, уже. А ты что, как кочет молодой, перья — то распушил. Опять, поди, соседке, фершалу-молодухе, дрова помогал в поленницу класть, а она плеснула тебе медицинского для ран душевных. Смотри, старый, доходишь по помочам, с претензиями придут,— так же весело, в тон мужу, ответила Андреевна.

— И что такой солнечный с утра, батюшка. Али в лотерею выиграл, али письмо от внуков получил?

— А что мне, подруга, не веселиться. Живой покуда. Солнышко вон пригреват, на огородах все растет, природа радует, ты вот рядом. Дети, внуки, слава Богу, живы-здоровы, все при деле.

— А весело — радостно мне от того, что весть хорошу привез сейчас председатель наш Санька Зуев, крестничек дорогой. И надо же, аккурат к юбилею. Теперь точно не буду поспешать в дорогу скорбную.

— Да говори ты толком, порадуй и меня весточкой доброй. Что заладил, как пономарь, одно и тоже,— стала уже было сердиться Любовь Андреевна.

— Охолонь, старая, все по порядку. Готовь костюм мне парадный, да так, чтоб ордена-медали блестели, как вот самовар твой. Через пару днев повезут меня в администрацию районну, где меня ждет-дожидается награда серьезная — орден Славы, наш солдатский орден. С самой Москвы, вишь, с оказией прислали.

— Да, да, мать! Оказывается, еще с войны награда, а сейчас вот нашла меня. Хорошо, что застала.— И Хлебников подсел к столу и замолчал.

— Вона как! Вот это новость. Да ты, батюшка Михаил Дмитриевич, и взаправду герой. И так вся грудь в орденах и медалях, не стыдно с тобой по селу пройтись в праздники. А тут еще и Слава.

— Как ребятишки то наши с внучатами возрадуются за отца и деда своего. И пусть гордятся. Ты кровью на войне заслужил это уважение. И после работал до последа, куда ни пошлют.

Она не торопясь подошла к мужу, прижала его седую давно голову и тихо сказала:

— Я рада за тебя, старый. Спасибо тебе, дорогой мой солдат. Мы все гордимся тобой и шибко любим тебя, отец! — И она нежно поцеловала Хлебникова в шрам на правой стороне головы, что остался после операции по удалению осколков из черепа еще с войны.

Они долго молчали, и было видно, что каждый старается справиться с волнением и воспоминаниями, что вдруг подступили к их сердцам и памяти.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

ОДНА ИЗ ТАЙН

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

1

Цвело — все сразу:
был горяч
июнь,
и солнце рисовало
за ограждениями дач
косые контуры овалов

или кругов,
не пощадив
вовсю цветущие растенья.
Поливы делались для их
неоднократного спасенья.

...Мне это виделось извне —
участка с дачей не имея,
нередко думаю земле
отдать свое, все, что есть, время,—

не умереть —
наоборот —
взрастить и выпестовать жизни.
Но втиснуть это в ряд забот,
неумолимость, как — скажи мне?..

2

Но больше всех меня влекли,
меня притягивали судьбы
цветов, чьи были велики
глаза и чуть
припухши губы,—

чьи были плечи чуть остры,
чья тонкость слуха впечатляла,
на чьи холеные листы
садилась Нимфа,
чуть печальна...

3

Я проезжала вдоль домов,
и мне хотелось был причастной
к посадке трав,
к вязанке дров,
к прополке — муторной и частой,

к чесночной стрелке,
на какой
крепился острый наконечник,
одетый накрепко рукой
седого дачника, конечно,

к зеленой грядке,
к сорнякам,
что так и лезли бы,
и лезли,
когда бы зло не засверкал
садовых ножниц контур лезвий...

...Такие мысли не дадут
болеть моим последним нервам.
Как хорошо когда-нибудь
свободным стать...
пенсионером!

4

Ни ветерка.
Открыв окно,
я сожалела, что не встречу
среди машин — ни одного
цветка, чей был бы ровен венчик.

Машина слушалась меня,
мной увеличивалась скорость,—
из глаз сегодняшнего дня
вот-вот — и скроюсь.

5

И вдруг,
как вьюга, впереди,
как привидение,
как диво,
метнулась тень.
Определить
я не смогла, что это было.

Я, не успев затормозить,
в непониманье оглянулась —
и крылья белой стрекозы,
и бело-лунная округлость —

все стало блеклым.
Онемев,
я задала вопрос: зачем мне?..

...Зари открылся львиный зев —
вечерней.
И Бог заговорил с травой...

...Но то, что я обожествила,
предстало вдруг передо мной
кустом жасмина.

6

Да, это был жасмина куст —
весь на цвету, как будто к свадьбе
готов.
И шепот Божьих уст
был тишиной — внезапной — скраден.

Да, он казался женихом:
его ажурная манишка
напоминала снежный ком,
детьми долепленный почти что,

напоминала море в шторм,
напоминала белый камень,
и были млечный путь и он,
да,—
двойниками.

7

— Могу ли я сломить у вас
три-пять не самых пышных веток?
Жасмин молчал.
Из многих трасс
была шумнейшей трасса эта.

Черты лица — напряжены,
но ни один не дрогнул мускул.
Я протянула руку,
и...
хлоп — звук — сустав, как будто, хрустнул,

и ветка щелкнула.
Щелчок
был оглушительным и резким.

И заблестели возле щек
соцветий,
слез ли
арабески.

8

Каким был плач!
Я никогда
таких не видела рыданий!

Пусть я не сделала добра,
но и я и не несла страданий!

Летели в небо лепестки,
и мне в лицо,
и на дорогу.
Стучали сердце,
пульс,
виски:
«не тронь,
не тронь,
не тронь.
Не трогай»...

9

Я, чем умела, помогла:
«Пусть все пройдет»,— я загадала.
Чернавка-ночь была смугла,
как от загара.

Как будто, ангела крыло
досталось зверю,
как будто облако легло
на землю,—

так было много, много слез.

Но становился тише,
тише
жасмина плач.
До блеска звезд
был небосвод теперь начищен.

Жасмина впала область скул,
он промочил жилетки вишен,
потом, наплакавшись, уснул
и стал недвижен.

10

Как часто скрытый тайный знак
довлеет,
властвует над нами!
Тобой, загадочность — дай знать —
мир управляем?

Есть тайн несметное число,
но среди них — необычайной —
был плач жасмина —
отчего? —
Осталась тайной.

Людмила Межиньш
(г. Рига)

Член Союза писателей России, поэт, прозаик, лауреат двух международных премий за детскую литературу, обладатель литературно-общественной премии им. С. Есенина «Пой песню, поэт», с присвоением одноименного ордена, медалей за литературную деятельность: им. Шолохова, им. Грибоедова. Педагог-керамист. Автор восьми книг поэзии и прозы, детской литературы, сказок.

ЗА СЕМЬЮ ЗАКАТАМИ

За семью закатами,
Радугой объятыми,
Тайна тайн упрятана
От людской молвы.
Путь к ней прост до крайности,
От страданий к святости,
Но дойти до радости
Можем я и Вы.

Ясписы рассыпаны
И ромашки вытканы
На тропинках избранных,
Только позови.
Но к седьмому солнышку,
Тонущему в морюшке,
Не припало б горюшко
Тайной тайн Любви.

МЫ — ПОТЕРЯННЫЕ ДЕТИ

Мы — потерянные дети
матерей святой Руси.
С ветром бродим по планете.
Сердце, сердце не гаси!

Мы добры и одержимы,
окунаем взгляд в родник,
но куда бы ни пошли мы,
камень, лед, скала — тупик.

Взгляд полощется в рассвете,
в чистоте былых времен.
Мы стареющие дети
неповерженных икон.

Снег скрипит... За новой эрой
к звездам льнет луны белок.
У березы индевелой
ветром воет белый волк.

ПАМЯТИ ЛЮБИМОГО РУССКОГО ПОЭТА

Замучен гения судьбою
Лазурный взгляд Твой над избою.
В подвалах страшных «Англетера»
ЧеКа безмозглая холера
Распяла мальчика-Поэта,
И нет у совести ответа.
Следы сметенные насилья
На взрытой бесами могиле.
Наиздевались над Тобою,
России Небо Голубое!
Все жены, что тебя любили,
Измены глупые забыли,
склоняясь низко пред Иконой

Над свечкой, матерью зажженной.
И, в ангельской сливаясь силе,
Все журавли тебя простили.

Ключи Марии над Окою
Звенят Поэзии рекою.
Ты к нам всегда придешь, Сережа,
В прощеной Радунице Божьей.

БОРОДИНСКИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Бородинское поле!
Здравствуй, Вера моя!
Здравствуй, русская Родина предков!
Васильковый росток
И хрустальный глоток
Из криницы живительно-редкой.

В красоте древнерусской
Бородинской земли,
Где прославились воины в битве,
Скорбь Небес не молчит,
Беспрестанно стучит
Сердце в такт материнской молитве...

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ВОЛШЕБНАЯ ПРОСЬБА

Постаревший, отъевшийся, важный,
Я однажды сюда загляну,
Где твой маленький дом двухэтажный
С той рябиной, припавшей к окну.

Где твой лик, обольстительно дерзкий,
Завлекая в пространства зеркал,
То по-взрослому строгий,
То детский
И капризный —
Мне долго мелькал.

Чем пленила ты, приворожила,
До сих пор не пойму, не решу,—
Но мечталось:
Коль встречу я джинна,
Об одном у него попрошу:

«Я, Хоттабыч, иметь над любимой
Не желаю волшебную власть.
Поменяй нас местами с рябиной,
Чтоб к заветным окошкам припасть!

Все равно я сюда, как на смену,
Прихожу, когда все уже спят.
Все равно
Я признаться не смею,
Как рябина, краснея до пят...»

ПИОНЕРСКИЙ РОМАН

Тане

Боже мой, как нравилась ты мне!
Но судьба вожатою суровой
Не лицом к лицу — спиной к спине —
Нам два места выбрала в столовой.

Вроде бы мы рядом, но,— увы! —
Помню, как отчаянье пытало
Тем, что глаз прекрасных синевы —
Мне налюбоваться — не хватало!..

И когда в столовку прибегал,
Я, поверь, не думал об обеде,
Ждал тебя — и стул свой подвигал,
Чтоб на свой ты села, словно леди!

Весь отряд смеялся надо мной
За мои галантные вставанья,
Но я словно чувствовал спиной,
Как ты благодарна за вниманье!..

Боже мой, как нравилась ты мне:
Я не мог тобой налюбоваться!
Но сидели мы спина к спине —
Видно, случай любит издеваться!

Вот и весь наш лагерный роман —
Детский, но пленительный и дерзкий.
Вспоминаю, сев на свой диван —
Греет спину галстук пионерский!

ФЛЕЙТИСТКА ИЗ ЧЕРТАНОВА

...И нежность вспыхнет заново,
Лишь в памяти найду
Флейтистку из Чертанова
В Царицынском саду.

Как звать: Аленой, Светою? —
Не скажет мне она,
А скажет лишь, что флейтою
Всерьез увлечена!

И что шедевр Баженова
И грусть дворцовых ив —
Рождают в ней божественный
Лирический мотив!

Не дева — каша манная!
Но сердце упадет,
Когда под ручку с мамою
К метро она пойдет.

И все начнется заново,
Лишь в памяти найду
Флейтистку из Чертанова
В Царицынском саду.

ПОКА МЫ С ВАМИ НЕЗНАКОМЫ

Есть у мечты свои законы —
В один из них я посвящен:
Пока мы с Вами незнакомы,
Я очарован, я — смущен.

Я начинаю заикаться,
Не веря собственным глазам,
Что нищ мой мир классификаций:
Ваш лик — подобен образам!

Я встречи новой, неслучайной,
Ищу, как праздника, уже:
Ваш голос музыкой венчальной
Священнодействует в душе...

Прощу Вам колкую улыбку,
Легко солгав, что по пути,
И буду сумку, словно скрипку,
До дома бережно нести.

И в майский час, когда мы вместе
Идем к метро по январю,
Вам подарю охапки лести
И три тюльпана подарю!..

Пока мы с Вами незнакомы,
Мне Богом, кажется, дано
Благоухание балкона,
Где Ваше светится окно,

И вечер с трепетною тайной,
Сюжет загадочно–любой,
Где звать Вас — Музой или Таней,
Где звать Вас — Ольгой иль Судьбой...

БЕЛАЯ НОЧЬ

Никогда-никогда
со щеки
белой ночи твоей не сотру,
Белый город,
где чайки будили меня поутру.
Где вставал я с подушки,
пропахшей духами горячими той,
Что так щедро делилась
и кровом своим, и мечтой.

Чудо гостеприимства!
С базара арбуз и янтарные капли айвы.

И душа — нараспашку.
И только любовью она не делилась, увы!
И пока до рассвета
черный кофе я свой допивал —
О другом, о любимом она говорила,—
и я ей советы давал...

Никогда-никогда не остынет
черный кофе тех белых ночей,
Никогда-никогда
черный хмель ее белых плечей
Безвозвратно не канет —
и станет являться во сне,
Где подушка кричит,
белой чайкой паря в белизне!..

ЗЕРКАЛА

Чья-то ласковая дочка.
Чья-то верная подруга.
Чья-то страсть.
Но в этом зале, где сверкали зеркала,
В этом городе и мире,
где не встретили друг друга,
Ты была моей мечтою,
ты надеждою была.

И антракт уже кончался —
жизнь дошла до середины,
И когда устал я верить,
обнимая пустоту,
Пошептались мрак со светом,
и зеркальные глубины,
Перебрав свои запасы,
вдруг явили мне мечту!

Я не знаю, что мне делать
с неожиданным подарком:
Страстью, дочкою, подругой
и мечтою, что искал,—
Что вдруг стала мне всем сразу!
И тревожно в мире ярком
Щедрых пьес и карнавалов
и смеющихся зеркал.

ЧТО МЕЖ НАМИ, МЕЖ ДВОИМИ

Что меж нами, меж двоими —
Разве кто-нибудь поймет?
Я шагну лишь — Ваше имя
Снег опять поет, поет!

Он ложится, словно гравий
Между нами в топь разлук...

Ни письма, ни фотографий.
Только имя Ваше вдруг!

Только грустное свеченье
Звезд — замерзших Ваших слез.
Только кисти Боттичелли
Лик Ваш в пламени волос!

СЛАЛОМ

Вкусный жар шашлычных печек.
Звон серебряных уздечек.
Остроумный блеск словечек,
что роняла на бегу.
Массовик наш, наш затейник,
ненаглядный человечек,
Расставляй цветные кегли
на заснеженном лугу!

Будь судьею и пророком
в споре сладком и жестоком,
Пусть по всем моим дорогам —
кеглей тех цветочный плен!..
И помчусь я, как мальчишка,—
поскользнуться ненароком
И коснуться милосердной
теплоты твоих колен.

Отдаю! — Другому слава,
и призы, и крики: «Браво!»,
А упавшему — отрава
снисходительных реприз.
Но зато испуг твой тайный,
будто поздняя отава,
Засверкает из-под снега —
вот он, вот мой главный приз!..

За Уралом, за Аралом,—
как бы мною ни играла
Жизнь моя,— шутливый слалом
тот запомнится навек!
И твое: «Тебе не больно?!»,
и как сердце обмирало:
«Что нашло? Что потеряло?» —
у твоих цветочных вех.

ДОМИК ТВОЙ

Будто старичок подслеповатый,
Вот же он, четвертый от угла,

Домик голубой, где ты когда-то
Маленькою девочкой жила.

Добрые доверчивые бревна,
Не отдайте стуже и грозе
Память дорогую, где подробно
Все о той далекой стрекозе:

Где ее любимая дорожка —
Бегать в зацветающем саду,
Где ее заветное окошко,
Чтобы любоваться на звезду.

Вы храните, милые, храните
Даже гвоздь, где вешали белье,
И тяните, бережно тяните
Нити снов безоблачных ее.

Тает лет шагреневая кожа.
Но дождемся, может быть, мы дня —
Рассказать все той, что так похожа
Будет на нее и на меня.

ССОРА

В щели, в форточки сквозные
Тянет сыростью, дымком.
Листья, красные, резные,
Залетают на балкон.
Ты ушла и не сказала:
Убирать — не убирать.
Будто яблоки с базара,
Листьев огненная рать.

Лишь вчера мы покупали
Эти яблоки с тобой
И друг другу уступали:
«Сорт, пожалуйста, любой
Выбирай, моя родная!» —
«Лучше ты! Что любишь ты?..»
Как мои воспоминанья,
Кружат красные листы.

Видно улицу из окон,
Но прохожие редки.
В нашем доме одиноком
Тишина и сквозняки.
И тоска.
И мухи злые —
Злым словам твоим под стать...
Листья, красные, резные,
Продолжают залетать...

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Последний снег, ты бледен от испуга:
Свою судьбу ты знаешь наперед,
Но этого сверкающего луга
Никто у нас пока не отберет.

Любимых щек прощального пожара,
Прощального холодного кивка
Единственной, что мне принадлежала,
Не отберет никто у нас пока.

Не отберут отчетливо вонзенных
Следов ее, что светятся, дразня,
И слов ее немножечко казенных,
Жалеющих: «Мы все-таки друзья!» —

Не отберут. По-своему побелим,
Хотя б на миг прощанье отдалить,
И хмурый лес, и улицу, и берег —
Да милых глаз никак не забелить!

Им для другого хочется расставить
Своих ресниц капроновую сеть,
А нам пора, наверное, растаять
И на плечах обузой не висеть.

Пора понять, что уличным потоком
Нам завтра течь в ближайший водоем.
Зачем же мы с надеждою жестокой
Стоим и умираем на своем?..

ПОДРУГИ

Вы всегда ходили парой
В парке, где гулял и я.
Что вы — Танечка с Тамарой —
Рассказали мне друзья.

Сразу стало им заметно,
Как смотрю я вам вослед,
Ибо сами безответно
Вас любили много лет.

Вряд ли, милые подруги,
Удивит вас эта весть —
Ведь любить вас
В нашем круге
Почитали мы за честь!

А не любишь —
Значит, болен,

Детский сад и первый класс,
Не доросший до любови,
До такой вот, как у нас...

Но для вас, наверно, тайна,
Что почти полсотни лет,
Вы — Тамарочка и Таня —
Круга нашего цемент!

Что улыбки вы — на лицах
И лекарство от морщин,
Что вы — притча во языцех
Все изведавших мужчин.

Что, коль молвит
Друг наш старый
С пылким сердцем пацана:
«Тост — за Танечку с Тамарой!» —
Мы встаем и пьем до дна.

Не вдаемся мы в детали,
Вас подняв на пьедестал,
Кто — о Томе,
Кто — о Тане
Ранней юностью мечтал.

Нам теперь уже не важно
У кого кто был в чести —
В юность ведь, как в реку,
Дважды,
Как ни пробуй, не войти.

И для нас уже навеки,
До последнего глотка,
Не отдельные вы реки —
Наша общая река,

Наша «Танечка и Тома»,
Что сумели мы сберечь,—
От смешного до святого
Продолжающая течь!..

Любовь Юркова
(г. Усть-Каменогорск, Казахстан)

Поэт — член Российского союза писателей, член Всемирной корпорации писателей, член областного регионального объединения «Звено Алтая», руководитель литературного объединения «Прииртышская лира»

ХОЛМОВ ЗОЛОЧЕНАЯ МЕДЬ

Рябиновой веткой мне осень в окошко стучится,
Шафрановых листьев в саду золоченый покров.
Опять в эту осень мне часто ночами не спится,
И голос забытый сквозь дремы шепнет про любовь.

Опять эта осень сомнений плетет небылицы.
Где в ярких зарницах холмов золоченая медь.
Как в книге страницы, мелькают любимые лица,
И сердце подскажет, как в этом костре не сгореть.

Зачем эта осень мне с грустью в окошко стучится,
Любви запоздалой напомнив забытый напев.
В осеннем пожаре мечты — перелетные птицы
Осыплются ветром, теплом никого не согрев.

КРАЕМ НЕБА ИЮНЬ

Краем неба июнь по душистой тропе.
Словно кошка, мурлычет свои заклинанья.
Легким шепотом трав вторит лето во сне,
Через тысячи лет назначая свиданье.

Я закрою глаза, тает неба вуаль,
Сердца нежности плен над уснувшей рекою.
Мне былого не жаль. Только горечь потерь —
На душистой тропинке расстались с тобою.

Мой красавец-июнь, щедрость лета в глазах,
Мелким кружевом стежки засыпал травою.
Нежный шепот разлук тает в наших сердцах.
И затихшее эхо плывет над судьбою.

ДОЖДИК УСНУЛ НА ПЛЕЧЕ

Небо вспорхнуло ресницами,
и покатилась слеза.
Яркие молнии — спицами,
в небе июньском — гроза.

Всполохи в громе купаются.
Струйками дождь на траве.
Брызги, что яркие радуги,
Крыши домов в серебре.

Ангел в сапожках резиновых,
в длинном, промокшем плюще,
вытряхнул тучки пугливые —
дождик уснул на плече.

Перышком «глазки анюткины»
Нежно, с любовью протер.
Бабочкам крылышки робкие
Взмахом, — пыльцою «колер».

Выткались краски узорные.
Перышки-крылья в полет!
Пчелки, игриво-проворные,
В улья — раскрашенный мед...

ВЕСНА КУРАЖИТСЯ

В душистых трепетных садах весна куражится.
И, как сединки на висках, печаль уляжется.
Из ароматов летних снов слезинки тайные.
Напоминаньем о любви цветы признания.

Ковром ромашковых полян листочки белые.
Жужжат, что майские жуки, слова несмелые.
Прикосновенья ветерка да вздох желания.
Твой взгляд из юности смешной, и миг свидания.

Воспоминания нежны, что муки прежние.
Прикосновения руки лаской безбрежною.
Волной душистою сирень обнимет радостно.
И словно не было тех лет... И сердцу сладостно.

БЕЛОЙ НОЧИ НАПЕВ

Это точно про нас, старый дивный романс,
Что душа в лабиринтах любви моей пела.
Отгорело в ветвях золотым сентябрем,
Строчкой ласковых грез в небесах отболело.

Что-то вспомнится вдруг, словно теплится миг,
За прозрачной волной синевы звездопада.
Белой ночи напев и отчаянный крик
Пароходных гудков. Губ любимых прохлада.

Вновь усталая нить позабытых тревог
Вспыхнет яростью ласк и былых наваждений...
Свет любимых имен от разлуки продрог
В лабиринтах тоски и судьбы сновидений.

ЭТО ПРОСТО СЕНТЯБРЬ

Это просто сентябрь — золотою волной листопада
Брызжет светом любви и назойливых серых дождей.

Бабье лето в объятьях уснувшей тоски звездопада
И дурмана холодных, прошитых багрянцем полей.

Легкой поступи стать у княжны в золоченых одеждах.
Роскошь вьюги цветной загулявшей девахи шальной.

И под куполом грез в облетевших с листвою надеждах.
Синь реки твоих глаз. Остывающий берег ночной.

Петр Межиньш
(г. Рига, Латвия)

Петр Межиньш родился в г. Елгаве (Латвия). Мать — из русских староверов, отец — латыш. Отец Петра Янис Межиньш воевал в Советской Армии в ВОВ. Закончил строительный техникум. Лауреат литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина с вручением одноименного ордена (за вклад в русскую литературу).

* * *

Куда летишь, мой огонек,
ночной цветок, ночная песня?
Танцует жизни фитилек
над водной памятью небесной.

И кажется, что нет преград,
а дух — одно лишь устремленье...
И на тебя миры глядят,
как светоносные растенья.

Мгновенье — в жизнь лететь, паря,
над страстной речкой поцелуя,
где зарождается заря
в порывах, — счастья, тонких струях...

* * *

Куда ведет ночная глушь,
коровий путь
средь лунных луж?
Коровий путь, иди, броди,
от злой напасти огради!
Тропа течет наверх и вниз...
Небес дома, а в них огни,
и синий отблеск
на рогах...
За поворотом берега...
Переливается, как ртуть,
в глазах плывет
коровий путь.
Коровий путь, иди, броди,
от злой напасти отведи!

* * *

Светлячок мой, светлячок —
тоненькие ножки...
Раз — скачок, два — скачок —
в парке по дорожке.
Твой веселый огонек
скачет и смеется,
и сияет фонарек
звездного колодца.
То ты здесь, то где-то там
за кустом сирени —
по траве и по цветам,
где ночуют тени.
Я хочу тебя поймать.
ты быстрее все же...
То — волна, то снова гладь
на траве от стежек...

* * *

Шумит и клокочет запруда
и падает, пенясь, вода.
Течет неизвестно откуда,
втекает — незнамо куда.
И мелется, мелется время,
и крутятся дней жернова.
И сырость сочится сквозь темень.
И ночи пугает сова.
И старого мельника призрак
идет, половицы скрипят.
И голос исходит на брызги.
Струится, лучась, водопад.

И лопасти мельницы — в звездах,
и лунная ось — в колесе.
И зов огоньков перевоза.
И души идут по стезе...

* * *

Молчит отец, ему видней
все наши дни — со дна,
и все орудья батарей,
и сон, где сплошь — война.

В груди — железная страна,
проклятая война...
Моя печаль, моя вина —
смертельного зерна.

Засеяно все поле впрок.
Земля — одни холмы.

Не назидателен урок.
Туман гудит из тьмы,
и за туманом мой отец —
незримая стена.
И не пришел войне конец,
сквозь мир глядит война...

* * *

Ах ты, золотко мое,
свет-цветочек аленький,
пароходик пристает
беленький и маленький.
Пароходик пристает,
мы пойдем по лесенке,
поплывем за окоем,
словно гуси-лебеди.
Мимо будут плыть дымки,
облака над речкою,
поле, рожь и васильки,
вика и кузнечики.
Пароходик забурлит,
загребая плицами, —
мимо солнечных ракит
с длинными косицами...

* * *

Из кораллов вырезая глыбы,
создаю дворец для песен ветра.
Водят эхо волн в глубинах рыбы,
и моллюски чуют струны света.

Поднимается дворец, слагая гимны
по ступеням кромки океана.
В стенах звуком чувства плещет имя,
выплывая из вуали и тумана.

Знает ли за океаном ангел,
что кораллы сердцем нежным плачут,
что плывет вчерашней встречи тАнго,
что внутри вчерашних окон пламя...

Владимир Сапожников
(г. Тула)

Член Союза писателей России, лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, всероссийской «Левша» им. Н. Лескова, им. М. А. Булгакова.

ДВУМ МАСТЕРАМ-ЗАТЕЙНИКАМ
ОТ ЭСТРАДЫ

Их в списках нет, не платящих налоги,
По серым схемам нет, не рвут свой куш:
Один — паяц скандальный с алкоголем,
Другой — удачливо влюбленный муж...
Не запасли бабла, не рассчитали,
Что может грянуть этот черный час...
А лучше бы последнее отдали
Тем старикам, что бедствуют сейчас!

ОСЕННЕЕ

Листья отлетели желтые почти...
Птицы все пропели, хлынули дожди...
Осень захватила парки и людей...
И в обнимку с прошлым я иду по ней,
Наполняясь негой светлою любви,
С осенью печально бродим до зари...
Все пройдет... Все в жизни грустно отцветет...
Лист багровый плавно с кроны упадет...
Но в печали этой есть своя краса...
Заскользит по ветке капля, как слеза...
Все уходит в жизни... Да и мы уйдем...
Что-то потеряем, что-то вдруг найдем...
Лист крапленый, красный... Прошлому — не быть!
Не спугните осень, не спешите жить!

ДАЙВИНГ

Как морское животное —
глубоко под водой
Я плыву вместе с рыбами,
обретя здесь покой.

Метры моря на темечко
давят мне с высоты,
И в ушах ощущается
соль земная воды —
Вдруг найду драгоценности,
клад, пиратский корвет!?
Не везет — но для верности
покружился...— Но нет,
Корабли померещились
миражами утрат...
Я — морское чудовище —
но и этому рад!
Стану рыбой подводною,
погружусь глубоко —
Где нет мерзости, подлости —
до людей далеко!

ВНУЧКЕ

Спит в кроватке внучка —
Утомилась... Спит...
Разбросала ручки,
Носиком сопит...

Снится ей кораблик
В голубых морях,
Что плывет далеко,
Ветер в парусах...

Снится добрый мишка,
Ласковый щенок,
И шалун-зайчишка,
Смелый тигр-дружок.

Снятся ей игрушки:
Домики, шары,
Мышки и лягушки
Сказочной поры.

Спи, моя родная —
Плавай в светлых снах...
И живи, не зная
О плохих делах!

ЕДУ В ГОСТИ

Еду в гости, на родину,
В то за речкой село,
В окруженье болотинном
Затерялось оно...

Где поля были — заросли
Захватили простор,

А вот люди — остались ли?
Лишь погост-косогор...

Где печально и благостно
Сплошь лежат земляки...
А на сердце так тягостно —
Захлебнусь от тоски!

У ЗЕРКАЛА

Встав у зеркала жизни однажды —
Я увижу, как смотрит другой —
Нет, не я, не такой — завсегдашний,
А старик — совершенно седой...

Где тот мальчик, что с удочкой бегал,
Умиляясь природе речной?
Где тот город, укутанный снегом,
Где бродил я не с ней, а с другой?

Где любовь, ускользнувшая мимо?!
Где удача из терний труда?
Сердца трепет от взгляда любимой,
Жажда чувств, что ушла навсегда...

И стоит перед зеркалом тихо
Незнакомец — уставший, чужой...
Жизнь промчалась так быстро и лихо —
Словно было все в ней не со мной...

Все куда-то ушло безвозвратно?
Я не верю кривым зеркалам!
И вернусь к той тропинке обратно,
Чтобы встретить любимую там...

Она будет опять ненасытной,
Кровь прильет от объятий ее...
...Незнакомец скривился ехидно,
А точней — отражение мое...

* * *

Что за птички? — Да просто синички
Прилетели ко мне под окно.
Две подружки, а, может, сестрички
Расчирикались славно, легко...
Чистят перья, рябиной постятся,
Как прекрасна свободная жизнь!
Начирикаются и наедятся,
А потом вдруг срываются ввысь...
Птичья жизнь — не людей прозябанье —
Нет ни склок, ни обид, ни страстей...
Не понравилось тут? — До свиданья!
Вверх поднялся и прочь поскорей!

Татьяна Житкова
(г. Рига, Латвия)

Родилась в России, живет в Латвии (Рига). Окончила физико-математический факультет Ярославского педагогического института имени К. Д. Ушинского. Поэт, публицист, редактор, переводчик. Автор трех поэтических сборников. Публикуется в журналах, антологиях, альманахах.

* * *

Не спрашивай меня,
Как пишутся стихи,
Как льется их мотив
Из дальнего пространства.
Я только пианист,
Слова мои легки,
Когда бегут они
Из-под озябших пальцев.

Я только музыкант.
Над таинством строки,
Едва услышав звук,
Настраиваю лиру
И ритм ее, и такт,
И свет из-под руки,
И радость волшебства
Незримого эфира.

Струна моя — душа —
Чуть слышно зазвенит,
И будет снова пир,
И будет ночь в изгнанье,
И будет воздух свеж,
И будет чист мой лист,
Когда придет твой зов,
Стихов моих создатель...

* * *

Там, где малиновым солнцем согрет,
Дремлет песчаник,
Сосны шумят и серебряный свет —

Братья, славяне!
Горы уснули. У самых небес —
Гаснущий пламень.
Движутся воины в сумрачный лес —
Братья-славяне!
Видишь, костры развели у реки?
Светится камень.
Из звездных знаков плетут узелки
Братья-славяне.
И коль беда притаится грозой
Под небесами.
Встанут стеною в тот час роковой
Братья-славяне.
Кто устоит против силы такой?
Вдумайтесь сами.
Только победу приносят домой
Братья-славяне.

КОНЦЕРТ В ДЗИНТАРИ

Гроза метала молнии на сцену,
Летели листья с каплями дождя,
А в зал лилась мелодия Шопена,
Лилась и билась в сердце у меня.

Гром заглушал и мучил пианиста,
А он, как будто наперегонки,
Бросал в грозу то гроздья, то монисто,
Взрывал аккорды, грому вопреки.

Но вдруг, очнувшись, нежными руками
Едва коснулся зеркала души...
Тончайшей грусти гаснущее пламя
Последней искрой вспыхнуло в тиши.

И замер зал, сплотившись к середине,
Он был един в молчании, пока
Разряды молний и потоки ливня
Не унесли с собою облака.

* * *

Как в нашем детстве мели метели!
Мороз на окнах стелил узоры,
И звезды с неба на лапы ели
Бросали сказочные уборы.
Мы ждали чуда, и чудо было:
В живых картинах и вихрях масок.
И сердце жарко и шумно билось,
Вбивая ритмы волшебных красок.

Добро сражалось за право выжить,
А зло всегда побеждала дружба.
И мы кричали, и было слышно,
Как бились склянки декабрьской стужи.
В ребенке правда живет с рожденья,
Ему не надо слагать законы.
Ему по высшему повеленью
Доступны солнечные короны.

Все дети — маги. Они летают
И днем, и ночью — куда попало...
И льдинки тают и исчезают
Под звуки праздничного карнавала.
А в нашем детстве мели метели,
Сейчас же зиму дождями смыло...
Январь, под звук заводной капели,
Зонтами радужными накрыло.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

В середине августа зеленого
С легким желтым проблеском в листве
Затеряемся счастливые, влюбленные
В городе с мостами на Неве.

И пойдем гулять по длинным улочкам,
Что своей историей манят.
Так же вот по этим переулочкам
Мы гуляли много лет назад.
Здесь все грани времени стираются,
И года — мгновение одно,
Ручейками счастья растекаются
В сердца два, как будто бы в одно.

КРЫЛЬЯ МЕЧТЫ

Вы представляете — яркие крылья
В небо меня увлекали опять!
В сказочном сне, словно в детстве, парил я,
Вновь научившись летать и мечтать.
В страны чудесные, в синие дали,
В выси бездонные, под облака
Я уносился, внизу проплывали
Поле, леса, деревенька, река.
Быстро летал, высоко и свободно
Дух замирал и стучало в груди,
И мне казалось — летай, где угодно,
В небе открыты любые пути.
Детство сокрыто годов пеленою,
Но как же хочется верить порой,
Что вдруг однажды случится с тобою
То, что зовется крылатой мечтой!

ОСЕНЬ

Поле бескрайнее, лес
И деревенька окрест.
Храм на пригорке вдали,
В небе летят журавли.
Осени поступь слышна,
Всюду желтеет листва.
Отблески солнца в траве,
Запах костра в полумгле.
Утром в низинах туман
С грустью души пополам...

Виктор Евдокимов
(г. Торонто, Канада)

Виктор Николаевич Евдокимов родился в Санкт-Петербурге. Детство и школьные годы провел в Феодосии в Крыму. Получил диплом инженера-механика в Тульском государственном университете в России. Сейчас уже двадцать лет живет в Канаде. Стал известным в академическом мире писателем, автором четырех монографий по истории денежного обращения города Кафы в Крыму в 13—15 веках. Пишет стихи. Получил диплом за лучшее стихотворение конкурса «Русь славянская, Россия православная» и стал Серебряным лауреатом конкурса «Золотое перо Руси» 2015 года в номинации «Поэзия» за сборник стихотворений «Серебряного века, серебром» - специальный диплом Михаила Ножкина.

* * *

Спустилась ночь и ветер гонит тучи.
Блеснет и прячется звезда.
От фонарей ложится свет на плечи,
А я бреду, не ведая куда.

Прозрачной дымкой застлана дорога.
Шуршанье ветра слышится вокруг.
Мерцанье звезд, зажженных рукой Бога,
Заглушит боль нечаянных разлук.

Меж туч просвет становится все шире.
С Луны спадает облаком вуаль.
А у земли лучей — как струн на лире,
Они уходят в еле видимую даль.

В глубоком небе звездное мерцанье.
В прозрачных красках светлая земля.
Над ней воздушное парит благоуханье,
В столбах небесного седого хрусталя.

* * *

Ветерок меня во сне ласкает.
Блеск озер, стеклянная река.
Паруса на реях надувает.
Кто-то там идет издалека.

В перламутре чистом парусина.
Между рей вуаль седых снастей.
А вокруг озерная равнина,
Нет на ней ни лодок, ни людей.

В мыслях я стою под парусами.
Что-то ветер мне поет в снастях.
Палуба покрыта кружевами:
Хранят память доски о штормах.

Блеск зеркальный слепит и сверкает.
Яркий свет слепит мои глаза.
Вид прекрасный душу мне волнует,
Как волнует ветер паруса.

* * *

Воет ветер, сердце разрывая.
В небе светит яркая Луна.
Пролегла дорога ледяная
От Луны до светлого окна.

За окном какое-то движенье.
Из огней невиданный узор.
Замер я. В душе моей томленье.
Не могу я отвести свой взор.

В том окне светились раньше свечи.
Стекла были в красках янтаря.
Свет лучи кидали мне на плечи,
Будто бы светили с алтаря.

Таял воск, дорогу обнажая.
Теплота струилась из окна.
А теперь — дорога ледяная,
И в окне холодная Луна.

* * *

Заскрипели ветви на деревьях.
Зашумела крона надо мной,
В грозовых запуталась лохмотьях,
Небо черное, с луною голубой.

Рвутся нити, звезды открывая.
Дышит небо страшной глубиной.
И меня касаются, лаская,
Пятна лунные, танцуя предо мной.

Вокруг звезд таинственная дымка.
Млечный путь — седая полоса.

И лучи из призрачного шелка
Над землей рождают чудеса.

Среди звезд одна висит, мерцая.
От нее в душе моей покой.
Каждый раз, за нею наблюдая,
Забываю я о бренности земной.

* * *

В сумерках стихия предо мною.
Нет на ней воздушных кораблей.
Длинный путь остался за кормою —
Длинный путь неведомых морей.

Море слилось с куполом небесным.
Гладь морская в звездах золотых.
Мне под парусом мечталось белоснежным,
Среди мачт из сосен вековых.

Лунный свет блестит в седых кристаллах —
Соль морская украшает корабли.
Будто бы на реях и на мачтах
Светлячки фонарики зажгли.

Вся надежда только лишь на чудо,
И на ветер, что надует паруса.
И тогда обещанных семь футов
Мне под килем вновь подарят небеса.

* * *

В прохладных сумерках теченье:
Лучи пронзили небосвод.
Мне видно звездное движенье —
Вселенной маятника ход.

Мерцанье глубины бездонной.
Туманной дымки бледный свет.
До совершенства доведенной
За миллионы прошлых лет.

Сияньем звезд завороженный,
В объятьях гулкой тишины
Притих дух вольности мятежный —
Его порывы не слышны.

В душе проснулося томленье —
Грусть от несбывшейся мечты.
И нервов трепетных волненье,
И боль сердечной пустоты.

РЫЦАРЬ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Прошел внезапно дождь холодный.
Дорога в лужах. Серость дня.
Каретой правит кучер стройный.
В ней дама сердца. Рыцарь — я.

Меня обдало волной теплой.
Плащ ветром тронуло на мне.
Карета плавно, с дрожью легкой,
Ко мне стремится в тишине.

Склонился я в поклоне низком.
Дверь распахнулась предо мной.
Прям под ступенькой, мне упреком,
Грязь перемешана с водой.

С себя срываю плащ парчовый.
Стелю пред дверью, как ковер.
В глазах любимой туман влажный;
Под ножкой гербовый узор.

* * *

Мне дня, бывает, не хватает:
День слишком короток земной,
Мне грудь волнение вздымает:
С какой летит он быстротой!

Дела за ним не поспевают.
О них я думаю с тоской.
Дни скоротечностью пугают,
Как ночью небо глубиной.

Ох, Боже мой! Летит как время.
Как все успеть, не растерять?
Чтоб не потухло в груди пламя
Труды отчизне посвящать.

Мне не раздвинуть дня границы.
День слишком короток земной.
Сдвигает ночь свои границы,
Чтоб снова день продлился мой.

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Анатолий Арестов родился в Рубцовске Алтайского края. Учился в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в изданиях местного и всероссийского уровней.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Русью пропитан твой взор,
небом — шальная душа!
Ветра степного раздор
сердцем любил ты. Дыша
запахом свежей земли,
чувствами жил не стыдясь.
Росы на травы легли —
свежей слезою на грязь
потных рубищ мужика,
в них ты, Есенин Сергей!
Снова плывут облака,
там над Рязанью твоей.
Вновь колосятся хлеба,
радуя новых крестьян,
белой березы мольба
слышится утром с полян.
Громко сказал о Руси,
крикнул о ней на весь мир
горько стихами: «Спаси!»
Выпил до дна сей потир.

АГРОНОМИЧЕСКОЕ

Лето знойное в этом году,
запеченное, странное лето:
ни дождя, ни росы на лугу,
громыхало, сверкало, но где-то
далеко. Не у нас, где Алтай
разнотравный с пшеницей и рожью!
На таежный обрушился край,
проходящий с небесною дрожью,
сильный ливень, хотя он нужнее

промочить черноземную пядь.
Рассуждать я не буду, виднее
управленцам, где синяя гладь.

РАССТАВАНИЕ

Грачи на ночлег прилетели
из дальних пшеничных полей,
уселись на ветки-качели —
«общажная» жизнь веселей!
Ночной диалог продолжая,
забыли о дне трудовом,
заплакала осень сырая
над черным грачиным пером.
Прощаться придется им скоро
с любимой своей бороздой,
не будет, конечно же, ссоры,
расстанутся, им не впервой.

ПРОМОКШИЕ

Покраснела черемуха, пожелтела береза,
осыпаются первыми с клена листы,
задождило, забрызгало. На асфальте колеса
порождают смятенье осенней воды.
Заблестели зонты синтетической тканью —
разноцветной надеждой в сухость вещей,
не спасти от потока эту жизнь тараканью,
иногда лишь смеющихся, гордых людей...

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

По острому лезвию жизни бегущий,
летящий к мечте и творивший добро,
забрался по шею в болотную гущу
жестокого мира, где есть серебро.
Где правит улыбка — фальшивая маска,
где совесть лишь слово — пиар-механизм,
где баннер рекламный — молитва-подсказка,
где идолом — ценник, ценой — фанатизм.
Нелепая честность осталась не в моде,
летящий к мечте и творивший добро
живет в этой гуще, забыв о свободе.
Какая свобода? Ведь есть серебро...

Елена Воробьева
(г. Усть-Каменогорск, Казахстан)

Живет и работает в Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области. Имеет физико-математическое образование, программист. Увлекается авторской песней и поэзией. Ее стихотворения вошли в антологию «Жемчужная поэзия Казахстана»; опубликованы в международном альманахе «Аманат»; в журнале «Доля» (Литературный Крым).

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

Не завтра, но потом, когда-нибудь,
В ту ночь, когда я вас почти забуду,
Вдруг облака откроют Млечный путь,
И наколдуют сны из «ниоткуда».

И вам приснится старая тетрадь,
И глупость строк, и нежность многоточий,
И вы тогда поймете, между прочим,
Все, что сегодня не могли понять!

Дай Бог, чтоб ваша грусть была легка,
А сны-воспоминания беспечны,
И пусть сияет в небе путь ваш Млечный,
Который вдруг откроют облака.

Не завтра, но потом, когда-нибудь,
В ту ночь, когда я вас почти забуду,
Вдруг облака откроют Млечный путь,
И наколдуют сны из ниоткуда.

И вам приснится старая тетрадь,
И десять звезд: одна, четыре, пять...

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, НАЧАЛСЯ ДОЖДЬ!

Ваше Величество, начался дождь!
В Вашем лесу так легко заблудиться.
Нет, я поднять не посмею ресницы,
Да, мы промокнем сейчас, ну и что ж?

Ваше Величество, вот и гроза!
Пусть нас не тронут июньские грозы!
Глаз ваших нежных пречистые слезы —
Жемчуг, алмаз, бирюза.

Нет, нас не тронут июльские грозы!
Счастье, молю тебя, не уходи!
Сказки июля нежны, как березы,
И кратковременны, словно дожди...

МЕДИТАЦИЯ

Пусть за окном белый свет, маета,
Синие сумерки, белое небо —
В золото звезд улетай, мечта,
Краткая память — в печаль и небыль.

Старые рифмы, новые песни,
Отношений абстракция...
Все это будет, мне будет весело,
А пока — медитация.

Что там сегодня? Дальние страны?
Регги, тамтамы, песок, бонги?
Парус в лазурной дали океана?
Дикие песни, древние Боги,

Остров Пасхи, Индия, Грузия
Рифмы печалей, ритмы дорог,
Музыка счастья, надежд и тревог
И радость обмана – иллюзия.

ПЬЯНЯЩИЙ ЦВЕТАМИ ИЮЛЬ

Ты должен сказать «не люблю»?
А я не просила ответа!
Любовь — бесконечное лето,
Пьянящий цветами июль...

Любовь — бесконечное лето,
Дорога в беспечную даль,
Туда, где смеются рассветы,
Оттуда, где плачет печаль,

Где все, что не сбудется с нами,
Уйдет в предрассветный туман...
Ты должен? Отдай же стихами!
А все остальное — обман!

СЕРЕНАДА ЛЯГУШКИ

Отправляясь в путь, иди всегда налегке:
Ничего с собой не бери!
Все, что пригодится в этой жизни тебе,—
Музыка вечерней зари.

Музыка, которой мне уже не забыть,
Свет луны манил серебром...
Мы пели, а ведь этого могло и не быть!
Но, Боже, как мы пели вдвоем!

Отправляясь в путь, забудь обиды свои:
Ни одну с собой не бери!
Лишь воспоминанья о весенней любви,
Свет луны, да лучик зари...

Музыку, которой мне уже не забыть,
Свет луны манил серебром...
Мы пели, а ведь этого могло и не быть!
Но, Боже, как мы пели вдвоем!

Не проходит этот заколдованный сон!
Мы живем в мелодиях-снах!
Но однажды запоет для нас саксофон...
Ах, не утонуть бы в мечтах!

Александр Лебедев
(г. Москва)

СТИХИ О МОСКВЕ

Александр Лебедев родился в 1958 году в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Работал в Министерстве культуры СССР. В 1989 году совместно с драматургом Александром Курляндским основал первую частную студию анимационного кино. С конца 90-х успешно продюсировал телевизионные игровые фильмы. Как поэт дебютировал в 2008 году томом «Избранное», который выдержал несколько дополненных переизданий. Позже в известном московском издательстве «Образ» вышли стихотворные сборники «Пенсионная книжка» (2018) и «Сберегательная книжка» (2020).

МЕГАПОЛИС

Не злись, мой гиблый мегаполис,
сиренами ментов не вой.
Тобою выписан мне полис —
от всех печалей — страховой.
Ложь твоих фейковых газонов,
твоих неискренних огней,
твоих неистовых кобзонов
терпеть мне до исхода дней.
Терпеть бардак твоих сезонов,
жару и слякоть, гарь и шум,
без объяснения резонов:
год за два, три еще — «на ум».
Мой мегаполис, лис хитрющий,
свари мне тушку Колобка:
пусть будет твой отвар погуще,
чтоб жег от глотки до лобка.
Не уставай, мой строгий город,
мне дело липовое шить.
Пока трясешь меня за ворот,
я жив и буду дальше жить!

МОЯ МОСКВА

Не рыхлым снегом, мать твою ети,
не скользкой плиткой
в пешеходных зонах,

не мусором в загаженных газонах,
но болью ностальгической в груди
с тобою связан, строгий город мой.
Пропитан смогом я твоим и смаком
той булочки из детства,
теплой, с маком,
и долгой жизнью за своей кормой.
Я обречен всегда тебя блюсти,
терпеть твои голимые подставы,
стоять последним стражем у заставы,
любить тебя, ах, мать твою ети!

ОПЯТЬ МОСКВА

Яну Бруштейну

Я все равно ее люблю,
ее, огромную без меры,
мне данную как символ веры,
дурацкую Москву мою.

Вдыхаю я взахлеб сирень,
топчу чуму казенной плитки
и путь, со скоростью улитки,
по пробкам мне вершить не лень.

Как заблудившийся олень,
я в омутах ее проспектов
тону субъектом средь объектов,
но выплываю, как пельмень.

И растворяется тоска
в цыганщине иллюминаций,
и мне легко в приюте наций
кутенком у ее соска.

МОСКВИЧКА

Марии Гадас

В эпохе камей и камелий
не найден альков для нее.
И мелет московский Емеля
в труху ее точки над «ё».
В потоках метрополитена
сплавляясь в пасленовый ад,
она не полезет на стену,
а гордо залезет в айпад.
Нет, не перелетная птичка —
она здесь на тысячу лет,
она здесь лелеет, москвичка,
свой белый единый билет.

И еле добравшись до лета,
в юбчонке короче, чем ночь,
на улице склеит поэта,
мечтая судьбу превозмочь.
Ни годы, ни гады, ни сплетни
не смогут ее опалить!
А я, от рожденья столетний,
ей дан, чтоб понять и... налить.

СТОЛИЦА

Я ловлю каждый лист,
опадающий с чахлых дерев,
хамской плитки приемлю
шершавые серые ранки,
фонарей неуместных
беру на себя перегрев
и наглеющих байков терплю
по ночам перебранки.

Институтка-Москва,
мне с тобой еще вальсы кружить,
удивляться, чудачить,
томиться в привычной неволе,
проклинать свою слабость
и жалкому клану служить —
все приемлю, доколе
дано на последнем приколе
мне, ворчливому, жить
и над новой строкой ворожить!

МАЙ

Владимиру Вишневскому

Загуляла Москва:
здесь сирень и черемуха «жгут»,
наших жухлых рецепторов
тянут сопревшие репки.
И свивает тоска
уже нервы в натуженный жгут,
и не скрепы нас держат,
а юности ржавые скрепки.

Снова краткий сезон
до предела растущего дня,
когда утро — в четыре
и ночь незаметна по пьяни.
После ливней — озон,
и рассветы краснее коня,
и согласие в мире,
и радость и в ине, и в яне.

Мы профукали жизнь,
выбирая для лежки места.
Чьи свистели уста
нам с листа гамаюнову песню?
Мы сорвались и вниз
полетим не с креста, а с моста,
упадем, как с куста,
на брусчатку,
на Красную Пресню...

САД «ЭРМИТАЖ»

Маме

Не откосить — Старуха
выкосит всех подряд...
Дай же мне силу духа,
старый Каретный ряд!

Дай же мне силу друга,
в мае мне дай сирень
и квадратуру круга,
строгую, как мигрень.

С циркулем и линейкой
тайного не познать,
фирменною наклейкой
не обозначить знать.

Большего знать не надо,
большего не ищу
и за забором сада
город не навещу.

Бедные горожанки!
Я потерял кураж:
вместо девиц и пьянки —
маленький «Эрмитаж».

Маленькая столица
в траченном сюртуке,
маленькая жар-птица
в доброй моей руке...

Аркадий Польшин
(г. Лебедянь Липецкой области)

КУПЕЦ
(поэма)

Член Союза писателей России с 1995 г., действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург) и Академии литературной документалистики (г. Москва). Автор поэтических сборников: «Где-то там, за грозой» (1993), «Воля» (1996), «Берег» (2015), «Дом у берез» (2018). Опубликовал ряд поэм. На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» (г. Данков).

Часть первая

Купцы собирались в рейс.
Целовали жен да детишек.
Один взял жеваный кейс
И пару потрепанных книжек.
Он их родил между дел —
На улицу вывернул шкурой.
Чудак стукануть хотел
В небесную прокуратуру.

Сыты желудок и бак,
Камазик гремит тарантасом;
Месяц — кривой вурдалак —
Как бы моргает атасом.
Как будто хочет сказать,
Поведать купцам опоздавшим:
Обнять холодную мать
И взять на дорожку калашник.

Месяц, ты тертый калач,
Сиделец любого острога...
По звездам вбуримся вскачь
И все уповаем на Бога.
Он здесь (между ребер!) ждет,
Газует в прожекторах сердца.
Не нужен купцу пулемет;
Пустите, ребята, погреться.

Машины, машины в Русь...
Ползут железяки нахрапом.
Над Владиком есть Исус,

Висит над Самарой Распятый.
А как же тот экипаж
Купцов с заводского района?
Мною взята в карандаш
История без протокола.

Месяц смеялся — жиган,
Месяц гудел трубадуром:
Знал гад, где ладят капкан
Разбойники сгорбленным фурам.
Серпастый смылся... Луна!
Проклятье царя Годунова:
Тогда... впрягали коня,
Сегодня — бак тристаголовый.

Друзья, прослушайте сказку —
Дорожную карабаску...

Часть вторая

В зачарованном царстве,
При червонном начальстве,
Жили-были ребята —
Шофера-жигулята.
Перестройка пришла —
Заюзила юла.

Потянулись орлята:
Кто в тюрьму, кто в солдаты.
Задрожали заводы,
Как на дне пароходы.
Он подался в купцы —
Запрягать огурцы.

Худо-бедно держались
На поруках державы.
Обросли дальняками,
Прохудились боками.
Но теперь кто как смог —
Из друзей один Бог.

Но приступим к рассказу,
Как Нептун к водолазу.
В шторме этом ответы —
Из ларька сигареты...
Не хотел вспоминать
Он фартовую тать.

Он хотел все и сразу,
Без ружья и приказу.
Как на Волгу ходили
В Пугачевские зыри...

Что ль, авось, пронесет:
С нами правда и счет!

В кейсе влага и книжки,
Да родные коврижки.
Гнут ребята Рязанью —
Чумовой партизанью.
Месяц рядом плывет,
Как полуторный гроб.

Но однажды устали
Упираться в педали
И спокойно уснули
(Без снаряда и пули).
Этот... день на войне —
Позабыть бы вдвойне.

Только... если помру, —
Кто пугнет детвору?

Часть третья

Спят тревожно брателлы!
Видят сонные рыбы:
Будто месяц горелый
Лезет в спальню к любимой...
Юнга хочет проснуться,
Но в окно чья-то бутса.

Зазвенели приклады
О камазика ребра,
Уже делят мулаты
Того месяца ведра.
Уже тащат, сосут
И считают за пуд.

Он налил им водицы —
Кровь вчерашнего юнги:
Она льется в страницы,
На обложку, в окурки.
Книга эта (постой!) —
«Где-то там, за грозой».

А купец наш бедовый,
Что с грозой обручился,
Все плевал на оковы,
Все заглядывал в лица.
И спросил тот пиит:
«Дядя, дай закурить.

Дядя, будешь нас резать —
Бога в ребрах тревожить —

Или сразу с обреза
Освежишь чью-то рожу?»
Парень верно сказал:
«Ни хрена не видал».

Душегубы молчали,
Как пустые бутылки.
Только ветер плечами
Шевелил на затылке
Дырку в черепе, мух
И полезный лопух.

Слышно было болезным,
Что о чем-то особом
Совещалися честно
Атаман с твердолобым.
И решил тот союз:
Взять не жизни, а груз.

Бог помог, а иначе
Засапожник под ребра,
Или пули отдачу
Замели б у забора...
В километре посты —
Удалые менты.

Инда гладят живот,
Как мой дед пулемет.

Часть четвертая

Купцы зазвездили домой —
В обратку, несоло... хлебавши,
По ребрышкам, вместе с Луной —
Сестрой всем обиженным, павшим.
Летит непечатное слово
В Бориса-царя... Годунова?!

Позвольте! Не все ли равно,
Какая на улице смута?
Такое не кажут в кино:
Эпоха Шагала иль Брута...
На фурах багровые титры:
«Царевича звали Димитрий!»

Водителям нашим — беда:
Сгубили казенные гроши...
Простят ли купцов господа —
Вопрос на сегодня хороший?
А юнгу трясет лихорадка
От крови потерянной. Сладко!..

Мелькал он, как рваный сапог,
Жирафил в дырявом окошке.
Камазик пыхтел — пароход,
Смеялись они на порожке.
Смотрели вослед виновато
Лишь прапор да глаз автомата.

Привет, пароходик! Земля,
Церквушки на взгорках любимых.
Вкрутила камазик юла
В свои купола и калымы.
Все это знакомое, наше:
Здесь всяк пятихаткою машет.

Но есть и такие друзья,
Которые вслед тебе плюнут.
Ловили они карася,
Пока мы ловили фортуну.
Суют как бы правую руку,
В рукав запуская гадюку.

А юнге — зашили башку,
Турнули луну-недостачу.
И я вам, ребята, скажу:
У нас не могло быть иначе.
В шкафу улыбается книжка —
В крови, как дворовый парнишка.

Андрей Линник
(г. Харьков, Украина)

Наш постоянный автор.

НАДЕЖДА МАЛАЯ
Сонет

О, Господи, помилуй и прости!
Ты защити нас от войны и НАТО.
Русь Малая талантами богата,
Да только сатана нас сбил с пути.

Блуждаем мы в трех соснах и найти
Не можем выход. Брат идет на брата.
Мы миновали точку невозврата.
Лишь Ты нас можешь, Господи, спасти!

Страна похожа на крыловский воз,
Что Лебедь, Рак да Щука что есть мочи
Все тянут, каждый — в сторону свою.

И сколько же смертей, страданий, слез
Нас ждет? Ведь уступать никто не хочет.
Но аисты вернулись!.. Гнезда вьют.

* * *

Как описать красу родной природы:
Зелено-бирюзовый летний день,
Высоких сосен стрельчатые своды
И свет малороссийских деревень?

Все Гоголем так трепетно воспето
И в «Вечерах...», и в «Миргороде». Но,
Наверно, не по силушкам поэту
В своих стихах изобразить все это,
Что Гоголя душой сохранено.

УТРО В ЗИМНЕМ ПАРКЕ

Ночь прошла. Снега белеют,
Тает мгла.

Вьюга в парке все аллеи
Замела.

Ночью здесь творились пляски
Темных сил.
Снежный призрак в звездной маске
Здесь кружил.

И призывно темный ветер
Песню пел.
Но никто на зов ответить
Не хотел.

Ну а нынче, слава Богу,
Вьюги нет.
Гонит прочь тоску, тревогу —
Солнца свет.

Так и в жизни: радость, горе —
Чередой,
Как волна стремится в море
За волной.

* * *

Придет весна, я так ее люблю!
Нет, нет! Не март, с распутицей и грязью,
Явившийся на смену февралю
Со слякотным своим однообразьем.

Я жду апрель. Подснежниковый цвет
В проснувшихся лесах и перелесках.
Я жду апрель. Ни льда, ни снега нет —
Им, вместе с грустью зимней, здесь не место.

Я жду апрель. Чириканье пичуг
С такою чистой радостью порхает.
Я жду апрель. Не сразу и не вдруг
Проложит путь он царственному маю.

Алена Марковская
(г. Москва)

Алена Юрьевна Марковская родилась в 1986 году в Москве. В 2008 году окончила театроведческий факультет РАТИ (ГИТИС). Работала в различных интернет-изданиях. Сотрудничает с издательством Российского союза писателей. Финалист литературной премии «Поэт года-2017», лауреат конкурса «Северная звезда-2017», проводимого литературным журналом «Север». Публиковалась в журналах «Три желания», «Цветные строчки», «Союз писателей», в коллективных поэтических сборниках. В 2017 году выпустила сборник стихов «Крест и пряник».

ПЛАНЕТА

Планета моргает заспанно... Смотри, какие ресницы!
Ты видела страшный сон? Дай, милая, обниму!
Взъерошу деревья ласково, сотру салфеткой границы
И с теплых твоих бочков стряхну, как ворсинки, тьму.

Планета — навеки девочка. Лишь кажется, что большая.
А ты говоришь — стара, а ты говоришь — пора...
Как шахматной королевой, нетвердой рукой играешь
Алмазной ее душой. Но стоит ли свеч игра?

Планета не просит завтраков. Она пирожное будет!
Из космоса одеял — за твой одинокий стол.
И точно наступит завтра, и кто-то сурка разбудит.
И каждый твой старый друг еще проживет лет сто!

МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИНИ

Первый обморок чуда,
Первый снег на зовущей рябине...
Перемены во сне умирают опять нерожденными.
Улетайте отсюда,
Мои маленькие героини!
Обретайте себя бесконечно, упрямо влюбленными.

Золотой олененок —
Каблучки по чужому паркету...
Мрамор нежного лба лишь руками героя согреется.
Она знает с пеленок,

Что мечта ее бродит по свету,
Надо только догнать! А пока — тихо петь и надеяться.

Ты не хочешь быть сильной,
Даже мысль об этом крамольна.
Но Земля вокруг талии все еще вертится, милая.
И на улице пыльной,
И в дурмане беседы застольной
Ты вся светишься этой нездешнею мягкою силою.

Никогда не просите!
Царь сам спустится к лучшей рабыне.
И подарит весь мир. Но и мира не хватит, наверное.
А пока вы летите,
Мои маленькие героини!
Невозможные, до неприличья смешные, и — верные.

Ирина Апарченко
(г. Ангарск, Иркутская область)

ОСЕННЕ-ЗИМНЯЯ ТЕМАТИКА

Родилась на севере Красноярского края. В 1982 году закончила физико-технический факультет Новосибирского электротехнического института. В Ангарске живет с 1983 года. Работала на Ангарском электролизном химическом комбинате, инженер-метролог. С 2005 года состоит в Ангарском литературном объединении при ИРО СП России. Публиковалась в местных СМИ и коллективных поэтических сборниках, а также в литературных журналах «Сибирь» (Иркутск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия). Автор книги стихов «Имя мое — Женщина».

ПОЗДНИЙ БЛЮЗ

Я сижу и смакую
Терпкий жизненный вкус,
На виниле тоскует
Поздней осени блюз...

Индевелые ветки,
Серебристый бокал
И осеннего ветра
Заунывный вокал...

И качаются звуки
Вдоль серебряных струн,
До неистовой вьюги
Мир наполнен и юн,

И усталого друга
Я молю —продержись,
До ледового круга,
Может, целая жизнь...

* * *

Здесь неизвестность бродит под луной,
На слово «завтра» наложили вето.
Не торопясь, поговори со мной —
До сумерек... до ночи... до рассвета...

Порассуждай, навспоминайся всласть,
Как васильки синели на поляне,
И юности невидимая власть
За нитью разговора — нить протянет

От чистых весен, звонких и шальных,
От клейкого березового лета —
До запоздалых отсветов стальных
Сегодняшнего хрупкого рассвета.

Пока друг другу в души мы стучим —
Не потонуть в житейском водопаде,
И высветят рассветные лучи
Прекрасный мир в усталом, мудром взгляде.

КАРУСЕЛЬ

Под осень сезоны сошлись в карусель,
Подружками вышли на праздник:
Вот белая зимушка стелет постель,
Вот лето черемухой дразнит,

Вот небо синеет и грезит весной,
А солнце, слоняясь без дела,
Играет лучами с холодной сосной,
С ветрами тепло улетело...

Красавица-осень, еще поиграй
Немного озябшим листочком,
А бабьего лета затерянный рай
Укрась золотистым платочком.

Капризница-осень, с зимою не спорь,
Та спорщица — тоже не хуже,
Ослабшим деревьям вылечивай хворь
И делай ледянки на лужах.

От скачки сезонов в душе непокой,
Под стать переменчивой моде:
Сегодня я лета касаюсь рукой,
А завтра зима на подходе.

* * *

Милая, усталая Земля!
Тяжелы бетонные оковы.
Снятся шелковистые поля,
Старый лес под небом васильковым...

Стянута корсетами плотин,
Сетками дорог и тротуаров,
Скрежет металлических пластин
Вместо птичьих радостных базаров...

Твой природный первозданный лик
Сквозь асфальт проклюнулся ростками,
Но зеленый молчаливый крик
Равнодушно смяли каблуками.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Мария Серова
(г. Тула)

ЛЮБОВЬ. ПОКЛОНЕНИЕ ПРИРОДЕ. ВНИМАНИЕ БЕЗ КОНЦА.

Обзор произведений И. И. Левитана из коллекции Тульского музея изобразительных искусств к 160-летию со дня рождения художника

Серова Мария Александровна родилась в 1978 году в г. Славгород Алтайского края. В 2000 году окончила Тульский государственный педагогический университет по специальности «Филология», «Мировая художественная культура». Работает в ТМИИ с 2000 года. В 2006 году окончила дистанционное обучение на курсах повышения квалификации Педагогического университета «Первое сентября» и отделения педагогического образования Факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова по образовательной программе «Как учить понимать язык искусства». Методист отдела западноевропейского и русского искусства Тульского музея изобразительных искусств, филиала ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей».

Есть художники, прикосновение к творчеству которых подобно прекрасной, чуть печальной музыке, которая проникает в самые потаенные уголки души, и, отзвучав, оставляет после себя чувство чего-то хорошего, родного, близкого и понятного сердцу. Отзвуки этой красоты – как дорогие воспоминания, к ним хочется возвращаться снова и снова.

К художникам, произведения которых способны взволновать душу даже самым простым мотивом, относится прежде всего Исаак Ильич Левитан. Феномен его творчества не раз пытались объяснить как близкие Левитану люди (его друзья, знакомые, почитатели таланта), так и искусствоведы. Пристальный анализ произведений художника свидетельствует об огромном интересе к его личности. Как известно, Левитан завещал после своей смерти уничтожить личную переписку и архив; отсутствие фактического материала (очень небольшое количество уцелевших писем художника и воспоминаний о нем) заставляет исследователей творческой манеры Левитана многое домысливать и объяснять. И каждый раз, когда на горизонте необъятных просторов мира искусства возникает круглая дата, это неизменно обусловливает возрастающий интерес к личности художника и его роли в художественном процессе. Это отнюдь не плохо. Наоборот, это подходящая возможность пристальнее всмотреться в творчество мастера, убедиться, не упущено ли что интересное, наметить новые пути исследования.

2020-й год — год 160-летия со дня рождения И. И. Левитана. Десять лет назад в Государственной Третьяковской галерее состоялась третья большая персональная выставка художника (предыдущие прошли в Государственной Третьяковской галерее в 1938 и в 1960 годах), и было выпущено издание «Иссак Левитан. К 150-летию со дня рождения» с максимально полным репродуцированием произведений Левитана и подробными аннотациями к ним. Это издание очень помогло при составлении данной статьи конкретизировать возможное время и место создания некоторых работ Левитана из коллекции Тульского музея изобразительных искусств.

Для названия статьи взяты несколько видоизмененные слова Левитана, адресованные художником и педагогом своим ученикам в апреле 1899 года: «...Однако только на прощанье скажу: больше любви, больше поклонения природе и внимания, внимания без конца»[1]. Эти слова — словно творческое кредо художника, которое легко читается в любом его даже самом маленьком и незначительном на первый взгляд этюде.

В собрании музея десять произведений Левитана — восемь живописных и два рисунка. Всего десять работ — но это уже гордость музея, несмотря на то, что большинство их них — небольшого формата этюды. За двадцать четыре года творчества И. И. Левитан написал не так много больших, обобщающих полотен, которые А. А. Федоров-Давыдов справедливо называет программными. Работа художника над такими пейзажами всегда была очень напряженной, и Левитан огромное значение придавал этюдам. По воспоминаниям учеников художника, у Левитана была поразительная зрительная память, но и набросков он старался сделать очень много, чтобы зафиксировать точнее впечатление виденного. «Подготовительный, натурный процесс занимал у Левитана большое место, и лишь после многочисленных этюдов рождалась картина»[2].

В 1962 году Тульскому музею изобразительных искусств посчастливилось приобрести у коллекционера Николая Васильевича Большакова четыре произведения Левитана. Два рисунка («Журавли летят». 1880-е гг. и «Сжатое поле». Конец 1880-х гг.) имеют любопытную историю бытования. На обороте каждого рисунка есть интересное уточнение: *«...из собрания моего отца В. Е. Шмаровина. Р. В. Шмаровина»*. Известно, что с декабря 1886 года по февраль 1889 года Левитан посещал так называемые «Среды» у Владимира Егоровича Шмаровина (1850—1924 гг.), который благодаря своей огромной любви к искусству и удачной женитьбе на дочери богатого московского промышленника Агриппине Александровне Поляковой остался в памяти потомков не просто купцом, а коллекционером, меценатом и вдохновителем большой части художественной интеллигенции Москвы. С 1886 по 1918 год неформальное творческое объединение «Среда» было местом встреч, где бурлила художественная и литературная жизнь московских талантливых художников, литераторов и музыкантов. Работы художников, выполненные на «Средах», выставлялись здесь же на продажу, разыгрывались в лотерею, а вырученные средства шли на цели благотворительности и на оплату дружеских ужинов. Несомненно, что у самого организатора «Среды» В.Е.Шмаровина было много рисунков разных художников, приходивших на вечера, в том числе и работы Левитана; после смерти В. Е. Шмаровина его имущество унаследовала его бездетная дочь Раиса Владимировна Шмаровина.

Рисунок «Журавли летят» (1887—1888, бумага, карандаш) является вариантом композиции живописного этюда «Разлив» 1887 года. Весной 1887 года Левитан впервые отправляется на Волгу. Первое чувство от долгожданной встречи с великой рекой было несколько обескураживающим: «Разочаровался я чрезвычайно. Ждал я Волги как источника сильных художественных впечатлений, а взамен этого она показалась мне настолько тоскливой и мертвой, что у меня заныло сердце и явилась мысль, не уехать ли обратно?»[3]. Вероятнее всего, Волга с ее грандиозными просторами, мощными разливами и сокровенной тайной русского пространства оказала на

болезненно остро чувствующего Левитана ошеломляющее действие. Привыкнув к Волге и горячо полюбив великую реку во время последующих поездок, именно Левитан создал ее многогранный образ, воспринимаемый не иначе как символ всей России и Родины.

Рисунок, очень похожий на этюд «Журавли летят», принадлежал Осипу Ивановичу Фельдману, известному московскому врачу-психиатру (акварель хранится в РГАЛИ, Ф.1188. Ед.хр. 5, альбом О. И. Фельдмана). Из привезенных впечатлений, родившихся «с глаза на глаз с громадным водным пространством, которое просто убить может»[4], тем не менее появилась картина «Разлив на Суре» (1887 год, частное собрание, Москва).

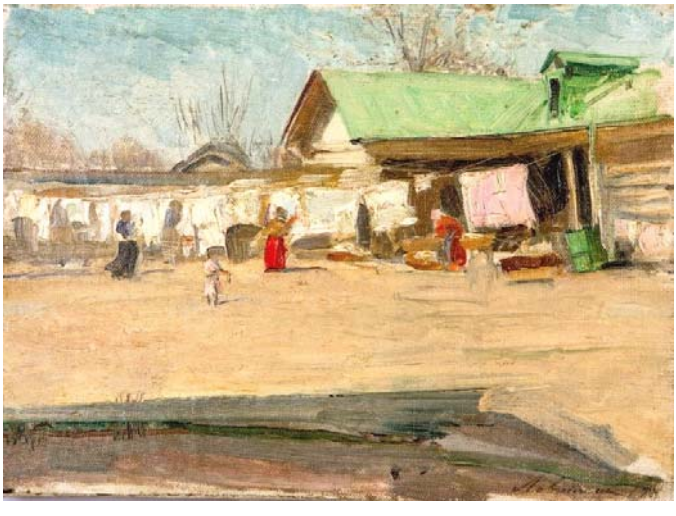
Мотив убранного отдыхающего поля, пашни, стогов, вечернего освещения, сумерек, который не раз впоследствии будет повторяться в творчестве И. И. Левитана, отражен в рисунке «Сжатое поле» (конец 1880-х гг.; тонированная бумага, акварель, гуашь). Выполненный в смешанной технике на тонированной бумаге, этот набросок поражает необыкновенно точным ощущением стелющегося тумана над отдыхающим вечерним жнивьем.

Две живописные работы, приобретенные музеем у Н. В. Большакова,— «Деревня Хотьково» (1880-е гг.; холст на картоне, масло) и «Деревня. Зима» (конец 1870-х гг.; холст, масло). В конце 1884 года В. Д. Поленов привлекает Левитана к работе над декорациями для начинавшей свою деятельность Частной оперы С. И. Мамонтова. Хотя первые опыты Левитана на этом поприще пользовались заслуженным успехом, художник не считал это своей удачей. Н. А. Касаткин так писал об этом: «Да, Исаак Ильич сильно страдал от декораций при своей любви к деталям»[5]. Однако исследователи отмечают, что работа над декорациями повлияла на живопись Левитана, сделав ее более широкой и смелой. С. И. Мамонтов, промышленник и меценат, помимо Частной оперы создал в своем имении в Абрамцево уникальные творческие мастерские, где жили и работали И. Е. Репин, В. Д. Поленов, В. М. и А. М. Васнецовы, В. А. Серов, К. А. Коровин, М. В. Нестеров, В. И. Суриков, М. А. Врубель, М. М. Антокольский. Щедрый и радушный дом С. И. Мамонтова в Абрамцеве порой не мог вместить всех, и художники часто снимали дачи в деревнях неподалеку. Деревня Хотьково, изображенная Левитаном, известна с 1308 года, с 1949 года Хотьково присвоен статус города, сейчас вместе с селом Абрамцево и другими деревнями входит в Сергиево-Посадский городской округ. Общая тональность маленького пейзажа «Деревня Хотьково», изображающего окраину деревни, построена на тончайших созвучиях охристых и зеленых оттенков. На обороте холста интересная надпись: «*Удостоверяю что этюдъ кисти И. И. Левитанъ художникъ М. Х. Аладжловъ. На выставке за 1938 г. ... N 492 по доб. списку Третьяковской галлереи. По каталогу выставки Левитана в г. Ленинграде за 1939 год N 108 Хотьково*».

Работа Левитана «Деревня. Зима» датирована в упоминаемом выше альбоме «Иссак Левитан. К 150-летию со дня рождения» 1877—1878 годами. Хотя на момент написания пейзажа Левитану 17—18 лет, картина производит впечатление работы зрелого мастера. Колорит пейзажа построен на тончайших нюансах серого цвета, великолепно переданы световоздушная среда и ощущение мягкого зимнего дня с оттепелью, о чем свидетельствует просевшая желтоватая полоса дороги. Мастер показывает

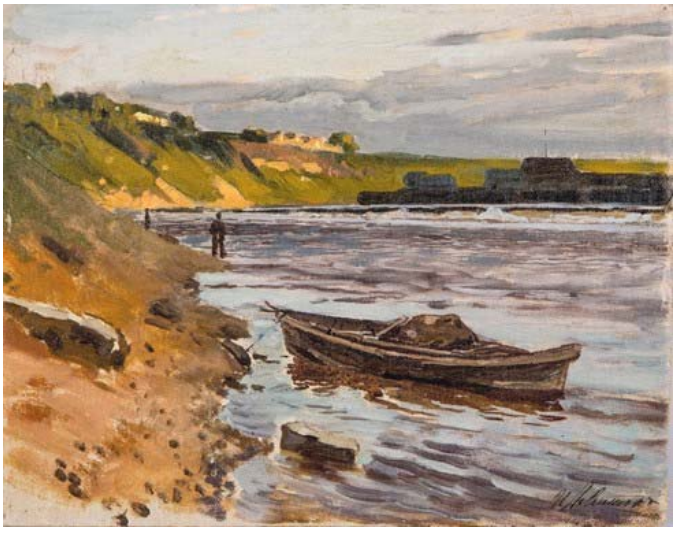
нам окраину деревни с двумя рядами бревенчатых домишек с излюбленной высокой точки зрения, и благодаря этому взгляду сверху мы видим, как деревенская улица постепенно растворяется в бесконечной снежной равнине. Взгляд зрителя скользит к горизонту, где синеет полоска леса. Щемящее чувство странной грусти, даже тоски смешивается с ожиданием чего-то хорошего, неясное томление усиливается изображением женской фигурки, вышедшей на дорогу. Мотив деревни, почти безлюдной, печальной и трогательной, не раз будет появляться в творчестве Левитана подобно протяжной и унылой мелодии русской народной песни. «Все великое, говорят, просто. И средства, используемые Левитаном, всегда просты. Так мало нот и так много музыки…»[6].

Еще четыре произведения Левитана поступили в музей в 1939 году при выделении из краеведческого самостоятельного художественного музея. Это небольшие живописные работы этюдного характера. Левитан предпочитал для набросков небольшой формат — в среднем около двадцати-тридцати сантиметров, носил с собой маленький ящичек с красками и кусочками холста или картона, который ласково называл «тиликалкой». Один из этюдов — «Сушка белья» — датирован 1889 годом.



В 1888 году Левитан совершил поездку по Волге. Его сопровождали С. П. Кувшинникова (художница-любительница, бравшая у Левитана уроки) и художник

А. С. Степанов. В первый год путешественники были очарованы маленьким волжским городком Плёсом, и Левитан приезжал сюда еще дважды. Жил здесь с апреля по октябрь, снимая мезонин в доме купца А. И. Солодовникова (это здание сейчас — Дом-музей Исаака Ильича Левитана). С полной уверенностью можно говорить о том, что на работе «Сушка белья» изображен Плёс — с типичным для провинциального волжского городка жилым домом. Пейзаж солнечный, на ветвях деревьев не видно листвы — это или ранняя весна, или уже осень. Работа в Плёсе была для Левитана очень плодотворной.



Еще одна работа «Пейзаж. Этюд реки» (1880-е гг.; холст, картон, масло) тоже напоминает волжские места: высокий берег слева, лодка на первом плане и намеченный темным цветом пароход или баржа на втором плане. Интересно, что на высоком берегу, у левого края формата вверху намечены черным контуром купола выглядывающей из-за деревьев церкви. Ученики Левитана в воспоминаниях отмечали, что для контуров рисунка по холсту Левитан пользовался не карандашом, а чернилами, поскольку мастер был очень строг к рисунку, к переходу красок, поэтому часто прибегал к чернилам, боясь, что карандаш закроется.

Вполне вероятно, что этюд «Пейзаж с постройками» (холст на картоне, масло) также написан приблизительно в этот период — конец 1880-х годов. По ландшафту,

палитре и общему впечатлению эта живописная зарисовка очень напоминает этюды к картине и саму картину «Осень. Мельница. Плес» (1888 год, Государственная Третьяковская галерея, Москва), на которой Левитан изобразил местность возле Плёса у маленькой быстрой речки Шохонки (в месте впадения Шохонки в Волгу и находится город Плёс).

Техника этюдов Левитана очень разная: он мог писать в своей любимой серебристо-охристой гамме маленькими гладкими мазками, мог, как в наброске «Пейзаж. Долина» (1880-е гг., холст на картоне, дерево, масло) использовать энергичные раздельные мазки, не сливающиеся между собой. Все зависело от целей художника. «Запоминать надо не отдельные предметы, а стараться схватить общее, то, в чем сказалась жизнь, гармония цветов»[7],— наставлял своих учеников Левитан. В этюде «Пейзаж. Долина» Левитану замечательно удалось передать ощущение серого пасмурного дня с тяжелым небом, сырого воздуха над низкими берегами неширокой реки, теряющейся в густой прибрежной зелени.

В середине 1890-х годов И. И. Левитан открыл для себя красоту Тверского края с его озерами и лесами. Волею судеб оказавшись в имении Ушаковых Островно недалеко от реки Мсты, а затем в имении Турчаниновых «Горка» на южном полуострове озера Островно, пережив тяжелую личную трагедию, Левитан находил спасение в общении с природой.

К этому периоду относится картина «Хмурый день» (1890-е гг.; картон, масло), переданная музею в 1994 году Министерством культуры РСФСР. Очень похожее место изображено и на акварели «Осень» (середина 1890-х гг., Государственная Третьяковская галерея, Москва). Ветер гонит по небу тяжелые свинцовые тучи, тонкие деревца с почти облетевшей листвой наклонились под порывами ветра, пожухлая трава кажется влажной, полоска озера — холодной и неприветливой. Так много в этом пейзаже отголосков душевных переживаний автора! Вместе с ним зрителю становится неуютно, хочется поскорее обрести тепло и покой. Снова и снова Левитан ищет сочувствия у горячо любимой природы. В одном из писем Левитана Чехову есть такие строки: «Может ли быть что трагичнее, как чувствовать бесконечную красоту окружающего, подмечать сокровенную тайну, видеть бога во всем и не уметь, сознавая свое бессилие, выразить эти большие ощущения…»[8]. Кажется странным, что эти слова принадлежат художнику, максимально сумевшему в своем творчестве выразить «сокровенную тайну» природы.

И. И. Левитан, с детства терпевший нужду, подверженный острым приступам меланхолии и депрессии, был обречен на недолгую жизнь еще и болезнью сердца. Простудившись ненастной холодной весной 1900 года, Левитан слег окончательно, и умер, не дожив месяца до своего сорокалетия... В альбоме «Иссак Левитан. К 150-летию со дня рождения» под номером 152 репродуцирован этюд «Ранняя весна. Ботанический сад» (1900 год, холст, масло; частное собрание, Москва). На подрамнике этой работы имеется бумажная наклейка с надписью: *«Последний этюдъ съ натуры, сделанный И. И. Левитаномъ, в Апреле 1900 года в Ботаническом саду въ Москве въ присутствии Ал. Гр. Подгорецкой (Захарьиной) И. Остроухов»*. Кстати сказать, Александра Григорьевна Подгорецкая (Захарьина) — старшая дочь выдающегося

русского терапевта, профессора Московского университета Григория Антоновича Захарьина (это про него А. П. Чехов говорил: «Предпочитаю из писателей Толстого, из врачей — Захарьина»).

Работа Левитана «Оранжерея» (1900, холст, масло; слева внизу подпись: «*Работа покойного брата И. Левитана. А. Левитан*», передана в 1970 году Дирекцией художественных выставок и панорам МК СССР) из собрания музея ценна тем, что, скорее всего, написана в то же самое время, что и картина «Ранняя весна. Ботанический сад» (где изображена стена павильона и парк); Левитан наверняка делал наброски не только на улице, но и заходил в павильон, в оранжерею Ботанического сада. Чувствуется влажный, душноватый воздух оранжереи, запах цветов и сырой земли — поэтому и живопись кажется слегка размытой. Эта картина тоже одна из последних в творчестве Левитана...

Подобно тому, как из мелких черточек вырисовывается портрет человека, как из его поступков становится понятен характер, так и из всех произведений художника складывается душа его творчества. Сохранилась коротенькая записка Исаака Ильича Левитана С. П. Дягилеву: «...Охотно разрешаю делать все, что хотите, с моими картинами, только не уничтожать их,— не потому, что любил бы их, а как-то жалко всю энергию и любовь, ушедшую на них»[9]. Огромное счастье, что в Тульском музее изобразительных искусств хранится частичка души Левитана; его произведения снова и снова свидетельствуют о творческом кредо художника, о его непрестанной работе, о пытливом и любовном взгляде на родную землю. В любом, даже самом маленьком этюде Левитана — душа природы, ее музыкальность, ее обаяние и настроение. В любой работе величайшего из русских пейзажистов — любовь, поклонение природе и внимание без конца.

Примечания:

[1] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С. 96

[2] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С. 189

[3] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С. 29

[4] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С.29

[5] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С.288

[6] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С.196

[7] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С.213

[8] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С.30

[9] И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания / ред. А. А. Федоров-Давыдов.— Москва: Искусство, 1956.— С.107

Елена Оленич
(г. Тула)

ОБ АВТОРСТВЕ ДВУХ СКУЛЬПТУР ИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ТУЛЬСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ*

Оленич Елена Ивановна, родилась в 1963 году в Воронеже. В 1984 году закончила Тульское областное музыкальное училище им. А. С. Даргомыжского по специальности «Теория и история музыки». Работает в музее с 1988 года. В 1992 году закончила Санкт-Петербургский Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, искусствовед, заведующая отделом западноевропейского и русского искусства Тульского музея изобразительных искусств, филиала ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей».

Музейные фонды!.. Никаких экспозиционных площадей не хватит, чтобы показать зрителям всё, чем обладают музеи, что хранится в их запасниках. К тому же есть разные способы знакомить зрителей с музейными коллекциями и отдельными произведениями. Не все они попадают в постоянную экспозицию — лицо всякого музея, но все являются носителями информации о времени и о его героях, об авторе и его творческих достоинствах, об исторических событиях и о тех или иных художественных явлениях. Всесторонне изучить музейный предмет, определить его статус в музейном собрании — суть исследовательской, атрибуционной работы. И если в результате этой работы произведение искусства займет место в постоянной экспозиции музея, то это станет особой радостью для исследователя. Именно о такой работе — увлекательной и счастливой — пойдет речь в статье.

Среди произведений изобразительного искусства, поступивших в собрание Тульского музея изобразительных искусств в последние годы, выделяются две бронзовые скульптуры европейской работы, художественные достоинства и качество исполнения которых говорят об их авторах как о мастерах чрезвычайно высокого уровня, прошедших великолепную профессиональную выучку. От этого первого, довольно яркого, впечатления возникло желание показать хорошую бронзу старинной работы широкому зрителю. Оно повлекло за собой дальнейшее изучение и детальное исследование скульптур, в результате которого прежняя атрибуция, с которой предметы поступили в музей, претерпела изменения; были определены авторы, уточнена иконография и время создания произведений. Вокруг них возникла история, о которой можно рассказывать музейным посетителям.

В 2005 году у петербургского коллекционера была приобретена бронзовая фигура кабинетного формата, изображающая стоящего в полный рост мужчину в старинных одеждах, в ботфортах, со шпагой в скрещенных на груди руках. Горделивая осанка, сквозящее в образе достоинство выдавали в изображенном высокородного господина прошедших веков.

* Материал был представлен на заседании Экспертной фондово-закупочной комиссии ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей»» (Тула, 22.03.2018).

Исходная атрибуция гласила, что изображен некто генералиссимус R. Monteruccol, неким В. Лоренцем в XIX веке.

При внимательном обследовании скульптуры были уточнены и обнаружены надписи на подиуме: впереди в картуше — R. Montecuccoli; справа в картуше — C. Alexy f / 1844; внутри — Goossen V. Lorenz in Vien. Все это сразу дало направление исследованию. Буква f рядом с именем C. Alexy означает fecit (лат.) — исполнил, сделал, и указывает на автора произведения. Что же касается имени В. Лоренца — это венский бронзолитейщик, как следует из надписи внутри подиума. В ходе дальнейшего исследования, проведенного по открытым данным специализированных Интернет-ресурсов, каталогов аукционных домов, Баз данных официальных сайтов музеев (в частности, Музея военной истории в Вене), были обнаружены сведения и о герое скульптурного изображения, и об авторе произведения.

Раймунд Монтекукколи, герцог Мельфи (итал. Raimondo Montecuccoli; 1608—1680) — имперский генералиссимус итальянского происхождения, крупный полководец XVII века; один из самых выдающихся теоретиков и практиков военного дела своего времени; Президент военного совета священной римской империи (1668—1680). Р. Монтекукколи провёл ряд военных реформ и в 1679 году был возведен императором Леопольдом в княжеское достоинство. Он является автором трудов по военному делу и мемуаров. Наиболее известное в России произведение Монтекукколи — его трехчастные «Записки» (Главные правила военной науки вообще). Переведенные на русский язык в 1760 году, они служили пособием для многих русских полководцев.

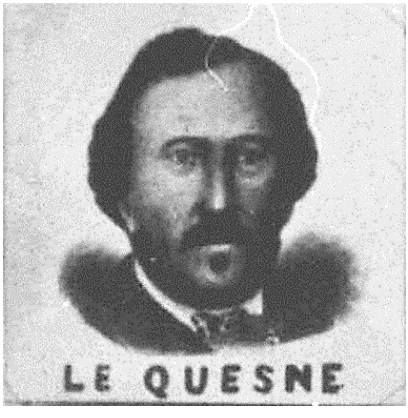
Автором же великолепной бронзовой фигуры является скульптор Карл (Кароль) Алекси / Alexy Carl (Karoly) (1816—1880), венгр по происхождению, закончивший Академию изящных искусств в Вене. В 1841 он выполнил портрет и парадную статую австрийской королевы Виктории, принесшие ему широкую известность, а в 1844 — получил официальный заказ на изготовление 16 бронзовых фигур знаменитых австрийских военачальников XV—XIX вв. 13 фигур этой серии ныне хранятся в Музее военной истории в Вене. Каждую фигуру этой серии характеризуют выразительность образного и пластического решения, виртуозность и тонкость технического исполнения. Именно этой серии принадлежит и отливка из Тульского музея.

Другой великолепный образец бронзолитейного искусства — небольшая кабинетная скульптура, изображающая прелестную юную особу, сидящую в изящной позе, во взгляде которой усматривается поэтическое вдохновение. В 2010 году скульптура «Сидящая девушка» поступила в музейную коллекцию как произведение неизвестного автора рубежа XIX—XX веков. Литьё высочайшего качества, сохраняющее мельчайшие детали авторской работы, вызвало мысль о французских брон-

золитейщиках, занимавших в XIX веке в Европе лидирующие позиции.

Детальный осмотр произведения выявил наличие надписей на сиденье: слева — E. LEQUESNE; справа (в греческом стилисте начертания) — Σ. LΣQUΣSNΣS.

В процессе исследования выяснилось, что автором скульптуры является Эжен Луи Лёкен / Eugene Louis Lequesne (1815—1887), крупный французский скульптор XIX века, ученик знаменитого скульптора Жана Жака Прадье (1790—1852). Несколько лет Лёкен провел в Риме в качестве пенсионера Французской Академии. Скульптурное наследие античности оказало на его творчество огромное влияние, и в дальнейшем многие свои композиции он создавал на мифологические сюжеты. Самое известное его произведение — «Танцующий фавн» (1852) в Люксембургском саду Парижа, вдохновленный древним образом фавна из Помпей, статуи на фасаде Гар дю Нор (Северного вокзала) и на северном фасаде Дворца правосудия. Приглашенный своим другом Шарлем Гарнье, архитектором парижской Гранд-Опера, Лёкен изготовил для крыши знаменитого здания фигуры Пегасов. Помимо мифологических композиций, в том числе и кабинетных скульптур, мастер создавал множество портретных бюстов.



В 1855 году на Универсальной выставке в Париже Лёкен был удостоен Большого приза и ордена Почетного легиона, награды, которая является во Франции высшим знаком отличия, почета и официального признания особых заслуг перед страной. Интересно, что выдающийся скульптор был и незаурядным шахматистом. В сентябре 1858 года в Париже состоялся исторический поединок американского шахматного гения Пола Мерфи с восемью сильнейшими противниками одновременно. Одним из игроков был скульптор Эжен Луи Лёкен! Позднее он создаст портретный бюст 20-летнего гроссмейстера.

А что же «Сидящая девушка» из собрания ТМИИ, кого она олицетворяет? Изображенная в античной одежде и лавровом венке героиня бронзовой скульптуры отсылает нас к образам муз в греческой мифологии, в частности Полигимнии — музы торжественных гимнов. Полигимния часто изображается со свитком в руках, в задумчивой позе, а в данном случае еще и с лавровым венком на голове. Стилистика исполнения, пластическое мастерство, с каким передан образ музы, ее изящные пропорции и тонкие черты, прихотливая поза, спадающие обильными драпировками античные одежды, богатая игра света и тени на поверхности бронзы — все выдает в мастере яркого представителя французского академизма, прошедшего прекрасную профессиональную школу. Уровень произведения позволяет отнести его исполнение к расцвету творчества Лёкена и датировать второй половиной 1850-х—1880-ми годами.

В результате проведенного исследования в официальные учетные документы были внесены все необходимые изменения, а два прекрасных образца западноевропейской бронзы середины XIX века по праву заняли своё достойное место в соответствующем отделе постоянной экспозиции музея, доставляя удовольствие любителям и ценителям хорошей художественной бронзы.

Лидия Довыденко
(г. Калининград)

О ПОЭМЕ ВЛАДИМИРА ПОДЛУЗСКОГО «СТАРОДУБСКАЯ ПРОРОЧИЦА» // «БЕРЕГА», № 3 (39)-2020

Лидия Довыденко — секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Автор 22 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Публиковалась в ведущих литературных журналах и альманахах, победитель и лауреат в конкурсе журналистского и литературного мастерства.

О поэме как жанре

Новейшее время среди поэтов и критиков породило, я бы сказала, преследование поэмы как жанра. Некоторые литературные журналы заявили о том, что они поэм не публикуют. Истоки этого, я думаю, идут от того, что не каждому поэту создание поэмы по плечу. Не могущие и воинствуют, как всегда.

Однажды довелось мне беседовать с польским консулом по культуре в Калининграде. Речь зашла об обучении иностранцев в Польше. Тогда я и узнала, что обучение платное для иностранцев на всех факультетах, кроме физики и математики. Он говорил: «Ну, нет у нас в Польше таких умов, чтобы тянули физику и математику, пытаемся привлечь из других стран».

Я вспомнила, что и настоящую оперу, и балет не могут поставить в европейских странах, потому что нет мастеров пения и балета. Хорошо, если найдется кто-то из русских эмигрантов, кто прошел советскую школу и способен станцевать или спеть что-то посложнее, под него и создают репертуар, а своих талантов нет.

Но и в Россию пришли за последние тридцать лет вот эти подражания западным реалиям, где по нищете таланта ставится что-то простенькое, начали примитив навязывать и у нас, изгнав из театров специалистов высокого класса.

Нет в Европе уже давно и поэтов, могущих выстроить образный ряд в рифму и в ритм для создания большого поэтического полотна, и свободный от формы, да часто и от содержания верлибр начал занимать место поэзии. А уж поэму создать — это уже другие масштабы мысли.

Поэма в России

В России поэма всегда будоражила художественную мысль и продолжает жить как жанр вопреки выродившимся, но оседлавшим литературные сомнительные премии и пытающимся влиять на приземленную литературу.

Поэтические повествования или историко-драматические произведения поднялись на невиданную высоту в творчестве Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Некрасова, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Александра Твардовского,

а 20-й век дал русской и мировой поэзии женщин-гигантов: поэмы Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, а затем Юлии Друниной, Беллы Ахмадулиной, Сэды Вермишевой — это поэтический альпинизм, снискавший признание читателей планеты.

Поэтические повести в современной поэзии по плечу сегодня немногим, и хочу отдать должное Владимиру Подлузскому, которому в крупных формах стихосложения свойственны внутренняя напряженность, острая конфликтность содержания, погружение в прошлое ради будущего.

Владимир Подлузский в 2012 году выпустил роман в стихах «Тарас и Прасковья», посвященный актуальной теме взаимоотношений Украины и России, теме славянства и особенно восхитительному образу славянки. В текущем году он порадовал читателей двумя поэмами: «Русская труба» и «Стародубская пророчица».

Поэма «Русская труба»

В поэме Владимира Подлузского «Русская труба» https://ruskline.ru/analitika/2020/05/15/russkaya_truba? вновь русский поэт современности делится своими масштабными размышлениями о судьбах и путях народов СССР и России. Столько любви и боли за свой народ! Труба-нефтепровод, прошедшая через не одну деревню, через поколения, принесла правительству нефте-доллары, не дошедшие до конкретной деревни, где поселилась бедность, безответственность, разгильдяйство, произошло размывание нравственных ценностей. Но не только деревни, а целая страна попала в круговорот великого блуждания народов. «По избам зашатался самогон», «труба ордой тащилась среди нас», «в войну того не потеряла Русь, чего лишилась в трубных переходах».

Деревни заброшены. Сменяют друг друга невзгоды: «точил картошку колорадский жук», «валил стада откормленные ящур». «В трубу летела наша высота, и глубина, и громкая Победа». В нравственном смысле труба подтачивала дух там, «где вирусом плодился доллар».

Позор несла нам нефтяная труба. И многострадальный народ, словно услышав другой трубный глас архангелов, собрав буквально по копейке средства, построил храм, чтобы возродить нравственность, чистоту, уважение к земле, к честному труду. Дух поэмы взывает к нам, к осознанному пути, зовет разделить боль и любовь, трепетную, выстраданную, чтобы возродить духовное величие и высоту нас всех по отдельности и народ в целом. Поэма, появившаяся на свет в период, когда над миром нависла угроза электронного концлагеря, когда сатанисты мира по сути дела поставили вопрос о конце истории человечества, более чем актуальна, напоминает о необходимости всех людей, стоящих на платформе трезвости и благоразумия, выйти на поле нравственных ценностей, тогда сдвинутся с места буксующие реформы, у детей появится будущее — жить на планете благородства, придет понимание того, что мы можем сберечь планету и Человека на ней.

Поэма «Стародубская пророчица»

В старинном русском городке Стародубе Брянской области, в который направляется лирический герой поэмы — Поэт, знающий волшебную силу Слова, живет его сестра (ОБОБЩЕННЫЕ ОБРАЗЫ), обладающая даром целительства, высоким уровнем интуиции и исторического прозрения.

Город Стародуб стоит на перекрестке культурных и торговых путей славянских государств: России, Украины и Беларуси, на метафизическом перекрестке дорог между Западом и Востоком. Здесь проходили два раза в год ярмарки, на которые съезжалось богатое купечество, привозя на продажу лен и холсты, скот и продовольствие. Богатые хлебом места, которые часто в результате пожаров и захватнических войн превращались в руины и возрождались вновь, когда мир воцарялся вокруг:

Сиянье церквей и пророков,
Чья неоспоримая власть,
От самых корней и истоков
До крон голубых разлилась.

Жители Стародуба к концу 19 века возвели здесь 18 храмов, часто даже иудеи принимали Православие, и несмотря на торжество православной веры, глубинная народная память переносила через тысячелетия тайны волхвов, старинный лад в ведении хозяйства, в строительстве домов, разведении скота, принимая в расчет языческих покровителей, богов земли, солнца и воды, глубинные тысячелетние знания о душе, теле и духе, о том, где есть вода, чтобы вырыть колодец, об энергиях, снижающих усталость, дающих исцеление.

Неизреченная реальность, ведомая Поэту, осторожно намекающему на незримое Присутствие, Божественное провидение, проявилась в судьбах Поэта и его сестры — стародубской пророчицы, известной далеко за пределами края, смиренно несущей Дар людям и беспомощной помочь себе и своим близким.

Неизреченное таинство — имплицитный сюжет поэмы, многоуровневое и синтезированное содержание мысли Владимира Подлузского стало основой его неизреченного реализма:

Уж можно потайное бремя
Сказаний пролить через дождь.
Пускай напоятся грибницы
И тайны свои отдадут…

Своеобразие поэтического самовыражения и образного строя позволяет говорить о «неизреченном реализме», Божественном Присутствии и мистическом прозрении.

Вопросы стиля, богатого экспериментами и образными находками, понимание его читателями мало волнуют поэта, ему, возможно, и самому до конца не ясен этот таинственный генетический код русского человека, широта которого изумляла Федора Достоевского, говорившего о том, что «его бы сузить», но вряд ли это возможно, это Божественное предопределение. Сам же автор пояснил: «Хотелось бы кое-что сказать о неких тайных знаках, которые пытался расставить в поэме. Они заключены в особое сюжетное кольцо. Первая же строка говорит о небесном свете, солнце, а последняя о возженном им земном огне:

Русь точно сильнее Тибета
С печатью богов на устах.

Космос дает жизненную энергию России, а та растит хлеба. Это Хлеб церковный — символ тела Христова. Но и русский народ в этом контексте — тоже хлеб Божий. В произведении у границы ложатся целые пшеничные валки. Одни уходят в небесные закрома. Другие только зарождаются, замешанные в великой деже. А авторское перо лишь прикасается к святой русской силе, показывая ее возможности, простирающиеся в двух, а может, и более параллельных измерениях. И стародубская пророчица хорошо видит все, с помощью Святой Матроны и Николая Угодника черпает свои прозрения, помогает страждущим».

Взор Владимира Подлузского обращен ввысь, его духовный опыт опирается на пушкинский фундамент, и таинство пронизывает все уровни поэмы. Мистическое видение пророчицы не равно постижению Поэта, на вопрос о будущем Украины и России стародубская пророчица говорит загадками, сквозь которые прочитывается оптимистическое начало нового единства народов без указания сроков, где временное — часть вечного. Наблюдательность Поэта подсказывает ему, как пояснил Владимир Всеволодович: «Хлеб, в данном случае Дух, как одна из ипостасей Божьих,

соединяет братские славянские народы. Фуры везут зерно в Белоруссию, что соответствует в иные годы, как, например, в 2019-м, исторической правде».

В образном ряду поэмы появляется мистический «самогон — то самое библейское вино, философский «первак» из всех главных смыслов поэмы. Вся она пропитана ожиданием Второго Пришествия. Расширяется дорога на Запад, потерявший в своем материальном довольстве вкус и чувство. И Бог спасает его русским зерном, чтобы тот вкусил русского хлеба и вернулся в истинное христианство — на столбовую дорогу человечества. В данном случае, к его главным истокам — Православию»:

Распробуют хлеб пусть наш русский,
Такой же святой до сих пор.

В поэме все эпохи, города и веси соединяет образ горлицы — христианский символ Любви и Согласия. Она сидит прямо у дороги. А рядом, конечно, Перунова языческая белка. Бинарность русского мировоззрения включает культурный пласт земли, вбирая духовный опыт, проживание событий, отличая Божественное от человеческого.

Мы все накануне рожденья
Второго на той полосе.
Святой, пограничной и спорной,
Поющей и плачущей вдрызг
На этой моей лукоморной
Частице молитвенных риз.

Ткань поэтического повествования соткана таким образом, что отражает, как вода, небо, многомерность, масштабность, полифонию мировоззрения истинного русского человека, живущего во всех смыслах в Пограничье, в местах сложнейшего соединения и одновременно разделения трех восточнославянских государств.

Актуальности поэмы в ее духовной национальной основе. В каждом стародубском доме есть иконы, крепкая вера. Она и подвигла к строительству многих церквей Стародуба. Возможно, именно этот старинный городок впоследствии станет одним из эпицентров примирения двух славянских народов:

Пророчества тянут поводья
И русского шпорят коня.
Россия — с времен Беловодья
Столица земного огня.

Мистическое – антипод пессимистического

Владимира Подлузского вы не встретите ни на одном телевизионном канале, потому что он противник дурновкусия, потому что его творчество национально спасительно, потому что он подлинно русский интеллигент, который противостоит оплевыванию великой русской литературы и живых проявлений человечности. Мистическое (Божественное, неизреченное) русский религиозный философ Н. С. Арсеньев противопоставлял пессимистическому. И в этом плане степень духовного влияния в современной литературе Владимира Подлузского нелегко уловить и понять, потому что нет таких счетчиков. Но несомненно то, что благодаря таким национально-мыслящим поэтам происходит выражение в художественной форме целостности русской духовной почвы, разоблачение абсурда постмодернистских проектов, так как поэты уровня Владимира Подлузского выражают лучшие стороны своего самобытного народа, крепят его духовные фундаментальные основы, чтут традиционные ценности.

ОТЗЫВ НА ПОВЕСТЬ ЛЮДМИЛЫ ПОПОВОЙ «ЛЕНИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ»

Людмила Попова — современный смелый и удивительный писатель, пишущий на международные темы. С первых строк ее повести читатель чувствует, что автор широко эрудирован, образован, интеллигентен, аналитичен.

Зная языки, накопив за годы своей жизни большой личный опыт общения людей из разных стран, она в рамках небольшой повести, даже брошюры, смело касается важнейшей темы всего человечества, которая с момента падения СССР противоестественно является не модной к обсуждению и даже запретной в СМИ стран западного мира и у нас в России — справедливого устройства человеческого общества.

Такую сложную задачу автор не пытается решать в форме глубокого научного исследования, но показывает нам те ценные косвенные проявления в простой жизни наших современников, которые красноречиво требуют мир людей снова вернуться к социалистической повестке, как единственному выходу из капиталистического тупика.

Накопившиеся сегодня общечеловеческие проблемы показываются на фоне ландшафтов одного из самых чудесных уголков красивой и богатой Италии — острова Капри.

Казалось бы, что в этом райском уголке курортной южной Европы, где традиционно гостят только богатые и неординарные личности,— тут не место для разбора каких-то там проблем. Но надо признать, что географически выбор места повествования по такой теме является удачной находкой автора.

Именно Капри — место былых встреч политических тяжеловесов, интеллектуальных битв таких гигантов-мыслителей как Максим Горький и Владимир Ленин — снова привлечен как площадка обсуждения так наболевшей и до сих пор нерешенной проблемы создания справедливого общества.

На примере показа сначала спокойной, а затем драматичной жизни двух типичных итальянских семей — учителя Фабио и ресторатора-отельера Арналдо, — автор показывает их семейные моральные плюсы и минусы, разное отношение к людям скромного достатка, к бедствующим иммигрантами и к тому причинно-следственному ряду искусственно созданных США конфликтов в их родных странах, откуда эти люди вынужденно уехали и оказались в Италии.

Особо отслеживается цепочка контактов с выходцами из России и вообще связь с историческими событиями в России.

Философские и жизненные искания интеллигента Фабио однозначно подчеркивают ту высоту и тот высокий всемирный интерес к переменам в Советской России времен Ленина и Горького, и резкое падение такого интереса к России в поздние ельцинские времена.

Очень разочаровала Фабио группа современных российских писателей, приглашенных на Капри. Фактически Фабио констатировал деградацию общественной философской мысли среди так называемой элиты, в том числе среди ведущих писателей современной России, где горстка либералов, финансируемых США и Западом, около

тридцати лет продолжает попытки чернить социалистические достижения, принижает роль СССР в победе над Германией и ставит коммунистов на одни весы с фашистами.

Но в Италии замечена и большинством поддержана особая позиция и решительные действия нынешнего руководства России против очевидного неправомерного вмешательства США и НАТО в Сирии, а до того в Ливии, Ираке, Украине и других регионах мира. Россия снова выздоровеет?

И все же, по анализу автором мировой ситуации, местом возврата революционных событий социалистического толка станут... — сами Соединенные Штаты Америки! — Именно туда забирает от ушедшего из жизни социалиста-романтика Фабио книги Полного собрания сочинений Ленина теперь уже американский социалист Джон...

А что если дар политического предвидения нашего автора получит свое подтверждение?!

Виктор Милешко,
г. Москва

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

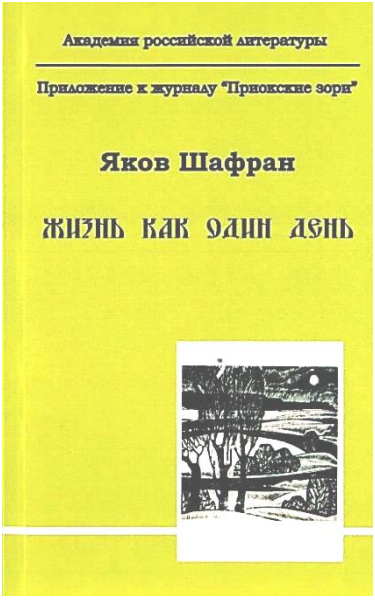
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

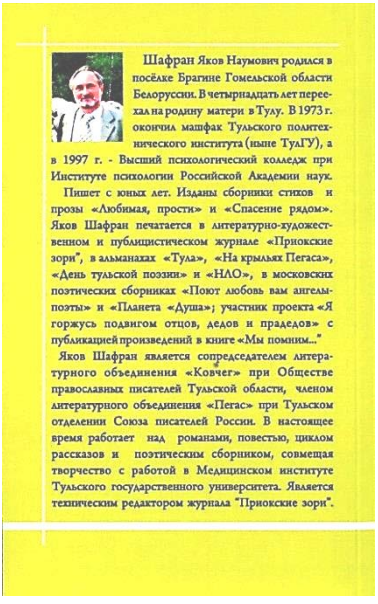
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2020.— №№ 1—4.

2. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2020.— №№ 1—5 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

3. *Московский Парнас:* Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2020.— № 1, 2.

4. *Сура*.— 2020.— № 3 (в номере опубликован рассказ Алексея Яшина и стихи Якова Шафрана).

5. *Мар А. М.* Нескучные истории большого города. Рассказы и повести.— Новые Витражи, 2020.— 190 с., ил.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 10.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 236 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Тульская сторонка:* Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, стихи, рассказы, статьи и рецензии. Вып. 7.— Тула: Изд-во Аквариус, 2020.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Яков Шафран*. Восхождение: психологический роман.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 340 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Вадимир Трусов*. Иронический оптимизм сожаления: тетралогия Алексея Яшина.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 85 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *На лирической волне*: Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори». Песни, романсы, пьеса для фортепьяно, стихи, рассказы, статьи. Вып. 6.— Тула: Изд-во «Аквариус», 2020.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Алексей Яшин*. Болдинское межсезонье: Паноптикум молодых характеров: Новеллино (десятая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 341 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2020-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЗДРАВЛЯЕТ!

Правление и коллектив Академии сердечно поздравляет Почетного Президента Академии российской литературы Леонида Васильевича ХАНБЕКОВА с Днем рождения и желает доброго здоровья, творческого настроения, благополучия и всего наилучшего!

Леонид Васильевич ХАНБЕКОВ

Почетный президент Академии российской литературы. Прозаик, поэт, публицист, критик, переводчик. Автор более 100 книг прозы, поэзии и публицистики, многих критических и литературоведческих работ. Подготовил и издал сборники писателей-фантастов («Румбы фантастики»), сборники сказок народов Азии, Африки, Европы, мира — общим тиражом более 900 000 экземпляров.

Автор десятков литературных портретов современных поэтов и писателей. Издатель справочников «На пороге XXI века» и «Писатели Москвы и Подмосковья». Осуществил перевод на русский язык многие произведения писателей с татарского, якутского, мордовского, карачаевского, удмуртского, уйгурского, болгарского и хорватского языков.

Издатель и главный редактор вестника Академии российской литературы литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС», книжных серий Академии: «Антология современной поэзии», «Антология современной прозы», «Антология современной публицистики», «Антология художественного перевода», «Антология критики и литературоведения», «Антология детской литературы», «Антологии современной сатиры и юмора». Член редколлегии журнала «Приокские зори».

Член Союза писателей СССР, России. ***Редакция и редколлегия «Приокских зорь» присоединяются к поздравлению!***

* * *

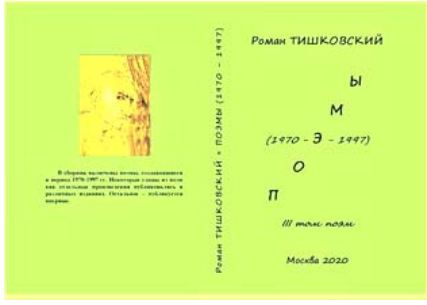
Правление и коллектив Академии российской литературы от всей души ПОЗДРАВЛЯЕТ члена Академии, флагмана АРЛ, отзывчивого, чуткого, позитивного, талантливого современного прозаика и общественного деятеля — **СКОБЛОВА Евгения Марковича** с Днем рождения и желает крепкого здоровья, семейного благополучия и новых успехов в творчестве!

Правление Академии российской литературы
(Редакция и редколлегия «Приокских зорь» присоединяются к поздравлению!)

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Уважаемые друзья, коллеги!

В рубрике «ТВОРЧЕСТВО АВТОРОВ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию обзор новой книги главного редактора Вестника Академии — Международного литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС» Романа ТИШКОВСКОГО «ПОЭМЫ (1970—1997)», — М.: Издательский Дом «Буки Веди», 2020.



* * *

Недавно мы сообщали, что Академией РЛ издана Антология современной прозы «СВЕРЯЯ БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ» (том 4) , М. Новые Витражи, 2020. Руководитель проекта Татьяна Камаева.

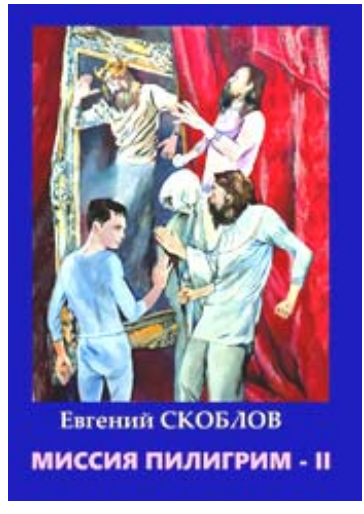
* * *

Уважаемые друзья!

Сегодня мне сообщили, что состоялось издание моей книги — повести в жанре фэнтези «Миссия «Пилигрим-II». Это уже третье издание (первое издание — с названием «Путь Пилигрима» — было осуществлено Крымским издательством «ДОЛЯ», г. Симферополь в 2009 году, второе — Творческим центром «СОДРУЖЕСТВО», г. Москва в 2014 году).

Оформление обложки и иллюстрации к повести подготовлены художником Ириной МОШКИНОЙ, членом Союза фотохудожников России, лауреатом российских и международных выставок, автором девяти книг-альбомов художественных фоторабот и живописи.

Книга была представлена в ходе работы международных книжных выставок в России, Германии, Франции и Латвии. Издательство «Ridero».



Евгений Скоблов.

Правление и коллектив Академии российской литературы сердечно поздравляет члена Правления АРЛ, видного российского поэта, прозаика, публициста и общественного деятеля **Михаила Ивановича ЛАПШИНА** с ЮБИЛЕЕМ (75-летие)

и желает доброго здоровья, новых творческих успехов, реализации больших литературных проектов и благополучия!

(Редакция и редколлегия «Приокских зорь» присоединяются к поздравлению!)

* * *

Уважаемые друзья, коллеги!

21 октября с.г. в Доме Ростовых состоялось заседание Правления Академии российской литературы. В работе приняли участие:

М. И. Лапшин,

Н. Е. Иванова-Харина,

О. Г. Карагодина,

Н. Н. Шлезигер,

Е. М. Скоблов.

В ходе заседания были рассмотрены следующие вопросы:

— корректировка и уточнение списков членов Академии российской литературы по состоянию на 20 октября 2020 года (уточненные списки будут опубликованы в очередном номере альманаха «Московский Парнас» и размещены в группе Академии на наших интернет-ресурсах в ноябре 2020 года);

— обсуждение новых изданий тульского **регионального отделения Академии российской литературы**, представленных в Правление Академии в октябре (руководитель — **А. А. Яшин**, заместитель — **Я. Н. Шафран**);

— обсуждение сборника произведений участников творческого конкурса **«КАЛИНИНГРАД — ЯНТАРНЫЙ БЕРЕГ»** (М., «Новые Витражи», Академия российской литературы) — руководитель проекта **Наталья Иванова-Харина**;

— технические и организационные вопросы.

Фоторепортаж подготовлен Ольгой КАРАГОДИНОЙ.

ТРИ ВОПРОСА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

Беседа с председателем СП России Николаем ИВАНОВЫМ о создании Ассоциации писателей России (АПР).

— Николай Федорович, у писателей России после сообщений о консультациях по созданию некой Ассоциации писателей России (АПР), которая объединит все литературные союзы страны, появилось немало вопросов. Не предпринимается ли попытка нас всех постричь под одну гребенку? Не теряем ли мы свое лицо и свой голос? Чья это идея? Ради чего?

— Такие же вопросы возникли и у меня, когда в начале года начались первые разговоры по объединению писательских союзов или, вернее, по созданию для них общей надстройки. То, что их в России появилось огромное количество, это уже не смешной, а грустный факт. При этом наши нынешние законы не запрещают трем гражданам страны собраться на кухне и создать общественную организацию, а то, что ее деятельность при регистрации обозначается как творческая, свидетельствует о следующем. Первое: в обществе попрежнему остается высоким авторитет людей, работающих со словом, и создатели новых союзов это прекрасно понимают, прикрывая не исчезнувшим даже и за годы забвения авторитетом Союзов писателей СССР и России свои личные цели. Вторая позиция более грустная: зачастую эти союзы и союзики создаются людьми скорее амбициозными, чем творческими. Вот захотелось человеку быть председателем или президентом, а что для этого необходимо? Правильно, иметь личную организацию, партию, союз, раз в уже существующих почему-то не признают их лидерства! Эти люди в большинстве своем изначально стремятся в первые ряды любого президиума! Не допрыгнувшие, не дотянувшиеся до вожделенной цели всеобщего признания, болезненно тщеславные, они в окружении уже собственных подчиненных легко и ничтоже сумняшеся мнят себя классиками. Понимаем, что есть и те, кто не нашел контакта с руководителями региональных организаций и ушел в самостоятельное плавание. Например, в Крыму за 6 лет «крымской весны» создалось около десяти писательских организаций, и министерство культуры «сходит с ума» от этой разношерстной когорты сплошных гениев. После создания наших региональных отделений в Симферополе и Севастополе собрались, к примеру, три литератора, создав в противовес свою организацию. Через месяц они разругались, не поделив власть и полномочия, но вкус лидерства уже пьянит. И каждый из разбежавшихся создает уже три новых объединения... А кто-то, играя на тщеславии литераторов, создает союзы ради личной наживы. Пишущим людям втюхивается, извините за сленг, сначала уверенность, что они великие, потом предлагаются всевозможные лауреатские звания, их печатают в сборниках с громкими названиями, им дают ордена и медали, объявляют писателями (почетными, заслуженными) года, мира, галактики... Но все эти публикации и звания — за деньги. Ничего общего с творческими такие коммерческие организации, конечно же, не имеют. А есть союзы, созданные в период перестройки и начала девяностых в противовес СП СССР и СП РСФСР. Как правило, это было их идеологическое решение, но инициаторы выхода из «больших» союзов вскоре благополучно покинули страну в поисках лучшей жизни, а структуры с их сторонниками и последователями остались. Будем справедливы: вместе с уехавшими лидерами спала и политическая составляющая этого раскола, и некоторые документы (как правило,

юридические) мы даже подписывали вместе с такими организациями. И это не мешало нам оставаться при своих убеждениях во взглядах на жизнь и на литературу... Хотя в своих комментариях Валерий Шелегов и утверждает, что наш Союз утратил свое значение, когда мы согласились в девяностые годы стать Общественным объединением. Но наш Союз просто прекратил бы свое существование 30 лет назад, не прими наши руководители тогда эту форму, утвержденную законом. Минюст попросту не зарегистрировал бы нас. Да, были бы мы подобны «Варягу», не спустившему флага. Но — ушли бы на дно! И представляю, как наши оппоненты рукоплескали бы такому подвигу и даже пускали бы венки по волнам над нашей могилой. И единолично сейчас властвовали бы в литературном пространстве России, а мы бы не имели ни своей организации, ни своего голоса, ни даже сайта, на котором ведем сегодняшнее обсуждение. Мы бы этого хотели? Не уверен. Тем более, что мы выстояли, не прогнулись, сохранили и Союз, и свое творческое лицо, и свое человеческое достоинство. Общеизвестно: если не можешь предотвратить ситуацию — сумей на нее хоть как-то повлиять, а не прятать голову в песок и делать вид, что ничего не происходит. Как нас учили в школе: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Да, на наши плечи упало сегодняшнее скользенькое, хамелеонное время. Нам улететь на Луну? Надеть скафандры? Выстроить железобетонную стену вокруг Комсомольского, 13? Можно, конечно, жить с вывернутой шеей и оплакивать прежние, более благополучные для литературных талантов времена. Но «Времена не выбирают. В них живут и умирают». Надо принимать любые вызовы времени. Лично я не хочу стать могильщиком Союза, как и до меня не захотели этого ни Юрий Бондарев, ни Валерий Ганичев. Как и они, я надеюсь, что однажды наступят дни, когда наш Союз окажется полноценно востребованным, и все те ценности, которые нас сегодня объединяют, не придется воссоздавать по уцелевшим артефактам. Так что в выборе, быть нам или не быть, нам не прятаться надо, а все вызовы принимать, при этом оставаясь на своих духовных и нравственных позициях, сохраняя высокие традиции своих предшественников.

А теперь по Ассоциации. Эта идея возникла в 2015 году, ради этого, собственно, и затевалось Общероссийское литературное собрание с участием Президента страны. Давайте вспомним те времена: наш Союз даже не был допущен к подготовке мероприятия и формированию его задач. Нам всего лишь выделили несколько пригласительных билетов — по сути, определив роль статистов. Но мы прошли и этот этап, и сегодня могу с уверенностью сказать, что именно Союз писателей России определяется одной из ключевых организаций Ассоциации. И среди рабочей группы, ведущей консультации по созданию АПР, мы видим также вполне адекватных людей, желающих в том числе и пользы для СП России. Откуда исходит инициатива по ее появлению? От Администрации президента. Это дает основание предполагать, что если решение принято на таком управленческом уровне, то оно будет исполнено в любом случае — с нами или без нас. Лучше без нас? Чтобы потом плакаться, что нас не замечают? На какой базе происходят консультации? Российский книжный союз. Возможно, это правильно в данном контексте, потому что лично я не пошел бы ни в какие иные союзы, особенно с перечисленными в комментарии В. Н. Крупина лидерами — как и, возможно, они не пошли бы к нам (а мы бы и не приглашали!). Самый первый посыл проработки вопроса был такой: все идут на объединение на равных, распустив свои организации (по примеру создания Ассоциации юристов России). На том первом этапе секретариат сказал категорическое «нет»: если мы куда-то и войдем, то только как юридическое лицо. Не мы создавали Союз, не нам прекращать его деятельность. Да и по Уставу прекратить свое существование мы можем лишь в двух случаях: по суду (призывая к свержению существующего строя), или на съезде принимая решение о самороспуске. На самороспуск мы не пойдем, поэтому, если будем входить в Ассоциацию, то только со своей историей, своим Уставом, своими плана-

ми работы и со своим видением нашего предназначения в истории страны и в литературном процессе. Да и имея при этом возможность и право выйти из объединения в любой момент. Это крайне важно: если создаваемая Ассоциация вдруг по каким-то причинам исчезнет, то вместе с нею не должен исчезнуть СП России с его традициями, с его непростым опытом творческого выживания. Мы это прекрасно осознаем. Далее. Боязнь писателей раствориться среди прочих, структурно более мелких организаций. Нет, позиция секретариата однозначна: мы как работали — так и будем работать. «Уменьшаться» в своей деятельности, в своем влиянии на жизнь страны не намерены. Константин Гнетнев сетует на засилье всевозможных писательских структур в Карелии (подобное положение существует и в некоторых других регионах). При создании АПР получается ровно наоборот. Почему? Первоначально на рассмотрение в возможные учредители АПР было выставлено около полутора десятка организаций, зарегистрированных как общероссийские и региональные писательские. На сегодня, после первых консультаций, их осталось всего пять. Позиция СП России: это должны быть если не единомышленники, то в обязательном порядке профессионалы. Так отпали коммерческие литературные проекты. Мы также посчитали, что даже при разности мнений в АПР не должны попасть радикалы. С нами согласились и, таким образом, отпали еще две организации, ориентирующиеся исключительно на «мировые ценности», ничего общего с литературой и культурой не имеющие. Отпали также хозяйственноокололитературные объединения. Зато была добавлена Национальная ассоциация драматургов (Ю. Поляков). Поэтому: в регионах и в центре руководители, курирующие литературные процессы, фактически избавляются от необходимости вести переговоры с десятком мало чего значащих организаций. Для них становится ориентиром АПР, в которой, я повторю, на сегодняшний переговорный процесс осталось всего пять организаций, признаваемых как профессиональные. Могут быть количественные изменения в этом списке? Наверное, могут, но в любом случае незначительные. Причем в обе стороны. Поэтому пока я не называю их. СП России на всех переговорах воспринимается именно как крупнейшая организация, за что спасибо региональным отделениям, сохранившимся в деятельном состоянии в тяжелейшее время безденежья, и ныне дающим мне право считать себя председателем крупнейшей творческой организации страны, фактически — экспертного литературного сообщества. И будем опять справедливы: с этим нашим положением во время консультаций считаются, с ним не спорят. Бояться ли нам Ассоциации? Давайте вместе оглядимся вокруг. Такое впечатление, что сейчас время именно такой формы сотрудничества. Например, у нас создан СНГ (фактически ассоциация), где страны по очень многим вопросам координируют свои действия, но каждая живет своим укладом. Есть даже Ассоциация городов воинской славы. Еще можно назвать десятки организаций, которым объединение помогают выживать. Что у нас? По предварительным наработкам, при АПР создается Исполком, в который войдут учредители Ассоциации. Он создается для принятия коллективных решений. Давайте проанализируем день сегодняшний. Мы как-то влияем сейчас на издание книг по грантам? Нет, это прерогатива Агентства по печати и издательств. Мы участвуем в работе по подготовке книжных ярмарок-выставок? В крайнем случае выбиваем себе место-стенд. Формируем литературные делегации для представления нашей страны за рубежом? Мы привлечены к национальным литературным премиям, хотя бы в качестве членов жюри, где участвуют деньги государства? Ответ однозначен. И именно поэтому, не дождавшись помощи и понимания на федеральном уровне, мы ушли в определенной степени в регионы, работаем по горизонтали, находя единомышленников среди руководителей субъектов федерации и делая с их помощью огромную работу по обеспечению духовной безопасности Отечества. Думаю, АПР со временем способен будет взять на себя многие, пусть и вскользь обозначенные, эти функции, но теперь решения будут приниматься в любом случае с учетом нашего мнения. Хотя и

предвижу яростное сопротивление тех, кто ныне формирует повестку дня в обозначенных проблемах. Но начинать когда-то надо. АПР способна будет поставить этот вопрос и, исходя из принципа корпоративности, добиваться его решения. Пусть и не сиюминутно это произойдет. Могу добавить, раз коснулись регионов: в рабочую группу по созданию АПР вошли и представители регионов — в частности, Канта Ибрагимов из Чечни и Камиль Зиганшин из Уфы.

— Спасибо за столь прямые ответы при всем том, что вы не обо всем, может быть, говорите (в переговорном процессе это недопустимо), но общее направление работы понятно. И второй вопрос: какими правами будет обладать АПР?

— Это тоже обсуждается. Поверьте, на сегодня в администрации президента нам дали огромную свободу действий по выработке предложений. И мы находимся лишь в самом начале пути, форма деятельности предлагаемой Ассоциации пока только выстраивается. На сегодня существуют три типа: Некоммерческая организация, Некоммерческая организация с участием государства и Некоммерческая организация, учрежденная государством. В каждой форме есть свои плюсы и минусы. Вот их и проговариваем. Например, если будет изыскана возможность прямого государственного финансирования, то мгновенно появляются отчетность и подчиненность перед структурами, дающими деньги целево, так что в отчетный период мы уже не сможем вдруг решить какую-то, ставшую крайне важной, проблему. Хотим этого? И так по каждой позиции. При этом лично я считаю, что в Уставе АПР в любом варианте должна быть строка по финансированию уставной деятельности учредителей. А там как будет получаться… Мне представляется, что АПР должна войти в литературный процесс достойно, со знаковой и значительной литературной премией. С возможностью проводить Всероссийские совещания молодых писателей и конференции по проблемам текущей литературы. Должны закладываться и подразумеваться литературные фестивали по федеральным округам и т.д. Это также потребует финансовых вложений. Как их получить? По каким каналам? По какой форме отчетности? Надо обсуждать? Надо. Издательская программа будет своя у АПР или нет? Вопросы сотрудничества с литературными журналами? Или создавать свой, новый и современный? Помощь регионам? Переводческая деятельность? Вопросов пока больше, чем ответов. Но мы их ставим. Поэтому и раньше выстрела не падаем, но и «задрав штаны» не бежим. Конкретных наработок пока мало, могу лишь обозначить их тенденцию. Поначалу проговаривался вопрос создания АПР при Агентстве по печати и массовым коммуникациям, ныне курирующим многие литературные проекты. Но как быть тогда с Министерством культуры, которое владеет библиотеками — основными площадками нашей деятельности? С литературными журналами, учредителями которых в регионах в большинстве своем также являются не Агентство по печати, а именно учреждения культуры? Значит, АПР не должно быть при этих конкретных ведомствах, чтобы не вносить сумятицу в тех же регионах. Николай Максимович Ольков категоричен — ничего хорошего нас в Ассоциации не ждет, ибо мы и так выше всех рвущихся в нее. Слава Богу, сегодня мы сами участвуем в отборе мечтающих туда попасть! И это уже большая новость нашего времени. Давайте еще раз совместно проанализируем возникшую ситуацию: хорошо, мы никуда не входим. В этом случае, мы лишь обрадуем чиновников, которые скажут: мы финансируем головную объединенную организацию, поддерживаемую администрацией президента, а СП России сам не захотел государственной поддержки. В подобном случае мы своими неуклюжими действиями профинансируем, поднимем на щит своих «партнеров», как любовно наш министр иностранных дел называет заклятых друзей России. Лучше сделаем Союзу? Вот тогда точно нас спишут «на нет». А сейчас — с нами разговаривают, мы имеем право голоса. Выставляем определенные условия — надеюсь, разумные. И к дающей руке не ползем, наша позиция такова: мы должны получать свое наравне с другими. Пока абсурдность ситуации в том, что мы в виде все-

возможных налогов и платежей даем государству порядка 90 тысяч рублей в месяц, а нам от Родины поступает ноль. Я об этом уже говорил. Долго так продержимся? Призывающие гордо хлопнуть дверью — вы готовы найти деньги, которые дадут нам хотя бы временную передышку? Я, как руководитель, разве не должен предпринять хотя бы попытку изменить положение вещей? Почему мы должны уйти с поля битвы за литературное пространство и за свои нравственные принципы? Это было бы, может, эффектно для сиюминутности, но — глупо для перспективы. И думаю не о том, как со временем под какие-то смехоточки выйти из Ассоциации, а ровно наоборот — как повернуть и закрепить ее работу на пользу отечественному литературному процессу. И повторюсь — к созданию Ассоциации в том числе причастны люди, разделяющие позиции СП России. И с какой стати огульно обвинять во всех прегрешениях тех, кто, возможно, будет структурно состоять в общей организации? А если Союзу писателей России будут вдруг поставлены неприемлимые условия в нашей будущей деятельности, правление (Пленум) как высший коллективный орган между нашими съездами даст оценку этому явлению и поручит спокойно выйти из АПР. Вернемся к озабоченности Петрозаводска, поддержанной Хабаровском: в регионе бал правят не писательские организации, а чиновники, курирующие вопросы литературы и книгоиздания, но крайне далекие от этого. И что по городам и весям, а не только в Москве, развелось слишком много писательских союзов. Друзья, это в том числе и нам всем предупреждение о том, что мы порой не можем выставить таких проектов, от которых чиновники не могли бы отказаться. Это нам предупреждение, что мы в регионах скатываемся на уровень самостийных организаций и они своей активностью начинают забивать нас. Поставить себя на голову выше конкурентов, доказать свою значимость в дне сегодняшнем, а не только утверждением принадлежности к истории СП России — обязанность и долг перед будущим. Почему позволяем говорить о себе на одном уровне с иными организациями? Да, чиновники тяготеют к любимчикам. Но им тоже надо время от времени ставить галочки за свою деятельность — так пусть они ждут от нас идеи, тщательно проработанные проекты. Вспомним недавнюю историю: компартия в 1991 году проиграла, потому что в ее рядах не оказалось нужного количества настоящих бойцов, гвардии. А все потому, что КПСС наполнили люди, отвыкшие от борьбы и умения отстаивать свою точку зрения. Родилась целая плеяда приспособленцев, уверенных, что им все и так достанется по должности. Они утратили движение вперед, разучились отстаивать свое мнение, говорить с людьми, учитывать ситуацию текущего дня… Точно так же членский билет СП России предполагает работу, а не почивание на лаврах. Хотя трудности в преодолении ватной стены понимаю, наш секретариат сам испытывает как давление, так и попытки не замечать нас как таковых.

— Третий вопрос, Николай Федорович. Возможные сроки исполнения идеи…

— В конце августа планируется первое заседание Рабочей группы. Проговаривается возможность завершить основной процесс формирования, создания АПР уже в этом году. Это не самоцель, но тем не менее ориентир. Подчеркну лишь, что вхождение в любые новые объединения у нас по Уставу возможно только по решению Пленума, нашего коллективного органа управления. И организаторы процесса это понимают и с уважением относятся к данному требованию нашего Устава. Поэтому чем больше вопросов мы спокойно проговорим в своем предварительном обсуждении сейчас, тем легче членам правления станет выносить окончательный вердикт. Жизнь не стоит на месте. Она заставляет реагировать на все новые и новые ситуации. Легче всего ни на что не надеяться и потому ничего не делать — но тогда важные для литературы решения примут без нас и по поводу нас. Вот поэтому мы находимся сейчас внутри такого политического процесса, как создание АПР, а не наблюдаем за ним со стороны. В этом нам помогает и опыт питерских коллег. Четыре года назад наше региональное отделение (Б. Орлов) совместно с параллельным Санкт-Петербургским

городским отделением писателей создали Автономную некоммерческую организацию (АНО) «Книжная лавка писателя» (видимо, не случайно и у нас сейчас работа идет на базе именно Книжного союза). Питерцы благоразумно ввели в правление представителя от Смольного, и теперь напрямую решают с городской властью все вопросы, связанные с тем же издательским делом. При обоюдном согласии двух организаций и обоюдному удовлетворению как писателей, так и власти, обретшей точку «сборки». Издание 20 книг в год — поди плохо, да еще с возможностью распространения их через «Метропресс». У питерской АНО утвержден свой Устав, избраны Рабочее правление и Общественный наблюдательный совет, и пока никто ниоткуда не бежит. Так что определенный объединительный опыт есть, и он на примере северной столицы весьма положителен.

То есть, я рад нашему состоявшемуся разговору на самом старте проекта. Он показывает неравнодушие писателей к своему творческому Союзу. А это дорогого стоит. И пусть одни более эмоциональны в своих комментариях, другие выступают с позиций взвешенных, третьи размахивают лозунгом «все пропало», четвертые выражают доверие руководству СП,— но мы все, такие разные, храним авторитет Союза и желаем ему стойкости и процветания. Меня в этой ситуации меньше всего интересует, почему в других творческих союзах о создании АПР вообще молчат. Это их позиция. Мы же сильны не только любовью к Отечеству и к родной литературе, к художественному слову, но и открытостью и возможностью высказать свою точку зрения. Будем дорожить этим и дальше. А СП России к диалогу открыт.

Беседу вел гл. редактор «РП» Николай ДОРОШЕНКО

* * *

В первом номере журнала «Пять стихий» (Горловка, ДНР) за 2020 год представлено творчество авторов Донбасса, членов Союза писателей России Ивана Нечипорука, Елизаветы Хаплановой, Александра Товберга и многих других. В разделе «Союзники» опубликованы председатель Союза писателей России Николай Иванов и секретари СПР Николай Переяслов и Алексей Полубота.

РУССКОЕ СЛОВО — РУССКОМУ ПОЭТУ

2 октября, в канун 125-летия со дня рождения С. А. Есенина, Союз писателей России провел на Есенинском бульваре у памятника поэту день памяти великого сына России.

На Есенинском бульваре звучали стихи о Есенине и о России. Поэты из Москвы, Благовещенска, Хабаровска, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Ангарска, Воронежа, Орла, Подмосковья, Барнаула, Тюмени, Казахстана приехали к памятнику поэта, чтобы выразить ему свое поэтическое восхищение

Писатели России возложили цветы к памятнику, поблагодарили управу района Кузьминки за сохранение памяти о поэте. Заре Валиевой (Цхинвал) и Анастасии Кобозевой были вручены билеты членов Союза писателей России. Владимир Бояринов, Людмила Щипахина, Валентина Коростелева (Балашиха), Нина Дьякова (Благовещенск), Елена Питиеляйнен (Петрозаводск) были награждены памятной медалью «Сергей Есенин». 3 октября делегация Союза при содействии оренбургского поэта Алексея Унщикова выезжает на малую родину Есенина — в село Константиново, где совместно с рязанскими поэтами поклонится родным местам Сергея Александровича.

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Юбилей альманаха «Ковчег»

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» поздравляет редакционный совет и авторов альманаха с выходом в этом году его десятого, юбилейного выпуска и желает «Ковчегу» дальнейшего успешного похода!

Вышла в свет книга Вадимира Трусова

В. Трусов. «Иронический оптимизм сожаления. Тетралогия Алексея Яшина», художественно-публицистическая повесть. Академия РЛ, ЛС «Новые Витражи», 2020.

Валерий Савостьянов — победитель двух Крымских Международных литературных фестивалей

С 19 по 24 августа 2020 года в Алуште состоялся Шестой международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон». Он проходил как в очном, так и в заочном режиме.

С 24 по 30 августа 2020 года в Щелкино планировался, ставший уже традиционным, международный литературный фестиваль «Славянские традиции». И он состоялся, несмотря на всем известные вынужденные ограничения, но в основном в режиме онлайн.

Поэт Валерий Савостьянов, представляя на этих фестивалях Тулу и Тульскую область, стал победителем сразу двух этих престижных международных фестивалей:

1. «Интеллигентный сезон — 2020» в номинации «Наследникам Победы правду донести»;

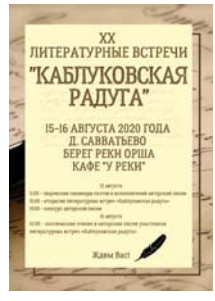
2. «Славянские традиции — 2020» в номинации «Поэзия: свободная тематика».

Кроме того, на «Славянских традициях» Валерий Савостьянов стал лауреатом и еще в двух других номинациях: в номинации «Стихотворение о Великой Отечественной войне» — второе место, и в номинации «Стихотворение о Чехии и Праге» — третье место.

Подробнее с информацией об этом — а именно: с итогами фестивалей, с отзывами о них, с авторской подборкой конкурсных стихотворений, с чтением самим автором его конкурсных стихов, и т.д. — можно познакомиться на его странице в фейсбуке, а также в ютубе.

В дальнейшем планируются публикации стихотворений Валерия Савостьянова, как одного из победителей этих фестивалей, в итоговых сборниках фестивалей «Интеллигентный сезон —2020» и «ЛитЭра».

Валерий Савостьянов — дипломант XX-го Юбилейного литературного фестиваля «Каблуковская радуга» http://kalinin-adm.ru/news/4166



Две книги Николая Макарова

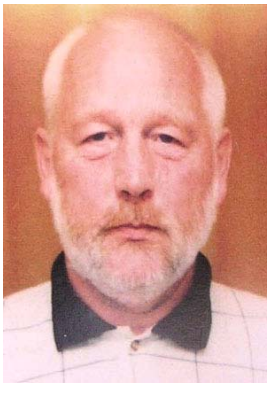
В Туле к 90-летию воздушно-десантных войск (2 августа 2020 года) вышла в свет книга члена Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана Николая Макарова «Десантники Тульского края и 106-й гвардейской воздушно-десантной тульской дивизии».

И накануне Дня Военно-Морского Флота РФ (26 июля 2020 года) — «Моряки Тульского края»

Людмила Воробьева (г. Минск):

Высылаю Вам пару фото, это я была на конференции — Чеховские чтения — Белая дача Антона Павловича в Ялте. Представляла фрагмент статьи, в частности, блок о поэте Анатолии Аврутине в контексте современной чеховской традиции.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ



Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» поздравляют главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина, ставшего лауреатом православной литературной премии им. святителя Макария, митрополита Алтайского за литературно-философскую дилогию «Апология христианства» и «Апология человека» (с содержанием книг можно познакомиться на нашем сайте http://www.pz.tula.ru).

Редкая фотография Сталина

Здесь он совсем другой — таким его, пожалуй, мало кто видел. Снимок «Комсомольской правды».

На этой фотографии видно, какая тяжесть — власть. Благодаря этому человеку, Россия от сохи достигла космических просторов за короткий исторический период. Запрет абортов, высокий рост демографии, победа в ужасной войне...

Поздравления главному редактору журнала Алексею Яшину, ставшему лауреатом православной литературной премии им. святителя Макария, митрополита Алтайского, и зам. гл. редактора Якову Шафрану с награждением медалью «Анна Ахматова. 130 лет»

Уважаемая редакция журнала «Приокские зори»! Искренне поздравляю Алексея Яшина и Якова Шафрана с высокими наградами.

Нина Гаврикова, г. Сокол Вологодской области

Примите искренние поздравления и пожелание новых творческих побед!

С уважением, Надежда Лисогорская, г. Москва

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Сердечно поздравляю Вас с высокой творческой наградой — православной литературной премией им. святителя Макария, митрополита Алтайского. От чистого сердца желаю доброго здоровья, крепости духа, неиссякаемого вдохновения, радости творческого труда, новых творческих взлётов!

С глубоким уважением к Вам автор журнала «Приокские зори»
Пётр Любестовский, г. Сельцо, Брянская область

Уважаемый Яков Наумович! Сердечно поздравляю Вас в связи с награждением медалью «Анна Ахматова. 130 лет», как номинанта литературной премии «Поэт года» 2019! От всей души желаю доброго здоровья, поэтического вдохновения, новых творческих побед и свершений!

Искренне Ваш Пётр Любестовский

От души поздравляем, уважаемый Алексей Афанасьевич, с такой высокой наградой! Дальнейших успехов на литературном поприще!

С уважением, редколлегия альманаха «Тарские ворота», г. Омск

От души поздравляем наших коллег и редакторов с заслуженными наградами!

С уважением, Николай Тютюнник,
г. Каменское Днепропетровской области, Украина

Поздравляю ЯШИНА и ШАФРАНА с высокими наградами! Желаю здоровья и вдохновения!

Николай Еремин

Дорогой Алексей Афанасьевич, добрый день! Поздравляем Вас с премией. Это, действительно, заслуженная награда! Рады, что Ваши глубокие философские размышления оценены по достоинству. Есть всё-таки справедливость.

Ольга и Наталья Артёмовы

Яков Наумович! От всей души поздравляю Вас с наградой!

Искренне Ваш, Олег Севрюков

Дорогой Алексей Афанасьевич! Примите мои искренние поздравления по случаю награждения Вас и вашего коллеги Якова Шафрана столь высокими литературными наградами. Новых вам творческих горизонтов, здоровья, успехов в начинаниях, удачи в выпуске журнала «Приокские зори»! Рад за Вас! Продолжаем сотрудничество и держим связь!

С уважением, Зайцев Олег Николаевич,
председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь»

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) поля файла обычные;

2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;

3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);

2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его ещениже, левее фотографии, выравнивание по левому краю(шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru — секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой.

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

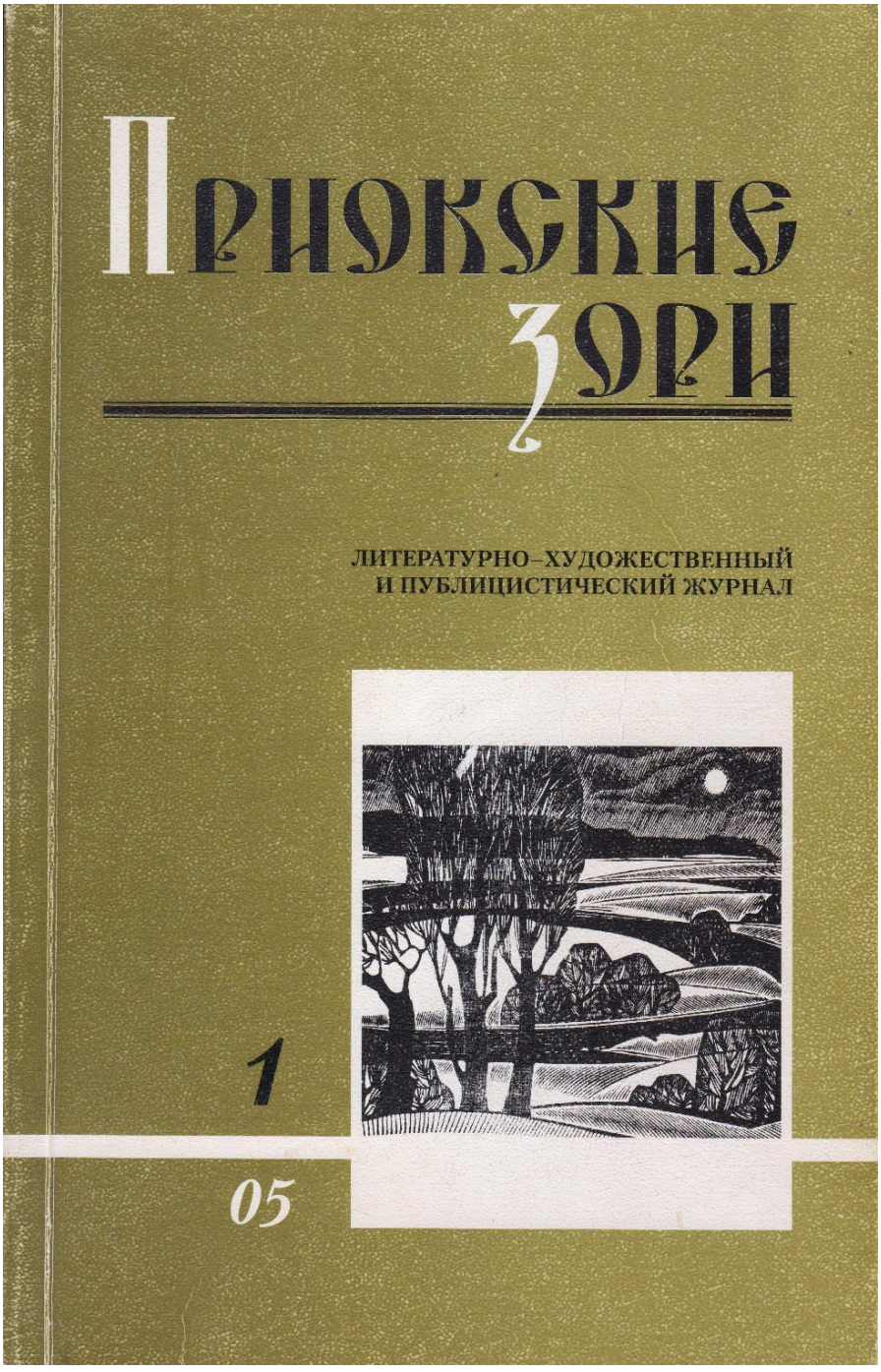
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2020
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

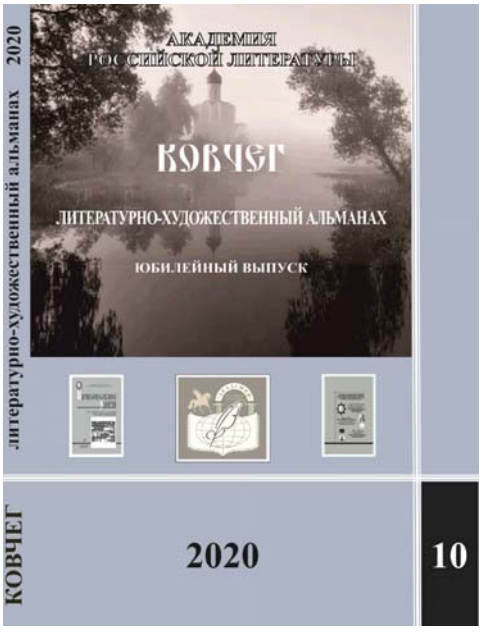
Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

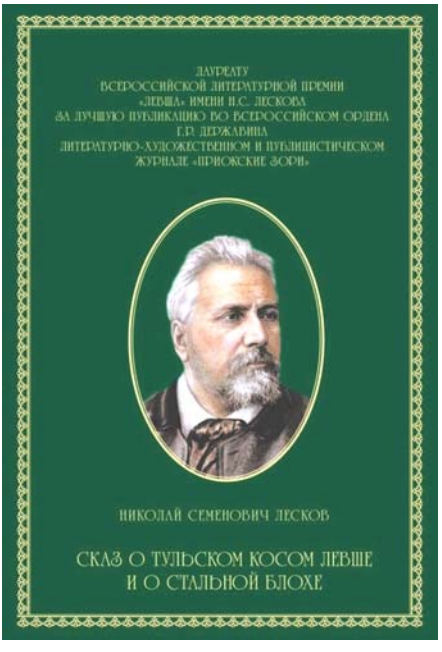
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ С НАЧАЛА ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»



Обложка первого (пробного) выпуска журнала «Приокские зори», вышедшего в декабре 2005 года

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ С НАЧАЛА ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»





Современная инфраструктура журнала «Приокские зори»: его альманахи «Ковчег», «На лирической волне», «Тульская сторонка»; подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова — для лауреатов одноименной всероссийской литературной премии